МИХ. СОНКИН

ЛЕНИЗДАТ · 1972

Из хроники Семьдесят пятой комнаты Смольного

МИХ. СОНКИН

Выстрел на Фонтанке

Петроград, первые дни и месяцы революции... Этому великому и трудному времени посвящена документальная повесть «Выстрел на Фонтанке». В ней — широкая картина напряженной жизни тогдашнего Петрограда.

В центре повествования — героические дела красных контрразведчиков, предшественников чекистов и самих чекистов, ликвидировавших ряд крупных заговоров белогвардейского, правоэсеровского подполья, террористических организаций.

1—6—4

Глава первая

Товарищи из Семьдесят пятой

I

Трамвай пересек Троицкий мост, обошел памятник Суворову и покатил вдоль Марсова поля.

Было раннее утро, с октябрьской изморосью, низким бесцветным небом и слякотной землей.

Вагонные окна запотели от дыхания набившихся в трамвай людей, от промокшей их одежды. Ехали полусонные солдаты, степенные чиновники, парни в замасленных тужурках, торговки с корзинами, гимназисты с наплечными сумками. И двое молчаливых матросов. И портупей-юнкер, рослый, выхоленный, не по годам полный, привлекавший всеобщее внимание: на его шинели были два креста Георгия и знак французского Почетного легиона. Перед юнкером на скамейке сидела дама в модной шляпке и светлых лайковых перчатках. С нею был молодой господин в котелке — не то переодетый офицер, не то штатский кавалер.

В углу дремал человек лет сорока, бородатый, в пенсне, в мягкой серой шляпе и легком пальто. Кто-то задел его. Пассажир огляделся, вынул из кармана «Вестник Временного правительства» и заскользил глазами... «Назначения»... «Увольнения»... Стра-

ницы правительственного вестника были так же серы и скучны, как это осеннее утро. И вдруг: «От Главного Управления Генерального штаба». Подпись: «Начальник Генерального штаба генерал-майор В. Марушевский»... Да, тот самый... Вспомнилась комната редакции «Военной энциклопедии», книжные шкафы, обложки: «Пешая разведка», «Лекции по тактике пехоты, читанные в Императорской военной академии», «Управление войсками на театре войны»... Это были книги Марушевского. Об авторе их тогда говорили, что он человек расчетливого ума и редкой хватки. Его заметили в Генеральном штабе. Он стал служить в русских военных миссиях за границей. А совсем недавно, месяц назад, когда раскрылся заговор Корнилова, сам Керенский призвал Марушевского на пост начальника Генерального штаба.

О чем же соизволил поведать ученый генерал? Ах, да, кроме прочего, он еще и шеф военной охранки... «Темные германские силы работают внутри нашего отечества»... Дальше знакомое: цепкие щупальца, чудовище, внутренние агенты... «Известные лица» распространяют «идеи интернационального социализма, истощают нравственные силы населения», «разрушают армию», «ведут пропаганду мира во что бы то ни стало»... Россия в опасности!.. Контрразведка, конечно, исполняет свой долг. Но она нуждается в поддержке. Между тем многие, помня кошмары царской охранки, недоверчиво относятся и к «республиканской» контрразведке. Население должно усвоить разницу... Для борьбы с противоправительственной подпольной армией «нужны тысячи глаз и тысячи ушей»... «Я призываю всех следить за подозрительными лицами, замечать странные, не поддающиеся простому объяснению явления и сообщать замечаемое властям».

Бородатый человек в пенсне перевернул страницу, делая вид, что его интересуют отчеты банков и объявления нотариусов: он ведь «приезжий коммерсант Владимир Иванович Муромский». К тому же человек благонадежный. Его карманы набиты газетами «Биржевой курьер», «Банковая и торговая газета», «Вестник финансов, промышленности и торговли»...

Даже самые глазастые и ушастые люди Марушевского, увидев, что́ читает господин в пенсне, вряд ли заподозрили бы его в чем-либо предосудительном.

Рядом с оповещением Марушевского в газетах в тот день можно было прочесть и такое:

«Большевики готовят выступление...»

«На заводах ждут какие-то секретные пакеты...»

«Многие признаки указывают на то, что скрывающийся Ульянов (Ленин) вновь объявился в Петрограде...»

«Будут резать, господа!» — каркал черносотенный «Трибун» Пуришкевича. И вопрошал: «Чего же вы ждете, господин министр-председатель?»

Слухи, догадки, кривотолки... Они объяснили и то, почему шеф генштабовской военной охранки решил самолично подогреть приостывшую травлю июльских дней...

...В конце Марсова поля трамвай остановился, принял пассажиров и снова пошел, свернув к Конюшенной площади.

Теперь в вагоне перед господином в котелке оказался солдат в промокшей шинели, без пояса, в шапке без кокарды. Одной рукой он держался за поручни, другой опирался на костыль.

Неожиданное соседство, обнаруженное господином в котелке, не вызвало у него восторга. Он отвернулся к даме, делая вид, что занят только ею. Но оконная сырость плохо повлияла на самочувствие господина. Он кашлянул. Солдат, ухмыльнувшись, чихнул и, чтобы еще более раздразнить молодого кавалера, деланно крякнул, засопел и в довершение прошелся ладонью по шумному носу. Дама в шляпке опустила глаза. Кавалер бросил солдату:

— На конюшне, что ли?

— Не нравится — бери извозчика, — насмешливо отозвался солдат. Но в то же мгновенье его обожгла обида: он, на костыле, стоит, а здоровенный молодой барин — сидит. И крикнул: — А ну, вставай!

Господин отвернулся и вызывающе, на виду, стал что-то счищать с плеча — там, где его коснулась рука солдата.

— Ах ты буржуй! — еще круче вскипел солдат. — По-твоему, нижний чин — зараза! Да я все фронты прошел. За тебя, подлеца, воевал!

Дама забеспокоилась.

— Николь! — она взяла кавалера за руку. — Оставь его. Разве не видишь. Он тебе и в лицо плюнет.

— Зачем плевать... Буржуям за такое надо в морду! — вмешался высоченный матрос, худой, с белесыми бровями. До этого он молча держался за петли ремней, свисавших с перекладины.

— Большевик! — взвизгнул господин в котелке. И на весь вагон: — Полюбуйтесь... Вот кто собирается вершить судьбами России!

Солдат махнул рукой, стал продвигаться вперед.

Высокий матрос тем временем вплотную придвинулся к господину:

— А ну, вставай!

Вмешался другой матрос, плотный, усатый; успокоительно дернул товарища за рукав:

— Ты что?

Человек в пенсне, который мало что видел из-за стоявших перед ним пассажиров, только теперь догадался о причине скандала. Он поднялся, уступая место увечному. Но это сейчас же обернулось против него.

— Вот, вот! Хамы выворачивают Россию наизнанку, а мы покорно склоняем головы! — зло процедил господин в котелке.

Пассажир в пенсне не без труда овладел собой. Примирительно сказал:

— Будьте благоразумны. Не такое сейчас время, чтобы вас поддержали. Тем более здесь... — Кивком головы он показал на сгрудившихся солдат, рабочих парней, на высоченного матроса, сдержать которого, казалось, было уже невозможно.

Тот схватил господина за отворот пальто и закричал кондуктору:

— Эй, товарищ! Останови! А то я этого пшюта под колеса!..

— Не смейте! — вскрикнула дама. — Господа, неужели позволите? — Она растерянно заметалась.

А высокий матрос все толкал «пшюта» к выходу:

— Ах ты контра!

Портупей-юнкер, до того молчавший, вдруг парадно козырнул даме:

— Можете на меня рассчитывать.

Кто знает, чем бы все кончилось, если бы не подоспел усатый матрос.

— Граждане! — пробасил он во весь голос. — Самосуд не есть средство революционной борьбы. Прошу соблюдать спокойствие! — Сам начал дергать за шнур, сигналя вагоновожатому.

Трамвай стал замедлять ход.

— Вы оскорбили гражданина солдата. Извольте принести извинение!

«Пшют», не оглядываясь, поспешил к выходу. За ним последовали дама и портупей-юнкер.

Человек в пенсне сошел на следующей остановке. Трамвай, громыхая, покатил дальше по сумеречным питерским улицам, где сырая прохлада пропитала все пространство от слякотной земли до бесцветного неба. Трамвай, как ноев ковчег с «чистыми» и «нечистыми», как корабль, плывущий морем, уже ожидающим штормовую волну.

2

МИНИСТЕРСТВО
ЮСТИЦИИ

Первый департамент
Первое
Уголовное Отделение
Октября 18 дня 1917 г.

Прокурору Петроградской
судебной палаты

Поручаю Вам принять меры к безотлагательиому исполиенню постановлеиня следственной властн об аресте Ульянова (Ленина) по делу об органнзацин вооружеиного выступления в Петрограде 3—5 нюля 1917 года протнв государственной властн.

О последующем Вы нмеете донести.

Мнинстр юстнцин Маляитовнч П. Н.

В тот же день командующий войсками Петроградского округа полковник Полковников получил приказ использовать воинские подразделения для розыска и задержания «государственного преступника».

Двери кабинета Марушевского были высокие, из черного дуба, инкрустированные карельской березой. В приемной, у окна, за столом, сидел красавец адъютант, с накрахмаленными манжетами, видневшимися из рукавов форменного кителя. Адъютант распоряжался в приемной с шиком столичного штабного служаки. Когда входил генерал или полковник, адъютант

вскакивал, щелкал шпорами и застывал в почтительном полупоклоне. Если о Марушевском осведомлялись чины рангом пониже, адъютантовы шпоры оставались в покое, поклона тоже не было. Пришедшему снисходительно объявлялось, что надлежит ждать:

— Господин генерал занят.

Портупей-юнкер, робко вошедший в приемную, был остановлен, допрошен («Откуда? Зачем?»), лишь после этого он услышал холодное: «Садитесь». Адъютант указал на стул в самом углу.

Ожидая, юнкер то рассматривал висевшие по стенам портреты предшественников Марушевского, то останавливал взгляд на адъютанте, пытаясь угадать, каким же образом он даст знать ему, юнкеру, что позволено перешагнуть заветный порог.

Юнкеру показалось, что из кабинета Марушевского ушли наконец все, кто туда входил. Вот-вот адъютант кивнет головой. Но случилось другое. Именно с этой минуты адъютант стал останавливать всех, даже генералов, то объясняя, то объявляя, что начальник Генерального штаба занят и никто не вправе его беспокоить.

Дверь открылась полчаса спустя. И тогда юнкер увидел, что выходит какой-то штатский — невысокий, с ранними сединами, с глазами настороженными. Проходя, он взглянул на адъютанта, потом на наградные знаки юнкера, ничего не сказал, выпятил грудь и, глядя теперь только вперед, скрылся за дверью.

В кабинете Марушевского юнкер отрапортовал с тем особенным старанием и умением, какое могло отличать сына генерала, сызмальства видевшего, как это делают.

Начальник Генерального штаба, высокий, располневший, с бледноватым лицом кабинетного военного, причесанный и надушенный, выслушал рапорт, улыбнулся и, подойдя к юнкеру, по-мужски обнял его.

...Несколько минут спустя Марушевский говорил:

— Я вызвал вас с фронта, чтобы вы могли окончить учебу и получить офицерский чин. Но, друг мой, обстоятельства изменились. Я верю в вас, и, надеюсь, вы поймете...

Генерал предупредил, что их разговор должен остаться тайной.

Портупей-юнкер вышел из Главного штаба с предписанием Марушевского: ехать на Кубань в Новочеркасское кавалерийское училище. Но, имея такую бумагу, юнкер почему-то отправился не на вокзал, а к Литейному мосту. Не доходя до моста, свернул на Воскресенскую набережную и в ранних сумерках, сквозь пелену все еще моросящего дождя, на углу большого каменного дома разглядел табличку с номером 28.

В подъезде его ожидал хмурый прапорщик с черными бакенбардами и щегольски закрученными усами. Прапорщик переспросил фамилию юнкера и повел его по длинному коридору. В конце открыл дверь, обитую войлоком и кожей, затем еще такую же дверь и, постучавшись, доложил с порога:

— Господин начальник, к вам от генерала Марушевского...

Отстранился, пропуская вперед юнкера.

В кабинете за столом сидел подполковник, невысокий, с ранними сединами. Лицо его показалось знакомым. Всмотревшись, юнкер понял, что перед ним тот, кто несколько часов назад, в штатском, выходил из кабинета Марушевского...

В февральские дни семнадцатого года, когда в столице Российской империи топорами и кувалдами сбивали бронзовых и иных двуглавых орлов, когда горели полицейские участки, — огнем пожарища был объят и зловещий дом на Фонтанке. В пору Николая Романова тот дом питерцы обходили стороной. Там была царская охранка. Там жандармы и шпики вели политический сыск. Оттуда для многих и многих начинались дороги в Сибирь, на каторгу, на прижизненное погребение в железных казематах.

В пламени на Фонтанке восставший народ сжигал то прошлое, которое — он так надеялся — никогда не возродится.

Но улеглась февральская буря, и новые правители России стали выказывать свой подлинный лик и свои замыслы.

В потоке приказов с объявлением для солдат «свобод» и «гражданского равенства» военный министр Гучков как бы между прочим уведомил: создана

военная контрразведывательная служба. Разумеется, «новая», разумеется, «для борьбы с неприятельскими шпионами, проникающими в Россию самым дьявольским образом». В мае военным министром стал Керенский. Он счел нужным разъяснить: военная контрразведка — это «особые секретные учреждения», которые призваны вылавливать шпионов армий немецких, турецких, австро-венгерских... «Не смешивайте, — взывал Керенский к солдатам, — служащих контрразведывательных отделений с агентами политического сыска старого режима». Нынешние, «новые», «несут тяжелый труд», стоят на защите «свободной России». Министр требовал, чтобы солдаты доброжелательно относились к «ответственной, сложной задаче опытных в своем деле чинов контрразведки», оказывали им «полное содействие».

Ограждать армию и тыл от неприятельских лазутчиков — кто мог не понимать важности этого?! Но настораживало другое.

Большевики из Петроградского Совета, заинтересовавшись, кто же служит в генштабовской контрразведке, с удивлением узнали: здесь «кишит жандармами» — полковник князь Туркестанов, подполковник Дурново, ротмистр Пахомов... «Управление контрразведки штаба Петроградского военного округа также обслуживается рядом лиц, принятых на службу из бывшего охранного отделения...»

И все отчетливее вырисовывалось, что «новая» военная контрразведка становится в руках Временного правительства учреждением политического сыска, военной охранкой, подобно той, что была на Фонтанке, 16.

Июльские события дали этому подтверждения.

3—4 июля на улицы Питера вышли сотни тысяч рабочих и солдат. Они требовали кончать с войной. Они несли лозунги: «Хлеба! Свободы!», «Долой министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!». Они шли, чтобы заявить Временному правительству и «демократам» в Таврическом (эсеро-меньшевистский ЦИК Советов) о насущных требованиях масс, революции. Но в Мариинском дворце, где тогда находилась резиденция Временного правительства, и в Таврическом стихийное выступление рабочих и солдат назвали бунтом. Из штаба Петроградского военного округа на Дворцо-

вой площади, куда под охрану казаков и юнкеров сбежались перепуганные министры, последовал приказ: «Восстановить порядок!» Это означало: «Стрелять!» И на Литейном проспекте, на Невском, на Садовой стреляли — казаки, юнкера, черносотенно-буржуазные молодчики. Около семисот манифестантов стали жертвами организованного палачества.

Контрреволюция перешла в наступление по всему фронту. При этом главные силы реакции — военная клика, черносотенные последыши, ЦК партии кадетов — получили полную поддержку не только крупной буржуазии, но и лидеров «социалистических» партий. Министр труда меньшевик Скобелев, один из предводителей эсеров член ЦИК Гоц, председатель Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов эсер Авксентьев вошли в комиссию, созданную Временным правительством для руководства карательными действиями в Петрограде. Был разработан обширный план «усмирений». Он предусматривал, прежде всего, разгромить партию большевиков — наиболее опасную для буржуа «оппозицию слева»; разгромить руководящие органы революционной партии, газеты, разоружить рабочую Красную гвардию...

Но как это сделать? Авторитет Ленина и большевиков был огромен. И тогда Временное правительство решилось на самый гнусный подлог.

4 июля военный министр Керенский, получив донесения о событиях в Петрограде (Керенский находился на фронте), прислал в столицу премьеру Временного правительства князю Львову шифрованную телеграмму, требуя: во-первых, «прекращения всяких дальнейших выступлений (рабочих и солдат. — *М. С.*) вооруженной силой»; во-вторых, «ускорить опубликование сведений, имеющихся в руках министра иностранных дел». Керенский повторил это и в разговоре по прямому проводу со своим заместителем в Петрограде полковником Якубовичем: «Настаивайте от моего имени на немедленном использовании материала Терещенко».

Какой же «материал Терещенко», министра иностранных дел, имелся в виду?

В то время в контрразведке Генштаба, возглавляемого генералом Романовским, была сфабрикована

целая серия фальшивок, в том числе «показания» некоего Ермоленко. Тот уверял, что ему доподлинно известны «связи Ленина с немецким генеральным штабом», что «Ленин — агент Германии», что «Ленину поручено (конечно, немцами! — *М. С.*) стремиться всеми силами к подорванию доверия русского народа к Временному правительству», что за это Ленину, конечно, платят миллионы... Для подкрепления столь дикой версии были сфабрикованы и другие фальшивки. Об этом позаботился Терещенко. У него «нашлись» бумаги, которые якобы указывали на перевод крупных сумм из-за границы в адрес близких Ленину лиц, на обмен телеграммами политического и финансового характера «между германскими агентами и большевистскими лидерами».

Требования Керенского были немедленно исполнены. Это сделали генштабовская контрразведка, подчиненная военному министру, и члены правительства — коллеги Керенского. При этом операцию по использованию генштабовских фальшивок в столице разыграли, как в провинциальной драме.

Во второй половине дня 4 июля «люди» Романовского — Керенского извлекли из секретных сейфов свои «документы» и стали решать, как предать их гласности. (Конечно, на предмет «разъяснения» того, что «истинно происходит в столице» и кто «виноват в происходящем».) Опубликовать документы за своей подписью контрразведчики — так они потом уверяли — не решались потому, что «не нашли свои имена достаточно авторитетными». Тогда вспомнили о двух «общественных деятелях»: бывшем члене Государственной думы журналисте Алексинском и господине Панкратове. Вспомнили по той простой причине, что Алексинский и ранее уже оказывал услуги контрразведке.

Дальше был вызван броневик, и на том броневике («чтобы не напали большевики»), при карауле юнкеров и преображенцев, «документы» контрразведки доставили в штаб Петроградского военного округа. Там в то время продолжали заседать члены Временного правительства. Туда же экстренно вызвали Алексинского и Панкратова. Кроме контрразведчиков, с ними говорил министр юстиции Переверзев.

Алексинский старательно трудился весь вечер и всю ночь. В шестом часу утра 5 июля, допив чашку кофе, он объявил работодателям, что сочинение готово...

И снова загудел броневик. Теперь он повез сочинение Алексинского в бюро печати Временного правительства. Но первым фальшивки со своими инсинуациями опубликовал сам Алексинский в бульварной газетке «Живое слово». Листок этот вышел вечером 5 июля. Он содержал прямые призывы к расправе над Лениным.

Фальшивки генштабовской контрразведки, в том числе и те, что находились на руках у Терещенко, были сработаны так грубо, так дико-нелепо, что провокаторский смысл их выпирал из каждой строки. Тем не менее Временное правительство пустило их в оборот. Для разжигания самой гнусной травли против большевиков. Дабы поднять «ярость войск» (казаков, юнкеров) против партии большевиков, против Ленина. Дабы разжечь низменные страсти черных сотен буржуазии и всяких подонков общества.

Вечером 6 июля Керенский возвратился в Петроград. Он не преминул приложить свою руку к делу «водворения порядка в столице». Он поторопился к берегам Невы и для того, чтобы окончить разразившийся еще 2 июля очередной министерский кризис. Переформирование кабинета завершилось к утру 7 июля. Главой Временного правительства стал Керенский. И первое, что он сделал, — отдал приказ об аресте Ленина и других большевиков...

И все пришло в движение...

Вечером 7 июля на квартире Елизаровых по Широкой улице, где жил Владимир Ильич, появился начальник контрразведки Петроградского военного округа, его помощник и чины в штатском. Шпики военной охранки переворошили все, что было в квартире. И очень огорчились, не застав самого Ленина. На вопрос, обращенный к «госпоже Ульяновой» (так в протоколе сказано о Надежде Константиновне Крупской), где находится ее муж, чины контрразведки получили ответ: Владимир Ильич Ленин (Ульянов) еще утром 5 июля ушел на заседание в Таврический дворец и с тех пор не возвращался...

Начальник контрразведки уехал. Но всю ночь перед квартирой Елизаровых вертелись шпики...

Командующий Петроградским военным округом генерал Половцев рассылал по Питеру своих людей с приказом разыскать Ленина. Те, однако, тоже возвращались с огорчительными для генерала докладами.

...В августе поиски Ленина продолжались. Генштабовская контрразведка и ее филиал на Воскресенской набережной по-прежнему изо дня в день рассылали по Питеру и пригородам самых опытных своих шпиков. Были привлечены и филеры царской охранки, и агенты уголовного розыска. Были созданы особые отряды добровольных сыщиков из буржуазных молодчиков и офицеров. Была обещана награда тому, кто хотя бы «наведет на след Ленина». Но тщетно! Владимир Ильич временами был, собственно, совсем рядом — в Разливе, в Ялкале под Териоками. Он продолжал работать для революции. Он был по-прежнему связан с партией, готовя ее к решающим боям. Но он оставался недосягаемым для сыщиков военной охранки.

В начале сентября генерал Романовский получил отставку. Его сменил Марушевский. Перемены произошли и на Воскресенской, 28, — в контрразведке штаба округа. Но преследование Ленина и большевиков не прекратилось. Когда стали угадываться грозовые зарницы Октября, Временное правительство в лице министра юстиции Малянтовича вновь повторило приказ: арестовать Ленина!

...Портупей-юнкер пробыл на Воскресенской, 28, недолго.

Говорил с ним начальник контрразведки штаба округа подполковник Сурнин.

Назавтра молодой георгиевец снова побывал на Воскресенской. Теперь ему выдали мандат в картонном переплете. На левой стороне была фотография юнкера, поверх нее значился номер и была поставлена печать: «Контрразведывательный отдел штаба Петроградского округа». Справа типографским шрифтом было напечатано:

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НА ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

18 октября 1917 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего, личность которого изображена на фотографической карточке, снабженной казенной печатью, состоит на службе в штабе Петроградского военного округа на театре военных действий.

Городские и уездные комиссариаты и милиции, правительственные, военные и общественные учреждения и лица, при обращении к ним, обязаны оказывать законное содействие.

Настоящее удостоверение имеет силу по 1 января 1918 г.

Начальник штаба округа
генерал-майор Багратуни.

Фамилия юнкера в мандате названа не была. Вместо нее поверх фотографии стояло: «№ 126».

С Воскресенской набережной новый агент контрразведки поехал на Петроградскую сторону. Он пересек Троицкий мост и скоро вошел в бывший особняк Кшесинской. Там доложил:

— Прибыл в распоряжение штаб-ротмистра Стуканцева!

3

Приезжий коммерсант Владимир Иванович Муромский колесил по Петрограду весь день. Вечером он приехал в Смольный к Якову Михайловичу Свердлову и рассказал, где и сколько квартир снял за день, сколько паспортов и на чьи фамилии ему удалось раздобыть.

Вскоре Муромский ушел. И никто, кроме Свердлова и секретаря ЦК большевиков Елены Стасовой, тогда еще не знал настоящей фамилии «приезжего коммерсанта».

4

Штаб-ротмистр Стуканцев был личностью в некотором роде известной.

...В Народном доме графини Паниной — именитая публика: правительственные чиновники, журналисты, офицеры, дамы. На сцену большого зала вышла княгиня Нарышкина — в черном длинном платье, белом фартуке и белой косынке сестры милосердия.

— Господа, отечество в опасности, — сказала она тихим голосом лазаретной сиделки. —В опасности! — И задумалась...

Впрочем, все было заучено. Княгиня говорила об «угрозе слева», о «плотине, которую надо возвести против грозящего большевистского потока», о патриотах и инородных элементах... Исчерпав передовицу милюковской «Речи», княгиня перешла к другой теме... В столичных лазаретах излечиваются от фронтовых ран тысячи молодых офицеров и солдат. Среди них много георгиевцев. Они не раз на поле брани доказали свою верность долгу. Так пусть и теперь будет услышан клич отечества: «Снова в строй! Все под знамена добровольческих формирований!»

Княгине в косынке сестры милосердия кричали «браво». К ее ногам бросали цветы. Потом началось главное — наимоднейший, военного времени, аукцион... Оркестр от господина коменданта. Воинский наряд от командующего округом. Бело-зеленые кадетские плакатики от Милюкова. Расцвеченные бумажными гирляндами лотки. За лотками хозяйка дома — графиня Софья Владимировна, томная, сосредоточенная, многозначительная в каждом движении, член ЦК кадетов, товарищ министра государственного призрения (она была в строгом светло-сером костюме, на верхнем кармашке распластался бантик из зеленых и белых лент).

Рядом с Паниной торговала княгиня Нарышкина, высокая, горделивая, голубокровая:

— Три рубля за лик Павла Николаевича Милюкова!

— Два пятьдесят за портрет военного министра Александра Федоровича Керенского!

— Прошу, господа, прошу...

Торговали и сабельками для детишек, и оловянными солдатиками, и игрушечными аэропланами. Да не все ли равно чем торговать? Богатая публика благотворительствовала и платила трешки за трехгрошовые портреты да рубли за копеечных солдатиков. Потом публика вальсировала, пила в буфете горячительное и прохладительное, снова вальсировала и разъезжалась после полуночи.

На средства благотворительные и казенные весной 1917 года возник «Комитет увечных воинов». Во гла-

ве — княгиня Нарышкина. Комитету отвели несколько комнат в бывшей придворной Певческой капелле на Мойке, 20. Подсобные помещения превратили в казармы и начали формировать добровольческие отряды из офицеров и солдат, излеченных от ран.

Слово «добровольцы» уже звучало повсюду, в применении к самым различным формированиям. На Мойке, 20, рядом с комитетом Нарышкиной, помещался Всероссийский центральный комитет по организации добровольческой армии. Во главе его стоял миллионер-«благотворитель» князь Дмитрий Николаевич Шаховской, он же банкир, промышленник, один из рода Шаховских, которые владели не только банками, заводами, дворцами, поместьями, но и министерским портфелем в правительстве «республиканской» России (рядом с князем Львовым заседал кадет министр государственного призрения князь Дмитрий Иванович Шаховской).

Командиров для добровольческих отрядов подбирали из особо преданных офицеров. Так в бывшей Певческой капелле появился гусар поручик Владимир Стуканцев. До этого, на фронте, командуя казаками, отличился; в Петрограде был одарен вниманием княгини и получил назначение: «Начальник 2-го отряда добровольцев — увечных воинов».

...С вечера 3 июля и всю ночь на 4-е по притихшим улицам Петроградской стороны и Васильевского острова гулко цокали конские копыта. Это добровольцы Стуканцева останавливали подозрительных, хлестали нагайками солдат, застигнутых на улицах, врывались в дома, где светились поздние огни.

В ночь на 5 июля Стуканцев получил от контрразведчиков особое задание: ворваться в редакцию «Правды», захватить переписку и документы.

В шестом часу утра Стуканцев доложил:

— Исполнено!

В помещении «Правды» на Мойке, 32, остались исколотые штыками столы и стулья, окна с вышибленными стеклами, раскиданные по полу оттиски наборных гранок, разорванные подшивки газет, вдребезги разбитые чернильницы, сорванный со стены телефон...

Громилы Стуканцева вместе с отрядом юнкеров-владимирцев нагрянули в «Правду» всего лишь через полчаса после того, как из редакции ушел Ленин...

В ночь на 6 июля генерал Половцев двинул войска на особняк Кшесинской, где помещались Центральный и Петроградский комитеты и Бюро Военной организации большевиков. Действиями руководил специальный штаб с участием эсеров и меньшевиков. В числе осаждавших особняк Кшесинской был и отряд Стуканцева. Он состоял в распоряжении одного из руководителей штаба — эсера Гоца. Поручик работал в особняке Кшесинской так же старательно, как накануне в редакции «Правды».

В последующие дни Стуканцев тоже оставался в деле. Он искал «государственного преступника Ульянова», производил аресты бывших членов Военной организации большевиков. Он давал интервью репортерам черносотенных и кадетских газет. Стуканцев бахвалился. Он с упоением рассказывал, как «вылавливал ленинцев». Он позировал перед фотографами — здоровенный, мясистый, с какой-то бычьей упрямостью в глазах.

За «отличия» в июльские дни командующий округом произвел Стуканцева в штаб-ротмистры, а военная охранка стала платить ему наличными.

Сентябрь принес Стуканцеву новое продвижение по службе.

Продолжая тотальный поход против сил революции, Временное правительство усиленно формировало ударные батальоны и батальоны смерти. В них зачисляли фронтовиков-службистов, фанатиков, для которых бог и ротный командир были одинаково святы. Брали молодых офицеров, метивших в генералы и готовых стать русскими кавеньяками. Брали солдат-георгиевцев, брали сынков лавочников и городовых.

«Ударники», составлявшие гвардию контрреволюции, имели отличительные знаки: на рукавах шинелей — черепа из серебряного позумента. Под ними — скрещенные кости. Все это на черном бархате, окаймленном лавровым венком. На погонах — георгиевские ленты. На головах — железные каски, напоминавшие шлемы древних ратников.

В начале сентября Стуканцев счел, что его «партизаны» (так он теперь именовал своих добровольцев) достаточно подготовлены, чтобы пополнить ряды

«ударников». И обратился с рапортом на имя самого Керенского. Напомнил о себе — как «работал со своим отрядом в тревожные дни с 3 по 7 июля», как выполнял «под руководительством т. Гоца задачу занятия дома Кшесинской», просил, во-первых, пополнить отряд георгиевцами, во-вторых, удостоить чести именоваться Отдельным конным отрядом смерти.

Керенский удостоил. И даже приказал использовать отряд Стуканцева для охраны Зимнего и лично его персоны. Местом расквартирования отряда стал особняк Кшесинской.

...Таким был штаб-ротмистр, к которому вечером 18 октября прибыл портупей-юнкер, кавалер орденов Георгия и Почетного легиона.

5

Профессор Павел Николаевич Милюков, историк, публицист, глава кадетской партии, бывший министр иностранных дел Временного правительства, в начале октября совершал агитационное турне по южным губерниям России: приближались выборы в Учредительное собрание.

В Симферополе на лекции профессора преобладали земцы, думцы, юристы, врачи, лавочники. Лишь кое-где мелькали фигуры солдат и рабочих.

Изложив программу кадетской партии — «твердая власть и порядок», — Милюков позволил слушателям задавать вопросы.

— Господин профессор, считаете ли вы Корнилова изменником? — послышалось из передних рядов зала.

— Генерал Корнилов — патриот, понявший нужды России. Но его усилия были ложно истолкованы, и он стал затворником Быхова, — спокойно ответил Милюков.

В дальних рядах зала возник шумок. Вскоре, однако, он стих.

— Как бороться с большевиками?

— Правительство, если оно действительно правительство, должно знать, как поступают со смутьянами... Когда слова не действуют, применяют силу.

— Правильно! Только так! — поддержали из передних рядов.

— Руки коротки! — прогремел, как выстрел, одинокий голос.

Милюков сделал вид, что последнее он не расслышал.

— А Ленин, господин профессор, действительно шпион?

Зал насторожился.

Милюков задумался:

— Понимаете... Это, видимо, сложнее, чем пишут иные газеты. Господин Ульянов — фанатик. И, как таковой, он может и не побрезговать субсидией сомнительного свойства...

— Провокатор! — резанул голос с галерки.

— Господин профессор, вам кланяется Алексинский! — поддержал кто-то с той же галерки.

Думцы, земцы зашипели. Настроение господина профессора все же было испорчено. Милюков сошел с трибуны рассерженный.

18 октября глава кадетов выступал уже в Петрограде, в Мариинском дворце. На заседании Совета республики — предпарламента, образованного Керенским.

Профессор понимал, что это не симферопольская трибуна. И он говорил деликатнее:

— Интернационализм Ленина — продукт перегретой русской почвы. Ленин хочет заменить испытанное знамя демократии знаменем внепарламентского действия голодающих масс. Но нельзя физической силой сложить двери социального рая...

Здесь Милюкову аплодировали все. Он сорвал аплодисменты и тогда, когда обвинил эсера Керенского в нерешительности против большевиков, и тогда, когда потребовал от правительства действовать незамедлительно.

Тем временем в Зимнем дворце, куда с середины июля Керенский перенес свою резиденцию, министры проводили экстренное закрытое заседание.

— Необходимо действовать! — вторил Милюкову министр кадет Кишкин.

Выступали с речами министр юстиции Малянтович, военный министр Верховский.

Керенский метал громы и молнии:

— У нас есть силы. Их достаточно! Большевики будут раздавлены!

Командующий войсками округа полковник Полковников по выходе с заседания правительства, тут же, в Зимнем дворце, дал интервью репортерам:

— Меры уже намечены и будут проводиться с завтрашнего дня.

Тотчас последовали приказы Полковникова:

«...Ходят упорные слухи о предполагаемом выступлении на улицах Петрограда... Предупреждаю, что для подавления всякого рода попыток к нарушению порядка в столице мною будут приниматься самые крайние средства».

«...Каждая воинская часть должна в своем районе помогать органам городского самоуправления и милиции в охране государственных и общественных учреждений.

Организовать патрулирование...

Всех лиц, являющихся в казармы для агитации, задерживать, арестовывать... Вооруженные выступления подавлять беспощадно!»

6

ЛЕКЦИЯ т. КОЛЛОНТАЙ

В среду, 18 октября, в Мариинском дворце в Гельсингфорсе состоялась лекция Александры Коллонтай. Эта лекция собрала так много публики, что была опасность обвала на хорах в большом зале, который был битком набит товарищами солдатами, матросами и рабочими.

Товарищ Коллонтай была встречена дружными аплодисментами. Лекция продолжалась три часа. Между прочим, т. Коллонтай объяснила, почему тов. Ленин должен скрываться. После ее объяснений раздались дружные возгласы «Да здравствует Ленин!» и мощное «ура» в честь Ленина...

(Из газет)

...В Петрограде, в цирке «Модерн», выступал большевик Володарский:

— Не вызывает сомнений тот факт, что контрреволюция готовит новый корниловский заговор. И если возникнет прямая опасность, весь революционный Петроград — рабочий класс и гарнизон — ответит действиями, соответствующими моменту.

7

Когда Николай Маркин впервые пришел в Семьдесят пятую комнату Смольного, на стенах, на дверях, на подоконниках висели и кипами лежали театральные и клубные афиши:

Лучший русский боевик
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА
Историческая революционная картина в 4 частях
Участвует Черноморский флот.

Другие афиши звали на лекцию Луначарского «Пролетариат и культура», третьи обещали «демократический бал» с оркестром и танцами до трех часов утра.

Маркин был одним из первых, кто убирал эти афиши.

Склад культурно-просветительной секции Петроградского Совета переместили в первый этаж, а в Семьдесят пятой, на третьем этаже, обосновался Петроградский Военно-революционный комитет. И потянулся сюда народ из полков, флотских экипажей, с заводов, из районных Советов.

Еще мало кто знал, что Ленин снова в Питере, что по настоянию Ильича уже принято решение — восстание готовить незамедлительно. Но каждый, кто был близок к Смольному, угадывал: скоро!

Готовя восстание, требовал Владимир Ильич, — действовать по Марксу. По Марксу применительно к России, к Питеру, к октябрю 1917 года. Конкретно: создать решающий перевес сил над противником, наступать внезапно, одновременно извне и изнутри Петрограда, комбинировать удары всех трех главных сил российской революции: флота, рабочих и воинских частей Петроградского гарнизона — против главных сил контрреволюции: «буржуазной гвардии» (юнкера), «вандейских войск» (часть казачества и др.). Ленин требовал также выделить в особые отряды для занятия важнейших пунктов, для участия в наиболее ответственных операциях «*самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов)».

Лучшие, самые решительные, группировались сейчас вокруг Военно-революционного комитета. Боль-

шей частью это были солдаты, матросы и офицеры, давно связанные с Военной организацией большевиков. Они прошли испытания июльских дней, они получили боевое крещение в сентябре в борьбе с корниловщиной.

Маркин, приходя в Семьдесят пятую, то и дело встречал своих старых знакомых. Одного видел еще в июне в особняке Кшесинской, другого в Кронштадте на митинге, третьего на конспиративном совещании членов «Военки». Знакомые оказались и среди штатских — молодых рабочих парней, красногвардейцев, вместе с которыми он ходил на облавы против корниловцев.

Действовать наверняка! — первое требование революционного восстания.

Наверняка — значило все знать о противнике.

ЦК большевиков поручил Якову Михайловичу Свердлову, члену Военно-революционного центра, наблюдать за Временным правительством: узнавать, какие решения приняли министры, какие приказы издают подчиненные правительству генералы. В поле зрения Свердлова были политические и военно-стратегические замыслы и шаги противника.

То, что узнавал Яков Михайлович и что становилось известным по многим другим каналам, принималось в расчет, когда политический штаб восстания — ЦК большевиков — решал, где, когда и каким образом нанести удар.

Но успех восстания в немалой степени зависел и от знания частных фактов, без чего было бы трудно представить картину событий в целом. Уже с 18—20 октября Военно-революционный комитет, оперативный штаб восстания, стал получать донесения о передвижениях правительственных войск под Петроградом (до этого стало известно, что Керенский отдал приказ ввести в столицу с фронта ряд казачьих полков и ударных батальонов). ВРК немедленно узнавал о приказах командующего округом, полученных в полках Петроградского гарнизона, в юнкерских училищах, школах прапорщиков... И о том, сколько снарядов, пушек, винтовок и патронов сосредоточено в арсенале Петропавловской крепости, на Сестрорецком заводе, на Обуховском, Ижорском. И о том, какие переговоры провел генерал Марушевский с начальни-

ком штаба Ставки в Могилеве генералом Духониным. И о том, какой доклад представил Марушевскому подполковник Сурнин...

Люди революционного долга, люди, действовавшие по «мандату сердца и революции», — вот кто приходил в Семьдесят пятую с такими донесениями. Это были члены полковых и училищных комитетов, участники гарнизонных совещаний, проводимых в Смольном, члены большевистской «Военки», депутаты солдатской секции Петроградского Совета. С 21 октября, когда Военно-революционный комитет стал назначать своих комиссаров в полки и учреждения, известий начало поступать еще больше.

Трудно назвать точную дату, но, очевидно, именно тогда в Военно-революционном комитете сложилась та группа боевых товарищей, которой 28—29 октября выдали первые официальные мандаты комиссаров «Особой разведки» ВРК.

Эти товарищи — рабочие-большевики, солдаты, матросы — вели разведку там, где до 25 октября никаких письменных мандатов от Военно-революционного комитета предъявить было невозможно. Эти товарищи были готовы в любое время суток отправиться туда, куда требовали дела неотложные, где надо было разыскать работников ЦК и ВРК, местопребывание которых было известно только узкому кругу лиц Смольного. Эти товарищи охраняли видных деятелей партии, ВРК, Петроградского Совета, революционные органы печати от нападений черносотенцев, корниловцев, шпиков военной охранки.

Центром, куда сходились первые красные разведчики, где они получали задания, куда приносили донесения, — была Семьдесят пятая на третьем этаже Смольного.

...Лишь немногие имена этих товарищей известны. Но одним из них, связанным с Семьдесят пятой с первых дней возникновения Военно-революционного комитета, был балтийский матрос Николай Григорьевич Маркин.

Он состоял в партии большевиков еще с 1916 года. После Февраля матросы избирали Маркина то в один, то в другой флотский комитет, вплоть до Центрофлота. Маркин был делегатом I Всероссийского съезда Советов, членом ЦИК. Он представлял Балтийский флот

на Всероссийской конференции военных и тыловых организаций большевиков. Он выступал перед матросами в Кронштадте, Гельсингфорсе, Питере. О мире и хлебе, о тайных договорах зачинщиков войны, о земле и моряцком пайке, о предательстве «бывших революционеров» — эсеров и меньшевиков; о том, каким должно быть обращение на флоте: «ты» или «вы» — обо всем толковал он с матросами. Он был любимцем кронштадтского «вече» — Якорной площади. И матросов минной роты, где служил. Говорил он всегда взволнованно, находя слова, близкие матросской душе.

В дни корниловского мятежа Николай Маркин ходил на самые рискованные операции. Во главе отряда балтийцев он вылавливал офицеров-мятежников в «Астории» и «Англетере». По его команде офицеры, застигнутые врасплох, выкладывали «револьверы — налево, гранаты — направо, документы — на стол!».

В середине октября Маркина, члена ЦИК, пригласили в Семьдесят пятую, и он, как боевик большевистской «Военки», поступил в распоряжение Николая Подвойского, председателя ВРК.

Маркин стал бывать в Адмиралтействе и во флотских экипажах, на заводах Морского ведомства и в полках... Время было такое, что люди, подобные Маркину, требовались повсюду. 17 октября начала выходить вечерняя газета Петроградского Совета «Рабочий и солдат». Маркина послали в помощь редакции.

Это Маркин рано утром 17 октября, направляясь по делам новой своей революционной службы, оказался в трамвае, который шел Марсовым полем. Это Маркин остановил матроса-анархиста, замышлявшего столкнуть «пшюта» под колеса («Граждане! Самосуд не есть средство революционной борьбы!..»).

8

— Искать на Выборгской стороне! Там он должен быть!

Более точного адреса на Воскресенской набережной дать не могли. Там лишь догадывались, что

Ленин может быть и на Выборгской, ибо Выборгская та сторона — один из давних бастионов большевизма.

Со двора особняка Кшесинской выехали трое на лошадях. Потом еще трое. И еще... Другие отправились трамваями.

Ночь была темная, с низкими тучами. Мокрый ветер шумел в еще не опавшей листве кленов.

Да, Ленин жил тогда на Петроградской и Выборгской стороне. Все еще нелегально. Скрывался в квартире Маргариты Васильевны Фофановой. Но он часто покидал эту квартиру, чтобы встретиться с товарищами из ЦК, с работниками Военно-революционного комитета. Он сходился с ними то у рабочего-большевика Никандра Ивановича Кокко, то на даче по Болотной улице в Лесном, то у железнодорожного машиниста Гуго Ялавы, то на квартире Михаила Ивановича Калинина или у давнего конспиратора партии рабочего Дмитрия Александровича Павлова.

Каждая встреча была риском и подвигом. И если Ильич по-прежнему был неуловим, то потому, что его укрывали и охраняли самые преданные, самые волевые и опытные из питерских пролетариев, имена которых ныне столь известны, — Николай Полетаев, Александр Шотман, Николай Емельянов, Сергей Аллилуев, Эйно Рахья и другие.

Каждый, кто шел на встречу с Лениным, понимал, что любой неосторожный шаг с его стороны может поставить под удар Владимира Ильича. Потому шли, расставляя своих доверенных людей: чуть что — они должны были дать знать по цепи...

Очень скудны сведения о дооктябрьском периоде жизни Михаила Дмитриевича Цыганкова.

Летом 1917 года он, вероятно, служил на 18-й батарее Балтийского флота, был там секретарем батарейного комитета. Выступал за большевиков и подписывал резолюции, одна из которых появилась в «Правде».

Тот, кто впоследствии ближе всех знал Михаила Цыганкова, — Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич — называл его то рабочим, то матросом. Он, по-видимому, был и тем и другим: рабочим, ставшим затем матросом Балтики.

В архиве есть фотография Цыганкова. Она, правда, относится к началу 1919 года. Цыганков на ней уже совсем штатский — в пальто с каракулевым воротником шалью, в черной каракулевой папахе, с усами, чуть закрученными вниз. Рукой Бонч-Бруевича пометка: «Работник 75-й комнаты в Смольном. Рабочий-комиссар». Рукой Цыганкова: «В. Д. Т. Бонч-Бруевичу от Т. М. Цыганкова. 5. II. 19. На Память».

Не следует удивляться, что к инициалам Владимира Дмитриевича здесь добавлено «Т» — «товарищ». Это слово тогда звучало особенно ново и значимо. Но почему «Т» у Цыганкова написано с прописной буквы? А потому, что он, к примеру, писал так:

«При Обыске в Квартире Дворников обнаружен Притон Азартной Игры в карты...»

Что поделать, с грамматикой матрос был не в ладах.

В один из поздних вечеров второй половины октября 1917 года, когда в газетах уже промелькнуло, что Ленин снова в Питере, когда по рабочим окраинам столицы снова рыскали шпики, когда, несмотря на это, Ильич все равно приходил на конспиративные встречи с членами ЦК и работниками Военно-революционного комитета, — в один из таких поздних вечеров по темным улицам Выборгской стороны неторопливо шагали двое: молодой узкоплечий солдат и матрос в полуштатском — бушлат, но брюки вправлены в сапоги, фуражка морская, но без кокарды. Выглядел он старше солдата. И шагал вразвалку, по-медвежьи, добродушно болтая о каких-то пустяках.

Неожиданно послышалось цоканье копыт. Подъехали трое на лошадях. Офицер осветил карманным фонариком лица солдата и другого — в штатском. Увидев солдата, офицер выругался: почему в такую пору шатается! И, конечно:

— Документы!

Солдат достал бумагу. Та подтверждала, что владелец ее состоит в солдатской команде Константиновского артиллерийского училища.

— А ты?

— Рыбачу... Под Ижорой... Дружка приехал навестить, задержались в гостях.

Документ подтверждал: да, из-под Ижоры, артельщик на рыбачьем паруснике.

Офицер вернул бумаги и приказал шагать без оглядки, одному — в училище, другому — хоть к чертям, но здесь не мозолить глаза.

Опять по булыжной мостовой зацокали копыта.

Рыбак и солдат свернули в переулок. Вскоре они оказались в свете уличного фонаря. Из темноты вырос молодой солдат, в старой полурасстегнутой шинели с поднятым воротником, в замызганной фуражке. Солдат тот, правда, выглядел не по-питерски сытым.

— Эй, товарищи! — окликнул он замеченных в свете фонаря и быстро подошел к ним. — Нет ли закурить? Весь вечер без курева...

Подошедший говорил слова вроде бы солдатские. Но рыбак незаметно дал знак своему товарищу: что-то не понравилось в просителе. Впрочем, закурить дал. Солдат чиркнул спичкой, прикрывая огонек сложенными ладонями.

Рыбак и его спутник хотели идти. Но солдат, глотнув дым, вдруг по-свойски спросил:

— А вы тут, случайно, тоже... не за пакетами?

— Какими пакетами? — удивленно переспросил рыбак.

— Не... Насчет пакетов я, конечно, зря. Может, вы... — и ткнул рыбака в грудь.

— Кто ж, по-твоему?

— Не контра, так...

— Но, но! Легче на поворотах.

Может, на том и разошлись бы. Но разговор о пакетах так заинтересовал рыбака, что тот решил узнать все до конца. Смягчился, ближе подошел к курящему:

— Ты откуда, товарищ, будешь?

— Из огнеметного.

— Стало быть, с Петроградской стороны? Что ж тебя сюда занесло?

Солдат-огнеметчик заговорщически огляделся:

— Не лучше ли в сторонку...

Отошли.

— Солдат — твой приятель?

— В одной компании были.

— Ты мне голову не морочь. Вижу, что мы здесь все по одному делу. За пакетами...

— Опять ты про свои пакеты!

— А ты будто не слыхал?! У нас в огнеметном все готово. Ждут только приказа. А он в пакетах. Дали

мне адресок, да, видать, получилась ошибка. Постучал, отозвалась какая-то старуха. Приняла меня за ночного грабителя.

Рыбак слушал заинтересованно, сопел, чмокал губами, делал вид, что не решается в чем-то признаться. Но вдруг, будто примерившись, спросил:

— А у кого получать те пакеты?

— У главного. Разве не слыхал — он здесь, в Питере... Говорят, на Выборгской.

— Не-е... Не слыхал.

— Долго вы там? — окликнул товарищ из темноты.

— Погоди...

Но тут опять появился конный разъезд. Уже другой. Мигом окружили. И опять:

— Документы!

И опять вспыхнули огоньки карманных фонариков.

Документы рыбака и солдата из Константиновского училища были исполнены так, что и на этот раз не вызвали никаких подозрений. Обоих отпустили. И пошли они туда, где им надлежало быть в ту ночь до той поры, покуда в темноте не покажется человек из ревкома, который приходил на Выборгскую, чтобы встретиться с Владимиром Ильичем. А когда тот, ревкомовец, показался, они подошли к нему и проводили до самого Смольного.

«Рыбаком» в ту ночь был Михаил Цыганков. «Солдатом из Константиновского училища» — другой товарищ, тоже связанный с Семьдесят пятой.

По дороге в Смольный Цыганков рассказал товарищу из ВРК о странной встрече с солдатом-огнеметчиком, о пакетах с секретными приказами. Впрочем, он и сам понял смысл разговора, затеянного под фонарем подозрительным солдатом.

...А тот, из огнеметного, остановленный патрулем, был отведен в подъезд ближайшего дома. И много раз вспыхивали и гасли там огоньки... Офицер, которому солдат вынужден был показать свое удостоверение, прочел: «Предъявитель сего, личность которого изображена на фотографической карточке, снабженной казенной печатью, состоит на службе...» Над фотографией стояло: «№ 126».

9

В Петрограде на Кузнечной улице жил полковник Федор Винберг, дворянин, шталмейстер двора его величества. Он состоял членом общества монархистов и черносотенцев — «Палаты Михаила Архангела». Полковник был одним из тех, кто верой и правдой — поместье за то имел, в чинах преуспевал — охранял российскую самодержавную власть.

«Палату Михаила Архангела» основал Владимир Пуришкевич, земельный магнат из Бессарабии, член Государственной думы.

В годы войны Пуришкевич разъезжал по фронтам. Он нанял для этого почти царский салон-вагон и несколько классных да багажных. Одни загрузил брошюрками с девизом «Да здравствует наш русский царь!», другие — порошками от головной боли да слабительными, третьи — солдатским бельем. Поезд Пуришкевича прибывал на прифронтовые станции, библиотекарь раздавал брошюрки со штемпелем «от В. М. Пуришкевича». Доктор одаривал солдат порошками, интендант — подштанниками. Тоже — от В. М. Пуришкевича.

Возвращаясь в столицу, Пуришкевич занимался более высокой политикой. Произносил речи в Государственной думе. Издавал лично сочиненные басни на злобу дня. А в конце 1916 года вместе с князем Юсуповым отправил к праотцам расстригу Распутина.

После Февральской революции Пуришкевич издавал собственную газетку. В том месте, где указывается адрес издания, Пуришкевич печатал: «Город Противохамск». Хамами он, разумеется, называл тех, кто осмелился свалить монархию и кто готовил новую революцию, требуя: «Хлеба! Мира! Свободы!»

Советы рабочих и солдатских депутатов, особенно Советы большевистские, были для Пуришкевича страшнее сил адовых. Косился он и на правительство Керенского. Разве это власть? Большевики готовят восстание, а у премьера какое-то странное дрожание в поджилках. Стрелять надо, господин министр-председатель!

В начале октября Пуришкевич пожелал встретиться со своими единомышленниками. И так, чтобы о том не знали ни «красные», ни «бело-зеленые» (ка-

деты), ни «люди» Марушевского и Сурнина. На Кузнечную, к Винбергу, вместе с Пуришкевичем пожаловали царские генералы Дмитрий Аничков и Сербинович, штаб-ротмистры Боде и Амбразанцев, капитаны Шатилов, Кованько и Душкин, прапорщик Остроумов, братья Парфеновы и другие.

Встретились в гостиной, за коньяком и кофе. Говорил Пуришкевич:

— Не доводилось ли вам, господа, бывать в эти дни в Мариинском дворце на заседаниях Совета республики?.. Кадеты с Милюковым сидят на правых скамьях, эсеры и меньшевики — на левых. Недостает только большевиков, которые плюют на эту говорильню. И вот какая мысль пришла мне однажды при виде того зрелища... Был великий символ единой могучей России — двуглавый орел с державной мономаховой шапкой. А теперь что? Правые зловеще каркают в одну сторону, левые — вопят и плюются в противоположную. И ни державной шапки, ни республиканского колпака... Керенский — разве это власть? Слякоть, как на петербургских улицах! Пока Милюковы, да Черновы, да Церетели упиваются говорильней, большевики вооружают Красную гвардию и сбивают питерские полки к выступлению... Так, господа, продолжаться не может!

И патриарх черносотенцев изложил программу того, как должно быть... Россию спасет только диктатура сильных. Разумеется, это не возвращение к Николаю Романову. Кто сейчас на это пойдет? Диктатура сильных — это сплочение всех государственно-политических течений, стремящихся к установлению твердой власти: монархистов, последователей Корнилова, кадетов и, наконец, крайне правых эсеров (савинковцы и прочие).

Военные, выслушав Пуришкевича, не стали тратить лишних слов. Программа ясна и приемлема. Но где те боевые силы, на которые можно рассчитывать?

— Вспомним, господа, военные организации, в которых каждый из нас наверняка состоит или состоял. — Это заговорил ротмистр Амбразанцев, человек горячий, с южным темпераментом и, видать, с немалым запасом энергии. — «Военная лига», Союз офицеров армии и флота, «Республиканский центр»,

«Белый крест», Союз георгиевских кавалеров, Союз казачьих войск... На фронте более сорока ударных батальонов... Вот — сила!

— Господин ротмистр, а вы не забыли про сентябрь? Что сталось со всеми этими союзами после краха Корнилова? — запальчиво спросил полковник Винберг.

— Да, это вопрос серьезный. Следует изучить...

— Разведать! — вставил генерал Аничков. — Будем называть вещи своими именами.

Все согласились, что начинать надо с разведки.

— Но для этого нужны деньги...

— Сколько? — спросил Пуришкевич.

— Для начала хотя бы тысяч десять, — сказал Амбразанцев.

— Хорошо, вы их получите.

Минуту спустя Пуришкевич подал ротмистру записку.

10

Вечером 21 октября Военно-революционный комитет, решив, что пора переходить в наступление, назначил своих комиссаров в большинство полков Петроградского гарнизона. Одновременно — в штаб военного округа: Константина Мехоношина, Андрея Садовского и других.

Мехоношин и Садовский были членами партии большевиков, прошли фронт в солдатских окопах, состояли в Военной организации ЦК РСДРП(б), проявили себя и в солдатской секции Петроградского Совета. Садовский был председателем этой секции — одной из самых боевых и многочисленных.

Комиссары ВРК, приехав в штаб округа, сразу же направились в приемную командующего. Там им преградил дорогу дежурный адъютант:

— Извольте сначала назвать себя и получить дозволение!

Садовский громко сказал:

— Мы — комиссары Военно-революционного комитета.

Адъютант направился в кабинет командующего.

...В августе 1917 года тридцатичетырехлетний казачий полковник Г. П. Полковников командовал 1-м Амурским полком, входившим в состав конного корпуса генерала Крымова. Когда Лавр Корнилов двинул тот корпус на Петроград (чтобы стать диктатором и справиться с революцией), Полковников повел на столицу и свой 1-й Амурский. Но в пути командир заметил, что его казаки колеблются. Тогда Полковников опередил свои батальоны и первым примчался в Петроград. Там ему потребовалось всего лишь несколько часов, чтобы сориентироваться и принять решение: амурцев дальше не вести. Он понял, что дело Лавра Корнилова проиграно. Рабочий Питер ощетинился, «диктатора» ждет гибель...

И в самом деле, кончилось тем, что генерал Крымов пустил себе пулю в лоб, а Корнилов был арестован. Полковников, «достойно исполнивший долг перед Республикой», к тому же понравившийся Керенскому, был назначен командующим войсками столичного округа с двухсоттысячным гарнизоном.

— Главком готов принять вас, прошу, — теперь уже снисходительно объявил адъютант.

Туго затянутый в амуницию, высокий, сухопарый, Полковников являл вид человека твердого, преуспевающего, хотя лицо его было землистого цвета.

Командующий сидел за большим, покрытым синим сукном столом, окруженный военными. Сбоку, в кресле, молча поглядывал на комиссаров приземистый кругляшок — генерал-майор Багратуни, начальник штаба.

Садовский, с длинными светлыми волосами, подтянутый, уверенный, спокойно предъявил мандат и объяснил смысл назначения комиссаров Военно-революционного комитета в штаб округа... Петроградский Совет постановил, что отныне все приказы командующего округом должны скрепляться подписью одного из комиссаров ВРК. Без этого приказы будут лишены законной силы.

Полковников терпеливо выслушал, потом порывисто встал и, не спуская глаз с генерала Багратуни, словно выверяя на нем свое решение, объявил:

— Постановление Петроградского Совета не могу признать для себя обязательным. Подчинен только высшему военному командованию. Ни в чьей опеке штаб округа не нуждается. Комиссары ВРК не могут быть приняты.

Мехоношин, не скрывая своей усмешки, заметил:

— Гражданин командующий, без санкции представителей Петроградского Совета ваши приказы, пожалуй, будут плохо исполняться.

Полковников оборвал:

— Петроградский гарнизон находится в моем подчинении и будет исполнять то, что я прикажу.

Мехоношин потом писал, что твердость Полковникова была искренней, ничего напускного не чувствовалось. Полковников просто не понимал еще, что́ происходит в гарнизоне.

Комиссары встали:

— Сожалеем... Ответственность возлагаем на тех, кто отвергает волю большинства гарнизона.

Мехоношин и Садовский вышли.

Уже внизу, на лестнице, их догнал адъютант:

— Главком приглашает вас вернуться.

Верхние пуговицы на кителе Полковникова теперь были расстегнуты. Лицо в красноватых пятнах. Генерал Багратуни уже не сидел, а стоял, облокотившись на спинку кресла.

— Штаб округа готов принять уполномоченных солдатской секции Петроградского Совета, но не ВРК, — сказал Полковников. — Второе условие: уполномоченные будут обладать правом скреплять своими подписями приказы командующего, но не отменять их. В случае несогласия они смогут обжаловать.

Полковников и сейчас еще не понимал того, что́ произошло в гарнизоне, где он пока числился командующим.

Выслушав, Садовский ответил:

— Петроградский Совет вряд ли изменит свое решение.

Ушли.

Поздно ночью Мехоношин и Садовский совещались в Смольном с Яковом Михайловичем Свердловым. Затем было созвано экстренное заседание ВРК. Комитет разослал во все части гарнизона приказ: распоряжения штаба округа, на которых нет санкции

Военно-революционного комитета, исполнению не подлежат.

С утра во все воинские части отправились самокатчики-связные и товарищи из Семьдесят пятой. Тогда же всеми видами проводной связи были оповещены солдатские комитеты полков:

— Приказы Полковникова не исполнять!

Солдатам вменялось в обязанность быть бдительными, сохранять выдержку и дисциплину.

Командующий, в свою очередь, разослал предписание: комиссаров ВРК из воинских частей удалить. Всем полкам оставаться на местах. Солдаты, которые, вопреки приказу штаба округа, выступят на улицы вооруженными, будут преданы суду как мятежники. Офицерам предписывалось оставаться в казармах даже в случае выступления солдат. Позднее последовало распоряжение Временного правительства: принять меры к аресту членов ВРК!

11

В Смольном понимали, что опасность может возникнуть ежечасно. Теряющие власть особенно безрассудны. Временное правительство может пойти на крайние меры — собрать отряды «ударников», юнкерские училища, двинуть на Смольный. Надо было с этим считаться и на всякий случай обеспечить тылы... Вот почему неутомимый Владимир Иванович Муромский продолжал свои поездки по Петрограду...

...Сын учителя на Рязанщине Яков Драбкин, он же Сергей Гусев, совсем еще юным узнал имена Белинского и Добролюбова, Писарева и Дарвина. Приехав в Петербург, он в один и тот же год, 1896-й, стал студентом Технологического института и членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Начались годы подполья... Ростов-на-Дону: рабочие демонстрации — питерский студент во главе. Угроза ареста. Но молодой конспиратор уходит от жандармов... Женева: знакомство с В. И. Лениным, школа Ленина... Петербург: 1905-й, бои, Петербургский комитет партии, работа с Еленой Дмитриевной Стасовой и Петром Ананьевичем Красиковым... Москва: конспиративная квартира. Теперь Гусев — «Иван Ильич Кулебя-

ков». Он же — член Московского комитета большевиков... Тюрьма. Ссылка. Надзор полиции. Он бежит из ссылки в актерском гриме (получил соизволение начальства участвовать в любительском спектакле). Несколько месяцев он «отдыхающий оперный певец Борис Николаевич Грэн». И снова Петербург, работа в Петербургском комитете большевиков. У Гусева теперь паспорт на имя какого-то электротехника. Все идет хорошо. И вдруг визит городового: «Под арест за буйство в ресторане». — Где, в каком? Ни разу такого не было... Ах, электротехник?»... И Гусев смиренно идет отсиживать две недели за проказы истинного владельца паспорта... Потом Териоки, встреча с Яковом Михайловичем Свердловым (1909 год). С тех пор на несколько лет уход в самое глубокое подполье: «Владимир Иванович Муромский», тихий, далекий от политики человек, корректор «Военной энциклопедии»... Потом тяжелая болезнь и безвестность для многих. Летом 1917 года встреча со Свердловым и Стасовой. Решение: оставаться в тени. Партия не может не думать об обеспечении своих тылов. И вот — Октябрьские дни. Всё на подъеме. Все идет так, как решено ЦК с Лениным. Но нельзя — это было бы преступно, несерьезно — не быть готовыми и на тот случай, если обстоятельства вынудят партию (не только Ленина, но и всю партию) уйти в подполье. И Сергей Гусев, он же «Владимир Иванович Муромский», получает от Якова Михайловича Свердлова поручение — подыскать места укрытий для членов ЦК (хотя бы на самое первое время), раздобыть для них запасные паспорта.

Кандидатура для этой роли — едва ли не самая подходящая — «Владимир Иванович Муромский». Он давно исчез с глаз царских жандармов. Он неведом и ищейкам Марушевского-Сурнина.

«Квартирмейстерская служба революции» продолжалась!

12

Владимир Ильич Ленин — Якову Михайловичу Свердлову, 22 или 23 октября 1917 года:

«На пленуме мне, видно, не удастся быть, ибо меня „ловят"».

13

Поздним вечером 24 октября Владимир Ильич пришел в Смольный в сопровождении связного ЦК партии Эйно Рахьи.

На Шпалерной была неприятнейшая встреча с двумя конными юнкерами. Правда, опытный Рахья провел юнкеров без особого труда. Владимир Ильич, в парике, с перевязанной платком щекой («зубы болят»), торопливо прошел вперед, пренебрегая окриком юнкеров. А Рахья разыграл роль подгулявшего в поздний час рабочего.

У входа в Смольный — последняя преграда. Потребовали пропуска, но ни у Ленина, ни у Рахьи надлежащих пропусков не оказалось. По той причине, что товарищи из ЦК, оберегая Ильича, считали, что он еще должен был оставаться на конспиративной квартире у Фофановой...

Перед главным подъездом — толчея, давка, шум. Накануне отменили белые пропуска, ввели красные. Но не все, кому положено, успели обзавестись ими. И стали напирать на часовых. Воспользовались этим и Рахья и Ленин. Что поделать, нельзя было раньше времени открываться.

Владимир Ильич прошел на второй этаж. Усталый, он присел у окна. Снял кепку, с нею и парик. Рахья пошел разыскивать Свердлова и других членов ЦК.

...Есть много полотен художников, на которых изображен Ильич в ту историческую ночь... Ленин, поднявшись на ступени Смольного, обернулся, и лицо его озарилось отсветом артиллерийских зарниц, возникших, должно быть, над Петропавловкой и Невой. Ленин в самом Смольном, в окружении матросов. Ленин стоит у карты Петрограда, отмечая красными флажками продвижение революционных войск к Зимнему. И вот еще, кажется не замеченное художниками...

Ильич проехал трамваем и отшагал за ночь дальний путь от Сердобольской до Смольного — путь по темной питерской окраине, по ветреной Пироговской набережной, через еще более ветреный Литейный мост и по Шпалерной. Позади — опасная встреча с юнкерами. Теперь Ильич — у окна в Смольном. Уже без грима, но и без усов и бородки, которые сбрил еще летом. Прислонился и ждет товарищей из ЦК.

Накануне он отправил в ЦК письмо: «...решать дело сегодня непременно вечером или ночью... Промедление в выступлении смерти подобно»... И началось! Владимир Ильич в смольнинской коловерти. Великий и обыденный. Единственный и рядовой. Еще минута, другая — и снова все человечески значимое будет соседствовать в его делах с самой черновой работой, которую потребует величайшая из народных революций.

Пришли Яков Свердлов, Феликс Дзержинский, Моисей Урицкий... Рукопожатия соратников. Быстрые шаги на третий этаж. В Семьдесят пятую.

Там, во второй комнате за дверью, на стене — огромная карта с планом Петрограда. Перед картой — Николай Подвойский, Владимир Антонов-Овсеенко, Константин Еремеев, Григорий Чудновский.

— Здравствуйте, товарищи! Прошу ввести меня в курс событий...

С этой минуты Семьдесят пятая с Владимиром Ильичем Лениным, с членами ЦК и Военно-революционного комитета — военно-оперативный центр Октябрьского восстания.

14

Накануне вечером в штабе округа побывал Николай Крыленко, приземистый, широколицый, лобастый, в форме прапорщика, — член ВРК, один из руководителей Военной организации большевиков, опытный партийный конспиратор, давно связанный с солдатами питерского гарнизона.

Николая Крыленко пригласили штабные телеграфисты. Позвали, хотя знали, что Полковников строжайше запретил впускать большевистских агитаторов. Знал это и Крыленко. И все же поехал. Для него была опасность двойная: Временное правительство уже отдало приказ об аресте членов ВРК. Но разве это могло остановить большевика, прошедшего почти пятнадцатилетнюю школу подполья!

У Крыленко наверняка хватало других дел. В Смольном, в штабе восстания. Но он поехал к телеграфистам. И потому, что позвали, и потому, что это были люди, которые всегда в курсе военно-оперативной переписки штаба округа.

Не все собравшиеся встретили Крыленко дружески. Нашлись эсеровские и меньшевистские крикуны. Но их голоса смолкли, когда заговорил комиссар ВРК. Он говорил о текущем моменте, о том, что и кто угрожает России. И о том, кто подлинно спасет ее от разрухи, второй корниловщины, от шабаша черносотенцев, от внешних врагов. О том, кто даст России мир и вернет солдат к семьям. Потом стал отвечать на вопросы. И тут произошла схватка с крикунами, недружелюбно встретившими гостя.

— Гражданин комиссар, а большевики выступят?

— Выступят, если Керенский и Полковников попытаются громить Петроградский Совет.

— А когда намечено выступление?

— А вы, гражданин телеграфист, от чьего имени спрашиваете: от контрразведки Марушевского или самого Керенского?

Смех. «Вот отбрил!»

А Крыленко снова о Советах, о ВРК. О задачах каждого, кто действительно революционер, а не обозник в стане эсеро-меньшевистских соглашателей.

Комиссар ВРК провел у телеграфистов больше часа. Перед отъездом его окружили телеграфисты. Теперь они сами рассказывали. О том, что вряд ли поведали бы кому-нибудь другому.

Автомобиль комиссара стоял на Миллионной под охраной павловцев. Телеграфисты провожали Крыленко до самого автомобиля. Уезжая, комиссар был уверен, что среди его слушателей теперь наверняка есть и такие, которые первыми придут на помощь, когда сюда, уже для иных целей, прибудут другие комиссары ВРК. Но пока возможности Крыленко для сбора информации были все же ограничены.

Между тем Военно-революционный комитет должен был ежечасно знать: где находится Временное правительство? Что оно предпринимает? Какие приказы изданы штабом Полковникова? Каковы планы Временного правительства?

За действиями Временного правительства наблюдал Я. М. Свердлов. А за штабом округа?

...Из донесения комиссара Павловского полка:

«От комитета послан человек для разведки в штаб округа. Он проникал в помещения и все узнавал, что там происходит».

15

На Александровском рынке в Петрограде среди множества вывесок над торговыми рядами можно было прочесть:

Ротшильд тряпье

Все здесь было достоверно: и то, что скупщик рвани был однофамильцем знаменитого миллионера, и то, что в коммерции питерского Ротшильда тряпье было главным предметом купли-продажи. Но, как все на Александровском рынке, тряпичник Ротшильд был в курсе деловой конъюнктуры, и он вовремя заметил появившийся спрос на бумаги, служившие видом на жительство. Ротшильд стал комиссионером. Ему приносили готовые бумаги, на выбор, и присылали даже клиентов. Оставалось только принять их.

Так в двадцатых числах октября благодаря комиссионерству Ротшильда глава российских черносотенцев-монархистов Владимир Пуришкевич стал обладателем двух паспортов, одного — на имя Евреинова, другого — на имя Пурино.

16

Казармы Павловского резервного пехотного полка находились на Марсовом поле, в нескольких кварталах от Дворцовой площади. Павловцы принадлежали к тем силам столичного гарнизона, о которых в Смольном было точно известно: они против Полковникова и Керенского, они — за ВРК.

Когда Военно-революционный комитет направил к павловцам своего комиссара, они проголосовали: комиссара ВРК принять.

К павловцам был назначен двадцатидвухлетний прапорщик Освальд Дзенис — сын металлиста из Риги, недоучившийся (по вине жандармов) студент Московского университета. Прапорщик, любимый солдатами, прошедший фронт и ставший членом Военной организации большевиков.

Румянолицый, с тонкими чертами лица, с открытым взглядом умных глаз, всегда побритый, подтянутый, в гимнастерке, всегда отлично заправленной, он и внешностью своей привлекал к себе внимание.

Освальд Дзенис вместе с полковым комитетом привел павловцев в состояние боевой готовности. И когда ВРК, разрабатывая план восстания, определял, где быть его опорным базам, выбор пал прежде всего на казармы Павловского полка. Было решено, что к павловцам подойдут отряды Красной гвардии Петроградского района, а также подразделения других воинских частей. Для командования этой группировкой Военно-революционный комитет назначил члена оперативного штаба ВРК Константина Еремеева.

Еремеев был старше Дзениса и опытнее его. Правда, в офицерских чинах — одинаковы: прапорщики военного времени. Еремеев тоже работал в большевистской «Военке». Но до этого — в «Правде», вместе с Лениным. Оттого знал больше и мыслил шире.

Дзенис и Еремеев сработались быстро, им удалось повести за собой не только солдат полка, но и часть офицеров.

Объединенный штаб они расположили в полковом клубе. Туда же переместился полковой комитет... Телефоны, пишущие машинки, писаря, самокатчики, вестовые... За одним столом Дзенис и Еремеев. Дзенис — не по годам молчаливый, спокойный и уравновешенный, но все делающий вовремя и основательно. Еремеев — с давно прокуренной трубкой, кажется никогда не угасающей: и когда он по ночам сидел в редакции «Правды», и когда пришел в Семьдесят пятую комнату Смольного, и позже, когда он командовал Петроградским военным округом.

...Дело шло уже к полуночи. Но отдыхающих среди солдат Павловского полка не было. Было состояние готовности — ночь накануне восстания.

Еремеев и Дзенис продумывали, как поставить разведку и охрану, как расставить силы, если последует приказ блокировать Зимний и штаб округа, тут же отдавали распоряжения:

— Взять под наблюдение Певческую капеллу. Там комитеты добровольческой армии и «увечных» воинов, Пятигорский батальон смерти — народ черносотенный и кадетский. Могут напакостить. К тому

же от капеллы до штаба округа — только Мойку перейти.

— Выслать разведчиков без оружия, на велосипедах по ближайшим кварталам от Марсова поля.

— Прекратить движение по Миллионной. Перекрыть дорогу и вдоль Невы от Троицкого моста. Автомобили задерживать, пассажиров препровождать в штаб.

— Выставить секреты для захвата патрулей штаба округа.

И патрули, и разведчики, и наряды для застав тотчас уходили в указанные места. И все делалось с величайшей готовностью и быстротой.

Еремеев то оставался в штабе на Марсовом поле, то уезжал в Смольный, то во 2-й флотский экипаж.

А люди, расставленные и разосланные окрест, уже делали свое дело.

У Троицкого моста задержали автомобиль. Ехал какой-то адвокат с дамой. Привели их в штаб.

— На каком основании мы задержаны? Это насилие! — шумел адвокат.

Еремеев поднял глаза, выпустил из трубки колечко дыма, спокойно сказал:

— Автомобиль вам придется временно оставить здесь. Сами можете идти.

— Как? Самочинная реквизиция?

— Называйте как угодно.

— Да что здесь происходит?

— Дело военное, вас не касается. Повторяю: можете идти. Не устраивает — будете задержаны до утра.

— Нет, только не это! — Адвокат и дама спешат удалиться.

Дымит трубка Еремеева...

Ночью перед Дзенисом оказался человек в штатском. Среднего роста, с сединами. По виду не то чтобы интеллигент, но и не рабочий. И хотя пальто, сапоги, шляпа — все как будто по фигуре, Дзенис, еще в годы конспирации научившийся многое разгадывать в людях, почему-то заподозрил, что это переодетый военный. К тому же...

Но Дзенис начал с дежурной фразы:

— Прошу предъявить документы.

— Не обязан и не намерен! Я хочу знать, по какому праву вы задержали меня и мой автомобиль?

— Прошу предъявить документы, — уже строже сказал Дзенис.

— Я вызову представителей законной власти...

Тем временем, всматриваясь в лицо задержанного, Дзенис утвердился в предположении, что лицо это ему знакомо. Мгновенно в памяти всплыла душная июльская ночь. Старый Петергоф, 3-й запасной пехотный полк. Неожиданный вызов в штаб: «В ваш адрес поступила телеграмма»... Дальше — грубые окрики кавачьего поручика: «Мерзавец! Германский шпион!»... Потом Петроград, подвал в штабе округа... Юнкер, сующий штык в лицо, в грудь, неистово кричащий: «Убью, большевистская сволочь! Сейчас убью!»... Допросы. Наглые, провокаторские, в духе писаний Алексинского: «Расскажите о связях Военной организации большевиков с германским генеральным штабом»... Так продолжалось до осени. Были сырые закутки военной гауптвахты комендантского управления. Была и голодовка. Объявляли вместе с Крыленко, Дашкевичем, Тер-Арутюнянцем. Голодовка в знак протеста против содержания под стражей по гнусным провокаторским обвинениям. Требования немедленного освобождения... А однажды вызвали к э т о м у. Он не обвинял, он предлагал. Дзенис тогда чудом удержался, чтобы не плюнуть в лицо или не заехать в эту филерскую физиономию.

Но мало ли какие бывают совпадения!.. Дзенис еще раз потребовал документы. Надо было исключить какую бы то ни было ошибку.

Штатский продолжал протестовать. Тогда солдат, который его задержал, не вытерпев и желая по-своему помочь комиссару, толкнул задержанного локтем:

— Ну!

Плохо справляясь с дрожью в руке, штатский порылся в карманах и выложил перед Дзенисом мандат... Да, это был начальник контрразведки Петроградского военного округа подполковник Сурнин.

— Вот как пришлось, — проговорил Дзенис. Но взял себя в руки: — Вам придется проехать в Смольный. — И к солдату: — Доставьте его в Семьдесят пятую, к товарищу Дзержинскому.

Солдат, поняв, кого он задержал и должен теперь доставить в Смольный, снова толкнул Сурнина:

— Пошли!

Дзенис счел нужным предупредить:

— Никаких эксцессов. Сдать в Смольный, самому возвратиться в полк.

Вскоре Дзенис получил записку от Николая Подвойского: арестом Сурнина ревком доволен.

А в штаб павловцев все приводили и приводили подозрительных. Утром пришел солдат, пропустил вперед господина, сказал:

— Товарищ начальник, вот — министр...

Солдат сказал это так, словно он привел каптенармуса, опоздавшего с увольнения.

Министр, высокий, тощий старик, был с портфелем.

— Я министр продовольствия Прокопович. Извольте распорядиться... Спешу по делам правительства.

— Вы поедете в Смольный, — сказал Еремеев.

— Как? Вы позволяете себе указывать, куда мне ехать? Я член правительства! Вы тяжело ответите!

— Объяснения будете давать в Смольном.

— Да вы понимаете, что делаете?

— Революцию, гражданин министр...

Вскоре был задержан еще один министр Временного правительства — Карташев. Его тоже отправили в Смольный.

До этого ночью павловцы задержали несколько грузовиков с юнкерами. Дзенис, допросивший юнкеров, установил, что они были посланы из Зимнего дворца в Союз георгиевских кавалеров, помещавшийся на Захарьевской улице. Зимний вызывал подкрепление. Но автомобили с юнкерами остались во дворе казарм Павловского полка.

17

Ленин сначала написал:

«К всему населению».

Но передумал, зачеркнул, и вместо прежнего появилось:

«К гражданам России».

Перо бежало быстро, но недолго: воззвание уместилось на четвертушке писчей бумаги.

Ленин перечитал написанное. Опять что-то не понравилось, несколько слов заменил, три строки вовсе перечеркнул. Потом передал листок Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу — редактору «Рабочего и солдата». Тот, чернобородый, возбужденный, с очками, съехавшими на нос, стоял позади.

Окончив писать, Владимир Ильич уступил место Бонч-Бруевичу. Редактор переписал прокламацию начисто, чтобы разобрались наборщики. Ленин еще раз прочел. Больше поправок не последовало. Бонч-Бруевич уехал в типографию, помещавшуюся в Сайкином переулке.

Утренние газеты уже вышли. А воззвание надо было распространить как можно быстрее. Для тех, кто уже на улицах. «Штурмующим на победу!»

— Срочно в номер! На всю первую полосу! — сказал редактор, появившись в типографии.

Шел одиннадцатый час утра 25 октября.

Бонч-Бруевич осведомился у работников редакции, спокойно ли в типографии, не было ли повторного визита непрошеных гостей. Отдав распоряжение по выпуску газет, редактор снова отправился в Смольный.

Накануне, в седьмом часу вечера, готовый тираж «Рабочего и солдата», уже отпечатанный, лежал в кузове грузовика. Оставалось исполнить последние формальности. Дальше — Смольный, там — связные от заводов и фабрик, воинских частей, комитетов — и газета дойдет по назначению.

И вдруг в типографию нагрянул отряд милиции Керенского. Во главе инспектор. Он предъявил ордер: за призывы против законной власти — арест «Рабочего и солдата». Помощники инспектора бросились разбивать стереотипы. Другие взяли под охрану грузовик. Но сотрудники «Рабочего и солдата» — среди них Николай Маркин — были не из робких. Вступили в борьбу, позвонили в Смольный, дождались помощи от ВРК. Дело кончилось тем, что милицейский инспектор едва унес ноги.

Но последний ли это визит? Никто не знал. Вот почему Николай Маркин и его товарищи оставались начеку.

Воззвание, которое привез Бонч-Бруевич, заставило редакцию «Рабочего и солдата» — в который раз! —

менять план текущего номера. Между тем из Смольного поступали все новые известия... Вокзалы в руках восставших. Телефонная станция, Государственный банк — тоже. К Мариинскому дворцу стягиваются войска Военно-революционного комитета. Из Кронштадта подходят корабли с матросскими десантами. На Финляндском вокзале высаживаются гельсингфорсцы. Из рабочих кварталов, из солдатских казарм, изнутри и извне Петрограда собираются силы для решающих сражений. И опять из макета будущего номера приходилось исключать сообщения, уже устаревшие, чтобы освободить место для самых последних.

Маркин тем временем распоряжался в наборном цехе:

— Петрович, бросай... Будем переверстывать. На всю первую полосу пойдет вот это. — Он подал метранпажу листок, привезенный Бонч-Бруевичем.

Петрович, старый, худой, с желтым лицом в черных крапинках от свинцовой пыли, молчаливый, привыкший ко всяким неожиданностям, отложил в сторону верстатку, взял новый текст, наметанным глазом прикинул, каким шрифтом давать заголовок, так же молча отправился к наборной кассе.

Петрович обычно читал текст по мере того, как выкладывал шрифт. И теперь, заключив в верстатку строку «К гражданам России!», не придал этим словам того значения, которого они заслуживали. Сколько воззваний приходилось ему набирать в те дни! Но следующая фраза обожгла: «Временное правительство низложено». Петрович прочел еще раз, потом вслух, громко, для всех, кто был рядом.

Собралась толпа. Объявился и краснолицый толстячок в очках с золотой оправой — выпускающий эсеро-меньшевистских «Известий» (в типографии одновременно печатали несколько газет).

— Смею вас уверить — это не соответствует действительности! — закричал выпускающий. — Арестованы только два министра. Все другие заседают в Зимнем... Вот последние известия, присланные для набора.

Вмешался Маркин. Как всегда, немного угрюмый, он внушительно сказал:

— Совет республики распущен. Временное правительство уже лишено власти. Так что опоздали ваши «последние»... — Маркин улыбнулся и стал зачитывать ленинское воззвание: — «Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета...»

От себя добавил, что министрам осталось недолго сидеть в Зимнем.

Для Маркина все время находилась работа. Несколько минут спустя он сидел в тесной будке у телефона и диктовал: «Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира... создание Советского правительства, это дело обеспечено...» Диктовал для тех редакций, которые ждали вестей из штаба восстания.

Во втором часу дня, когда появились первые оттиски «Рабочего и солдата», Маркин отправился в Смольный.

У Смольного он нетерпеливо соскочил с площадки трамвая и, держа в руках увесистый сверток, побежал к железной ограде, миновал ворота и — еще быстрее по заиндевевшим деревянным мосткам. Мимо матросов, строившихся в шеренги. Мимо красногвардейцев и солдат, сгрудившихся у орудий и пулеметов. Мимо ревущих и гудящих броневиков, автомобилей, мотоциклетов.

В Смольном Маркин на время потерялся в пестрой толпе среди шинелей, бушлатов, курток, бекеш, среди папах, фуражек, бескозырок... А вот и знакомый третий этаж. Редакция «Рабочего и солдата».

— Готово? — встретили Маркина вопросом.

— Так точно.

— Надо срочно товарищу Ленину передать...

18

В седьмом часу вечера 25 октября из Петропавловской крепости выехал старенький, потрепанный, забрызганный грязью мотоциклет. Ехали на нем двое — самокатчики В. Фролов и А. Галанин. Оба в черных кожаных куртках, таких же шароварах и кожаных фуражках; пояски были опущены на подбородки.

Самокатчики промчались по Троицкому мосту, Обожженные невским ветром, они продрогли и втянули головы в плечи. Лица раскраснелись.

На Миллионной самокатчиков остановил патруль Павловского полка. Старший, сидевший за рулем, — кряжистый, уже немолодой, Фролов, — что-то объяснил, и после этого поехали дальше. Возле Архива самокатчики спешились, оставив мотоциклет на попечение здешней заставы павловцев.

Фролов просунул руку за отворот куртки, вынул оттуда пакет и, держа его в вытянутой руке, пошел вперед, опережая на полшага Галанина.

Серые сумерки, отдаленные голоса. У Эрмитажа властный окрик:

— Куда?

Дорогу преградили несколько солдат в металлических шлемах, с посеребренными черепами на рукавах. Это были добровольцы Пятигорского батальона смерти.

— С пакетом, — отозвался Фролов.

— Куда? — повторил пятигорец.

— В штаб округа. Парламентеры от Военно-революционного комитета...

— Стой! Позовем начальника.

Начальником был двадцатилетний подпоручик Вячеслав Синебрюхов, сотоварищ Стуканцева.

Синебрюхов окончил коммерческое училище, готовился к карьере торговой и промышленной. Началась война — потянулся к офицерским погонам. Вскоре получил георгиевский крест. Когда началось формирование батальонов смерти, записался добровольцем. Вручили ему нарукавный знак с посеребренным черепом. Пробыл некоторое время на Северном фронте. В боях отличиться не успел, зато в строгости к солдатам и в речах против большевиков — отменно. К середине октября он, уже командир 151-го Пятигорского батальона смерти, опять в Петрограде, — батальон не то находился в стадии формирования, не то был выведен с фронта для пополнения. Размещались пятигорцы в Певческой капелле и были связаны с комитетом княгини Нарышкиной.

Подпоручик осветил спичкой пакет, прочел адрес. ухмыльнулся:

— Что, образумились?.. Но в таких случаях являются с белым флагом, ясно?!

Он ожидал послушное: «Так точно», Фролов же отозвался в тон подпоручику:

— Ультиматум здесь, ясно?!

В другое время Синебрюхов вряд ли отпустил бы солдата, не преподав ему урока. Но задержка пакета самому командующему могла бы повлечь за собой осложнения серьезные. И подпоручик хмуро буркнул вестовому, неотступно следовавшему за ним:

— Проведите в штаб.

В кабинете командующего Фролов и Галанин увидели генерала, подполковника, еще нескольких военных и трех штатских.

Сочтя, что главный здесь генерал, Фролов обратился к нему и передал пакет.

Несколько часов назад Временное правительство сместило Полковникова («не оправдал доверия») и назначило главнокомандующим округом генерала Багратуни.

Генерал, коротконогий, низенький, полный, с восточно-сладкими глазками, как всегда выглядел спокойным. Не вскрывая пакета, он передал его узколицему господину с лысеющей головой и сивыми усиками. Лишь позже Фролов узнал, что это был кадетский министр Кишкин, которому Временное правительство только что предоставило диктаторские полномочия для «водворения порядка в Петрограде». Ему были подчинены все военные и гражданские власти столицы.

По профессии Кишкин был врачом, занимал пост министра государственного призрения (богадельни, пенсии, лазареты). Казалось, какой из него диктатор? Однако выбор был не случайным. Кишкин принадлежал к «сильным» личностям кадетской партии, он проявил себя таковым еще в дни февраля в Москве.

Кишкин вскрыл пакет, молча прочел бумагу и передал худому, порывистому господину в наглаженном костюме, в белой сорочке — инженеру Пальчинскому, первому своему помощнику.

Пальчинский быстро пробежал глазами бумагу и сунул Рутенбергу — тоже инженеру, тоже помощнику «диктатора», эсеру.

Последним прочел подполковник Пораделов — генерал-квартирмейстер штаба округа. Подполковник

нахмурил брови и, бросив бумагу на стол, метнул взгляд на самокатчиков.

Да, это были с виду совсем простецкие парни. Но солдаты Армии Революции! И они с улыбкой наблюдали, как из рук в руки переходила, обжигая, бумага, которую они привезли*.

Постановлением Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов Временное правительство объявляется низложенным. Вся власть переходит в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Зимний дворец окружен революционными войсками. Орудия Петропавловской крепости и судов: «Авроры», «Амура» и других наведены на Зимний дворец и здание Главного штаба. Именем Военно-революционного комитета предлагаем членам Временного правительства и вверенным ему войскам капитулировать. Временное правительство, чины Генерального штаба и высшего командного состава арестовываются; юнкера, солдаты и служащие разоружаются и по проверке личностей будут освобождены.

Для ответа Вам предоставляется 20 минут. Ответ передать посланному. Срок ультиматума истекает в 19 час. 10 мин., после чего немедленно будет открыт огонь...

Тем временем к Дворцовой площади уже подъехали броневики Военно-революционного комитета и блокировали все выходы. У Невы возле Троицкого моста, на Миллионной, у Певческого моста заняли позиции павловцы и красногвардейцы. Под аркой Главного штаба сосредоточились солдаты, матросы, вооруженные отряды рабочих. По Невскому к Дворцовой площади выдвинулись кексгольмцы. Дальше — до самой Невы за Адмиралтейством — тысячи и тысячи в черных бушлатах.

А какие силы были у Кишкина?

К вечеру 25 октября Зимний защищали лишь небольшие группы юнкеров, казаков, около полутора сотен фанатичек из женского батальона смерти, небольшой отряд «партизан» Стуканцева и ратников Синебрюхова.

Но «диктатор» возлагал надежды на подход с фронта войск, за которыми утром, бежав из Петрограда, помчался Керенский.

Кишкин встал, за ним — его помощники.

---

* С таким же ультиматумом в Зимний дворец отправился член ВРК Григорий Чудновский.

— Ждите, — сказал он парламентерам и направился к выходу. За ним последовали генерал Багратуни, Пальчинский, Рутенберг, адъютанты, юнкера.

Кишкин и его помощники направились в Зимний дворец.

В кабинете командующего остались Пораделов и еще несколько военных из политического отдела штаба округа.

Фролов порылся за пазухой, вынул карманные часы с цепочкой — большие, пузатые, с оправой вороненого цвета. Приложил к уху («Идут как положено!») и, полный достоинства, открыл верхнюю крышку.

Стрелки показывали то же время, что и настенные часы в кабинете командующего.

Пораделов переговаривался с офицерами и поглядывал на двери. Но вестовой из Зимнего не появлялся. Не было и телефонного звонка.

— Срок прошел! — Фролов стал прятать часы.

— Штабу необходимо еще минут десять, — поторопился Пораделов.

— Не уполномочены, — ответил Фролов.

— Тогда запросите тех, кто уполномочен.

Фролов и Галанин вышли за дверь. Переговорили, решили взять на себя: подождать еще десять минут.

Фролов и Галанин вернулись к Пораделову.

Когда истек и второй срок, из Зимнего передали: ответа не будет.

— Будет! — не сдержался Фролов и торопливо побежал вниз по лестнице.

19

По приказу Военно-революционного комитета началась операция по захвату штаба округа. Павловцы с Миллионной и со стороны Певческого моста, а с павловцами матросы и красногвардейцы ударили одновременно. Ратники Синебрюхова и юнкера, подоспевшие из Зимнего, открыли ответный огонь. Но натиск атакующих был решительный, а огонь дружный и сильный. Ратники и юнкера отступили.

Освальд Дзенис:

«...Я во главе 12—15 товарищей вбежал в здание. Наверху мы застали нескольких юнкеров, торопившихся взять телефоны.

Минут через пять начался усиленный обстрел здания. Юнкера сбили наших солдат, находившихся внизу у входа в здание со стороны Певческой капеллы, но у юнкеров уже не хватило сил снова занять здание; притом это было сопряжено с большим риском быть разгромленными наступавшими солдатами и красногвардейцами, которые уже совсем близко придвинулись к площади. Юнкера все стянулись в Зимний дворец».

Укрылся там и Синебрюхов. Его ратники частью были пленены, частью разбежались, другие укрылись в Певческой капелле.

В штаб округа подоспел член полевого штаба ВРК Владимир Антонов-Овсеенко. В коридорах, в кабинете командующего он застал штабных офицеров, перепуганных, робко жавшихся по углам.

Антонов-Овсеенко приказал обезоружить и собрать офицеров в одну комнату, поставив перед ней караул.

К семи часам сорока минутам вечера все было кончено. Штаб округа перешел в руки войск Военно-революционного комитета.

Вскоре генерал-квартирмейстер Пораделов, а с ним другие видные чины штаба понуро шагали по Миллионной. Под конвоем. Сквозь строй солдат и матросов, готовившихся нанести последний удар. Теперь — по Зимнему.

«Смерть корниловцам!» — это слышалось и на Миллионной, и на набережной Невы, и на Троицком мосту, где живой человеческий коридор оказался особенно узким, где конвойным пришлось употребить немало сил, чтобы благополучно провести арестованных к Петропавловской крепости.

Их поместили на офицерскую гауптвахту. Камеры Трубецкого бастиона были приготовлены для более «знатных»...

Тех «знатных» — министров Временного правительства — привели после двух часов ночи. После того как министры отвергли второй ультиматум Смольного и пришлось Зимний брать штурмом.

Министров Временного правительства арестовал особый отряд матросов и красногвардейцев, во главе которых был член Военно-революционного комитета Владимир Антонов-Овсеенко.

20

Николай Маркин вместе с матросами вечером 25 октября занимал министерства на Дворцовой площади. Его видели в Петропавловской крепости, во 2-м флотском экипаже и в Морском порту. Назавтра он проверял, надежна ли охрана в районе Смольного. Он был на ночном заседании II Всероссийского съезда Советов 26 октября. Утром помчался на Петроградскую сторону, ко дворцу Кшесинской.

В ночь штурма Зимнего «партизаны» Стуканцева и другие находившиеся в особняке «ударники» оказались в блокаде: перед домом Кшесинской появились усиленные наряды матросов и красногвардейцев. Они перекрыли все выходы и входы. «Ударники» видели из окон, как вспыхивали зарницы «Авроры» и орудий Петропавловской крепости. Они слышали гул артиллерийских выстрелов, винтовочную трескотню в районе Дворцовой площади. С утра 27-го офицеры все же зашевелились и попытались сорганизовать наличные силы. Военно-революционный комитет послал матросов и солдат, чтобы разоружить всех находящихся в особняке.

Там по этажам заметался, отдавая приказания, штаб-ротмистр Стуканцев. Он требовал сражаться.

— Умрем, но не сдадимся! — призывал к бою юнкер-георгиевец.

«Партизаны»-«ударники» были в растерянности: выступать или нет? Впрочем, ночь штурма Зимнего подсказала решение большинству блокированных в особняке Кшесинской.

«Оружие сдавать! Гарантируем достойное обращение. Если будете сопротивляться — разнесем!» — такой ультиматум предъявил Николай Маркин.

...Ни приказы Стуканцева, ни призывы портупей-юнкера успеха не имели. «Ударники» срывали со своих шинелей посеребренные черепа и погоны с георгиевскими лентами. Выходили с поднятыми руками, сдавали винтовки, гранаты, карабины. Другие складывали оружие в самом особняке и там же оставались.

Среди вышедших был штаб-ротмистр Стуканцев. Ушел и портупей-юнкер. Перед особняком Кшесинской остались красногвардейские патрули. Николай Маркин возвратился в Смольный.

На вопрос: «С какого времени работаете в Смольном?» — Сергей Иванович Гусев впоследствии отвечал точно:

— С 26 октября 1917 года.

— Где работали до поступления в Смольный?

— В Секретариате ЦК.

— Кем рекомендованы?

— Еленой Дмитриевной Стасовой.

27 октября квартирмейстер революции получил в Смольном мандат Военно-революционного комитета за подписью Якова Михайловича Свердлова:

Настоящее удостоверение дано тов. Сергею Ивановичу Гусеву (Владимиру Иваовичу Муромскому) в том, что ему поручена организация секретариата при Военно-революционном комитете. Посему предлагается оказывать ему полное содействие, выполнять его приказания и пропускать во все помещения Смольного института.

Так впервые было расшифровано, кто такой «Владимир Иванович Муромский».

Адреса, ранее записанные Свердловым со слов «приезжего коммерсанта», теперь не понадобились. По причине полной и необратимой победы революции!

Глава вторая

Дело № 1

I

Куда идти?

Портупей-юнкер никаких планов не имел. Одно только решил твердо: в особняк Кшесинской не возвраща́ться. Там — необъявленный плен.

Он думал о Стуканцеве... Ускользнул, не сказав ни слова. Заметает следы? А может, что-то другое?.. Бог с ним... Раз ничего не сказал, можно поступать посвоему...

Удостоверение с пронумерованной фотографией еще лежало в кармане. Юнкер догадывался, что теперь такой документ может только навредить. Как же быть? Спросить Владимира Владимировича!

...В подъезде Генерального штаба юнкеру преградил дорогу матрос:

— Куда?

— К генералу Марушевскому.

— Нельзя. Надо сначала к комиссару.

— Мне лично к начальнику штаба...

— Оглох, что ли? Сказал же: сначала к комиссару! Вход с Невского...

Юнкер круто повернулся и двинулся к выходу.

На Невском постоял в нерешительности и побрел в сторону Аничкова моста.

«Не дать ли ходу из этого питерского водоворота? К черту политику! На вокзал!.. «Обстоятельства изменились»?! Для меня тоже, Владимир Владимирович! Спасибо за заботу, я сыт».

Но чем больше склонялся он к мысли о том, чтобы ехать домой, тем, казалось, явственнее слышал недовольные голоса и Марушевского, и Сурнина, и тех, кто с детства внушал, что у него особенный долг перед отечеством, где его отец был генералом, где он сам будущий генерал, где на Кубани у него наследство, оставшееся после гибели отца.

На Невском, перед городской думой, толпился народ. Бойкий мальчишка, продавец газет, выкрикивал:

— Новые подробности большевистского переворота! Последние известия!

Портупей-юнкер купил газеты... «Образовался „Комитет спасения родины и революции"»... «Керенский в Гатчине»... «Правительственные войска наступают на Петроград, не встречая сопротивления»... «Арест начальника контрразведки Петроградского военного округа»...

Последнее юнкер прочел дважды. Вновь вспомнилось удостоверение с пронумерованной фотографией. Мгновенно пришло решение.

Юнкер еще торопливей зашагал к мосту... Разорвать удостоверение и — в Фонтанку!

Пройдя, однако, с полсотни шагов, опять задумался.

Керенский наступает на Петроград... Может, все еще образуется? Нет, мандат еще пригодится.

Но куда держать путь?

Пришло на память стократно слышанное: «Союз георгиевцев опекает кавалеров своего ордена». А что если туда? Приютят, накормят, дальше видно будет.

Юнкер отправился на Захарьевскую, 14.

В коридорах, на лестницах, в комнатах с распахнутыми и хлопающими дверями было людно. Солдаты-георгиевцы, усатые, высоченные, широкоскулые, с ними щуплые недоростки и безусые юнцы сидели и

полулежали, прислонившись к стене и на ступеньках лестниц, курили, толковали:

— Да кто он такой, чтоб все делать по его разумению?!

— Облечен полномочиями...

— Наши полномочия. Как порешим, так и будет.

Мимо спешили, позвякивая шпорами, офицеры с наганами, при саблях. Словно не замечая сидящих, офицеры проносились почти у самых лиц и ног солдатских.

— Надо не разжигать, а гасить пламя гражданской войны! — услышал юнкер.

Говорил узколицый прапорщик в очках.

— Такая тактика была бы только на руку большевикам, — не соглашался подпоручик, молодой, курносый, с румянцем на пухлых щеках.

Все торопились на второй этаж.

Юнкер пошел туда же.

По длинному коридору шествовал долговязый, сутулый унтер-офицер, уже немолодой, без фуражки, с портфелем в руках. Сутулого окружала свита офицеров и рядовых.

— Это и есть Осьминин? — толкнул соседа усач георгиевец. Оба они полулежали на полу и дымили самокрутками.

— Он самый.

— И всего-то... А я думал тут генерал командует... — разочарованно сказал усач. — Видать, из политиков?

— Все здесь теперь политики.

Эта фраза почему-то странным образом задела юнкера. Он шел сюда совсем за другим.

Догадавшись, что долговязый — главный в Союзе георгиевцев, юнкер остановил солдата из свиты унтера:

— Подскажите, у кого тут справиться насчет ночлега?

Солдат, белобровый чистенький толстячок, видать давно притершийся к комитетским канцеляриям, ответил рассерженно:

— Предстоит ответственное заседание, а вы с пустяками! — и пошел догонять долговязого.

Юнкер хотел было послать вдогонку пару окопных слов, да понял: все равно придется ждать конца «ответственного заседания»...

Старший унтер-офицер Александр Осьминин появился на Захарьевской, 14, вскоре после июльских дней 1917 года. Делегировал его «Республиканский союз народа и армии» — союз, который еще с весны звал к военной диктатуре. Состоял ли тогда Осьминин в партии эсеров, неизвестно. Но уже тогда он шел к своей цели по стезе эсеровской.

Летом 1917 года во главе петроградского Союза георгиевских кавалеров стояли известные генералы. Осьминин был всего-навсего «раненым солдатом из крестьян Вологодской губернии». Так, во всяком случае, он рекомендовал себя. И был он поначалу робким и тихим. Все присматривался, все смекал, куда идет дело. Потом стал подавать голос — на заседаниях президиума союза, на собраниях. И все вставлял:

— Я от самых низов...

Солдатам это нравилось — свой, мужик. Генералы хмурились, но садились с унтером рядом: демократия!

Союз георгиевцев тогда насчитывал до пяти тысяч офицеров и солдат. Наставниками их были Лавр Корнилов и глава Союза казачьих войск атаман Дутов.

Однажды пожаловал сам Керенский:

— Георгиевцы — стена России! Стойте твердо! На вас надежда!

Осьминин тем временем все смелее ораторствовал и даже обнаружил страсть к писанию резолюций да статеек.

Когда в августе Корнилов шел к власти, Осьминин призвал георгиевцев присягать генералу. Когда Корнилов рухнул, Осьминин тотчас написал воззвание, предав анафеме Корнилова и провозгласив здравицу Керенскому.

К 18 октября ни одного генерала в Союзе георгиевцев уже не осталось. Одни ушли сами, других не избрали. Председателем стал старший унтер-офицер Александр Осьминин. Первое, что он сделал, — поехал к Керенскому, предложив сформировать для борьбы с большевиками особую армию георгиевцев. Стена так стена! Керенский поблагодарил. Но времени для сфор-

мирования георгиевской армии не оказалось. Утром 25 октября Керенскому пришлось бежать. Потом большевики взяли Зимний дворец и арестовали всех министров.

Поздно вечером 25 октября в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов. Осьминин был там среди гостей (пригласили эсеры). Он видел, как уходили со съезда «виднейшие»: Мартов — с обескровленным лицом, весь кривенький, с взлохмаченной головой, с помутневшими глазами за стеклами пенсне; Гоц — худой, посиневший, рассерженно-хмурый; Богданов, Дан, Филлиповский и прочие из эсеров и меньшевиков, члены ЦИК первого созыва, полномочия которого теперь оканчивались.

— Скатертью дорога!

— Ренегаты!

— Корниловцы! — неслось вслед уходившим.

Делегаты съезда провозгласили Советскую власть, приняли первые декреты победившей революции и образовали рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров.

Беглецы же собрались в городской думе на Невском проспекте и затрезвонили:

— Совместная работа с большевиками невозможна...

— Решения смольнинского съезда не признаем...

— Для воссоздания государственной власти образуем «Комитет спасения родины и революции».

Правильнее было бы назвать: «Комитет спасения контрреволюции», ибо все, что делал, все, что замышлял этот комитет, было попыткой организовать поход против сил, совершивших Октябрь, величайшую из народных революций.

В «Комитет спасения» вошли члены ЦИК первого созыва, представители центральных комитетов партий эсеров, меньшевиков, «народных социалистов», гласных городской думы, делегаты военных союзов, за которыми стояли не только лжесоциалисты, но и кадеты.

Союз георгиевских кавалеров в ту ночь в городской думе представлял Осьминин. Он сказал, что георгиевцы полностью на стороне «Комитета спасения». Но, утверждая так, он понимал, что это пока лишь его личное заверение. А как порешит президиум союза?

«Комитет спасения» прислал на Захарьевскую, 14, воззвание, подписанное Николаем Авксентьевым, одним из лидеров правых эсеров и виднейшим деятелем комитета. Авксентьев звал георгиевцев не исполнять распоряжений Смольного и стать опорой «Комитета спасения».

...Синий табачный дым, духота, потные лица. Георгиевцы сидят на скамьях, стоят вдоль стен, у дверей, у окон, в проходах между рядами скамей. За столом президиума, в центре, — долговязый, сутулый Осьминин:

— Дозвольте считать пленарное заседание открытым. Получено воззвание «Комитета спасения»... Мы должны определить свое отношение к государственному перевороту, совершенному большевиками.

Осьминин читает бумагу за подписью Авксентьева. Рассказывает о том, чему ночью был свидетелем в Смольном и городской думе. Изливает проклятия на головы тех, кто «атаковал Зимний, кто опустил мрак на всю Россию». И предлагает резолюцию: большевиков признать захватчиками власти, все силы георгиевцев предоставить в распоряжение «Комитета спасения».

Но не все согласны с Осьмининым:

— Нельзя решать односторонне.

— Послать две делегации: в «Комитет спасения» и в Военно-революционный комитет Смольного.

— К Керенскому — тоже!

Осьминин заранее наслышан об этих настроениях. Он терпеливо ждет конца речей оппонентов. Сам говорит последним. Теперь с нотками примирения... Если воля большинства состоит в том, чтобы поддерживать связь со всеми борющимися силами, то и он за то, чтобы послать три делегации. Но первую — в «Комитет спасения». И делегацию ту он хотел бы возглавить сам...

...Юнкер все прислушивается, желая понять, что же происходит. Ему трудно уловить все тонкости взаимоотношений между обитателями этого шумного дома. Но он понимает, что где-то проходит невидимый водораздел, и на вопросы, которые волнуют и его, — как теперь быть, что делать, куда идти? — отвечают поразному.

Портупей-юнкер пробился к Осьминину, когда тот уже садился в машину. Георгиевские кресты и звездообразный «Почетный легион» были немедленно замечены Осьмининым, и он согласился выслушать юного казака. Потом вдруг прервал:

— А вы хотели бы поехать со мной?

— Куда?.. Зачем?

— Чтобы сражаться! — Осьминин оглядел юнкера. — А ну, садитесь! — Осьминин открыл дверцу автомобиля с низким кузовом-каретой и, изогнувшись, полез вовнутрь. Юнкер — за ним.

Полчаса спустя они поднимались по лестнице городской думы.

Толпа перед зданием думы теперь еще больше шумела, роилась, вновь смыкалась.

То и дело появлялись красногвардейцы:

— Граждане, расходитесь!

Но красногвардейцев мгновенно окружали; они оказывались в плену толпы, и разгорались жестокие словесные перепалки.

Вверху, на лестнице при входе в думу, Осьминин и юнкер были остановлены:

— Ваши мандаты?

— Извольте... Господин юнкер — со мной...

В Александровском зале заседал «Комитет спасения». Все было, как на митинге: слушали, вставали, курили, куда-то уходили, возвращались.

В президиуме, за длинным столом, на возвышении, сидели Авксентьев и Чернов, лидеры правых эсеров, Чайковский, глава «народных социалистов», и те, что два дня назад бежали из Смольного: Мартов, Дан, Гоц, Филлиповский... И видный деятель эсеров Брудерер, и бывший управляющий морским министерством эсер Лебедев.

— Посидите, я за вами приду, — сказал Осьминин, указав юнкеру место в одном из последних рядов думских депутатских скамей.

— Время резолюций прошло! Только физические активные действия могут изменить положение! — горячился с трибуны Гоц.

Впереди, среди военных и штатских, Осьминин разыскал грузного, с мясистым лицом, человека во флотском кителе, без погон, с расстегнутым воротом.

— Федот Михайлович! — позвал унтер.

Грузный встал. Вдвоем прошли к окну, за которым было небо в облаках и чахоточный свет осени.

— Принята резолюция послать три делегации: сюда, в Смольный и в Гатчину... Требовать примирения...

— Но это же нелепость! — превозмогая одышку и шумно раздувая грудь, как мехи, засопел толстый во флотском кителе. — Никаких переговоров со Смольным!

— Федот Михайлович... — извинительно и успокаивающе посмотрел сверху тонкий и высокий Осьминин. — Георгиевцы по-разному оценивают текущий момент... Я не мог идти на раскол...

— Товарищ Осьминин, сидение на двух стульях не лучший способ удержаться, — наступал толстый.

— Но мое личное отношение вы знаете...

— Комитету нужны не личные отношения, а ударные сотни для «Армии спасения»!

Осьминин выслушал терпеливо. Он сказал о том, что любой на его месте не стал бы в такой момент противопоставлять себя воле большинства. Но и принятая резолюция не так уж плоха. Она оставляет для него, председателя георгиевского союза, достаточную свободу.

Толстый во флотском кителе достал трубку, закурил.

Теперь они заговорили совсем тихо.

— Понял... — согласился Осьминин.

Толстый в кителе погасил трубку и пошел на свое место.

На трибуне теперь был Авксентьев — рыжебородый, высокий, профессорски-солидный. Он не горячился, как Гоц, и ничего не требовал. Он, как генерал перед сражением, докладывал об обстановке и знакомил с диспозицией войск — правда, войск противника. О своих же говорил кратко... По последним сведениям, три кавалерийские дивизии генерала Краснова подходят к Царскому Селу... Следует надеяться, что и в Петрограде найдутся силы, которые не захотят в этот исторический момент бездействовать!..

Осьминин подошел к юнкеру, позвал его. Оба торопливо вышли из зала.

В кулуарах царило всеобщее возбуждение. Все

были во власти слухов, с каждым часом все более обнадеживающих.

Осьминин, вытянув шею, стал кого-то разыскивать. У одной из колонн он увидел тех, кто его интересовал. Их было трое: высокий, плечистый подпоручик, светловолосый, с крупными чертами лица — большим лбом, большими глазами, большим носом, с отвисшей губой, резким подбородком; он, видимо, торопился и прощался с военным доктором и штатским — молодым, белокурым, с горбинкой на носу. Подходя, юнкер заметил, что на левой руке белокурого бездействуют два пальца — они точно деревянные, торчали не сгибаясь.

— Честь имею! — бросил на ходу Осьминину подпоручик, уже попрощавшийся с доктором и штатским. Осьминин ответил приветливым взмахом руки.

Военный врач и штатский встретили Осьминина, как давно знакомого.

— Мартьянов, поговорите с юнкером, — сказал Осьминин, представляя своего спутника штатскому. И добавил: — Можете на него положиться. — После этого отозвал доктора и заговорил с ним наедине.

...Около двух часов дня, пообедав в думе, юнкер пересек Невский проспект и по Екатерининской улице вышел к Михайловскому манежу.

2

Владимир Ильич Ленин еще писал свои поручения на бланках Военно-революционного комитета (совнаркомовские изготовить не успели). Еще почти все народные комиссары работали в Смольном. А красные министерства состояли пока из нескольких сотрудников, занимавших угол какой-нибудь смольнинской комнаты и повесивших табличку: «Комиссариат финансов» или «Комиссариат просвещения».

Но главное уже свершилось. Смольный из штаба восстания превратился в штаб управления Петроградом и Россией, в резиденцию нового ВЦИК и Совета Народных Комиссаров.

В самом Смольном центр его переместился из Семьдесят пятой в шестьдесят седьмую комнату: из Военно-революционного комитета — в первый рабочий

кабинет Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ленина.

Теперь здесь было средоточие воли и устремлений революции. Отсюда исходили декреты, цель которых состояла в том, чтобы вырвать страну из пучины войны, передать землю крестьянам, организовать производство без частной собственности при рабочем контроле, демократизировать армию, накормить города хлебом, одеть раздетых и разутых, послать в разоренную деревню плуг и ситец, сплотить народы России в единую равноправную семью.

Но с самого начала пришлось не только создавать новое. Надо было и отстаивать только что завоеванное.

Щитом и мечом, выставленным революцией для отражения вражеских атак, стал Военно-революционный комитет. Его задачи теперь определялись так:

«1. Охрана революционного порядка;

2. Борьба с контрреволюцией;

3. Охрана учреждений, являющихся пунктами Советов... и Совета Народных Комиссаров».

Военно-революционный комитет быстро разрастался. Появились отделы, службы. Они заняли многие комнаты третьего этажа Смольного. Что касается Семьдесят пятой, то здесь по-прежнему размещался Военный штаб ВРК. Он приобрел теперь значение главного штаба борьбы с контрреволюцией.

Труднейшую эту работу в Военно-революционном комитете возглавили Феликс Дзержинский, Николай Скрыпник, Моисей Урицкий, Мартин Лацис, Дмитрий Евсеев, Николай Крыленко...

В людском потоке, который разлился в те дни по коридорам и комнатам Смольного, были тысячи защитников Советов, посланцы от тысяч и миллионов за пределами Смольного и Питера, — рабочие, красногвардейцы, матросы, солдаты, ходоки из сел и деревень. Сколько любви и уважения к Ильичу несли они в своих сердцах, переступая порог ленинского кабинета!

Но были и враги.

Надо было оберегать Владимира Ильича, ленинский Совнарком, Центральный Комитет большевистской партии. Вместе с Военно-революционным комите-

том охрану Ильича обеспечивало Управление делами Совнаркома.

Старый партийный товарищ Ильича, историк, публицист, большевистский издатель, тонкий конспиратор времен подполья, человек душевный и волевой, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич возглавлял это Управление. Он был назначен по предложению В. И. Ленина.

Кстати, когда Владимир Ильич впервые обдумывал состав Советского правительства и набрасывал проект назначений, он, написав фамилию «Бонч-Бруевич», сделал пометку: *«Заведующий делами»* (правительства) или «Народный комиссар революционного порядка».

В первом составе правительства должности наркома революционного порядка не оказалось. Но прошло немного времени, и Бонч-Бруевичу по рекомендации Владимира Ильича пришлось, наряду с исполнением должности управляющего делами СНК, стать председателем Комитета по борьбе с погромами и контрреволюцией, занять один из боевых участков фронта, который возглавлял Феликс Эдмундович Дзержинский.

Для охраны Владимира Ильича Ленина Военно-революционный комитет передал в распоряжение Бонч-Бруевича группу особо боевых матросов, солдат, красногвардейцев, связанных с Семьдесят пятой. Среди них был Михаил Цыганков, красногвардейцы Петроградского трубочного завода Егор Воронцов и Половинкин, пулеметчик Степан Желтышев, матрос Григорий Бычков и другие.

3

— Мы не можем ждать ни единого часа. Наступление Керенского должно быть использовано. Самое время вмешаться в борьбу. Опоздаем — раздавят и большевики и Керенский...

Так без обиняков говорил Пуришкевич на конспиративном собрании членов штаба своей организации.

Собрание происходило в доме братьев Парфеновых на Николаевской улице, 7. Пуришкевич все время менял места сборов, ибо квартиру бывшего шталмей-

стера двора его величества он не считал достаточно безопасной.

К концу октября монархисты с Пуришкевичем во главе располагали уже вполне сформировавшимся штабом, налаженными связями, деньгами, оружием, средствами размножения пропагандистских прокламаций. Правой рукой главаря и заведующим внешними связями организации был молодой штаб-ротмистр барон Николай Боде, служивший в Управлении военно-воздушного флота. Начальником штаба — капитан Шатилов, опытный военный, безусловно настроенный действовать, но действовать наверняка. Всей перепиской и скупкой оружия ведал Иван Парфенов, давний приверженец «Палаты Михаила Архангела», секретарь Пуришкевича. Офицером для поручений служил штабс-капитан Арсений Душкин, сын помещика, человек близкий Боде. С Боде был близок и юнкер Инженерного училища герцог Дмитрий Лейхтенбергский, сын полковника русской службы, предки которого состояли в родстве с императором Николаем I и с двором баварского короля. Отец Дмитрия Лейхтенбергского до лета 1917 года служил в штабе Верховной ставки русской армии; его уволили по распоряжению из Петрограда — столь монархически одиозной была эта фигура.

На конспиративном совещании у Парфеновых, как всегда, присутствовал штаб-ротмистр Амбразанцев. Был там и капитан Кожевникянц, черненький, маленький, болезненно порывистый, — личность авантюрная. И молодой прапорщик Зелинский, готовый исполнить любое повеление светлейшего Владимира Митрофановича. И еще какие-то лица, оставшиеся неизвестными.

«Выступать немедленно!»... Не все собравшиеся в доме Парфеновых оказались согласны с Пуришкевичем.

Штаб-ротмистр Амбразанцев, успевший провести разведку в офицерских организациях, о которых он говорил на первой конспиративной встрече, проявил особую сдержанность...

— «Военная лига» и «Республиканский центр» все еще не оправились от паралича послекорниловских дней, — докладывал Амбразанцев. — Нужно время, чтобы их оживить. Союз георгиевских кавалеров —

организация, несомненно, мощная. Но сейчас она в руках людей, стоящих на разных позициях. Нынешний председатель эсер Осьминин безусловно может быть использован. Он настроен непримиримо. Другие, однако, склонны выжидать, сотрудничать и со Смольным и с «Комитетом спасения». В Союзе казачьих войск единодушия больше, хотя далеко не все полки идут за союзом. Что касается «ударников» и формирований «увечных» воинов, то они отчасти разгромлены, отчасти разбежались. Нужно время и время, чтобы собрать их.

Капитан Шатилов высказался в том же духе — выступать еще рано. Правда, обосновал он это несколько иначе. Петроградский гарнизон целиком на стороне большевиков. Поэтому всякое выступление в столице пока обречено на провал. Нужно на время уйти в провинцию, там накапливать силы и только потом двинуться на Петроград.

Пуришкевич слушал терпеливо. Потом встал и не без колкости парировал:

— Господа, я верю, что вы храбрые офицеры и хорошие разведчики. Но политики, простите, никудышные.

Каждый день отсрочки, доказывал Пуришкевич, только на руку Смольному. Керенский ведет войска из-под Гатчины. Если одновременно ударить изнутри, то даже ребенку должно быть понятно, каков выигрыш. Выступать немедленно!

— То, что сегодня можно сделать несколькими сотнями юнкеров, завтра не сделать пятью дивизиями казаков. Вот что главное! — закончил Пуришкевич и предоставил слово штаб-ротмистру Николаю Боде.

Стало ясно, что Пуришкевич имеет план практический.

4

Из донесений, записанных дежурным секретарем Военно-революционного комитета 27 октября:

«4 часа 30 минут. В Михайловском манеже следует проверить караулы... среди них ведется агитация, и принять меры к охране бронированных автомобилей».

5

Поздно вечером 27 октября Абрам Гоц, тот самый, что некогда руководил Стуканцевым при занятии особняка Кшесинской, тот, кто считался среди эсеров опытным боевиком, кто был теперь одним из руководителей «Комитета спасения», отправился на Балтийский вокзал. Гоц был в сером пальто, в серой шляпе с опущенными полями. Он старался быть незамеченным. Не подавал виду, что с ним на вокзале еще четверо, тоже от «Комитета спасения». Они сидели в стороне, занятые каким-то разговором. Гоц расхаживал по платформам, прислушиваясь, что говорят давние вокзальные сидельцы, о чем толкуют железнодорожники. Все для того, чтобы узнать, ходят ли поезда на Гатчину, если да, то когда ближайший?

Человек в серой шляпе все же был замечен. К нему подошли матросы и потребовали пройти к комиссару вокзала. Комиссаром был Юлий Любицкий, матрос с «Республики», молодой, смуглолицый, с красивым лицом актера.

— Гражданин Гоц? — словно полюбопытствовал комиссар.

Любицкий часто бывал в Смольном и бывшего члена ЦИК знал в лицо.

— Вас, оказывается, интересуют поезда на Гатчину? Понимаю, не терпится увидеть Керенского? Должен огорчить — вы поедете в другом направлении.

Гоца доставили в штаб округа. Там его допросил Николай Крыленко и препроводил в Смольный. Но в Смольном еще не все было налажено для того, чтобы таких, как Гоц, держать под надлежащим присмотром. И он, «оставленный на свободе, вместо объяснений со следственной комиссией, предпочел улизнуть», — сообщалось позднее.

Гоц помчался опять на Невский, в городскую думу.

Там продолжались заседания «Комитета спасения». Теперь — с участием Полковникова. Того, кто был уволен Керенским, кто скрывался с утра 25 октября и объявился по призыву Авксентьева и Гоца.

6

Из Смольного во все концы города: в полки, на заводы, в морские экипажи, в районные штабы Красной гвардии и в районные Совдепы — отправлялись комиссары, порученцы Военно-революционного комитета, вестовые Председателя Совнаркома. Они отвозили боевые приказы, возвращались в Смольный и снова мчались по ночным притихшим, но уже таившим в себе тревогу улицам красной столицы.

Донесения, поступившие в Смольный из Пскова, Луги, Гатчины, Царского Села, подтвердили: да, Керенскому удалось поднять конный корпус генерала Краснова и начать движение казачьих эшелонов на Петроград.

В ночь на 28 октября решением ЦК партии и правительства было образовано советское военное командование для руководства боевыми операциями против Керенского—Краснова. Владимир Ильич Ленин стал во главе особой комиссии ЦК и Совнаркома, объединившей усилия военных и гражданских властей для разгрома мятежников.

Утром к Красному Селу и в сторону Пулкова уже направлялись советские воинские эшелоны, броневики; шли маршевые колонны матросов и красногвардейцев.

На защиту Питера и революции поднялись тысячи и тысячи.

А столица прислушивалась.

— Казаки Краснова уже в двух верстах от Царского Села, — шептались на кадетской «бирже слухов» у Владимирского собора.

— И на станции Александровская... Двадцать две версты от Петербурга!

Эсеро-меньшевистская «биржа» у городской думы предсказывала, что к вечеру, самое большее к утру, войска Керенского уже будут на Царскосельском и Балтийском вокзалах.

На тех же «биржах» можно было уловить и другое: что-то затевается и в самом Петрограде.

Все эти слухи немедленно доходили до Смольного. Через комиссаров ВРК, патрули Красной гвардии, через товарищей из «Особой разведки» Военно-революционного комитета.

Имя того, кто в самые первые дни революции возглавлял «Особую разведку», установить пока не удалось. Но известно, что помощником начальника отряда с момента организации его был Александр Карновский, рабочий завода «Новый Лесснер», человек бывалый и отважный. В десятых числах ноября Карповский стал начальником «Особой разведки».

Поначалу отряд насчитывал человек двадцать пять—тридцать. Фамилии их известны по удостоверениям Военно-революционного комитета. Но, к сожалению, пока это только фамилии. Впрочем, две из них, хотя и очень привычные — Петров и Васильев, — стоит запомнить...

В удостоверениях, выданных после 25 октября, говорилось, что на товарищей из «Особой разведки» возлагаются обязанности по охране революционного порядка — предотвращению всяких бесчинств, хулиганских проявлений, задержанию подозрительных лиц. Но уже в первые дни после Октябрьского восстания жизнь потребовала расширения сферы деятельности этих товарищей.

Обходя улицы, места собраний, гостиницы, рестораны, кинематографы, вокзалы, рабочие-комиссары встречались не только с бесчинствами хулиганов. То здесь, то там обнаруживались признаки вражеской работы лазутчиков контрреволюции. И красные разведчики, как и раньше, не выявляя себя гласно, дознавались, доискивались, доспрашивались — и накрывали врага. Комиссары «Особой разведки» принимали участие и в обысках и в арестах контрреволюционеров — по приказу штаба Семьдесят пятой, по ордерам военно-следственной комиссии ВРК.

Записи дежурного по столу донесений Военно-революционного комитета 28 октября:

«2 часа 40 минут. От комиссара Назарова *. По Шпалерной улице по направлению к Литейному проехала сотня казаков.

2 часа 40 минут. От комиссара Бондарева *. На углу Невского и Литейного разоружают Красную гвардию.

* Очевидно, имеются в виду комиссары «Особой разведки». В других случаях в записях стола донесений обычно указывалось, комиссар какого полка или ведомства.

2 часа 45 минут. От комиссара Тробалева *. У Николаевского вокзала ударники агитируют за Керенского...

4 часа 40 минут. От комиссара Алексеева *. На Невском большие толпы. Городская дума приняла воззвание с призывом к поддержке старого правительства.

12 часов 30 минут ночи. От комиссара Козырева *. Вечером на Невском были разоружены красногвардейцы. Из 50 человек вернулись с оружием 13. По красногвардейцам было дано несколько выстрелов...»

«На Невский отправлен отряд в 200 человек... Послана разведка» — так реагировал Смольный.

7

В третьем часу ночи 29 октября из Инженерного замка вышли двое: штатский в шляпе-«тирольке» и военный в форме «ударника» — с посеребренным черепом на рукаве. Оба подошли к мосту через Фонтанку. С противоположного берега, со стороны Чесменской богадельни, ударили, разрывая ночную мглу, яркие лучи приближающегося автомобиля. Штатский и его спутник притаились.

— Стой! — закричал военный, когда автомобиль пересек мост. — Пропуск! — и выхватил револьвер.

Автомобиль остановился. Военный начал рассматривать пропуск, а штатский заглянул в кузов. Никого нет! Это заметил и «ударник». Не сговариваясь, почти в одно мгновенье оба вскочили в кузов автомобиля.

— На Петроградскую сторону, живей!

— То есть как? Мне в другую сторону, — запротестовал шофер.

— На Петроградскую, понял! — «ударник» пригрозил револьвером.

Машина развернулась и поехала через Марсово поле к Троицкому мосту. Несколько минут спустя автомобиль остановился перед особняком Кшесинской. Штатский ненадолго вошел туда. И снова — в путь. Теперь по Большой Дворянской.

— Стой! — перекрыл дорогу красногвардейский патруль.

«Ударники», занимавшие особняк Кшесинской, в том числе «партизаны» Стуканцева, хотя в предыдущие дни и были разоружены, но доверия не внушали. Поэтому между особняком, Петропавловской крепостью и Троицким мостом патрулировали красногвардейцы.

Встретив преграду на Большой Дворянской, автомобиль развернулся и помчался к Троицкому мосту. Но и здесь раздалось внушительное «Стой!», а в довершение — лязг винтовочных затворов.

Шофер затормозил.

— Документы!

Штатский в «тирольке» показал мандат, выданный Исполкомом Петроградского Совета: «...гражданину А. А. Брудереру разрешено ношение оружия, проживание и свободный проезд по Петрограду».

И все же красногвардеец заколебался: если этот Брудерер — из Смольного, то почему хотел бежать?

Подоспел командир отряда. Тот тоже прочел мандат и тоже заподозрил неладное.

— Вы кто такие? — спросил он штатского в автомобиле.

— Комиссар революционного правительства! Я требую немедленно прекратить волокиту. В противном случае вы завтра будете расстреляны!

Нет, так товарищи из Смольного не разговаривают! Красногвардейцы окружили автомобиль, и пассажиры быстро оказались без оружия.

В машину сели двое конвоиров:

— В Петропавловскую крепость!

Шофер и на этот раз послушно развернул машину.

Путь недальний. Но конвоиры увидели, что штатский засуетился, стал рыться в карманах... И вот в его руке скомканные бумаги. Он норовит бросить их под ноги.

— Э, так не делают! — Конвоир схватил руку штатского так, что тот мгновенно разжал пальцы, и на дно кузова упали смятые бумаги. Конвоир поднял их.

Несколько минут спустя, уже в Петропавловской крепости, комиссар Благонравов прочел то, от чего хотел избавиться ночной пассажир:

Приказ

войскам Петроградского гарнизона

29 октября 1917 г.
2 часа утра

Петроград

№ 1

По поручению Всероссийского Комитета Спасения Родины и Революции я вступил в командование войсками спасения.

Приказываю

1. Никаких приказаний Военно-революционного комитета (большевистского) не исполнять.

2. Комиссаров Военно-революционного комитета во всех частях гарнизона арестовать и направить в пункты, которые будут указаны дополнительно.

3. Немедленно прислать от каждой отдельной части по одному представителю в Николаевское инженерное училище (Инженерный замок)...

Командующий войсками Комитета Спасения
Генерального штаба полковник Полковников.

Начальник штаба
Генерального штаба полковник Хартулари.

Вторая бумага, взятая у Брудерера, озадачила не менее.

КОМИТЕТ
СПАСЕНИЯ
РОДИНЫ
И РЕВОЛЮЦИИ
№ 215
28 октября 1917 г.

ПАВЛОВСКОМУ ВОЕННОМУ УЧИЛИЩУ

По соединении с Владимирским училищем Вы поступаете в распоряжение подполковника Куропаткина и комиссара Брудерера, которому даны определенные задачи.

Полковник Полковников.
Член Комитета Спасения А. Гоц.

Следующий документ был адресован Владимирскому училищу и датирован 29 октября:

...Немедленно быть готовым к выступлению. По прибытии к училищу увечных войск Вы поступаете в распоряжение подполковника Куро [обрыв бумаги]... ткина и по соединении с Павлов-

ским училищем выполнять задачи, возложенные на подполковника Куропаткина.

Действовать быстро и решительно.

Полковник Полковников.
Комитет Спасения Родины и Революции А. Гоц.

Не вызывало сомнений: «Комитет спасения» готовит мятеж с участием юнкерских училищ. К ним должны примкнуть «увечные». Во главе заговора — Гоц и Полковников. Выступление должно начаться с часу на час. Брудерер, член ЦК правых эсеров, ехал к юнкерам — владимирцам и павловцам, чтобы поднять их первыми.

Благонравов приказал обыскать арестованных. Нашелся еще один документ: «Александр Арнольдович Брудерер назначен комиссаром «Комитета спасения» во Владимирское училище...»

— Что это значит? — спросил Благонравов, бросив взгляд на Брудерера.

— Я требую освободить меня! Я член ЦИК и Петроградского Совета! — был ответ.

Благонравов допросил шофера. Тот теперь осмелел и рассказал, как его остановили на мосту, как заставили ехать на Петроградскую сторону. «Ударник», сопровождавший Брудерера, тоже сказал, что готов дать подробные показания.

Благонравов быстро оделся.

— В Смольный! — сказал он своему помощнику. — Прикажите подать автомобиль. Брудерера заключите под стражу. Конвоиры и «ударник» поедут со мной.

Благонравов уже собрался идти. Но зазвонил телефон.

— Юнкера ворвались в Михайловский манеж, захватили несколько броневиков Военно-революционного комитета. Пошлите наперехват броневые машины Петропавловской крепости! — приказали из Смольного.

Благонравов отдал нужные распоряжения. Сам поехал в Смольный.

Путь оказался нелегким. Благонравов впоследствии рассказал, что произошло...

Мотор автомобиля заглох. Завести его не удалось. Пришлось идти пешком. Темень непроглядная. На

Шпалерной улице громкий оклик: «Кто идет?» — и яркий свет электрического фонарика. Благонравов догадывается, что это разъезд от Полковникова.

«В первое мгновенье я ничего не вижу и жмурюсь. Луч света соскальзывает с моего лица... я различаю каски, формы «ударников» и сверкающие офицерские погоны. Нас окружают со всех сторон...»

Спасти может только хладнокровие. И Благонравов вспоминает, что у него сохранился мандат члена ЦИК первого созыва, к тому же без указания партийной принадлежности. Это как раз то, что сейчас нужно.

«Офицер внимательно рассматривает удостоверение и еще раз наводит луч фонаря на меня. Обращает внимание на мою офицерскую шинель. Я стараюсь придать своему лицу самое беспечное и спокойное выражение и сообщаю, что иду... из гостей домой на Кавалергардскую улицу. Офицер верит и, слегка козырнув, пропускает нас».

В Смольном Благонравов бегом поднимается на третий этаж. Вот и Николай Подвойский... На ногах все работники ревкома...

Доклад Благонравова короток. Все понятно из бумаг, захваченных конвоирами. Все между собой связано: и наступление Керенского—Краснова, и разоружение красногвардейцев на Невском и Литейном, и нападение на Михайловский манеж, и готовящееся выступление юнкеров.

— Немедленно к Владимиру Ильичу!

Ленин тут же, в Смольном. Он, как все, работает всю ночь.

Доклад Подвойского, рассказ Благонравова... Вот бумаги, только что захваченные. Вот доказательства, не оставляющие сомнений в том, что готовится... Снова Полковников, снова Гоц! Теперь ясно, зачем Гоц приезжал на Балтийский вокзал, для чего он хотел пробраться к Керенскому!

Через несколько минут экстренное совещание работников Военно-революционного комитета. Распоряжение Ленина: любыми мерами отбить броневики у мятежников. Училища разобщить и блокировать, разорвать их связи с офицерством. Мятеж ликвидировать без промедления!

8

Снова в Семьдесят пятой Подвойский и его товарищи стоят у карты Петрограда... Владимирское и Павловское училища — соседи, оба расположены на Петроградской стороне, в районе Гребецкой улицы и Большого проспекта. Согласно бумагам, захваченным у Брудерера, владимирцы и павловцы должны выступить первыми. По ним, первым, и нанести удар, упредить!

Синие флажки на карте Петрограда воткнуты в те места, где расположены другие юнкерские училища: на Лермонтовском и Забалканском проспектах, на Сибирской улице и у Фонтанки против Летнего сада... «Комитет спасения» наверняка вовлекает их в свою авантюру!

Синий флажок появляется и там, где на карте Петрограда обозначен дом на углу Каменноостровского проспекта и Большой Дворянской. Это — особняк Кшесинской. Там «ударники», «увечные» и «партизаны» Стуканцева. По бумагам Брудерера, они должны примкнуть к Владимирскому училищу.

План оперативных действий созревает быстро. Приводятся в движение огромные людские силы. Те, что штурмовали Зимний, те, что совершали революцию. Теперь — для ее защиты!

Еще темно, еще спит обывательский Петроград. Но в полках слышны команды: «Строиться!» Но в отрядах Красной гвардии, еще находящихся на казарменном положении, гремит: «Подъем!»

...Юнкера Павловского училища сложили оружие около семи часов утра.

Соседи — владимирцы — отвергли предъявленный ультиматум. Тогда матросы подкатили артиллерийское орудие:

— Огонь!

— Огонь!

Осада.

К трем часам дня в верхнем окне Владимирского училища, над пробоинами в кирпичной стене, появился белый флаг...

Среди тех, кто командовал матросами на Петроградской стороне, был Николай Маркин, теперь не только порученец Военно-революционного комитета,

не только сотрудник «Рабочего и солдата», но и сотрудник ВЦИК второго созыва.

Юнкера кавалерийского училища на Лермонтовском проспекте и артиллерийского — на Забалканском тоже сложили оружие.

Еще утром вошли в особняк Кшесинской красногвардейцы. «Ударники», «партизаны», брошенные Стуканцевым, были изолированы; примкнуть к юнкерам им не удалось.

Около двух часов дня закончил свое существование главный штаб мятежников в Инженерном замке. Его атаковали солдаты Павловского полка, 6-го саперного батальона и рабочие-красногвардейцы. Ни Полковникова, ни Гоца, ни их ближайших помощников в замке уже не оказалось.

Атакующим оказали сопротивление только юнкера Инженерного училища. Они отстреливались и даже пытались контратаковать. Но это лишь умножило число жертв.

К вечеру войска Военно-революционного комитета отбили у юнкеров телефонную станцию, гостиницу «Астория» и Царскосельский вокзал, где Полковников намеревался принять эшелоны Керенского—Краснова и наверняка представиться лично Керенскому: «Главнокомандующий войсками спасения! Вас, Александр Федорович, спас. А вы изволили меня смещать!»

9

Из архива Военно-революционного комитета.
(Фракция большевиков — распределение по отделам ВЦИК):

. . . .

«9. Маркин Николай Григорьевич.
Морской отдел. Имеет желание работать по борьбе с контрреволюцией».

10

Юнкер-контрразведчик под номером 126 все эти дни был в распоряжении «Комитета спасения».

Придя 27 октября к Михайловскому манежу, он еще издали заметил, что у главных ворот стоит караульный.

— Мне к капитану Фельденкрейцу, — сказал юнкер, норовя с ходу пройти в манеж.

Караульный, пожилой солдат с желтыми, прокуренными усами, в старой, затертой и тоже пожелтевшей шинели, преградил дорогу, но спросил простодушно:

— А кто он, этот твой капитан?

— Разве не знаете? Старший здесь...

— Не... тутошних не знаем... Погодь... Я сей момент... — И крикнул в сумеречную глубину манежа: — Дежурный, к выходу!

Скоро явился человек в шоферской форме: в кожаной фуражке, черной кожаной куртке, черных кожаных сапогах.

— Капитан Фельденкрейц сейчас на Екатерининской, 3, там ищите, — сказал дежурный.

Потолкавшись еще у манежа, переговорив со встречными солдатами, юнкер разузнал, что охрану броневых машин Военно-революционного комитета несет караул Преображенского полка; что в дневные часы в манеже бывает человек двадцать — шоферы и ремонтники; что на ночь все уходят в казарму, которая помещается в доме № 3 по Екатерининской улице, а в канцелярии манежа (она где-то в глубине) дежурят писарь да трое шоферов. Ночной караул преображенцев составляет человек десять — двенадцать.

Юнкер пошел на Екатерининскую.

Капитан Фельденкрейц оказался высоким, стройным офицером, перетянутым ремнями поверх черной кожаной куртки. Капитан производил впечатление бывалого службиста, признающего только команды — исполняющего их или приказывающего.

Юнкер и капитан встретились в небольшой комнате, заставленной канцелярскими столами и шкафами. Никого, кроме них, в комнате не было.

— Господин капитан, приказано передать, что вас ждут в «Комитете спасения», — сказал юнкер. — Вы должны прибыть как можно скорее.

Фельденкрейц не стал ничего расспрашивать. Юнкер понял, что этот вызов не является для капитана неожиданностью.

— Хорошо, я готов, — отозвался он.

В городской думе юнкер и капитан сначала встретились с Мартьяновым. Потом Мартьянов повел Фель-

денкрейца в какую-то дальнюю комнату на верхнем этаже, а возвратившись, стал расспрашивать юнкера о том, что ему удалось узнать в манеже...

— Накануне восстания, — показывал позднее капитан Александр Фельденкрейц, — ко мне прибыл вестовой от Полковникова и от его имени спросил, готов ли я исполнить приказ «Комитета спасения» — захватить броневые машины Михайловского манежа, а затем двинуть их на помощь войскам Керенского? Как солдат, я дал слово, что такой приказ исполню.

...Вскоре я был вызван в «Комитет спасения». Там я застал Полковникова и троих штатских. Теперь Полковников лично спросил, готов ли я исполнить приказ, о котором со мной уже говорили. Я ответил, что если мне дадут несколько десятков надежных людей, то эта операция будет проведена успешно. Но кто возьмет на себя ответственность за такой шаг? Полковников сказал, что всю ответственность он берет на себя.

Я получил приказание «Комитета спасения» и возвратился в Михайловский манеж...

Юнкер «126» провел остаток дня в городской думе, ночевал в Союзе георгиевских кавалеров, на Захарьевской, 14, с утра снова был в «Комитете спасения», вечером вместе со штабом Полковникова перешел в Инженерный замок. В пятом часу утра 29 октября юнкер участвовал в захвате броневиков Военно-революционного комитета, позднее исполнял другие приказания штаба Полковникова.

Когда началась атака Инженерного замка, юнкер спасся бегством. Он понял, что обманут, предан. Предан Полковниковым, Осьмининым, Мартьяновым, предан теми офицерами штаба Полковникова, которые, как воронье, слетелись вечером 28-го в Инженерный замок. Все тогда уверяли:

— Керенский с казаками войдет в Петроград около одиннадцати утра 29 октября. Держаться до этого часа, а там — победа!

Но Керенский не пришел ни в одиннадцать, ни позднее. А из училищ стали поступать сообщения, что юнкера сдаются. Стало известно и о том, что Павловский полк развертывается для наступления на Инженерный замок... Первым бежал Полковников со своими штатскими советниками. После этого началось...

На Литейном проспекте юнкер сел в первый попавшийся трамвай, доехал до кольцевой остановки, вышел и побрел дальше за окраину города. К вечеру, голодный, продрогший, подавленный, добрался до железнодорожной станции Обухово.

На пути было кладбище. Проходя, юнкер сорвал с себя погоны и бросил в кусты. Туда же полетело изорванное удостоверение с пронумерованной фотографией. Кресты Георгия и знак Почетного легиона он спрятал в карманы.

На станции Обухово юнкер дождался товарного поезда и вскочил на площадку.

II

Вечером 29 октября, когда об организаторах мятежа еще было известно далеко не все, секретарь Военно-революционного комитета Сергей Гусев передал для печати сообщение:

«В то время как обманутые части, руководимые Керенским, пытаются прорваться к Петрограду, в самом городе наемники и прислужники контрреволюции организовали заговор. Их план состоял в том, чтобы в ночь с 28-го на 29-е захватить все важнейшие пункты в городе и выпустить из Петропавловской крепости арестованных министров. Заговорщики, не имея никакой опоры ни в гарнизоне, ни в рабочем населении, надеялись исключительно на внезапность удара. Но план их оказался своевременно раскрыт комиссаром Петропавловской крепости прапорщиком Благонравовым благодаря революционной бдительности красногвардейца, имя которого будет установлено.

В центре заговора стоял так называемый «Комитет спасения». Командование войсками было возложено на полковника Полковникова. Его ордера подписывались... бывшим членом ЦИК Гоцем. Таким образом, против власти, установленной Всероссийским съездом Советов... жалкие и презренные заговорщики, наемники буржуазии, помещиков и генералов готовили руками корниловцев разбойничий удар.

Извещая об этом население Петрограда, Военно-революционный комитет постановляет:

Арестовать замешанных в заговоре лиц и предать их военно-революционному суду».

Кто же тот красногвардеец, который помог раскрыть заговор «Комитета спасения»?

Прошло немало лет, прежде чем стало известно имя, упоминавшееся в сообщении ВРК. Первым в печати назвал это имя Николай Ильич Подвойский — он привел рассказ командира красногвардейского отряда завода «Лоренц» И. Клочкова.

Брудерера задержал питерский рабочий-красногвардеец Сапушенок. Это он преградил дорогу автомобилю, когда тот пытался прорваться к Троицкому мосту. Потом к машине подбежал Клочков. Это он решил не отпускать штатского в «тирольке». Это он назначил конвоирами Петрова и Васильева, красногвардейцев, комиссаров «Особой разведки». Это они, Петров и Васильев, не дали Брудереру выбросить бумаги, уже скомканные им.

Два дня спустя, 1 ноября, когда окончился провалом не только офицерско-юнкерский мятеж внутри Петрограда, но и авантюра Керенского—Краснова, бумаги, взятые у Брудерера, перешли с третьего этажа Смольного во второй, в пятьдесят шестую комнату.

12

«Мечислав» — так запросто подписывался Мечислав Юльевич Козловский, когда он обращался к Дзержинскому. Но и без подписи, а только по почерку Феликс Эдмундович безошибочно угадывал, от кого записка, — Козловский был давним его товарищем по революционному подполью.

Вильно, марксистский рабочий кружок. Московский университет. Снова среди рабочих. Бутырская тюрьма. Снова Вильно, Польша. Революционная работа совместно с Дзержинским. Стачки и баррикады 1905 года. Эмиграция. Знакомство с Лениным. С тех пор навсегда — по ленинскому пути.

Весной 1917 года Центральный и Петроградский комитеты большевиков занимают особняк бывшей царской фаворитки Кшесинской. Но против большеви-

ков возбуждают судебное дело — «самовольное вселение!». Петроградский комитет поручает большевику-юристу Мечиславу Козловскому отстаивать честь и право революционной партии. Буржуазная печать неистовствует, против Козловского направляют отравленные стрелы лжи и клеветы. Но Козловский не только защищает, он наступает и своими блестящими, аргументированными речами на этом шумном судебном процессе завоевывает новых сторонников большевизма.

В июле 1917 года имя Мечислава Козловского снова склоняют на всех политических перекрестках России. Пущены в оборот фальшивки генштабовской контрразведки. Козловского обвиняют по «делу Ленина и большевиков». Мечислав Юльевич — член Исполкома Петроградского Совета, член ЦИК. Но его арестовывают, и, когда под конвоем ведут в штаб Петроградского округа, черносотенные молодчики грозят ему физической расправой. Дальше — «Кресты». И только революция 25 октября освобождает Козловского. Он тотчас приходит в Смольный, в ЦК партии, в Военно-революционный комитет. Он получает назначение в военно-следственную комиссию ВРК.

Несколько дней спустя в следственную комиссию кроме Козловского приходят Петр Ананьевич Красиков, юрист, революционер, познавший и тюрьмы и ссылки, член Петроградского Совета в 1905 году и в 1917-м. Приходят Лев Михайлович Карахан, член Военно-революционного комитета, впоследствии видный советский дипломат; Петр Иванович Стучка, будущий народный комиссар юстиции, и другие.

Следственная комиссия Военно-революционного комитета — это предшественник ВЧК Дзержинского, с той лишь разницей, что ВЧК возникла как орган правительственной власти — Совета Народных Комиссаров, а «комиссия Козловского» — как чрезвычайный временный орган революции, на период действия Военно-революционного комитета.

Оперативно-распорядительные функции по разгрому контрреволюционных центров и групп выполнял сам Военно-революционный комитет. Следственная комиссия разбиралась в деталях совершенного преступления, выявляла и арестовывала соучастников, при-

нимала другие меры для пресечения антисоветских действий, выносила суждения о степени вины того или иного арестованного и докладывала Военно-революционному комитету. Дальнейшее зависело от ВРК, а затем — от Революционного трибунала, как только он был создан.

Следственная комиссия ВРК использовала для оперативных действий комиссаров «Особой разведки», привлекала в помощь представителей других революционных пролетарских организаций и воинских комитетов.

13

Пятьдесят шестая комната Смольного перегорожена надвое. Первая комната — бо́льшая. Вдоль стен стоят шкафы, несколько стульев, а больше всего скамеек. Сидят юнкера и офицеры. Все ждут вызова во вторую комнату — кабинет следственной комиссии. Одни в качестве свидетелей, другие — обвиняемых. Последних охраняют красногвардейцы с винтовками. Опустив головы, арестованные поглядывают на дверную ручку. Дрогнет ручка, дверь откроется, и тогда позовут.

Вторая комната — меньшая. Здесь небольшой стол да несколько стульев. За столом мест не хватает; юнкеров допрашивают и по углам и у окна. Следователь держит бумаги на коленях. Юнкер стоит, отвечая, переминаясь с ноги на ногу. Один — встревожен и уже озабочен и дает показания искренние. Другой упорствует, третий отвечает вызывающе. Одного отпускают, другого уводят. Пока — в подвальный этаж Смольного.

Вечером Мечислав Козловский, невысокий, в пенсне, с взъерошенными волосами, бледный — четырехмесячная отсидка в «Крестах» не прошла бесследно, — заново прочитывает протоколы допросов. Что в них нового? Что прояснилось в отношении главарей заговора? Козловский заново читает и бумаги, захваченные у Брудерера, и бумаги, взятые в Инженерном замке при разгроме штаба Полковникова.

...Донесение из Константиновского училища. 9 часов утра 29 октября: «В собственные руки командующего войсками Всероссийского комитета спасения».

Жалоба: «Ожидаемое прикрытие не прибыло, так как Николаевское кавалерийское училище окружено...» (войсками Военно-революционного комитета). Подпись под документом показывает, что заговорщики успели создать в училищах какие-то «комитеты», подчиненные штабу Полковникова. Это — новый штрих.

Убегая из Инженерного замка, Полковников впопыхах оставил записи, сделанные на обороте какого-то печатного воззвания, видимо расчет боевых «сил спасения»:

«Николаевское инженерное — 200 штыков.
Ударного батальона — 130 чел.
Связь...
Владимирское училище — 150 чел., 200 винтовок, 12 пулеметов, патроны.
Павловское училище 300 чел. (Без винтовок.)
Константиновское артиллерийское?
Михайловское артиллерийское?
Николаевское кавалерийское.
Инженерная школа прапорщиков 50 чел. + винтовки».

(Четыре года спустя на судебном процессе над правыми эсерами было установлено, что штаб восстания рассчитывал на выступление не только юнкеров, но и частей Петроградского гарнизона, чтобы совместными действиями юнкеров и полков захватить Смольный и ударить в тыл тем войскам, которые стояли против казаков Керенского—Краснова. Этот план был принят на особом совещании военного отдела «Комитета спасения» в составе Авксентьева, Гоца, полковника Полковникова и других. «Утвержден»... Однако ни один из полков за мятежниками не пошел.)

Среди бумаг, которые рассматривал и читал сейчас Козловский, была реляция, недописанная в Инженерном замке:

«В течение ночи войсками спасения взят ряд важных учреждений... Присоедин. Казаки. Подходит Керенский. Если будет поддержка...»

Вместо «поддержки» Полковников, его штаб и Гоц и Авксентьев получили другое: солдаты революции атаковали штаб мятежников и ликвидировали все очаги восстания.

И еще документ из оставленных штабом Полковникова:

Полковнику Хартулари
Из ударной сотни

9 час. 8 мин.
(29 октября 1917 года)

Прошу о скорейшей присылке броневика для охраны посадки на грузовики и конвоирования в пути в замок. Имеем вооружение и гранаты.

Прапорщик (подпись).
Комиссар Союза георгиевских кавалеров Мартьянов.

Значит, Осьминину все же удалось набрать ударную сотню георгиевцев и бросить ее в огонь борьбы на стороне «Комитета спасения»! Судя по рапорту, комиссаром сотни был назначен вольноопределяющийся Мартьянов. В момент восстания он принимал меры, чтобы двинуть своих «ударников» к Инженерному замку, на помощь Полковникову. Удалось ли это — неизвестно. Но сам Мартьянов к полудню был уже в Инженерном замке.

«12 час. 25 мин. Комиссар Мартьянов сообщает из Инженерного замка, что к ним идет Павловский полк для осады замка и просит принять все меры для распространения листовок среди солдат от имени «Комитета спасения» для оказания воздействия на них».

К кому взывал теперь Мартьянов? Из документа не понять. Но задуманное им не удалось. Солдаты Павловского полка, геройски проявившие себя 24—25 октября, исполнили свой революционный долг и 29-го.

Итак, бумаги, захваченные у Брудерера и в штабе Полковникова, дали вещественные доказательства того, кто был в центре заговора, какие силы были вовлечены, какая поддержка ожидалась.

Еще вечером 31 октября Военно-революционный комитет постановил:

«Поручить Военно-следственной комиссии сделать скорее свое заключение об арестованных юнкерах.

Арестовать Полковникова...»

Комиссия Козловского пришла к заключению, что большинство юнкеров, участвовавших в мятеже, оказались слепыми исполнителями воли контрреволюционного офицерства и «Комитета спасения». «Освободить» — предложила следственная комиссия. Военно-революционный комитет согласился. Юнкеров передали на поруки родственникам и различным организациям.

Теперь предстояло разобраться в действиях главарей заговора.

Мечислав Козловский и Петр Красиков вызвали на допрос Александра Брудерера. Тот страшно разгневался, когда его назвали одним из руководителей вооруженного восстания против революции.

— Мы выступили, чтобы предотвратить гражданскую войну, — сказал Брудерер.

— Захватывая броневики, расстреливая красногвардейцев, убивая комиссаров на улицах Петрограда?! Странный способ предотвратить гражданскую войну!

Брудерер молчал.

Следователи потребовали ответить, как Брудерер расценивает участие в заговоре одновременно таких лиц, как Полковников, и людей, именовавших себя социалистами и революционерами. Брудерер и на это ответа не дал.

Его снова отправили в камеру Петропавловской крепости.

Следственная комиссия занялась расследованием обстоятельств захвата броневиков в Михайловском манеже. Был допрошен ряд свидетелей. Они показали:

— В пятом часу утра 29 октября у дверей манежа послышался лязг оружия, крики. Вооруженные люди, одетые в форму юнкеров и офицеров, ворвались в боковые ворота. Поняв, что это — от Керенского, солдат С. Демидов, дежуривший по гаражу, выбежал через главные ворота на Екатерининскую, чтобы предупредить команду шоферов...

— Юнкерам удалось арестовать весь караул, охранявший броневики. Солдат отвели в Инженерный замок...

— Капитан Фельденкрейц, ранее прикомандированный к гаражу, видно, знал, что готовится нападение. Он помогал налетчикам...

Начали искать Фельденкрейца. Но нашли его только в декабре.

Приказ об аресте Полковникова исполнить не удалось.

Спустя недели две после мятежа он оказался в Новочеркасске, в штабе генерала Каледина.

Атаман Войска Донского, единомышленник и соучастник Корнилова в его контрреволюционном заговоре, генерал Каледин 26 октября объявил в Новочер-

касске, что он не признает центральное правительство, образовавшееся в Петрограде, и принимает на себя всю «полноту исполнительной государственной власти в Донской области». Несколько дней спустя, еще более осмелев, Каледин заявил, что он совместно с другими «казачьими правительствами» положит начало образованию новой общероссийской власти, разумеется, без большевиков. Так Каледин открыл новый фронт гражданской войны — русскую Вандею на Дону.

Полковников, служивший Николаю II, переметнувшийся затем к Корнилову, от Корнилова к Керенскому, от Керенского к «Комитету спасения», примчался к Каледину, чтобы снова делать карьеру. На Дону Полковников проявил себя одним из самых жестоких карателей. И ему пришлось держать ответ перед красноармейским военно-полевым судом.

В начале ноября Военно-революционный комитет принял решение арестовать Гоца, так как полностью подтвердилась его руководящая роль в восстании юнкеров. Но приказ этот оказался запоздалым. Гоц успел скрыться.

Тем временем расследование продолжалось. 3 ноября вдруг обнаружились нити, которые повели к Пуришкевичу...

14

В контрразведывательное отделение штаба Петроградского военного округа пришел поручик Николай Асмус. Он предъявил мандат: «Назначен комиссаром от Военно-революционного комитета».

Мандат был подписан 1 ноября.

Сурнин, бывший начальник контрразведки, полномочия свои сдал еще в ночь на 25 октября. Сдал солдатам Павловского полка, комиссару Освальду Дзенису. А затем в Смольном — Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому.

Чины контрразведки, оставшиеся на Воскресенской набережной, признали Асмуса беспрекословно. Но развели руками:

— Важнейшие документы замкнуты в сейфе начальника. А начальник — в Петропавловской крепости. Ключи у Сурнина...

Николай Николаевич Асмус никогда ранее никакого касательства к контрразведывательной службе не имел. Сын столяра в Петергофе, он в шестнадцать лет сам столярничал в Кронштадте, потом в Петербурге... Когда пришло время призыва в армию, он был уже с опытом стачечной борьбы и боевика рабочих дружин первой русской революции.

На фронте Асмус служил рядовым. В боях проявил отвагу. Был послан в школу прапорщиков; окончив, снова уехал на фронт. Там его застала Февральская революция. Там стал членом полкового комитета. Оттуда его послали в Петроград на I Всероссийский съезд Советов. Будучи беспартийным, он пошел за большевиками и состоял в большевистской фракции съезда. В дни корниловщины поручик Асмус поднимал солдат Кексгольмского полка против наступающего корпуса Крымова. Незадолго до Октября Асмус вместе с подпоручиком Снежковым и другими по заданию большевиков выступил одним из организаторов Союза георгиевцев-социалистов — в противовес союзу, которым верховодил Осьминин. В ночь штурма Зимнего, когда Осьминин и его георгиевцы дожидались грузовиков, чтобы отправиться на Дворцовую площадь в помощь Керенскому, Николай Асмус шел в рядах тех, кто атаковал охранителей правительства Керенского.

— Ключи достанем, — сказал Асмус, придя на Воскресенскую. — А пока разберемся в другом.

Асмус понимал, с кем имеет дело. И он пришел не один. Вместе с ним были Александр Ануфриевич Самойлов, рабочий завода Барановского, и подпоручик Снежков, солдаты и красногвардейцы, ставшие его помощниками...

Асмус начал с того, что арестовал начальников двух специальных служб и доложил об этом Военно-революционному комитету. Ревком одобрил действия своего комиссара и поручил следственной комиссии разобраться в деяниях помощников Сурнина — в июльские дни и позже.

За ключами к Сурнину Николай Асмус отправился через пару дней.

Сурнин был хмур, неразговорчив. Ключи отдал без единого слова протеста.

Утром 7 ноября Асмус открыл сейфы. Рядом с комиссаром были Александр Самойлов и подпоручик Снежков. Фотографии, телеграммы, переписка с контрразведкой Генерального штаба, шифры для связи со штабами и губернаторами, заграничные паспорта. В особом отделении сейфа Асмус обнаружил контрольные ключи военного министерства, где хранились особо секретные документы государственного значения.

Все это пригодилось для того, чтобы начать борьбу против действительных врагов Советской Республики — шпионов германских, английских, американских, французских; против заговорщиков в армии, против корниловцев, калединцев.

Еще не было профессиональных красных контрразведчиков. Были пришедшие по зову революции, для ее защиты, рабочие, солдаты, матросы. Но они скоро распознали, кто такие, к примеру, «Усач» и «Сутулый», «Американец» и «Неизвестный». Раскрывали их имена: мистер Виктор Гуго Дурас и герр Карл фон Штейнингер, Отто Вагнер и Рагиб-Баки-бей.

Революция дала в руки красной контрразведки фотографии и списки бывших агентов царского охранного отделения, резидентов иностранных разведок в России, шпиков Керенского, виновных в гибели сотен и тысяч революционеров. Красная контрразведка получила возможность выявить и многих провокаторов, прислуживавших царским охранникам. И как ни скрывались враги, возмездие пришло.

Военно-революционный комитет получал от Николая Асмуса оперативные доклады о всех шагах новой контрразведки. Вместе с Чрезвычайной следственной комиссией ВРК красная контрразведка с каждым днем охватывала все более широкий фронт борьбы с контрреволюцией.

15

Гостиницу «Россия» на Мойке, 60, содержал «гражданин города Тифлиса Карапет Саакович Агамов». 2 ноября к нему пришел человек, пожелавший говорить с ним лично. После этого Карапет Агамов распо-

рядился оставить два номера для «господина Евреинова и господина Пурино». Выписывая счета, Агамов, однако, пожелал скрыть и эти имена. Он пометил, что получил деньги от «господина Х» и от «господина Н».

Евреинов и Пурино поселились в «России». Потом там же снял номер молодой штабс-капитан барон Боде. Потом появились еще офицеры.

Вскоре пришел человек чахоточного вида и сказал Пурино, что в его паспорте нет отметки об отношении к воинской повинности, без этого прописка невозможна.

Пурино ответил, что он представит дополнительный документ.

Под именем Пурино в гостинице «Россия» поселился Михаил Пуришкевич. А старший брат его, глава «Палаты Михаила Архангела», устроитель антисемитских погромов, Владимир Пуришкевич счел, что ему больше всего подходит фамилия Евреинов.

Пурино отправился в соседний номер и рассказал брату о визите паспортиста. В это время у Владимира Пуришкевича находился прапорщик Зелинский. Старший Пуришкевич написал записку и попросил Зелинского съездить к Парфенову на Николаевскую улицу.

Пуришкевичам казалось, что все уладится...

16

Телефонный звонок, раздавшийся в тридцатой комнате Смольного, заставил Николая Маркина отложить дела и отправиться к Якову Михайловичу Свердлову. Вскоре с его запиской он прибыл к управляющему делами Совнаркома Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу. Владимир Дмитриевич встретил Маркина не только как давно знакомого, но и как человека, которого ждут:

— Надеюсь, вам уже все ясно... Хочу только подчеркнуть, что дело, о котором с вами говорил Яков Михайлович, — личное поручение товарища Ленина. Владимир Ильич просил докладывать ему непрерывно.

Пять минут на уточнение названия новой должности Маркина, еще десять на ожидание мандата. И вот он уже в руках:

«Товарищу Маркину, секретарю Народного комиссара иностранных дел, поручается проведение необходимых действий для организации работы Народного комиссариата».

Стучат по мраморным лестницам Смольного каблуки матроса. Стучат по длинным деревянным мосткам, ведущим к внешним воротам. Спешит Николай Маркин на боевое задание. Теперь — дипломатическое.

На Дворцовой площади, 6, Маркина больше всего удивила тишина, особенно приметная после Смольного. В сумрачном, с низкими потолками вестибюле Министерства иностранных дел подремывал белобородый швейцар, рядом прохаживался красногвардеец.

Маркин поднялся по лестнице с железными стойками и перилами. Ковры, позолота, настенные светильники. Столы с инкрустацией. Начищенная медь дверных ручек и застекленные шкафы красного дерева, огромные люстры из бронзы и хрусталя. Но и здесь было пустынно.

Народный комиссариат иностранных дел все еще помещался в Смольном. Предстояло овладеть министерством на Дворцовой, 6, — с его штатом чиновников, архивами, шифрами, текущей перепиской.

Первыми на Дворцовую, 6, пришли красногвардейцы — в те же часы, когда другие из армии революции занимали штаб округа, Генеральный штаб, Зимний дворец.

Утром 27 октября в министерство прибыл член Военно-революционного комитета Урицкий. Он беседовал с первым заместителем министра Нератовым. Это был старый, опытный дипломат, в свое время обласканный царским двором. Нератов остался на Дворцовой, 6, и при Временном правительстве, заслужив особое расположение Керенского.

Урицкий потребовал, чтобы Нератов немедленно распорядился передать Советскому правительству все тайные дипломатические документы, хранившиеся в так называемых бронированных комнатах министерства. Документы эти содержали секретные соглашения царского и Временного правительства с правительствами Англии, Франции и других государств. В бронированных комнатах были тайны столетия: как подго-

товлялась и из-за чего велась первая мировая война. (Раскрыть секреты буржуазных дипломатов — означало нанести смертельный удар по виновникам войны, облегчить путь новой России к миру. Накануне ночью, выступая в Смольном и объявляя Декрет о мире, Ленин заявил, что революционное правительство России немедленно приступит к полному опубликованию тайных договоров, заключенных или подтвержденных царским и Временным правительствами до 25 октября 1917 года. Все эти договоры новое правительство объявит безусловно и немедленно отмененными. Тем самым революционная Россия на деле покажет, что ей чужды захватнические устремления буржуазных правительств, что она за честные и равноправные отношения со всеми государствами и народами.)

Нератов выслушал Урицкого и ответил отказом. Вице-министр сделал вид, что ему не известен ни состав, ни программа нового правительства, от имени которого прибыл гражданин комиссар... Публикация дипломатических документов — дело в высшей степени серьезное.

Урицкий попытался разговаривать с чиновниками. Те ответили, что о тайных договорах им ничего не известно.

Пока шла борьба с мятежом Керенского и «Комитета спасения», дело с опубликованием дипломатических документов было отодвинуто на второй план. 1 или 2 ноября в Министерство иностранных дел прибыл новый комиссар из Смольного — Иван Абрамович Залкинд, большевик с 1903 года, профессиональный революционер, семнадцать раз сидевший в царских тюрьмах, участник баррикадных боев 1905 года, затем политический эмигрант, окончивший Сорбонну и скитавшийся по Франции, Алжиру и другим странам. Человек, владевший восемью европейскими языками.

Залкинд возвратился в Петербург весной 1917 года. День Октябрьского восстания Иван Залкинд встретил на родном Васильевском острове, членом районной думы и районного комитета партии большевиков. Ученый-биолог и комиссар революционного штаба, он доставал оружие, посылал красногвардейцев занимать здания, мосты, юнкерские училища. Обеспечивал исполнение приказов Военно-революционного комитета Смольного. В дни наступления Керенского Иван Зал-

кинд работал в районной комендатуре, формировал боевые отряды рабочих и солдат, отправлял их под Красное Село, сам выезжал на фронт. И вот новое назначение: продолжить дело, начатое Урицким, заполучить тайные дипломатические документы, сформировать советский штат сотрудников-дипломатов, создать условия для перехода Наркоминдела на Дворцовую, 6.

Залкинд прибыл в министерство в старом осеннем пальто заграничного покроя, в мерлушковой шапке. Под пальто на поясе висел маузер.

Пришел один, чтобы попытаться переговорить с чиновниками, с каждым в отдельности. Но его опередили — вручили петицию: «Новое правительство не признаем, подчиняться его распоряжениям считаем для себя невозможным». Начался саботаж, началась забастовка. Назавтра газеты писали: «На Дворцовой, 6, пустынно, как после урагана. Занятия посещают только несколько служащих. Но и те сидят без дела. Все сейфы и бронированные комнаты закрыты. Красногвардейцы, захватившие здание у Певческого моста, посиживают на диванах и раскуривают папиросы «Зефир», добытые в буфете для дипломатов».

Залкинд отправил на квартиру к Нератову двух красногвардейцев, чтобы вызвать вице-министра в его кабинет. Супруга Нератова ничуть не удивилась такому визиту:

— Анатолий Анатольевич нездоров. Он уехал отдыхать...

— Куда?

— Этого, к сожалению, он не сказал...

«Болезнь» Нератова объяснялась просто. После разгрома войск Керенского—Краснова, после провала авантюры Авксентьева, Гоца, Полковникова Нератов понял, что надежд на помощь извне больше нет. Чаша весов полностью склонилась на сторону большевиков. И Нератов исчез, захватив с собой ключи от сейфов с важнейшими дипломатическими документами. Исчезли и начальник канцелярии министерства статский советник Татищев, и начальник шифровального отделения барон Таубе и другие высшие чиновники. И тоже — с ключами.

Помочь Залкинду сломать саботаж буржуазных дипломатов и, прежде всего, добыть ключи от брони-

рованных комнат — таков был смысл назначения Николая Маркина, изъявившего «желание работать по борьбе с контрреволюцией».

В кабинете Нератова Николай Маркин увидел невысокого, болезненного на вид человека в старом, потертом пиджаке. Это и был Залкинд. Со дня Октябрьского переворота комиссар ни разу по-человечески не спал, не отдыхал, измотался вконец. Оттого и вид был такой.

Познакомились, наметили план действий.

На шумном, тряском «пежо» отправились наносить «визиты на дому» виднейшим чиновникам министерства. Объявляли: «Завтра, 4 ноября, к 16.30 прибыть на Дворцовую для решающих переговоров». Заставали не всех. Да и те, что оказывались на месте, придумывали всяческие причины, чтобы избежать разговора. Горничные, смущенно краснея, говорили: «Больны», «Лихорадка», «Инфлюэнца»...

— И все-таки они придут! — говорил Залкинд, возвращаясь с Маркиным на Дворцовую площадь.

17

Вечером 3 ноября среди десятков военных, оказавшихся в штабе Петроградского округа — ожидающих, докладывающих, просящих, требующих, — можно было приметить молодого прапорщика, тонкого, белокурого, с первыми бакенбардами, но еще без усов. Он ходил по канцеляриям и кабинетам, по-разному объясняя, что ему нужно. В одной канцелярии задержался дольше: что-то спросил, что заставило делопроизводителя пойти к старшему начальнику. Когда же делопроизводитель вернулся, он обнаружил, что прапорщик роется в его столе. В том столе, где лежали чистые бланки штаба.

Прапорщика задержали. Им оказался Евгений Зелинский, офицер Кавказского ударного батальона. Зелинского препроводили в Смольный. Там его допросил член Военно-революционного комитета Николай Крыленко.

— Кто вы? — хмуро взглянул комиссар.

Зелинский назвал свою фамилию, сказал, где служил...

— Я спрашиваю, кто послал вас за бланками в штаб округа?

Прапорщик промолчал.

— Отвечайте, кому понадобилось, чтобы вы стали вором?

— Гражданин комиссар, вы оскорбляете меня! — прапорщик стал в позу. — Я — дворянин, мой отец — воинский начальник...

— Вы преступник. И в этом изобличены!

— Я выполнял поручение... — прапорщик опустил глаза.

— Чье поручение?

— Владимира Митрофановича Пуришкевича.

Имя Пуришкевича было достаточно известно Николаю Крыленко. Еще с довоенных лет, когда по заданию ЦК большевиков молодой юрист инструктировал состоявших в Государственной думе рабочих депутатов. В Думе состоял и Пуришкевич, представляя в ней партию крайних монархистов. Сколько раз рабочие депутаты выходили на трибуну, скрещивая шпаги с главой черносотенцев! В речах депутатов-большевиков звучали доводы, подсказанные и негласным советником Николаем Крыленко. Разумеется, Крыленко знал и дальнейшую деятельность основателя «Палаты Михаила Архангела».

Имя, названное прапорщиком, подсказало Крыленко, что в лице Зелинского задержан не просто похититель бланков, а преступник, имеющий связи с такой одиозной политической фигурой, как Пуришкевич. Однако комиссар пока сделал вид, что пропустил названное имя мимо ушей. Он продолжал спрашивать:

— Для каких целей предназначались бланки, которые вы должны были похитить в штабе округа?

— Многие офицеры, приехав с фронта в Петроград, сейчас находятся в затруднительном положении. У них нет надлежащих документов...

— Честные офицеры имеют честные документы. Скрываются только корниловцы и дезертиры. И вы решили стать их благодетелем!

— Бланки я должен был передать секретарю Пуришкевича Ивану Дмитриевичу Парфенову...

Несколько минут спустя молодой прапорщик вспоминал о событии, происходившем около 20 октября.

Зелинский сидел в кафе «Би-Би-Бао». На его гимнастерке тогда были другие погоны: с трафаретом Кавказского ударного батальона, с царской короной; на рукаве — череп. К столику Зелинского подсел какой-то юнкер, уже подвыпивший. Вдвоем еще выпили, но заспорили, вмешались другие, поднялся скандал, появился комендантский адъютант и отправил скандалистов на гауптвахту.

— Почему на ваших погонах царские короны? — спросил комендантский адъютант, приведя Зелинского в камеру.

Прапорщик задиристо отвечал, что не успевает следить за политическими переменами в России. Адъютант улыбнулся и похлопал молодого прапорщика по плечу.

25 октября двери гауптвахты раскрылись. Зелинский оказался на свободе. Он поселился в общежитии Дома Армии и Флота на Литейном проспекте. Здесь у Зелинского снова произошла встреча с бывшим комендантским адъютантом:

— Вы и теперь с короной?

— Что значит «теперь»? Я вас не знаю и отчетов давать не намерен.

Зелинский хотел идти. Но офицер, заговоривший с ним, поторопился заметить, что он не осуждает, а, напротив, заинтересован прапорщиком.

В тот же вечер они оказались в доме Парфеновых. Зелинского представили Пуришкевичу. Тот расспрашивал о семье прапорщика, где он служил, как относится к большевистскому перевороту.

То ли из мальчишества, то ли из желания понравиться Пуришкевичу, прапорщик прихвастнул:

— Я в эти дни собственноручно отправил на тот свет семнадцать красногвардейцев.

Несколько дней спустя, повторяя свои показания следственной комиссии ВРК, Зелинский заметил: «Я ему (Пуришкевичу) понравился».

Крыленко, продолжая допрос, установил, что Зелинский побывал на конспиративном заседании штаба Пуришкевича, и там он слышал, что организация насчитывает около двух тысяч человек. Одни находятся в Петрограде, другие на фронте, третьи в Москве. Зелинский понял, что готовится выступление. Обещана помощь со стороны Полковникова. Пуришкевич говорил

в присутствии Зелинского: «Большевиков будем уничтожать беспощадно. Вешать и расстреливать публично... Начнем со Смольного, пойдем по казармам и заводам...»

— Где сейчас Пуришкевич? — спросил Крыленко.

Прапорщик Зелинский назвал адрес.

18

В Смольном — утреннее заседание Военно-революционного комитета. Дзержинский, Урицкий, Скрыпник, Лацис, Гусев...

Какой мерой измерить человеческую выносливость, если можно вот так, как они, уже почти две недели дни и ночи напролет, при самых считанных часах отдыха, работать, работать, работать? Квартира Феликса Эдмундовича — неподалеку от Смольного, на Кавалергардской. Но когда в последний раз он там ночевал? Всё здесь, день и ночь, в Смольном, в ЦК, у Ленина, в ревкоме, у Свердлова, в Семьдесят пятой... Квартира Моисея Соломоновича Урицкого — на Васильевском острове. Но и Урицкий уже не помнил, когда он был дома. И он беспрерывно здесь, в Смольном. Сергей Гусев тоже с 27 октября самый глухой затворник Смольного. Ни одна сколько-нибудь важная бумага, ни одно сколько-нибудь значительное распоряжение не проходит мимо его рук. Большинство протоколов заседаний Военно-революционного комитета, воззваний, распоряжений, мандатов написано или просмотрено им самим. Всё на учете, всё в памяти.

Дзержинский, Урицкий, Скрыпник, Лацис, Гусев... Глаза у всех красные от бессонницы. Лица словно обескровленные. Но какая собранность, боевая настроенность, деловитость! Поистине чудо работоспособности!

Перед началом заседания — краткий обмен новостями о том, что в протоколе не будет отмечено.

Допрос прапорщика, задержанного прошлым вечером в штабе округа, создал у Крыленко впечатление, что Пуришкевич располагает довольно многочисленной организацией. Не исключено, что она может выступить в самые ближайшие дни. Удар по Пуришкевичу должен быть осуществлен немедленно!

Дзержинский согласен. Операцию провести предстоящей ночью. Но кому поручить?

Члены ревкома называют одну, другую фамилию. Кто-то предлагает вызвать представителя из Кольтовского батальона, расположенного в Петропавловской крепости, подпоручика Тарасова-Родионова. (Он был адъютантом советского главкома в дни боев с Красновым, участвовал в пленении Краснова.)

Возражений нет. Сергей Гусев звонит в Петропавловскую крепость.

Утреннее заседание Военно-революционного комитета 4 ноября открывается в половине двенадцатого. Вопросов множество, один другого чрезвычайнее.

Доклад делегата из Нарвы. Положение в Гомеле. Перепись имущества в Зимнем дворце. О брожении в 82-й дивизии, вызванном агитацией «Комитета спасения». Как быть с арестованными добровольцами увечных воинов? (Аресты производились с 25 октября.) Как поступить с 3-м отрядом Комитета увечных воинов, расквартированным в особняке Кшесинской и на Мойке, 20? «Постановлено, — записывает Сергей Гусев, — всех арестованных добровольцев увечных воинов, кого возьмут на поруки родители и родственники, выпустить на поруки. Остальных откомандировать в 42-й армейский корпус в Выборге для несения службы... 3-й отряд увечных воинов расформировать. Солдат отправить тоже в 42-й армейский корпус» *. Очередной доклад следственной комиссии. Запрос делегации гарнизонной команды по разгрузке Петроградского железнодорожного узла. Последние события в Гатчине...

Утреннее заседание окончено. Дзержинский торопится для встречи с Владимиром Ильичем. К Урицкому приехал Николай Маркин...

Н. Маркин. Товарищ комиссар, сбор чиновников Министерства иностранных дел назначен на 16.30. Нератова наверняка не будет. Он все еще где-то скрывается. Товарищ Залкинд просит мандат на арест Нератова.

* Приказ Военно-революционного комитета о расформировании ударных батальонов смерти был издан позднее, 14 ноября 1917 года.

М. Урицкий. Мандат вы сейчас получите.
Урицкий пишет:

Петроград, 4 ноября 1917 г.

Постановление

Военно-революционный комитет, по предложению народного комиссара по иностранным делам, постановляет: бывшего товарища министра иностранных дел Нератова арестовать и доставить в Петроград для предания Военно-революционному суду.

Всем местным Советам, военно-революционным комитетам и всем пограничным органам власти вменяется в обязанность принять все меры к выполнению этого постановления.

За председателя М. Урицкий.

— Пройдите, пожалуйста, к товарищу Гусеву и оформите это через делопроизводство.

С Тарасовым-Родионовым беседуют Николай Скрыпник и Мартин Лацис.

Скрыпнику уже сорок пять. Из них двадцать лет в партии. В подполье, в боях. Где только не работал он для партии! В Курске, Екатеринославе, Петербурге, Саратове, Одессе. Теперь снова Питер. Военно-революционный комитет и Центральный совет фабрично-заводских рабочих. Скрыпник человек молчаливый. Все внутри. Вся работа мысли и воли сокрыта. На поверхности только действие.

Мартину Лацису нет и тридцати. Но у него уже давний стаж партийца-большевика. Мартин был одним из видных работников «Военки». Теперь он член ВРК. Завтра станет одним из ближайших помощников Дзержинского по ВЧК.

Необходимо самым срочным образом ликвидировать организацию Пуришкевича. Ее главный штаб сейчас в гостинице «Россия». Отправиться туда ночью... Произвести аресты и в других местах. В первую очередь на квартире Парфенова — секретаря Пуришкевича.

Таково задание представителю Кольтовского батальона.

Ему вручают мандат:

ЧЛЕНУ ВОЕННО-СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ
ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

Тов. подпоручику Тарасову-Родионову
4 ноября 1917 г.

Предписывается вам немедленно взять отряд до 200 человек, произвести обыск и выемку [документов] в гостинице «Россия» (Мойка, 60) и во всех усадебных постройках и помещениях ее, арестовать находящихся там лиц, а также произвести обыски, выемки [документов] и аресты на основании материала, полученного в гостинице «Россия».

За председателя Н. Скрыпник.
Секретарь М. Лацис.

19

Здание Министерства иностранных дел на Дворцовой площади еще с утра 4 ноября окружили красногвардейцы. Их вызвал Залкинд. У главного входа на дверях висело объявление: «Сбор чиновников в 16.30».

В начале ноября темнеет рано. Министерские окна с 25 октября не светились. Огни были только в тех немногих комнатах, где дежурили красногвардейцы и курьеры. Но вечером 4 ноября лампочки вдруг зажглись во всех трех этажах. По длинным коридорам и обширным кабинетам вышагивали чиновники во фраках и вицмундирах. Зрелище было такое, словно готовился парадный прием.

Ровно в 16.30 дипломаты собрались в большом актовом зале. К столу в центре зала подошли Залкинд и Маркин. С ними Евгений Поливанов. Поливанов был приват-доцентом, лингвистом, впоследствии видным советским филологом. К партии большевиков он не принадлежал, но был одним из тех немногих русских интеллигентов, которые сразу пошли служить революционной власти.

Поливанов еще с лета 1917 года был прикомандирован к отделу печати Министерства иностранных дел. После Октябрьского восстания лингвист предложил свои услуги новому правительству.

За столом, к которому подошли комиссары, сидели бывший вице-министр Петряев, бывший директор первого департамента Лопухин, ближайшие их помощни-

ки. Остальные чиновники — в отдалении, в креслах и на стульях, расставленных рядами и заполнивших весь зал.

Поливанов представил Петряеву поочередно Залкинда и Маркина. Петряев в свою очередь отрекомендовал директоров политических департаментов, заведующих и управляющих канцеляриями.

Залкинд начал речь... Рабоче-крестьянское правительство желает выяснить отношение чинов министерства к их служебному долгу. Время сейчас такое, что в интересах страны и достижения скорейшего мира ни один день, ни один час не должны быть упущены. Народный комиссариат нуждается в технических специалистах и приглашает служащих, готовых стать на платформу Советской власти, к активному сотрудничеству во имя новой России. Самые неотложные дела — перевод на иностранные языки Декрета о мире и опубликование всех тайных договоров царизма и буржуазного правительства.

В дальних рядах молчали. Петряев пошептался с помощниками, потом встал:

— Решение чинов министерства остается неизменным. Данному правительству мы служить не можем. Однако готовы вести текущие дела, не относящиеся к государственной политике, — консульские, о военнопленных, финансовые.

Петряев сел. Комиссары переглянулись. Поняли: бывший вице-министр хочет усовершенствовать систему саботажа, остаться в дипломатическом ведомстве, чтобы иметь возможность тайно поддерживать связь со «своими» в столице и в заграничных миссиях.

Залкинд отвел в сторону Маркина и Поливанова. Вполголоса переговорили. Решили любой ценой добиться результатов реальных и немедленных.

Поливанов отправился к выходу. Возле дверей, встретив знакомого чиновника, как бы невзначай, но «доверительно» бросил ему:

— Не понимаю упрямства служащих. Знают ли они, что кроме красногвардейцев приведен в боевую готовность батальон соседнего Павловского полка, который готов действовать по первому приказу комиссаров Смольного?

Поливанов сказал это так, будто он шел за тем, чтобы передать приказ солдатам.

Когда Поливанов вновь появился, то заметил: сидящие в зале уже знают, о чем он «доверительно» сообщил чиновнику.

Была исполнена и другая часть плана.

Маркин, возвратившийся вместе с Залкиндом к столу, дал знак, что будет говорить. Очень хотелось вынуть из кобуры револьвер и положить его на стол, впрочем, сдержал себя: он теперь не «товарищ из Семьдесят пятой», а, можно сказать, дипломат. Но как же все-таки дать понять, что разговор будет всерьез?

До сих пор Маркин держал бескозырку за спиной. Теперь он решительно бросил ее на стол. Черно-золотистые ленты вызывающе распластались на ярко-зеленом сукне.

По залу прокатился шумок. За этим столом раньше сидел только министр! В этом зале принимали послов, посланников, дипломатов высших рангов и званий. Здесь блистали сановники в парадных мундирах с орденскими лентами всех цветов радуги. И вдруг — матрос с револьвером на ремне, и бескозырка его на столе министра! Это напомнило о силе, которой покорился Зимний.

— Разъясняю! — решительно сказал Маркин. — Мы тех чинов-дипломатов оставляем и тем скажем: «Милости просим служить», кто тут же, при всем народе громогласно объявит: «Признаю революционное правительство». Но одним словам тоже веры не будет. Потому сначала требуем: ключи на стол!

Петряев встал и направился к выходу. За ним — директор департамента Лопухин. Вслед — другие высшие чиновники. По залу пронесся испуганный ропот: Петряев еще не знал того, что шепотом сказал Поливанов.

Маркин на какое-то мгновенье казался обескураженным. Но он быстро овладел собой и преградил дорогу:

— Назад!

Лицо Петряева побагровело. Увидев, как у дверей по знаку Поливанова выросли двое красногвардейцев — штыки легли крест-накрест, — чутьем разгадал, что́ означал ропот чиновников, и сел. Его примеру последовали другие.

Маркин вернулся к столу. Он заставил себя говорить подчеркнуто вежливо. Впрочем, недвусмысленно

заметил, что красногвардейцы окружили министерство. В боевую готовность приведен батальон Павловского полка... Пусть ведают господа дипломаты!

Маркин говорил о том, что в конце концов Советской власти ни жарко ни холодно от того, признает или не признает ее сотня саботажников. Честные российские дипломаты рано или поздно придут на службу народной власти. И сразу перешел к главному: надо помочь рабоче-крестьянскому правительству скорее исполнить его обещание — опубликовать тайные договоры царизма и Временного правительства...

Маркин хорошо понимал, перед кем выступает. Но робости не испытывал. Не впервые ему приходилось говорить об этих самых договорах. Правда, на Якорной площади в Кронштадте или в матросских кубриках можно было не очень стесняться в выражениях. Там кадета Милюкова или продолжателя его политики министра Терещенко, прятавших тайные договоры, можно было назвать по-всякому... Но и в парадном зале на Дворцовой Маркин нашел слова, чтобы сказать без недомолвок и не очень поранить слух дипломатов... Солдаты, три года проливающие кровь на фронте, голодные, искусанные вшами, должны наконец узнать правду о том, во имя чего их в четырнадцатом послали убивать друг друга. Константинополь да черноморские проливы — вот что приглянулось русскому царю, помещикам и буржуям. Русские земли понадобились германским генералам! Французских фабрикантов и банкиров влекли богатства Эльзаса и Лотарингии, английских — персидские да афганские земли! Теперь пришло время вытащить на свет божий всю правду. Это решило и это сделает Советское народное правительство. Надо только достать ключи от бронированных комнат. Но где они? Сидящие в этом зале лучше знают, где искать эти ключи — у бывшего тайного советника Нератова, у бывшего статского советника Татищева, у бывшего барона Таубе, у бывших статских советников Петряева и Лопухина.

И закончил резко:

— Именем Совета Народных Комиссаров требуем: ключи — на стол!

Никто из чиновников не шевельнулся, никто не проронил ни слова.

Маркин переговорил с Залкиндом и объявил:

— Дипломатам дается день на размышление. Сегодня суббота, в понедельник все должны быть на службе. Кто не явится, того ждет увольнение без пенсии. А сейчас можно расходиться. Остаться только гражданину Петряеву и гражданину Лопухину.

Все, кто был в зале, заметили, как встрепенулись названные сановники.

— Прошу пройти со мной.

Петряев встал. Он хотел показать, что спокоен. Но скулы его заходили. Лопухин суетливо оглядывался по сторонам.

Впереди шел Залкинд. За ним — Петряев и Лопухин. Позади — Маркин.

Вчетвером вошли в кабинет Нератова.

Маркин вновь потребовал:

— Ключи на стол!

Петряев и Лопухин переглянулись. Вице-министр, подчеркивая свое достоинство, положение, независимость, сказал:

— Это насилие... Произвол...

— Ключи! — едва сдерживая ярость, повторил Маркин.

Лопухин первым понял, что сопротивление бесполезно. Начал рыться в карманах и скоро положил перед комиссарами небольшую связку ключей:

— Подчиняюсь только силе.

Комиссары парировали: никакого насилия нет. Предписывается то, что чиновники обязаны были сделать добровольно. Служить не хотят, так и незачем держать ключи.

Петряев долго сидел неподвижно. Маркин не спускал с него глаз. Наконец вице-министр зашевелился. На столе оказались ключи и ключики — с бронзовыми цепочками, изящными ремешками, шелковыми ленточками, номерными знаками.

Маркин потребовал объяснить назначение каждого из ключей. Петряев вновь вспылил. Он товарищ министра, а не вахтер. Маркин уточнил: бывший товарищ министра. Вмешался Лопухин. Он понял, что горячность Петряева может только осложнить их положение. Стал объяснять: ключи от служебных столов, шкафов.

— А от сейфов где? От архивов?

Лопухин, сделавшись совсем любезным, объяснил, что не может точно утверждать, но, по всей вероятности, об этом лучше спросить у Анатолия Анатольевича Нератова, Бориса Алексеевича Татищева, Константина Фердинандовича Таубе...

Залкинд и Маркин отлично поняли, почему так охотно назывались эти имена: сии дипломаты были в бегах.

20

Отправляясь в гостиницу «Россия», Тарасов-Родионов взял с собой около полусотни красногвардейцев да несколько товарищей из «Особой разведки». Остальных бойцов, переданных в его распоряжение, оставил в боевой готовности в Смольном. На тот случай, если они потребуются.

На Мойку, 60, прибыли на грузовиках. Огней в окнах уже давно не было. Только внизу, при входе, за конторкой горели две стеариновые свечи. За конторкой дремал чахоточный кавказец Каммель — паспортист, помощник Агамова.

Тарасов-Родионов предъявил мандат, приказал позвать хозяина. Тот явился заспанный.

— В каком номере проживает гражданин Пуришкевич?

— Постояльца с такой фамилией у меня нет, — ответил Агамов. — Ведь нет же? — повторил он, обращаясь к паспортисту Каммелю.

— Так точно, хозяин... Такого не прописывал.

Начался обыск. Весть о том, что ищут Пуришкевича, быстро разнеслась по гостинице. Возле одного из номеров к подпоручику и его спутникам присоединился высокий, волосатый человек, в картузе, в рубахе-косоворотке, в сапогах, в переднике полового. Он держал в руках свечу. Полушепотом сказал:

— Дозвольте помочь. Я его враз узнаю. У меня на таких нюх есть.

Он пошел впереди. Светил под кроватями, светил в темных углах, за шкафами. Но вдруг один из «Особой разведки», пожилой рабочий, что-то заподозрив, выхватил из рук полового свечу:

— А ну, скидай картуз!.. — И нацелил револьвер.
— Да что ты, голубчик?..
— Скидай, говорю!

Волосатый хотел было в сторону. Но его успели задержать. Вместе с картузом слетел и парик... Да, это был Владимир Пуришкевич. Патриарх российских черносотенцев. Бывший член Государственной думы. Основатель «Палаты Михаила Архангела», редактор листка с адресом «Город Противохамск». Монархист, готовивший заговор против революции.

В ту же ночь в гостинице «Россия» были арестованы брат Пуришкевича — Михаил, штабс-капитан барон Боде, юнкер герцог Лейхтенбергский и ряд других офицеров. Один из них назвался штаб-ротмистром Алдатовым. (В дальнейшем оказалось, что под этим именем скрывался бежавший с фронта монархист корнет Петр Попов.)

В гостиничном номере барона Боде красные разведчики обнаружили пулемет, револьвер и гранаты.

В ту же ночь товарищи из следственной комиссии побывали на квартире Ивана Парфенова по Николаевской улице. Здесь они обнаружили подложные паспорта, незаполненные бланки различных воинских частей, винтовки, патроны, револьверы; пишущую машинку, ротатор, список офицеров и юнкеров — членов организации Пуришкевича — в записях Парфенова и Боде. У Ивана Парфенова нашлось и письмо, судя по дате, только накануне вечером подписанное Пуришкевичем и Боде. Оно было адресовано генералу Каледину в Новочеркасск:

«Положение Петрограда отчаянное, город отрезан от внешнего мира и весь во власти большевиков...

Организация, во главе коей я стою, работает не покладая рук над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и над их вооружением. Спасти положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков. Ударив ими и добившись первоначального успеха, можно будет затем получить и здешние воинские части. Но сразу, без этого условия, ни на одного солдата здесь рассчитывать нельзя...»

Далее — несколько доз гнуснейшего черносотенного яда против большевиков и обещание, в случае победы, устроить в Петрограде «публичные расстрелы и виселицы».

«Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего подхода выступим со всеми наличными силами...

Когда примерно можно будет рассчитывать на Ваше приближение к Петрограду? Об этом было бы полезно нам знать заблаговременно, дабы сообразовать свои действия...

Владимир Пуришкевич.
Барон де-Боде».

...Рано утром 5 ноября следственная комиссия получила подробный доклад о ночных арестах, о документах, захваченных на квартире Парфенова. Понятно, что наибольшее внимание товарищей из Смольного привлекло письмо Пуришкевича к Каледину. Документ этот немедленно передали Владимиру Ильичу Ленину.

Назавтра Ленин написал воззвание, опубликованное два дня спустя [«От Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (большевиков)»]. Владимир Ильич упомянул о заговоре Пуришкевича, о захваченных бумагах. Ленин предупреждал: новые атаки контрреволюции будут отражены; вражеские гнезда разгромлены. Такова воля народа. Революция, совершенная героизмом миллионов, защищаемая миллионами рабочих в городах, миллионами солдат в окопах, миллионами крестьян в деревнях, несокрушима! И никаким негодяям-корниловцам, сынкам капиталистов и помещиков, юнкерам, никаким пуришкевичам не устоять перед грозным валом народной революции!

Мечислав Козловский исследовал список, взятый при аресте Парфенова, а также записи Боде. Председатель следственной комиссии без труда расшифровал фамилии и адреса. В последующие дни были арестованы полковник Винберг, капитан Córванько, капитан Душкин, полковник Муфель, исполнявший обязанности начальника Инженерного училища.

6 ноября представитель следственной комиссии отправился в общежитие Армии и Флота, предъявил полномочия, подписанные Мечиславом Козловским: «Задержать прапорщика Остроумова, соучастника монархического заговора».

— Прапорщик Остроумов из нумеров Армии и Флота выехал три дня назад, — последовал ответ.

Были и другие неудачи. Успели скрыться генералы Аничков и Сербинович. Капитан Шатилов вскоре объявился на Дону, в армии Каледина. Не удалось разыскать и штаб-ротмистра Амбразанцева.

Арестованных по делу Пуришкевича все же набралось немало. Начались допросы. И сразу обнаружилось, что мятеж 29 октября был подготовлен не только «Комитетом спасения», но и монархической организацией Пуришкевича!

Уже 10 ноября следственная комиссия Военно-революционного комитета сообщила в печати:

«...Установлено, что некоторые из членов организации Пуришкевича непосредственно участвовали во взятии юнкерами 29 октября телефонной станции, Михайловского манежа и в стрельбе у Инженерного замка... Много офицеров, участвовавших в событиях 29 октября, числилось в списках организации Пуришкевича...»

Следственная комиссия обещала в скором времени опубликовать подробности всего дела.

21

Урицкий получил новый доклад о положении в Министерстве иностранных дел. Часть ключей добыта. Но важнейшие, теперь это очевидно, не только у Нератова, но и у Татищева, Таубе. А они скрылись.

Урицкий подписывает новое постановление Военно-революционного комитета:

Ввиду того, что старшие чины Министерства иностранных дел не сдали документов и текущих дел народному комиссару по иностранным делам и скрылись не только из министерства, но и из своих квартир, не заявив о месте своего пребывания; ввиду того, что имеются данные опасаться, что эти чины похитили из здания министерства важнейшие государственные бумаги в целях их сокрытия, Военно-революционный комитет по предложению народного комиссара по иностранным делам постановляет:

бывшего...
бывшего...
бывшего...
бывшего...

арестовать и доставить в Петроград для предания военно-революционному суду.

Всем местным Советам, военно-революционным комитетам и всем пограничным органам власти вменяется в обязанность принять все меры к выполнению этого постановления.

Смысл документа ясен. Залкинд и Маркин вольны проставить фамилии по обстановке. Укрывателей тайных дипломатических документов, в первую очередь Нератова, Татищева, Таубе, найти во что бы то ни стало!

Николай Маркин отправляется к товарищам из «Особой разведки» Военно-революционного комитета, показывает им постановление ВРК, говорит, где, по его мнению, всего вероятнее могут скрываться господа-беглецы. (Адреса подсказали Маркину вахтеры, курьеры, люди, знавшие не только квартиры виднейших дипломатов, но и квартиры их родичей и знакомых.) Нужно пройти по этим адресам, и так, чтобы не вызвать подозрений, чтобы, не застав в одном месте, застать беглецов в другом.

Рано утром 6 ноября Маркину передали по телефону несколько условных фраз и адрес. Маркин быстро оделся и сказал дежурившим красногвардейцам:

— Поехали.

Чадящий «пежо» помчался по улицам Петрограда.

...Татищев, съехав с казенной квартиры, каждый день менял адреса. Жил у родовитых друзей, знакомых. Утром 6 ноября он вызвал извозчика. Но тут перед ним вырос Маркин. Он напомнил директору канцелярии, что тот еще в субботу должен был прибыть в министерство. Татищев попытался уверить, будто ничего об этом не знает. А когда Маркин заговорил о ключах, директор канцелярии стал повторять, что и о них ничего не ведает.

— В таком случае вот приказ. — И Маркин предъявил постановление Военно-революционного комитета об аресте бывшего директора главной канцелярии министерства, бывшего камергера, бывшего статского советника Татищева.

Полчаса спустя Маркин привез Татищева в Смольный.

Через час доставил туда и барона Таубе. Тот тоже «ничего не знал» — ни о ключах, ни даже о шифрах к секретным документам, хотя много лет заведовал цифирным (шифровальным) отделением.

...Нератов скрывался то в пригородах, то в самом Петрограде. Через лиц, приезжавших к нему, он держал связь с «Комитетом спасения» и с чиновниками-дипломатами, оставшимися в Петрограде, стремясь не допустить, чтобы ключи от бронированных комнат попали к большевикам.

По утрам Нератов читал газеты, узнавал, что его все еще разыскивают, и к вечеру опять менял квартиру.

Бывший вице-министр пребывал в постели, когда к нему пожаловали нежданные гости.

Маркин предложил дипломату самому выбрать маршрут — на Дворцовую площадь или в Смольный. Нератов, одеваясь, ответил, что готов поехать куда угодно. Но если комиссар надеется получить от него ключи, то напрасно. Он ими не владеет.

— Гражданин Нератов, мы приехали не шутки шутить! — рассердился Маркин. И нарочито громко добавил: — Поедем в Петропавловку!

Нератов стал надевать перчатки, но дрожащие пальцы не слушались. Перспектива оказаться в каменном мешке Трубецкого бастиона была не из приятных. Нератов повернулся к Маркину и сказал:

— Комиссар, конечно, волен действовать, как ему угодно. Но стачечный комитет служащих министерства постановил: все ключи должны находиться у директора канцелярии.

— Что ж, в таком случае вы, как бывший товарищ министра, должны приказать Татищеву немедленно сдать ключи.

Нератов понял, что отчасти достиг своей цели, — в Петропавловку не повезут. Но упоминание о Татищеве не могло не вызвать беспокойства: неужели его арестовали?..

— Директор канцелярии подчиняется только стачечному комитету, — сказал Нератов. — Мое приказание не будет иметь никакой силы.

— Как вам угодно, — хмуро сказал Маркин. И к шоферу: — Поехали!

Вскоре шумный «пежо» остановился на Дворцовой площади. Нератов еще больше встревожился. Что надумал матрос?

Арестованного привели в его бывший кабинет и оставили в одиночестве. Снаружи у дверей появился красногвардеец.

Барон Таубе пожелал видеть матроса, который его арестовал. Маркин отправился в Смольный. Начальник шифровального отделения теперь сказал, что готов предоставить информацию по шифрам. Но ключей от сейфов у него нет. Гражданин комиссар должен ему верить. Он говорит правду. Только правду.

Татищев хранил молчание. Но Маркин и не торопился расспрашивать. Он верил в успех своего плана.

Маркин перевез арестованных на Дворцовую площадь. Поместил в разных кабинетах. Все трое ничего друг о друге пока не знали.

Около полудня бывший вице-министр попросил охранявшего его красногвардейца передать секретарю наркома, что он, Нератов, не завтракал; нельзя ли распорядиться, чтобы принесли из министерского буфета чаю. Вскоре Нератов получил ответ: в буфете теперь никаких чаев нет, но его накормят.

Угол большого стола, за которым когда-то восседал Нератов, красногвардеец накрыл газетой, поставил жестяную кружку с кипятком, рядом положил кусочек сахару и ломоть черного хлеба.

Маркин вошел в кабинет, когда Нератов завтракал. Увидев матроса, Нератов поморщился, но продолжал жевать, — голод пересилил.

— Время идет, а оно дорого, — сказал Маркин и сел поодаль.

Нератов отозвался неожиданным образом: вот его арестовали и требуют ключи. А не задумывался ли комиссар над тем, какие последствия может иметь публикация секретных дипломатических документов? Матрос, видимо, не представляет всей ответственности, какую берет на себя. По молодости лет попал во власть дурных учителей и вожаков...

Маркин отрезал: подбирать ключи к представителю рабоче-крестьянского правительства — дело дохлое!

И вышел из кабинета.

Несколько минут спустя Маркин вернулся вместе с Татищевым и Таубе.

Увидев товарища министра, жестяную кружку и огрызок черного хлеба перед ним, Татищев сник. Таубе отвел глаза в сторону. Дипломаты не обменялись ни словом.

— В последний раз спрашиваю: будут ключи или нет?

Ответа не последовало.

Маркин подошел к телефону. Соединился с заводским комитетом завода Сан-Галли, что на Лиговке, попросил срочно прислать механиков. «Дело какое? Сейфы вскрывать. Понимаю, что сложно. Сейфов много. Знаю, что трудно... Но и вы поймите — задание государственной важности, приказ товарища Ленина... Вот так, другое дело... Автомобиль высылаю».

Механики вооружились молотками, зубилами, сверлами, ножовками.

Пришел и Залкинд. До этого он занимался другими делами. К часу дня стали собираться чиновники, принявшие ультиматум, предъявленный в субботу. Он беседовал с ними, получая информацию, без которой даже при наличии ключей не сразу можно было бы добраться до самых важных документов.

— Приступим к делу, — сказал Маркин. — Начнем с дверей главного архива. Пошли, товарищи...

Он предложил идти и Нератову, и Татищеву, и Таубе.

Аресты, изоляция, очная ставка, словесная дуэль, вызов механиков, стремительность всей этой операции, невозможность больше лавировать... Нератов понял, что деваться некуда. Этого матроса не проведешь. И Нератов сказал Татищеву:

— Полагаю, наша совесть чиста. Предоставляю вам поступить, как вы считаете угодным, а я ключи сдаю.

Идти за ключами пришлось недалеко. Они были спрятаны в одной из комнат большой казенной квартиры Нератова на Мойке, 65. Татищев тоже сообщил, где его ключи.

Когда ключи принесли, начальник канцелярии двинулся во главе процессии. За ним следовали Залкинд и Маркин, Нератов и Таубе, чиновники и крас-

ногвардейцы, механики, оказавшиеся без дела, но пожелавшие присутствовать при столь знаменательном событии. Сначала Татищев провел новых хозяев по всем комнатам, объясняя их назначение и показывая ключи к ним. Потом подошел к массивным железным дверям с металлической вывеской:

Государственный и Петроградский главные архивы

Татищев выбрал ключ из связки и сунул в замочную скважину. В глубине дважды звякнуло. Татищев взялся за железную ручку, уперся ногой, и стальная дверь, толще, чем броня на дредноутах, медленно открылась. Это и был вход в бронированные комнаты, где хранились договоры и соглашения российских императоров с королями, царями и президентами; тайные послания и ответы на них; секретные депеши министров миссиям за границей и донесения послов — от ежедневных зашифрованных телеграмм до обстоятельных докладов. Все то, что под охраной и строгим присмотром перевозили дипкурьеры или тайно доставляли агенты, что было сокрыто под условными шифрами телеграмм, сосредоточивалось в громадных несгораемых шкафах, стоявших вдоль глухих стен. Каждый шкаф имел несколько секций, к каждой из них был свой ключ. Документы лежали в специальных картонах под сургучными печатями. Чтобы попасть из одного помещения в другое, надо было тоже открыть бронированные двери. Сверхсекретные документы хранились в зашифрованном виде. Ключи-шифры к ним — в других сейфах.

Обо всем этом Маркин узнал позднее. А сейчас не только с волнением, но и с любопытством наблюдал, как Татищев подходил то к одному, то к другому сейфу и вместе с управляющим шифровальным отделением выбирал из четырех связок ключи. Татищев оставлял ключи в скважине, показывал, как пользоваться, сколько оборотов делать, и шел дальше.

Маркин попросил открыть один из сейфов. Ему не терпелось посмотреть, как выглядят тайные документы.

— Они на пергаментах? — спросил Маркин.

Татищев улыбнулся сдержанно, Нератов — иронически:

— Нет, молодой человек, на самой обычной, конторской. — Но, вспомнив о своем положении, вежливо пояснил: — На пергаментах только в древности писали.

— Понятно, — оправившись от смущения, сказал Маркин. — На простой так на простой. Нам суть важна!

Когда все ключи оказались у Залкинда, Маркин, переговорив с уполномоченным Наркоминдела, надел бескозырку, сказал:

— Ну да ладно, все хорошо, что хорошо кончается... Раз дела сданы добровольно, — он метнул взгляд на Нератова, — то и Советская власть по-доброму... Именем Военно-революционного комитета арест задержанных чинов министерства отменяется. Требуем только подписки о невыезде из Петрограда.

Процессия двинулась в обратном направлении. У главных дверей архива уже стоял красногвардейский наряд.

— Доложите товарищу Ленину, — кричал Маркин в телефонную трубку. — Первое: все ключи у нас. Второе: все шифры у нас. Третье: немедленно приступаем к отбору документов...

А Залкинд давал интервью журналистам, которые еще с утра ждали его:

— Сегодня мы фактически вступили в управление министерством. Начало публикации тайных договоров — дело самых ближайших дней.

22

Генерал Марушевский все эти дни, как и до 25 октября, приезжал на службу без пяти минут девять. Ровно в девять утра он входил в свой прежний кабинет, и прежний адъютант с прежней учтивостью подавал ему последнюю сводку с фронтов. Этим, пожалуй, все «прежнее» исчерпывалось. Приказы Марушевского теперь были действительны только при подписи комиссара Военно-революционного комитета,

а круг обязанностей генерала отныне сводился к исполнению распоряжений, в выработке которых он почти не участвовал.

Формально Марушевский подчинялся временно управляющему военным министерством генералу Маниковскому. (После ареста в ночь штурма Зимнего он был вскоре освобожден.) Но положение генерала Маниковского теперь тоже мало отличалось от положения начальника Генерального штаба. Фактическое руководство военным министерством находилось в руках Коллегии Народного комиссариата по военным делам.

Революция освободила Марушевского от опеки над «военной охранкой», поскольку таковая уже была начисто уничтожена. Его больше не посвящали даже в дела главной армейской контрразведки, которая создавалась заново.

И все терпел старый генерал.

— Честь России и армии превыше всего, — говорил он своим «ближайшим».— Я должен оставаться в строю.

Но «ближайшие», зная Марушевского, больше приглядывались к тому, что он делает, чем прислушивались к тому, что он говорит.

Между тем Совет Народных Комиссаров исполнял обещанное еще в первые часы восстания. Залкинд, Поливанов и вызванные в помощь студенты уже переводили на русский язык документы, извлеченные из бронированных комнат. Рано утром 8 ноября Советское правительство передало приказ в Могилев, генералу Духонину, после бегства Керенского объявившему себя (1 ноября) верховным главнокомандующим, — немедленно войти в сношения с командованием германских войск, предложить перемирие и встречу дипломатов. В те же часы курьеры Смольного объезжали союзные посольства в Петрограде, вручая первую ноту Советского правительства: приглашение начать совместные действия для всеобщих мирных переговоров.

Штаб и квартира Духонина в Могилеве помещались в большом губернаторском доме. Аппарат Юза стоял в комнате, соседствовавшей с рабочим кабинетом генерала. Духонин еще спал, когда телеграфист принял последние слова приказа из Петрограда.

Дежурный адъютант все же решил разбудить главковерха.

— Что? — вопрошающе взглянул Духонин, прочтя телеграфную ленту.

Адъютант опустил глаза, ожидая приказаний.

— Ознакомьте Станкевича и пригласите этих...

Станкевич был комиссаром Верховной ставки, назначенным еще Керенским. «Эти» — Авксентьев, Чернов, Гоц, накануне примчавшиеся из Петрограда.

Поняв, что Смольный не сломить ни штыками юнцов из военных училищ, ни георгиевцами, ни несколькими сотнями «ударников» и «увечных», оставшихся в Петрограде, ни заговором Пуришкевича, «виднейшие» из «Комитета спасения» приехали к Духонину, чтобы с его помощью попытаться собрать дивизии и двинуть их на Петроград. Духонин не возражал. Только дивизий, готовых повторить авантюру Керенского, не находилось.

«И все-таки никаких переговоров с немцами! Никакого подчинения правительству Смольного!» — так порешили Духонин и его советчики.

Но пойти немедленно на разрыв со Смольным Духонин считал неразумным. Сделавшись вдруг непонятливым, он с мелочной осмотрительностью и оглядкой ротного писаря стал запрашивать Военно-революционный комитет: почему на телеграфной ленте с предписанием Совнаркома нет номера, нет точной даты, и действительно ли такой приказ исходил от народных комиссаров?

Духонин тянул время.

В два часа ночи на 9 ноября Председатель Совнаркома приехал в штаб округа на Дворцовую, 4. Ленина сопровождали народный комиссар по военным делам Крыленко и член правительства Сталин. Втроем прошли в аппаратную узла связи и вызвали к прямому проводу генерала Духонина. Владимир Ильич спросил, что сделано Ставкой для исполнения приказа правительства? Духонин вместо ответа стал задавать вопросы... Стало очевидно, что генерал саботирует. Ленин объявил Духонину, что он отстраняется от занимаемой должности. Новым верховным главнокомандующим назначается член правительства прапорщик Николай Крыленко.

Назавтра Крыленко издал «приказ № 1»: «Выезжаю на фронт».

Полчаса спустя об этом узнал Духонин. От Марушевского.

С вечера 25 октября контроль над прямыми проводами между Генеральным штабом (Дворцовая, 10) и штабом Петроградского военного округа (Дворцовая, 4) со Ставкой в Могилеве находился в руках особых комиссаров, назначенных Военно-революционным комитетом. Одним из них был А. А. Анохин, вожак красногвардейцев завода «Лоренц». Его помощниками стали В. И. Милютин, рабочий того же завода, комиссары П. А. Хычев, С. Н. Дмитриев и другие. Наблюдение велось и за проводами гражданских телеграфных и телефонных станций, включая связь железных дорог.

Комиссары были и стражами и разведчиками. В дни боев с Керенским, в день юнкерского мятежа они перехватили множество телеграмм Керенского и его агентов в Петрограде. Это дало Военно-революционному комитету важную информацию о планах противника.

Анохин и его помощники читали всю корреспонденцию, которая приходила на имя Марушевского или исходила от него. Но генерал, пока он оставался в должности, мог переговариваться со Ставкой по аппарату Юза, который стоял в комнате, соседствовавшей с его кабинетом. Это были разговоры по прямому проводу. Ленты часто тут же уничтожались. И Марушевский этим пользовался. Он подобрал телеграфистов, послушных ему, и по ночам вел откровенные беседы с Духониным. Если возникало подозрение, что вот-вот может войти комиссар, разговор немедленно обрывался или приобретал безобидный характер.

Ночью 9 ноября Духонин провел очередной разговор с Марушевским. Народные комиссары отстранили его, Духонина, от должности. А по какому праву? Не они назначали. Есть полевой устав: если погиб, умер, пропал без вести главковерх, то его преемником становится начальник штаба Ставки.

— Николай Николаевич, мы считаем вас законным главковерхом, — отозвался Марушевский.

«Мы» означало «столичный генералитет».

Духонин остался доволен.

Марушевский вел игру большую.

Ждать! Точнее, переждать — таков был генеральный план Марушевского. Подогревать в Духонине дух сопротивления, внушать тем, кто его окружает, что еще не все потеряно. Звать войска в Петроград — вот что заставляло Марушевского «оставаться на посту».

Чтобы еще больше подбодрить Духонина, начальник Генерального штаба стал уверять: «большевики в Петрограде изолированы»... Значит, надо держаться. Действовать. Успех обеспечен.

Днем 10 ноября в кабинет Марушевского зашли Крыленко и Подвойский... Необходимо немедленно сформировать военную делегацию и отправить ее через линию фронта. Предложить германскому командованию прекращение огня. Неисполненное Духониным должно быть исполнено неукоснительно! Среди парламентеров желательно иметь авторитетного офицера Генерального штаба...

Марушевский слушал сидя в кресле, переводя взгляд то с Крыленко на Подвойского, то с Подвойского на Крыленко.

— Я вполне с вами согласен. России нужен мир, — отозвался Марушевский. — Но весь вопрос, какой ценой его получить. Прежде чем отправляться в путь, надо решить именно это... Россия не может оставаться без союзников. А союзники против переговоров с Германией. Я имею об этом исчерпывающую информацию от военных миссий в Петрограде. Генерал Духонин также осведомлен. И он считает своим долгом и своей честью не допустить опрометчивых переговоров во вред общему делу союзников.

— Генерал, мы делали революцию, не считаясь с тем, нравится она или не нравится так называемым союзникам. Надеюсь, вы сегодня читали в газетах первые документы тайной дипломатии. Они достаточно объясняют, почему союзники не желают окончания войны, — сказал Подвойский.

— Назовите офицера, который мог бы войти в состав делегации парламентеров, — потребовал Крыленко.

— Я не знаю такого офицера. Напротив, я знаю, что в Генеральном штабе большинство думает так же, как генерал Духонин.

Крыленко и Подвойский ушли, объявив Марушевскому, что он может не утруждать себя. Парламентеры найдутся в солдатских окопах, где лучше знают, какими надеждами живет сейчас армия.

Ночью Марушевский опять разговаривал с Духониным. И, конечно, о визите Крыленко и Подвойского.

— У меня сложилось убеждение, что они желали бы пойти на соглашение, — сказал Марушевский.

Он знал, что говорит неправду, что никакое соглашение между Смольным и Духониным невозможно. Но Марушевский продолжал игру.

— А как с выездом Крыленко на фронт? — осведомился Духонин.

Марушевский ответил, что «приказ № 1», по-видимому, предназначен больше для пропаганды. Крыленко не осмелится пойти к немцам, пока протестуют союзники и оппозиционные партии.

Распрощавшись, генералы ушли спать. Один — в Петрограде, другой — в Могилеве.

В начале седьмого утра Духонина опять разбудили:

— Вас просит к прямому проводу командарм-пять.

Полусонный Духонин пошел к аппарату.

Из Двинска говорил генерал Болдырев.

Извинившись за беспокойство в столь ранний час, Болдырев сказал, что имеет сообщить чрезвычайно важное. Крыленко через несколько часов выезжает из Петрограда. Он прибудет в Двинск. Он наверняка едет предлагать немцам перемирие. В Двинске Крыленко найдет полную поддержку армейского комитета и всей армии.

— Идея мира очень живуча и остра... Докладываю об изложенном и спрашиваю, не последует ли посему каких-либо указаний? — закончил Болдырев.

Духонин спросил, когда и каким образом стало известно о предполагаемом выезде Крыленко? Ночью был разговор с Марушевским, тот уверял, что выезд Крыленко пока исключается.

Болдырев дал понять, что сообщаемое им не подлежит сомнению. Сведения получены секретным образом от одного «надежного телеграфиста» в Петрограде.

Да, на узлах связи округа и Генерального штаба еще были разные телеграфисты. Одни тайно служили

духониным, марушевским, болдыревым. Другие — революции, сотрудничая с комиссарами ВРК. Кстати, 10 ноября контроль за переговорами Марушевского особо усилился: по просьбе Анохина был назначен специальный комиссар прямого провода Генштаба — Василий Милютин, рабочий завода «Лоренц», рекомендованный заводским комитетом и утвержденный в этой должности Мартином Лацисом. Отныне все, что говорил по прямому проводу Марушевский, становилось известным и Подвойскому, и товарищам из Семьдесят пятой комнаты Смольного.

Крыленко выехал на фронт утром 11 ноября. Специальным поездом из трех вагонов. Вместе с главковерхом поехал член ЦК партии Иоффе. Секретарем делегации — Елена Розмирович, давний товарищ Крыленко по революционной работе, член партии большевиков с многолетним стажем, активный сотрудник «Солдатской правды», впоследствии председатель следственной комиссии Революционного трибунала. Для охраны и связи главковерх взял с собой пятьдесят матросов.

Главковерх понимал, что он встретит противодействие и в Пскове, и в Двинске, а возможно, и в штабах дивизий за Двинском. Придется убирать барьеры на всем пути до солдатских окопов. И Крыленко был к этому готов.

Экстренный поезд прибыл в Псков вечером 11 ноября. Еще с дороги главковерх послал телеграмму командующему Северным фронтом генералу Черемисову: «Прошу вас прибыть на вокзал. Жду». Такое же приглашение было послано членам военно-революционного комитета фронта.

Если бы Черемисов исполнил приказ, это означало бы, что командование Северного фронта признает Советское правительство и нового главковерха. Это во многом облегчило бы решение главной задачи, ради которой ехала сейчас правительственная делегация на фронт, — открыть переговоры о прекращении огня.

На перроне в Пскове Крыленко и комендант поезда увидели знакомую фигуру председателя ревкома Бориса Позерна — высокого, с пышными усами, в шинели и белой солдатской папахе. Позерн ранее работал

в Петроградском комитете большевиков и был человеком известным в партийных кругах. На псковском вокзале питерские товарищи увидели и еще одного давнего знакомого — румянолицего Освальда Дзениса. Дороги революции привели его в штаб Северного фронта, где вместе с Позерном он взял под контроль командование войсками, прикрывавшими столицу от немецких войск, стоявших в Прибалтике.

Генерала Черемисова на вокзале не оказалось. Генерал не приехал и после того, как за ним был послан адъютант Крыленко. Тогда последовал приказ советского главковерха: Черемисов отстраняется. Товарищу Позерну вступить в командование. Генералу исполнять обязанности до сдачи дел.

В Двинске картина повторилась. Командующий 5-й армией генерал Болдырев отказался признать «красного главковерха». По приказу Крыленко Болдырев был арестован и отправлен в Петроград.

После полудня 13 ноября красные парламентеры, посланные Крыленко, перешли линию немецких окопов, а назавтра возвратились с ответом германского командования: немецкая сторона согласна начать переговоры о перемирии. Было условлено и место, и время встречи дипломатов — в Брест-Литовске, 19 ноября.

Утром 15 ноября Крыленко с делегатами возвратился в Петроград. И сразу — доклад Ленину... Мирный диалог начат. Но в Могилеве еще сидит Духонин. И хотя оттуда уже сбежали те, кто собирался на штыках Духонина создать новое правительство, Ставка Духонина все равно остается преградой на пути к миру.

Принимается решение: Крыленко во главе отряда солдат и матросов отправится в Могилев для занятия Ставки. Отправится еще до того, как в Бресте начнутся мирные переговоры.

Утром 15 ноября Марушевский, придя на службу, не стал ни просматривать сводки фронтов, ни читать газеты. Он написал рапорт управляющему военным министерством генералу Маниковскому... Мир без согласия союзников, уверял Марушевский, — беда для России. И закончил: «По своей совести и разумению

не считаю себя вправе занимать больше пост начальника Генерального штаба и принимать участие в работах по создавшемуся положению вещей».

Марушевский хотел временно отойти в сторону, чтобы подготовить тылы.

Ночью 17 ноября начальник Генерального штаба вновь провел переговоры с Духониным.

— Я получил донесение, что из Петрограда двигаются на юг эшелоны матросов. Не знаете ли вы, с какой целью? — спросил Духонин.

— Я совершенно не в курсе операций революционного характера. Прямых сведений по этому вопросу не имею, — уклончиво ответил Марушевский. — Если это вооруженная сила для воздействия на мнение Ставки, то я со своей стороны предпринял все, чтобы отговорить народных комиссаров от какого бы то ни было вооруженного предприятия в данном направлении. Насколько мои разговоры имеют влияние, я не знаю...

19 ноября эшелоны Крыленко подходили к Могилеву. Марушевский понял, что часы Духонина сочтены. Окончена и его, Марушевского, игра. Надо любыми средствами спасать себя для будущих планов. И он написал новый рапорт генералу Маниковскому: «Чувствую себя совершенно больным, прошу разрешения в течение нескольких дней нести обязанности, не выходя из моего [домашнего] кабинета и квартиры».

Ответ пришел не от Маниковского.

Комиссар, присланный Военно-революционным комитетом, Сергей Семенов предъявил начальнику Генерального штаба ордер на арест и предложил следовать в Смольный. В тот же день, 20 ноября, был арестован генерал Маниковский.

23

Между тем следственная комиссия продолжала дознания по делу Пуришкевича.

Штабс-капитан Боде уверял, что он никакого отношения к заговору не имел. Он лишь светски обсуждал с Пуришкевичем, как водворить порядок в стране.

— О каком же порядке шла речь? — спросил следователь. — Не о том ли, чтобы устроить на Невском

виселицы? Чтобы публично расстреливать рабочих? Ведь именно об этом вы писали генералу Каледину!

— Письмо к генералу я подписал не читая, — ответил Боде.

Штабс-капитану было замечено, что революционное следствие не столь наивно, как он предполагает. Боде предложили точно указать, в какое время он был в Инженерном замке 28 октября и в ночь на 29-е, кого он там застал, что делал.

— Среди юнкеров и офицеров Инженерного училища у меня было много давних знакомых, — ответил Боде. — Вечером двадцать восьмого я пришел в училище, чтобы узнать о настроении юнкеров.

— Для какой цели?

— В целях ориентировки.

— Ориентировки в чем?

— В том, как настроены юнкера.

— Среди ваших знакомых был юнкер Лейхтенбергский?

— Да.

— Это тот юнкер, который, как и вы, встречался с Пуришкевичем, участвовал в его конспиративных заседаниях, выполнял его поручения?

— Герцог Лейхтенбергский — один из моих знакомых.

— По организации Пуришкевича?

— По кружку Пуришкевича.

— Ясно. Итак, что вы узнали в Инженерном замке?

— Там уже находился «Комитет спасения». Он проводил заседания с участием юнкеров и офицеров. Полковников говорил о необходимости защищать свободу и порядок. Что юнкера — самый сознательный элемент, и на них вся надежда... Юнкерам было приказано находиться в боевой готовности. Спать в шинелях. Были розданы патроны. Около часу ночи я ушел из замка и возвратился рано утром. Теперь я узнал, что по приказу Полковникова в Михайловском манеже захвачены броневики и приведены к Инженерному замку.

— Вы участвовали в захвате телефонной станции?

— Мне пришлось там быть...

— В качестве посетителя?

Пауза.

— Кто командовал юнкерами при захвате станции?
— Капитан Михальчук.
— Откуда это вам известно?
— Около полудня я получил от него приказание возвратиться в Инженерный замок и вызвать помощь. Михальчук говорил, что положение критическое. «Астория» уже отбита красногвардейцами. Они заняли Исаакиевскую площадь и продвигаются к Невскому.
— Вы исполнили приказ капитана Михальчука?
— Да. Но когда я доложил Полковникову о положении на телефонной станции, он ответил, что никакой помощи оказать уже не может. Штаб-квартира в Инженерном замке ликвидируется. «Нужно расходиться, кто куда может», — сказал Полковников. Вскоре он скрылся, не дав никаких указаний. В «Комитете спасения» некоторое время еще оставался какой-то брюнет, штатский, в сером пальто и в серой мятой шляпе. Был и какой-то поручик с черными усами, среднего роста, плотный. Они энергично распоряжались, а затем тоже скрылись.
— Назовите их фамилии.
— Я с ними не был знаком.
— После того, что вами показано, вы продолжаете настаивать, что к мятежу 29 октября и к организации Пуришкевича вы никакого отношения не имели?
— Я уже сказал.
— Вы подписывали письмо генералу Каледину? Ваша подпись стоит рядом с подписью Пуришкевича?
— Я уже говорил...
— Показания других участников организации подтверждают, что вы полностью разделяли взгляды Пуришкевича.
— По ряду вопросов у нас не было согласия.
— А в главном?
— Я не помню всех деталей...
— На совещаниях у Пуришкевича, кроме вас, присутствовали штаб-ротмистр Амбразанцев, капитан Коваиько, полковник Винберг, капитан Шатилов, капитан Душкин. Вы это подтверждаете?
— Да, я встречал их.
— Оружие, которое найдено у вас, было приобретено на средства, полученные от Пуришкевича?
— Деньги он мне давал.

— В том числе и на покупку оружия?

— Да.

— Вам знаком прапорщик Остроумов?

— Да, я его знаю, но никаких политических дел с ним не имел.

— Прапорщик Остроумов скрывается. Как, по-вашему, почему?

— Не могу знать.

— То, что происходили конспиративные встречи с вашим участием, то, что вы покупали оружие по заданию и на средства Пуришкевича, то, что вместе с вами в организации монархистов были другие офицеры, вам знакомые, то, что вы лично участвовали в вооруженном мятеже 29 октября, — разве все это не доказательства существования тайной организации Пуришкевича, члены которой принимали самое непосредственное участие в мятеже 29 октября? Я прошу точного ответа!

— На все ваши вопросы я уже ответил.

— Согласен. Революционный трибунал даст им оценку.

Юнкер Лейхтенбергский показал, что к вечеру 28 октября в Инженерном замке собрались десятки офицеров — от «Комитета спасения» и штаба Пуришкевича. Начальник Инженерного училища полковник Муфель перед отправкой юнкеров к Михайловскому манежу произнес речь, затем говорил какой-то капитан, среднего роста, коренастый, с большими усами, в кожаной куртке с автомобильными погонами *. Полковник Муфель говорил, что войска Керенского ожидаются в Петрограде к 11 часам утра. «Комитет спасения» ставит перед юнкерами задачу «поддерживать в городе порядок, для этого — занять Михайловский манеж с броневиками». Последние использовать для патрулирования улиц и захвата важных центров столицы.

Лейхтенбергский показал также, что захват броневиков в Михайловском манеже осуществила группа юнкеров примерно в семьдесят человек. Среди них были члены организации Пуришкевича. Сам Лейхтенбергский принимал участие в захвате броневиков и

* Это был, по-видимому, капитан Кожевникянц, корниловец, активный участник организации Пуришкевича, раненный в боях 29 октября, позже арестованный, но скрывшийся от суда.

телефонной станции. Вместе с ним в манеже и на станции был капитан в кожаной куртке с автомобильными погонами.

Показания полковника Винберга, капитана Душкина, секретаря Пуришкевича Парфенова, содержателя гостиницы «Россия» Агамова, офицера Алдатова-Попова и других подтвердили уже известное читателю: о конспиративных сборах, происходивших у Винберга и Парфенова, о планах и действиях организации.

Владимира Пуришкевича допрашивали после того, как в руках следствия были уже доказательства по всем пунктам обвинения.

Это было не просто — допрашивать Пуришкевича, врага матерого, «ученого», опытного, монархиста первейшей статьи.

Пуришкевич не стал, как Боде, говорить, что письмо Каледину он «подписал не читая». Не стал отрицать очевидное. Он избрал другой путь — давать такое объяснение фактам, чтобы все поставить с ног на голову.

— Какую цель ставила ваша организация? — спросил следователь.

— Добиться водворения в России твердой власти и порядка.

— При какой форме правления?

— Диктатуре.

— Диктатуре кого?

— Всех сил, стоящих за твердую власть, за единую Россию...

— Вы говорили на своих конспиративных заседаниях о двуглавом орле, о мономаховой шапке, которую надо водворить на место? Разве это не была идея монархизма?

— Я говорил о твердой власти...

— Разве все, что вы делали на протяжении всей своей политической деятельности, не было защитой монархизма?

— Это была защита интересов России и ее народа.

— Черные сотни, которые вы создали, ваша деятельность в Государственной думе, ваши клеветы на большевиков, на демократию, ваши писания в «Трибуне», ваш заговор против власти, созданной революцией рабочих и крестьян, — какая же это «защита

интересов народа»? Не народ вы защищали, а монархию, самодержавие! А теперь прикидываетесь другом народа?

— Вы допрашиваете меня или дискутируете со мной?

— Я веду расследование, чтобы раскрыть то, о чем вы намеренно умалчиваете.

Следователь перешел к частным вопросам:

— Вы давали деньги штаб-ротмистру Амбразанцеву?

— Да.

— Сколько и для каких целей?

— Десять тысяч. Для целей контрразведки.

— Сколько получил от вас капитан Кожевникянц?

— Около шести тысяч.

— Для покупки оружия?

— Да.

— После провала мятежа 29 октября вы готовили новое выступление?

— На этот вопрос я отвечать не буду.

— Можете не отвечать. Ваше письмо к Каледину исчерпывающе отвечает и на этот вопрос.

Пуришкевич не отрицал участия членов его «кружка» в мятеже 29 октября, однако утверждал, что они выступали не по его приказу, а по распоряжению «Комитета спасения», с которым он лично никаких связей не имел.

Следователь предъявил Пуришкевичу запись его показаний. Арестованный прочитал и подтвердил своей подписью: «Показание свое я прочел и считаю, что все изложенное соответствует действительности».

Да, все сказанное Пуришкевичем было записано правильно, но далеко не все, что он сказал, было правдой.

Следствие продолжалось.

Мечислав Козловский вновь вызывал на допрос Брудерера.

Нашелся ходатай — из левых эсеров, который потребовал свидания с Брудерером в тюрьме. Свидание разрешили. После этого ходатай обратился в следственную комиссию:

«Ручаюсь на основании слова, данного мне лично Брудерером, что последний, оставляя за собой права

идейной борьбы в рядах партии социалистов-революционеров, никакого участия в вооруженных заговорах принимать не будет».

Следственная комиссия постановила: «Оставить Брудерера под стражей».

24

«Камера», куда привели генерала Марушевского, оказалась одной из комнат второго этажа Смольного. У дверей стоял черноглазый паренек в морской фуражке, с поблекшим и потрескавшимся козырьком. Часовой все время поправлял на спине винтовку, которая была и тяжела и велика для его неполных семнадцати лет.

Генерал с любопытством оглядел юного красногвардейца. Тот ответно. Но с мальчишеским задором. Под его присмотром министры были! Краснова охранял! Паренек раскрыл перед Марушевским дверь и решительно захлопнул ее за ним.

В арестной комнате ожидали допроса банковские чиновники, доставленные сюда за саботаж, корниловские офицеры, кадетские деятели только что распущенной Петроградской городской думы. Был там и редактор «Известий Комитета спасения» — газеты, закрытой Военно-революционным комитетом, еще какие-то штатские.

«Камеры» в Смольном были совсем не похожи на тюремные. Генералу Марушевскому к двум часам дня принесли из дому обед. Еще дымился парок. Генерал пожелал отобедать в одиночестве, и его провели в соседнюю пустующую комнату. Марушевский накрыл стол скатертью (принесли вместе с обедом); нашлась даже салфетка. Генерал отобедал и возвратился в «камеру».

Другие арестованные в это время обедали в смольнинской столовой. Водили их под конвоем. Но за обед пришлось платить. По рублю двадцать пять копеек каждому. Впрочем, как любому посетителю Смольного.

Марушевского вызвали на допрос под вечер. Член следственной комиссии Петр Красиков провел этот допрос необычно. Он начал с... политической дискуссии.

Красиков говорил о том, какое впечатление произвела во всем мире публикация тайных дипломатических документов царского и Временного правительства. О том, что неповиновение, проявленное генералами Черемисовым и Болдыревым, было чревато серьезными последствиями. Они ставили под удар возможность перемирия и открытия мирных переговоров — того, что является сейчас величайшим стремлением победившего народа.

Марушевский понимал, что разговор о тех генералах — это прелюдия к разговору о нем самом. И потому молчал, настороженно следя за тем, куда клонит Красиков.

— Вы тоже противились усилиям Советского правительства в достижении мира, — сказал Красиков.

Марушевский отозвался:

— Гражданин комиссар, политика — не область моих занятий. Я не могу принять ваше обвинение.

— Оно основано на фактах. Вы продолжали официально сноситься с Духониным после того, как он уже был смещен правительством за неисполнение приказа об открытии мирных переговоров.

— Я не мог прекратить сношения с Духониным, поскольку...

— Поскольку вы продолжали признавать его главковерхом? Не так ли?

— Вы имеете в виду...

— Телеграфные ленты, которые засвидетельствовали ваши беседы с Духониным!

— Но позвольте... Поддерживая отношения с Духониным, я хотел избежать раскола в армии. Наличие двух главковерхов...

— Есть только один главковерх — Крыленко!

— Но и Духонин имеет право... Согласно положению Полевого устава...

— Ни в одном Полевом уставе не предусмотрена преемственность командования в случае революции. Крыленко назначен правительством, полномочия которого получены в результате революции рабочих и крестьян. Я не считаю, что вы вправе обсуждать законность назначения Крыленко. Ваш долг состоял в том, чтобы исполнять его приказы, а не обсуждать, «законный» ли он главковерх.

— Это то, за что я арестован?

— Вы арестованы за преступные сношения с отстраненным от должности Духониным и за попытку саботажа при формировании делегации для переговоров о перемирии.

— Позвольте курить? — спросил Марушевский.

— Да, пожалуйста.

В несколько мгновений — пока разминал папиросу, пока закуривал — Марушевский составил план защиты.

— Вы затрагиваете область, которая больше относится к вопросу о том, «како веруешь», чем к области действий, продиктованных служебным долгом, — сказал генерал. — В таком случае, позвольте заявить, что я одинаково признаю вредным для России как вооруженное выступление против Ставки — это стало уже фактом, — так и вооруженное сопротивление могилевского штаба. Три дня назад я говорил об этом не только генералу Духонину, но и прапорщику Крыленко.

— Крыленко — член правительства, назначенный главковерхом. Я прошу пользоваться официальным наименованием его должности.

Марушевский втянул в себя дым.

— Мои откровенные взгляды, высказанные в одно и то же время начальникам в Петрограде и Могилеве...

— Главковерху и бывшему главковерху...

— Прапорщику Крыленко и генералу Духонину... повредить никому не могли.

— Гражданин генерал, ваше мнение было мнением начальника Генерального штаба. Рассуждения на тему о том, «како веруешь», в данном случае — не более, как замаскированная выжидательная политика.

Марушевский продолжал твердить свое:

— Я говорил Духонину то, что думал... Моя точка зрения на форму выступлений для ведения мирных переговоров действительно не совпадает с точкой зрения народных комиссаров. Поэтому я еще 15 ноября просил об отставке.

— Но она не была принята. Вы же это знаете! А до этого ваш долг, повторяю, состоял в том, чтобы проводить тот курс, который предписан законной властью. Вы нарушили воинский устав!

— Я не мог говорить Духонину непрямодушно.

— А предавать солдат?

После паузы Красиков сказал:

— Я хочу услышать прямой и ясный ответ: считаете ли вы впредь обязательным для себя исполнять приказы, исходящие от имени Совета Народных Комиссаров?

Марушевский понял, что́ зависит от его ответа. Он помедлил, потом сказал:

— Да, очевидно...

Красиков предложил, чтобы генерал собственноручно записал свои показания. Марушевский это исполнил. Он закончил так: «Современной власти считаю нужным подчиняться и исполнять ее приказания».

25

Следствие по делу Пуришкевича закончилось во второй половине декабря. В печати было опубликовано обвинительное заключение.

Владимир Пуришкевич был признан виновным в создании, финансировании и вооружении организации, которая ставила своей целью восстановить в России монархический образ правления. Организация Пуришкевича активно участвовала в восстании юнкерских училищ. Здесь монархисты действовали рука об руку с кадетами и лжесоциалистами из «Комитета спасения».

В обвинительном заключении были названы имена тех, кто фактически блокировался с монархистами, хотя в организации Пуришкевича не состоял. «К этим лицам, — говорилось в документе, — должны быть причислены на основании добытых следствием данных: А. Гоц, полковник Полковников, полковник Хартулари... в настоящее время скрывающиеся, а также полковник Муфель, непосредственно руководивший юнкерскими операциями по захвату Михайловского манежа и телефонной станции; А. Брудерер, назначенный «Комитетом спасения...» комиссаром Владимирского военного училища».

Суду были преданы четырнадцать наиболее активных участников заговора, в том числе тринадцать членов организации Пуришкевича. Четырнадцатым был Брудерер.

22 декабря 1917 года Революционный трибунал начал публичное слушание дела.

Трибунал лишь за неделю до этого открыл свои заседания. Дело Пуришкевича—Брудерера оказалось, по существу, первым после Октября крупным политическим судебным процессом. «Делом № 1», раскрытым органами революционного следствия.

Все было ново. Заседания Трибунала происходили в переоборудованном дворце бывшего великого князя Николая Николаевича у Троицкого моста. Неподалеку от того места, где ночью 29 октября схватили с поличным Брудерера...

Огромный зал дворца не смог вместить и десятой части публики, собиравшейся к открытию заседаний.

Приходили старые адвокаты — полюбопытствовать, кто и как нынче судит. Собиралась буржуазная публика — подбодрить подсудимых. Рабочие, солдаты, матросы — увидеть тех, кто замышлял тайное, поддержать общественных обвинителей.

Председателем Трибунала был рабочий Иван Павлович Жуков, большевик, из тех рабочих, которые проходили «университеты» в подпольных партийных кружках, в тюрьмах и ссылках.

— Суд идет! — объявил начальник караула красногвардеец Семен Овсянкин.

За судейским столом заняли места члены Трибунала во главе с Иваном Жуковым.

Иван Павлович не без тревоги ожидал этой минуты. Он помнил, что случилось несколько дней назад, перед первым заседанием. «Суд идет!» — объявил тогда Овсянкин. Но в зале, где была сплошь буржуазная публика, никто не шелохнулся. Это был вызов: «Не признаем!»... «Суд идет! — повторил Овсянкин. — Встать! Встать!» Только после этого встали.

Теперь первыми поднялись солдаты, рабочие, матросы. Это был их суд, от их имени. Они подали пример.

Заседания Трибунала продолжались до начала января 1918 года.

Александр Брудерер, незадолго до суда по состоянию здоровья отпущенный из тюрьмы, в заседаниях не участвовал. Его защитник представил заявление подсудимого. Тот уверял, что в обвинительном заключении «кощунственно» смешано несовместимое: «Коми-

тет спасения» и группа Пуришкевича; что посадить на одну скамью его, «известного деятеля революции» эсера Брудерера, с черносотенцем и монархистом Пуришкевичем есть «злостное оскорбление»...

Когда защитник прочел это место из заявления Брудерера, «оскорбился» и Пуришкевич.

— Осторожно! — крикнул он со своей скамьи.

Председательствующий Иван Жуков успокоил черносотенца и защитника лжесоциалиста и предоставил слово общественному обвинителю Дмитрию Мануильскому, в то время известному агитатору-большевику, впоследствии видному советскому государственному и общественному деятелю.

Обвинитель отверг жалобы Брудерера... Логика фактов неумолима! Да, люди, именовавшие себя и революционерами, и социалистами, выступили в одном строю с монархистами, действовали заодно, так сказать, под одной крышей — сначала захватывая броневики в Михайловском манеже, затем на телефонной станции... И это не суд выдумал, чтобы запятнать имя Брудерера и его коллег. Так было 28—29 октября. Это вскрылось в ходе предварительного следствия. И потому именно, на самом законном основании, приготовлена одна скамья для монархиста-черносотенца Пуришкевича и бывшего революционера, бывшего социалиста Брудерера! Рядом с ними должны были занять то же место Гоц и другие из «Комитета спасения». Они скрылись, но от суда истории им не уйти!

Революционный трибунал перешел к допросу обвиняемых и свидетелей.

...Полковник Винберг явно рассчитывал на сочувствие сидевшей в зале буржуазной публики, когда он подчеркивал свою давнюю преданность идеям «монархии и порядка»; когда славословил в адрес Пуришкевича: он-де «смелость, порыв, даровитость, готовность грудью отстаивать до конца то, во что верит»...

Полковник Муфель признавал, что был исполнителем воли «Комитета спасения», но отрицал свое руководящее участие в юнкерском восстании. Всю вину он перелагал на Полковникова. Он, Полковников, как человек военный, должен был понимать, что выступление училищных юнцов без поддержки извне обречено. Но Полковников подогревал молодежь, и льстил ей

(«самый сознательный элемент»), и уверял, что надо только начать, а потом на помощь придут и Измайловский, и Волынский, и Семеновский полки... Полковников — карьерист и авантюрист, игравший судьбами молодых людей. Он бросил их при первой же опасности. О себе Муфель, разумеется, умалчивал: он только исполнитель.

Боде и другие теперь тоже не отрицали своего участия в мятеже, но просили считать их только исполнителями, оказавшими Пуришкевичу мелкие услуги.

Пуришкевич приготовил трехчасовую речь. Суду пришлось ее выслушать. Чувствовалось, что главарь монархистов, довольно сдержанный при допросах, решил взять реванш в присутствии публики. Здесь, на суде, он не только не скрывал, но даже подчеркивал свою враждебность к революции и ее свершителям. Он обрушил злобную клевету на партию большевиков. Он употребил такие словесные пируэты, что удивил даже своих защитников.

— С тысяча шестьсот тринадцатого года по февраль тысяча девятьсот семнадцатого года, — говорил Пуришкевич, — Россия управлялась самодержавием. А откуда оно пошло? От единогласного решения всенародного Вселенского собора в Москве. Россия волею самого народа (?) была монархией. Поэтому всякая попытка низвергнуть власть царя была и есть заговор против народа...

— Да что он говорит? — не вытерпел какой-то матрос, сидевший в зале. — Ишь куда повернул! За такое в феврале судили на месте. К стенке его!

— Граждане, прошу соблюдать спокойствие, — вынужден был призвать председатель Иван Жуков.

— В лазарет его для умалишенных! — не успокаивался другой голос из зала.

— В тюрьму, а не в лазарет! В одиночку, негодяя!

Пришел черед выступлений общественных обвинителей.

— Граждане судьи, перед вами процесс громадной важности, — говорил Мануильский. — Здесь впервые русская победоносная революция посадила контрреволюцию на скамью подсудимых. Точнее, здесь авангард контрреволюции. Нити заговора ведут к «тихому» Дону, к Каледину... Осуждая Пуришкевича с его ком-

панией, вы также вынесете приговор генералам, создавшим русскую Вандею... Чувство революционного долга перед народом привело меня сюда, чтобы от имени народа обвинить его врагов.

Мануильский шаг за шагом проследил, как складывалась организация Пуришкевича, какие цели она преследовала, какими силами и средствами располагала. Лица, сидящие на скамье подсудимых, подчеркивал обвинитель, это лишь часть заговорщической организации.

— Для Пуришкевича не существовало вопроса, выступать или не выступать. Речь шла лишь о том — когда? С кем блокироваться? После Октября Пуришкевич особенно заторопился. И он бросил своих самых доверенных людей в Инженерный замок. Они подняли юнкеров и повели их за Полковниковым и «Комитетом спасения».

Судебный процесс выявил любопытную деталь: полковник Винберг, этот ярый черносотенец, монархист, в прошлом связанный с царской охранкой, узнав, что организовался «Комитет спасения», сразу же поехал в городскую думу и предложил свои услуги. Гоц и Шрейдер немедленно воспользовались услугами монархиста и назначили его руководить одним из районных отделений «Комитета спасения».

Мануильский обнажил внутренние связи: монархист Винберг рядом с «бывшими революционерами» Гоцем и Шрейдером! Монархист Боде — рядом с деятелями «Комитета спасения» в Инженерном замке. А во Владимирском училище в это время орудует Брудерер.

— И после этого, — продолжал Мануильский, — смеют говорить, что между эсерами из «Комитета спасения» и организацией Пуришкевича не было связей! Нет, граждане судьи, эти организации сплелись в один клубок. Они кооперировались, стремясь общими усилиями сломить народную власть. Хотя ясно: они были готовы перегрызть друг другу горло, чтобы назавтра после победы попытаться выхватить власть для себя, для своих целей.

Обвинитель показал, насколько тщетны были надежды заговорщиков. Власть народа, власть Советов — такая сила, перед которой не устоять никаким пуришкевичам, никаким заговорщикам. Революция

смела их и сметет каждого, кто встанет на пути народа.

Горячую речь произнес другой общественный обвинитель — депутат Петроградского Совета рабочий Григорий Евдокимов:

— Кто такой Пуришкевич? Это тот, кто давно черной тенью запал в память революционной России... Это Пуришкевич занимал в царской Государственной думе одно из первых мест среди самых оголтелых монархистов. Это Пуришкевич вскакивал и кричал: «Так и надо!», когда в Думе сообщали о жесточайших расправах, учиненных над узниками-революционерами в Акатуе. А кто аплодировал царскому сатрапу министру внутренних дел, когда тот открыто бросил в ответ на доклад о Ленском расстреле: «Так было и так будет!»... Нет, господин Пуришкевич, так больше не будет! Теперь наше слово, и мы говорим вам: «Никогда так больше не будет!»

Отметая клевету Пуришкевича на партию большевиков, рабочий-обвинитель говорил:

— Я имею честь состоять в этой партии, и от ее имени я уличаю Пуришкевича в наглой, гнусной лжи. Суд истории перед лицом всего народа еще скажет свое слово о той партии, которая привела миллионы рабочих и крестьян к революции, которая создала новую Россию. Имена героев и вождей революции будут жить вечно. А тех, кто сидит сейчас на скамье подсудимых, если и вспомнят когда-либо, то лишь в качестве примера того, какая нечисть вставала на пути революции и как выгребали за борт эту нечисть.

Общественный обвинитель требовал суровых мер наказания в отношении преступников.

— Победивший народ, — говорил обвинитель, — нередко великодушно относится к побежденному врагу. Но народ потом часто дорого расплачивается за свое великодушие. Ибо вчера сокрушенные враги, как только оправятся, сорганизовываются и вонзают нож в спину народа.

Приговор Революционного трибунала определил для Пуришкевича меру наказания: четыре года общественно-принудительных работ. Причем после одного года заключения подсудимый освобождается из-под стражи на год, и если за этот срок подсудимый не совершит новых преступлений, то он освобождается от

дальнейшего заключения. Винберг, Боде, Парфенов были осуждены к трем годам лишения свободы на тех же основаниях. Другие подсудимые — к меньшему сроку.

Дело Брудерера было выделено особо. Чтобы судить преступника вместе с другими причастными к контрреволюционной деятельности «Комитета спасения».

26

Приговор, который вынес Революционный трибунал, был первым приговором по «делу № 1» — юридическим. Окончательное суждение вынесла История.

Надо понять тех, кто, по словам Мануильского, именем победоносной революции впервые посадил на скамью подсудимых контрреволюцию. Надо представить себе время, когда судьи под председательством Ивана Жукова выносили приговор.

Слова, прозвучавшие из уст общественного обвинителя рабочего Евдокимова, были верные. Но люди, которые выносили приговор по «делу № 1», только начинали борьбу с контрреволюцией. Опыта еще не было. Что впереди, угадывалось еще менее. Приговор над Пуришкевичем не представлялся в таком свете, как сейчас. Сегодня мы говорим: мягкотелость, ошибка, неоправданное великодушие. И это справедливо. Мы говорим так, зная, что́ произошло в дальнейшем. Зная, ка́к обрушилась на Советскую власть вся контрреволюция. Зная, как объединились против нее и монархисты, и корниловцы, и калединцы, и кадеты, и эсеры — правые и левые, — и «народные социалисты», и меньшевики, и анархисты... Зная, что за мятежом 29 октября последовали новые заговоры против Советской власти — и не в таких масштабах! Последовали покушения на Владимира Ильича Ленина; была пролита кровь лучших сынов революции.

Но тогда, в самом начале, многим еще казалось, что в победных битвах Октября решено почти все и охранить завоевания революции удастся без особых издержек.

История не оправдала этих надежд. Милосердие оборачивалось против революции. Первым, кто заме-

тил, кто осудил беспечность победителей, кто призвал революционный народ к бдительности, был Владимир Ильич Ленин. Уже в апреле 1918 года он со всей прямотой говорил: «Нет сомнения, что Советская власть во многих случаях не проявляла достаточной решимости в борьбе с контрреволюцией, и в таком виде она была не железо, а кисель...»

Владимир Ильич считал ошибочным, что отпустили генерала Краснова, что так мягко обошлись с Пуришкевичем, а до этого — с сынками помещиков и капиталистов, юнкерами, когда их освобождали после 25 и 29 октября. Революция столь же мягко обошлась и с «ударниками», и с «увечными», с георгиевцами, составлявшими авангардные отряды контрреволюции.

Но из песни слов не выбросишь. Так было. И за это потом пришлось расплачиваться дорогой ценой. И то, что было, многое объясняет и в деятельности следственной комиссии ВРК и отчасти Комитета по борьбе с погромами и контрреволюцией, о котором речь еще впереди. Нередко уговаривали там, где надо было карать немедленно. Нередко было достаточно получить от арестованного подписку в признании Советской власти, как отпускали под честное слово. Нередко политический арест означал одну из форм политической дискуссии с политическим преступником. Нередко считалось достаточным продержать такого преступника пять—десять дней в изоляции, на то время, покуда осуществляется то, чему преступник мешал, а потом его отпускали на все четыре стороны.

Сказанное, однако, не означает, что вся работа красных контрразведчиков и революционных органов следствия оказалась бесполезной. Военно-революционный комитет, «Особая разведка», следственная комиссия ВРК действовали всюду, где пролегали главные пути и тропы борьбы с контрреволюцией. И удивительно, что без опыта, без профессиональных знаний, но сильные оружием величайшей преданности революции, классовым чутьем, сильные всенародной поддержкой, стражи революции настигали врага вовремя и безошибочно. Карать или миловать — это решалось в зависимости от состава преступления и норм закона.

27

Генерала Марушевского освободили 30 ноября. За четыре дня до этого он был смещен с должности начальника Генерального штаба. Этот пост занял Николай Михайлович Потапов, генерал старой армии, перешедший на сторону революции и подтвердивший свою преданность народу многолетним служением на высших должностях в Красной Армии. Недавно стало известно еще об одной услуге, оказанной им революции. Об этом поведал Лев Никулин в романе-хронике «Мертвая зыбь». В двадцатых годах генерал Потапов исполнял поручения Феликса Эдмундовича Дзержинского, став одним из главных действующих лиц в чекистской операции «Трест».

30 ноября был освобожден генерал Маниковский. Он впоследствии также перешел на сторону Советской власти.

А Марушевский?

Летом 1918 года он был уже в Архангельске. В штабе предателей. В штабе белогвардейцев. Рядом с Чаплиным (Томсоном), английским шпионом, главарем русских контрреволюционных войск на Севере. Рядом с Чайковским, «народным социалистом», главой белогвардейского «Северного правительства». Рядом с французскими, английскими, американскими генералами-интервентами.

В декабре 1918 года в районе станции Емца, южнее Архангельска, задержали рослого молодого человека, отощавшего, обросшего, в домотканом зипуне, в лаптях и шапке-клобуке.

— Ты кто ж такой? — присматриваясь, строго спросил красноармеец. Он видел, как парень в странной одежде выходил из заснеженных кустов.

— Псаломщик...

— А почему здесь шатаешься?

Там, где нес службу красноармейский патруль, проходила линия фронта между красными и белыми.

Псаломщик показался подозрительным. Его отправили в штаб дивизии, а потом — армии.

Два дня спустя в Петрограде получили донесение о том, что на северном участке фронта задержан

антантово-белогвардейский шпион. Он так осведомлен о красных войсках, их командирах, что на допросе сказал своим следователям, когда каждый из них — притом точно — был назначен на службу.

...Шпиону, задержанному под Архангельском, оказалось всего лишь девятнадцать лет. Он родился на Дону, в семье казачьего генерала; учился в Новочеркасском кадетском корпусе. В 1914 году вместе с отцом отправился на фронт. Служил в разведке. Остался в дивизии и после гибели отца. Снова ходил в разведку, был ранен, лечился в Петрограде и снова вернулся на фронт. Его наградили Георгиевским крестом 4-й степени, произвели в портупей-юнкеры. В 1916 году в составе русских экспедиционных войск прибыл во Францию. Снова ходил в разведку, снова отличился. В лазарете ему вручили еще один крест Георгия. Французские военные власти тоже пожелали отметить службу юного русского разведчика — удостоили знака Почетного легиона 5-й степени.

Да, это был тот бывший портупей-юнкер, который в середине октября 1917 года прибыл в Петроград в распоряжение начальника Генерального штаба Марушевского, по его вызову.

Генерал Марушевский был дружен с отцом юнкера. После гибели отца он принимал участие в судьбе его сына. Это было и тогда, когда Марушевский служил во Франции, и тогда, когда он вернулся в Россию, и когда стал начальником Генерального штаба.

Из Петрограда юнкер «126» добрался до Москвы. Там он прочел в газетах «рескрипт» генерала Каледина. И еще более заторопился на родину, в Новочеркасск.

Дома он предъявил бумагу, подписанную Марушевским. В ней юнкер значился уже под своей фамилией.

Начальник кавалерийского училища не только признал ту бумагу, но и долго не отпускал юнкера, расспрашивая о том, чему он был свидетелем в Петрограде...

В Новочеркасске юнкер пробыл недолго. Он приехал в Самару, там примкнул к какой-то белогвардейской организации, был арестован, но отпущен. После этого отправился в Вологду. Там связался с французским посольством. Просил отправки во Францию для продолжения курса в военном училище. Просил при-

вилегий, как кавалер Почетного легиона. Но после встречи с французскими офицерами юнкер оказался не во Франции, а в Мурманске, затем в Архангельске. Там, где теперь находился Марушевский.

Портупей-юнкер стал наемником «Славяно-британского легиона» — одного из отрядов антантово-белогвардейской армии на Севере России.

Он служил адъютантом у командующего войсками интервентов в Онежском районе, затем в штабе командующего вооруженными силами Северной области — английского шпиона Чаплина (Томсона). Потом прошел специальную подготовку в школе разведчиков, был произведен во вторые лейтенанты британской службы, вновь обласкан генералом Марушевским и назначен офицером для поручений при начальнике секретно-разведывательного отдела главковерха союзных войск на Севере России. В конце ноября 1918 года он отправился с заданием на разведку в тыл советских войск. На пути к линии фронта он засвидетельствовал «пасы» у командиров войск интервентов — американских, английских, французских. Потом пересек линию фронта и вышел в тыл красноармейских частей. Он был в штатском и выдавал себя то за почтового служащего, то за псаломщика. Он уже возвращался в Архангельск...

Однако напрасно ждали его Чаплин и Марушевский. Портупей-юнкер «126», он же второй лейтенант британской службы, он же «псаломщик», с задания не вернулся.

28

Еще несколько слов о Николае Маркине.

Это был человек широкой души, недюжинных способностей, «с огненным темпераментом, нервным, почти звериным угадыванием врага, с жесткой волей и гордостью, синими глазами, добротой и героизмом», — писала Лариса Рейснер, знавшая матроса-комиссара.

Выросший в боях за революцию, один из тех, кто в числе первых пришел в Семьдесят пятую, Маркин до конца своей короткой жизни оставался в бою: воевал с юнкерами, с «ударниками», с саботажниками-дипломатами.

Летом 1918 года, когда открылись новые фронты гражданской войны, Николай Маркин отправился на Волгу. Он приехал в Нижний Новгород, чтобы организовать военную флотилию. В городе было неспокойно. 9 августа В. И. Ленин писал председателю Нижегородского губернского совдепа:

«В Нижнем, явно, готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести тотчас массовый террор, *расстрелять и вывезти сотни* проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.

Ни минуты промедления».

Владимир Ильич знал Маркина, знал, что в трудную минуту этот молодой большевик, облеченный властью пролетарского «диктатора», сможет действовать без промедления и спасти дело революции в одном из крупнейших городов на Волге.

Восстание в Нижнем Новгороде было предотвращено. Волжская военная флотилия создана. Маркин стал помощником командующего флотилией.

В конце сентября корабли действовали на Каме. Они громили врага и продвигались вперед. Но в районе селения Пьяный Бор вдруг встретили сильный огонь береговой батареи. Случилось это рано утром 1 октября. Решено было остановиться и дождаться подхода пехоты, которая запаздывала.

Между тем огонь белогвардейской батареи то нарастал, то вдруг стихал...

Лариса Рейснер, видавшая разыгравшийся бой, — она была на другом корабле, — вскоре писала: «В высоких столбах воды, поднятых снарядами, играла огнистая дуга, и на реке ежеминутно вздымались и таяли пушистые фонтаны... И Маркин не выдержал, Маркин, командовавший лучшим пароходом (канонеркой) «Ваня-коммунист», привыкший к опасности, влюбленный в нее, как мальчик, не мог со стороны наблюдать воинственную игру этого утра. Его дразнил и привлекал высокий песчаный обрыв и... батарея на берегу». И вот выбран якорь, и канонерка идет вперед. «Один корабль не может сражаться с береговой батареей, но это утро после победы было так хмельно, так безрассудно, что «Коммунист» не отступил, не скрылся, но вызывающе приблизился к берегу, пулеметом отгоняя прислугу от орудий. Безумству храбрых

поем мы славу. Но на этот раз гибель Маркина была предрешена...» Вражеские снаряды пробили борт канонерки и врезались в машину. Начался пожар. На помощь двинулся флагманский корабль флотилии. Однако было уже поздно. Маркин приказал экипажу броситься в ледяную воду и плыть к своим. Сам с двумя товарищами, стреляя из пулемета, прикрывал отход. Смертельно раненный, Маркин утонул вместе с канонеркой.

В Москву на имя Владимира Ильича Ленина, Якова Михайловича Свердлова и Морской коллегии полетела телеграмма: на мостике канонерки «Ваня-коммунист» в неравном бою с врагом «нашел себе преждевременную кончину товарищ Маркин Николай Григорьевич, революционный герой...»

29

«Дело № 1» не закончилось приговором Революционного трибунала. Оно, как оказалось, получило продолжение. Ведь на свободе еще оставались все видные деятели «Комитета спасения» — Николай Авксентьев, Виктор Чернов, Абрам Гоц, Николай Чайковский, Владимир Лебедев и многие другие из руководства партии правых эсеров, «народных социалистов» и кадетов. Еще гуляли на свободе Федот Михайлович и председатель Союза георгиевских кавалеров Александр Осьминин, и комиссар ударной сотни георгиевцев Николай Мартьянов, и высокий подпоручик, встретившийся с Мартьяновым в городской думе в канун мятежа юнкеров, и молодой доктор, который был там же, и подпоручик Вячеслав Синебрюхов...

Выстрел на Фонтанке

I

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич и адъютант его Михаил Цыганков торопливо поднялись по мраморной лестнице Мариинского дворца. Наверху им встретился старик дворецкий в серо-пепельной тужурке, сам белый как лунь. Бонч-Бруевич спросил, как пройти в комиссию по выборам в Учредительное собрание. Дворецкий привычно поклонился и, пропустив посетителей вперед, стал указывать, куда идти:

— Налево, вверх...

Мариинский дворец в начале ноября семнадцатого года еще хранил многие приметы высшей правительственной канцелярии. Во дворце по-прежнему обитали не только давние стражи тишины и порядка, но и многие бывшие жрецы чиновничьего Олимпа — разных правительственных комитетов, комиссий и подкомиссий, созданных в свое время министрами Керенского, в том числе Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание. В круг ее обязанностей входило: следить за ходом выборов, а после избрания депутатов вызвать последних в столицу, вручить им мандаты и в срок, назначенный правительством, созвать первый российский парламент.

Вне Мариинского дворца — в бывших министерствах и ведомствах — старые чиновники уже почти все поголовно бастовали: на службу не ходили, прячась или вовсе оставив Петроград. Другое было в избирательной комиссии...

За столом в большой приемной, куда вошли Бонч-Бруевич и Цыганков, сидел сухопарый, с огненно-рыжими бакенбардами, выхоленный чиновник. Он приметил потертое пальто и мятую шляпу старшего из вошедших и бушлат и бескозырку матроса, а приметив, опустил голову и стал перебирать какие-то бумаги, делая вид, что занят чрезвычайно.

Бонч-Бруевич сел в кресло перед столом чиновника. Цыганков сделал то же.

— Мы прибыли по поручению Совета Народных Комиссаров... Просим ознакомить нас с положением дел в избирательной комиссии, — сказал Бонч-Бруевич.

Только теперь чиновник поднял голову и произнес уже приготовленное:

— Сожалею, но я вряд ли смогу быть вам чем-нибудь полезен... Сейчас нет председателя комиссии, а без него мне трудно что-либо сказать.

— Тогда разыщите его!

Глаза чиновника расширились. Он хотел что-то ответить, но, встретив взгляд Бонч-Бруевича, засуетился и вышел.

Возвратился он вскоре. Теперь любезно сообщил что Владимир Николаевич Набоков, ныне возглавляющий комиссию, ждет представителей Смольного в чайной комнате... Третья дверь направо...

Бонч-Бруевич понял, что́ означает прием не в служебном кабинете. Председатель комиссии желает с самого начала дать понять, что их разговор будет частным... Что ж, решил Бонч-Бруевич, пусть пока будет так...

Владимир Набоков, адвокат, публицист, член ЦК кадетской партии, умный, богатый, вышколенный высшим светом Петербурга, принадлежал к тем политикам, которые все делали вовремя... Когда в феврале кадеты заняли ведущие посты во Временном правительстве, Набоков стал управляющим делами этого правительства. Но как только стало ясно, что кадетам придется делить власть с социалистами из лагеря

Керенского и Церетели, Набоков сразу же удалился. Точнее, вышел только за кулисы, став ведущей фигурой во Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание. Ставка тут была большая. Кадеты полагали, что, сохранив свое влияние в избирательной комиссии, они еще возьмут реванш, когда будет созвано Учредительное собрание, которое займется формированием нового, уже не временного, а стабильного, «волей избирателей» образованного правительства.

Оставаясь в Мариинском дворце, Набоков превратил свой тамошний кабинет во вторую штаб-квартиру кадетской партии. В середине октября, когда правительство Керенского стало испускать дух, Набоков тайно, тихо начал собирать в своем кабинете лидеров буржуазных партий, министров — еще действующих и бывших, — обсуждая, что делать, как быть «перед лицом нарастающей угрозы большевиков», при «беспомощности Керенского»... Эти закулисные переговоры были очередной, хотя и неудавшейся, попыткой Набокова вновь выйти самому, а с ним и партии кадетов, на авансцену политической жизни России... Набоков смог 25 октября приехать в Зимний дворец, участвовать в последнем заседании Временного правительства, поддакивать Третьякову и Коновалову, уже проклинавшим Керенского («предал и бежал»), и оставить Малахитовый зал дворца за три часа до того, как министров повели в Петропавловку.

Пал Зимний. В небытие ушел Керенский. Но Набоков и теперь все еще действовал. В комиссии по выборам в Учредительное собрание.

...В чайной комнате разговор начался с того, что Бонч-Бруевич отрекомендовался полным своим званием: управляющий делами Совета Народных Комиссаров. А Цыганкова представил так:

— Делегат фронта и тыла. Облечен полномочиями ряда демократических организаций.

Цыганков нарочито поклонился, хотя далось это ему с трудом. Набоков тоже ответил поклоном, но, вскинув брови, задумался над столь необычной рекомендацией матроса...

Бонч-Бруевич вручил Набокову правительственную бумагу: Совет Народных Комиссаров уполномочивает

своего представителя установить точные данные о работе избирательной комиссии.

Набоков опять задумался. Потом медленно и тихо заговорил:

— Все это хорошо... И бумага, и полномочия... Но мы образованы Временным правительством и только ему подотчетны.

— Полагаю, вам хорошо известно, что страною теперь правит рабоче-крестьянское правительство! — заметил Бонч-Бруевич.

— Да, но мы не признаем его...

— Кто это «мы»?

Набоков повторил, что их комиссия наделена чрезвычайными полномочиями и совершенно независима от новой власти, образованной в результате насильственного переворота 25 октября. Комиссия сдаст свои полномочия правительству, которое будет сформировано Учредительным собранием.

Бонч-Бруевич прервал:

— Нет нужды продолжать дискуссию. Избирательная комиссия обязана исполнять предписания Совета Народных Комиссаров.

— Революционная Россия целиком и полностью поддерживает новое правительство! — вставил Цыганков.

У Михаила Цыганкова не было ни светских манер Набокова, ни опыта политика Бонч-Бруевича. Но годы войны и революция уже многому научили его. Сметливый, он по-своему угадал, где его место в этой необычной разведке. (Как позднее писал Бонч-Бруевич, «посещение комиссии по Учредительному собранию было в целях ориентировки»).

Набоков встретил вмешательство Цыганкова с ехидцей. Цыганков это заметил и едва не взорвался. Однако вслух сказал:

— Заявляю от имени флота и тыла — саботажа не потерпим!

Теперь Набоков улыбнулся и мягко заговорил, обращаясь только к Цыганкову... Гражданин матрос должен понять, что именно большевистский переворот, произведенный накануне выборов в Учредительное собрание, осложнил все дело.

— Зачем же вводить в заблуждение! — прервал Бонч-Бруевич. — Выборы и состав Учредительного

собрания санкционированы революционным правительством. Оно заявило об этом в особом декрете от 27 октября. Однако срок созыва собрания будет определен Советом Народных Комиссаров, только им! Избирательная комиссия должна это твердо усвоить.

Набоков снова заставил себя быть сдержанным. Он сказал, что о визите представителей Смольного доложит комиссии, и если она сочтет возможным, то он, Набоков, в виде частного разговора проинформирует гражданина Бонч-Бруевича о ходе избирательной кампании.

Бонч-Бруевич встал и объявил:

— Совет Народных Комиссаров ожидает не частной информации, а официальных докладов.

Набоков тоже встал и, к немалому удивлению товарищей из Смольного, перешел на светский, ни к чему не обязывающий разговор.

Донесений от Набокова не последовало. Однако все, что он делал, кого принимал, куда сам ездил, в Смольном узнавали тотчас же. Правда, без новых официальных визитов.

(В одной из записных книжек Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича сохранилась запись, датированная 1917 годом: «Мариинский дворец». Позже, расшифровывая эту запись, Владимир Дмитриевич пояснил: «Сведения, поступавшие ко мне от рабочих, следивших за революционным порядком в столице. Кто давал эти сведения, сейчас не помню. Они касались Мариинского дворца, где сосредоточились кадеты в комиссии по созыву Учредительного собрания, где проявлялся наглый саботаж и где был... кадет Набоков»).

2

Особняк графини Паниной на Сергиевской улице в ночь на 15 ноября казался вымершим: черные провалы окон, плотно закрытые двери, за ними — ни шороха, ни звука. Но внутри особняка горели огни. В гостиной сидели бывшие министры и их товарищи. Это были экс-министры Временного правительства, которых отпустили после арестов в ночь штурма Зимнего, и товарищи министров, которые аресту не подвергались. Сойдясь на Сергиевской, они подписали то, что

кадетские газеты позже назвали «последним манифестом Временного правительства».

Бывшие из бывшего правительства на все лады кляли большевиков и чернили всё и вся, что исходило из Смольного. Они, как и деятели «Комитета спасения», уверяли, что законной власти в России нет и что право образования ее принадлежит всем, кроме большевиков... Только что прошли выборы в Учредительное собрание. Оно и должно решить, кому править Россией. «Манифест» заканчивался напоминанием, что Временное правительство распорядилось созвать Учредительное собрание в столичном граде 28 ноября 1917 года.

«Манифест» бывших появился в эсеровских газетах утром 17 ноября. Понятно, как встретили это в Смольном. Военно-революционный комитет опубликовал постановление: шутовскому писанию экс-министров значения не придавать, но, дабы возмущенные рабочие и солдаты самосудом не наломали бока сочинителям означенного «манифеста», бывших министров и товарищей оных арестовать и под надежным караулом отправить в Кронштадт под надзор местного Совета.

Комиссары, на то уполномоченные, отправились по адресам сочинителей. Но оказалось, что, подписав «манифест», экс-министры и экс-вице-министры в ту же ночь спешно покинули Петроград. Кто помчался на юг к Каледину, кто — через Финляндию за границу.

Выборы в Учредительное собрание — российский буржуазный парламент — были объявлены еще до Октября. Состоялись они 12—15 ноября, когда вопрос о власти уже был решен. Решен практически и окончательно. Решен вооруженным восстанием рабочих, солдат и крестьян, установивших власть Советов.

«А как будет с Учредительным собранием?» — полетели запросы в Смольный.

На выборах в парламент кандидаты-большевики одержали победу в главных рабочих центрах революции. Они получили и около половины голосов многомиллионной армии. Но были еще крестьянские губернии, куда Октябрь только пробивал себе дорогу. Там

жатву сняли главным образом эсеры. Вместе с кадетами и меньшевиками они стали обладателями большей части мандатов членов Учредительного собрания.

— Смертный приговор большевикам вынесен! Надо только собраться в Таврическом, — уже шептали в антисоветских кругах.

В Смольном, однако, пессимизма не было. Все, что связано с Учредительным собранием, считали там, есть продолжение пролетарской революции. А поскольку гладеньких революций не бывает, то действовать надо соответственно... На ходы врага отвечать контрходами, на удар — тройным ударом. С созывом собрания не спешить. А тем временем Октябрь пройдет по стране, и каждый рабочий, каждый крестьянин увидит: вот что завоевано, вот что уже сделано Советами. А вот чего добиваются учредиловцы — кадеты, эсеры, меньшевики. И выбор будет зависеть не от тех, кто получил большинство бумажных мандатов старой, уже отошедшей в прошлое России, а от тех, кто творит Россию новую, социалистическую.

«Поручить Петровскому и Сталину пригласить одного члена Военно-революционного комитета и еще того, кого они найдут нужным, и взять в свои руки комиссию по Учредительному собранию».

Совет Народных Комиссаров постановил это 20 ноября. А три дня спустя (избирательная комиссия уже переехала в Таврический дворец) к Набокову прибыл член Военно-революционного комитета, член коллегии Народного комиссариата внутренних дел Урицкий. Он предъявил правительственный мандат: назначен комиссаром над Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссией. Наделен правом смещать членов комиссии, назначать новых, принимать все меры, какие понадобятся, чтобы обеспечить правильность подготовительных работ к созыву Учредительного собрания.

Набоков понял смысл назначения и ответил примерно то же, что ранее Бонч-Бруевичу и Цыганкову: Совнаркому не подчинены.

Урицкий ушел.

Вскоре явился комендант Таврического дворца прапорщик Михаил Пригоровский. С нарядом солдат

и матросов. И уже не «от имени фронта и тыла», а прямо:

— По распоряжению Совета Народных Комиссаров члены избирательной комиссии, саботирующие декрет правительства, подлежат аресту.

Набоков и его помощники — профессор права, кадет, барон Нольде, эсер Вишняк, «народный социалист» Брамсон и другие — были препровождены в Смольный. Члены комиссии, оставшиеся в Таврическом, получили предписание Урицкого приступить к исполнению своих обязанностей под контролем правительственного комиссара.

В Смольном арестованных поместили в тридцать первой комнате. На допрос вызывали в пятьдесят шестую. Допрашивали Мечислав Козловский и Петр Красиков. Всем арестованным задали вопросы: «1. Отношение к Советской власти. 2. Отношение к бывшему Временному правительству и к „Комитету спасения"».

Набоков ответил вызывающе: «Власти Совета Народных Комиссаров не признаю. Преемственная власть Временного правительства является для меня единственно законной...» Барон Нольде написал: «Признавал власть Временного правительства всех составов и признаю теперь власть Временного правительства последнего состава...» Другие арестованные ответили столь же демонстративно.

Следственная комиссия Военно-революционного комитета сделала заключение, что кадеты Набоков, Нольде и другие, допрошенные в Смольном, «являются последовательными бойкотистами современной власти и ее реформ», «что они превратили избирательную комиссию в орудие своих политических замыслов и планов» и «не стесняются никакими средствами в достижении своих целей». Комиссия постановила предать арестованных революционному суду.

Ночью в тридцать первой комнате было душно. Аристократы, бароны впервые спали не на перинах, а на жестких деревянных скамейках.

26 ноября Совет Народных Комиссаров принял декрет о времени открытия Учредительного собрания. Первое заседание, говорилось в декрете, собирается по приглашению комиссара над Всероссийской по делам

о выборах комиссией, по прибытии в Петроград более 400 членов Учредительного собрания. Заседание может быть открыто только лицом, уполномоченным на то Советом Народных Комиссаров, при наличии в зале заседания не менее 400 депутатов.

Это был ответ набоковым и всем, кто, цепляясь за «манифест» экс-министров из салона Паниной, хотел по своей воле открыть Учредительное собрание. И тем, кто отыскал формальную закавыку старого избирательного закона, не оговаривавшего, какое число депутатов будет считаться правомочным для созыва парламента. Декрет Совнаркома давал гарантию, что Учредительное собрание не будет использовано против интересов народа и революции.

В стане учредиловцев все же решили идти ва-банк: добиваться, чтобы парламент собрался в срок, назначенный Временным правительством еще в начале августа. Кадетские, эсеровские и меньшевистские газеты оповестили, что на 28 ноября назначается манифестация в честь открытия Учредительного собрания.

3

На стенах портреты: светский, благообразный профессор Павел Милюков, черноусый, респектабельный Виктор Чернов, седой, печально задумчивый Ираклий Церетели. В углу над лампадкой — богоматерь с младенцем. От угла до угла: «Вся власть Учредительному собранию!»

Махонький старичок в сюртуке и накрахмаленной манишке, в пенсне со шнурком за ухом, спрашивал по телефону:

— Не откажите уведомить, сколько вышло сегодня?

Записав ответ, старичок стал звонить снова. Теперь — в «Артель интеллигентных тружеников». И снова:

— Сколько вышло сегодня?

Выходили чиновники, приват-доценты, адвокаты, учителя, офицеры. Перед тем как отправиться в город, они извлекали из шифоньеров и кладовых изношенные визитки, фраки, шубы, старые шинели. Наколов на грудь ярлыки: «Артель интеллигентных тружени-

ков» или «Союз георгиевских кавалеров», они шли в конторы, в рестораны, меблированные комнаты, ночные клубы. Становились секретарями, официантами, швейцарами, курьерами. Интеллигенты помоложе, преимущественно переодетые гвардейские офицеры и георгиевцы, отправлялись по дворам, выкрикивая:

— Кому дрова пилить? К вашим услугам интеллигентные труженики!

Третьи шли на Александровский рынок, четвертые обходили лавки Гостиного двора, пятые — улицы Петроградской стороны и Невской заставы. Вечером они возвращались с известиями, которые старичок в пенсне записывал на бланках-листочках:

№ 32. 26 ноября 1917 года
Кто сообщил. — Г-жа Пармер.
Обществ. полож. — Учительница французского языка.
Степень достоверности. — В(ероятность).
От кого слышал(а). — Господина в трамвае.
Добродушный барин. Интеллигентный.
Господин, выдававший себя за социалиста-революционера, сказал, что эсеры постановили бороться с большевиками такими же средствами, как с министрами самодержавия. Первой жертвой будет Ленин.

«Дровоколы» в тот же вечер принесли донесения другого свойства... На заводе Посселя они распространили триста экземпляров листовки «Комитета спасения». Название листовки: «Как долго продержатся большевики?» На заводе Речкина проведен митинг: «28 ноября — все на манифестацию в честь открытия Учредительного собрания»... В Семеновском полку на сей день в наличии столько-то личного состава, пулеметов и ружей... Из города Валка в Петроград вызваны латышские стрелки. Передают, что по приказу Смольного специально к 28 ноября...

Старичок в пенсне — секретарь «Союза трудовой интеллигенции» — старательно записал и эти донесения. И еще то, что утром было сочинено в профессорских гостиных, днем посеяно на Невском проспекте, а к вечеру дошло до очередей у хлебных лавок.

После этого секретарь стал готовить ежедневный бюллетень союза, обычно краткий, как сводка погоды:

«Члены Всероссийской по выборам в Учредительное собрание комиссии все еще находятся под арестом.

Передают, что назначенный комиссаром в Таврический иудей Урицкий близко связан с комнатой «75» в Смольном.

«Союз защиты Учредительного собрания» решительно осуждает переговоры, начатые большевиками в Бресте...»

Для печатания бюллетеня явилась пышногрудая дама с рыжими завитушками. Дама серьезная. С образованием. Не вдова, но посвятившая себя служению демократии, науке и нравственному просвещению народа.

Закончив работу, дама тут же попрощалась и ушла. В другой союз. Служить демократии и просвещению.

Полчаса спустя ежедневный бюллетень, запечатанный в конвертах, уже лежал на почте. Завтра утром письма придут к влиятельным членам организации интеллигентов, и они узнают то, что должны знать непременно.

Ночью, составив сводку оперативных донесений, махонький старичок в пенсне отправился к председателю союза на Мойку, 32, а затем на Литейный, 21.

В начале ноября Военно-революционный комитет запретил деятельность «Комитета спасения». За офицерско-юнкерский мятеж 29 октября. За новые призывы к новым выступлениям против Советской власти. Прошло несколько дней. Появился «манифест» экс-министров, а вслед — призывы Чернова и Церетели мобилизовать все силы на защиту Учредительного собрания, признать за Учредительным собранием «верховное право управления и воссоздания законного правительства».

23 ноября образовался «Союз защиты Учредительного собрания» — союз, в котором на платформе Чернова — Церетели объединились все из легиона контрреволюции: ЦИК первого созыва, центральные комитеты партий правых эсеров, меньшевиков, «народных социалистов», союзы чиновников и кооператоров, организация земства и городов, «Союз трудовой интеллигенции», благотворительные, просветительские и другие общества.

«Союз защиты» обосновался в старом доме на Ли-

тейном, 21, в двух больших квартирах. Появился телефон, пишущие машинки, дежурные, курьеры. С Литейного, 21, полетели резолюции, призывы, «манифесты». Появился и орган ЦИК первого созыва — газета «За свободу!». (Военно-революционный комитет несколько раз запрещал эту газету, но она выходила под другими названиями, в том числе — «Набат революции».)

Но под вывеской «Союза защиты Учредительного собрания» на Литейном, 21, нелегально действовал и «Комитет спасения».

Сюда и доставил свои донесения секретарь «Союза трудовой интеллигенции». Назавтра слухи, им принесенные, появились в газете, а рапорты «дровоколов», не предназначенные для печати, послужили для иных целей.

...Утром 28 ноября члены «Союза трудовой интеллигенции» получили предписание:

«Важно!

Все сведения о манифестациях сообщайте в Совет Союза Трудовой Интеллигенции. Телефон 2-56-86. Откуда идет демонстрация, куда, численность. Есть ли контрдемонстрация? Откуда следует? Укажите время вашего сообщения».

4

Башня городской думы была украшена белыми, зелеными и красными полотнищами. На домах по всему Невскому — на балконах, над подъездами, на колоннах — алели и зеленели флаги и ковры. Коней Клодта на Аничковом мосту укрощали не обнаженные юноши, а какие-то цирковые клоуны, с ног до головы расцвеченные бело-зелеными кадетскими плакатами. А коням пришлось закусить не только удила, но и ленты, на которых висели полотнища: «Да здравствует Учредительное собрание!»

Утро 28 ноября было холодное, с синей дымкой, еще без снега. Тысячные толпы стекались к городской думе: чиновники, офицеры, студенты, юнкера, курсистки, адвокаты, лабазники — все в одеждах праздничных.

Началось шествие. Впереди — Григорий Шрейдер, петроградский городской голова, старый, седогривый, по виду не то библейский пророк, не то доктор богословия.

В колоннах были бело-зеленые, белые и даже красные флаги. Оркестры играли «Марсельезу». Пели и «Марш, марш вперед, рабочий народ»... Ошибки тут не было. Так было задумано: создать впечатление, будто шествует «вся российская демократия». Вся! От самых правых до самых левых.

По пути движения манифестантов то и дело возникали летучие митинги. На углу Литейного проспекта и Кирочной улицы какой-то молодой человек в матросской форменке, стоя на ящике из-под «Дюбека», держал речь... Об Учредительном собрании и о том, что в нем «вся вера России». И о «германцах, которые сидят в Смольном» — смесь черносотенной злобы с дежурными порциями эсеровской лжи.

Красногвардеец-патрульный, оказавшийся поблизости, бросился к оратору и цепко схватил его за штанину:

— А ну, слезай!

Молодой в матросской форменке пнул красноармейца ногой и — снова к толпе:

— Граждане, я от имени демократии...

— Врешь, сука! — вскипел, схватившись за винтовку, патрульный. — От Пуришкевича ты, гад! В комиссариат пойдешь!..

Но договорить не смог. Кто-то ударил его по спине. Патрульный качнулся и едва удержался на ногах.

— Не сметь! — раздался рядом голос.

Теперь патрульный заметил, что он окружен офицерами и юнкерами, видать между собой знакомыми и согласными. На их лицах злоба, решимость, ненависть...

— Отпустите его! Скандал сейчас ни к чему.

Это сказал рослый, полный, уже в летах человек, с одышкой, в бекеше защитного цвета и морской фуражке.

Военные немедля расступились и пошли вслед за человеком в бекеше. Рассеялась и толпа зевак-манифестантов.

Имя того, кто был сейчас в бекеше, знали многие.

Когда весной 1906 года волостной писарь из ста-

ницы Старо-Девушковской на Ставропольщине Федот Онипко уезжал в Петербург, в Государственную думу, станичники провожали его с молебнами и заставляли целовать крест на том, что мужиков он не обманет. В столице Федот Онипко сошелся с думцами, которые называли себя «трудовиками». Вскоре Онипко стал членом партии «социалистов-революционеров» (эсеров). Онипко был тогда молодой, двадцатипятилетний. Съездить в Кронштадт или Гельсингфорс ему ничего не стоило. И он часто отправлялся туда, встречался с матросами, призванными из деревень. Говорил против царя, убеждал, чтобы, «когда позовут», не стояли в стороне...

8 июля 1906 года царь Николай II разогнал Думу. Федоту Онипко пришлось оставить казенную квартиру и поселиться где-то у знакомых... Ночью 19 июля 1906 года он снова оказался в Кронштадте. В крепости полыхало матросское восстание. Жандармы схватили Онипко, когда в числе других он осаждал арсенал. При аресте у бывшего члена Государственной думы нашли зашифрованную телеграмму на имя какой-то Вильгельмины Гельмс (сообщалось о начале восстания в Свеаборгской крепости), план Кронштадта с пометками, где находятся штаб крепости, арсенал, морские пристани... Судили за то восстание почти полторы тысячи человек. Онипко — тоже. Приговорили его к ссылке в Туруханский край. Но по дороге он бежал и с паспортом на имя Сергеева явился в Москву. Через несколько месяцев он был уже во Франции. Там сапожничал, слесарил. Потом снова занялся политикой. Познакомился с видными эсерами-эмигрантами — Виктором Черновым, Борисом Савинковым, Владимиром Лебедевым. Вошел в их круг. Поступил на юридический факультет Парижского университета.

Как только в Париж дошли вести о Февральской революции и о том, что Керенский занял пост министра юстиции, Онипко тотчас помчался на телеграф и послал Керенскому приветствие. Несколько дней спустя Онипко и сам приехал в Петроград. Сразу же отправился к Керенскому, в ЦК партии эсеров. Его узнали и признали. Теперь Онипко был уже не волостной писарь, а «социалист» с дипломом Сорбонны. И его назначили генеральным комиссаром

Временного правительства при командующем Балтийским флотом.

Вскоре Керенский стал военным и морским министром. И он напутствовал эсеровского комиссара: «Матросы идут за большевистским Центробалтом. Надо отлучить их, привести флот к повиновению правительству». Онипко старался. Его слушал командующий флотом. А матросские комитеты выносили резолюции: «Признаем только Центробалт во главе с товарищем Дыбенко».

Ночью 4 июля, когда матросский Гельсингфорс узнал о событиях в Петрограде и Центробалт собрался, чтобы обсудить создавшееся положение, комиссар Временного правительства обрушился на большевиков: «Удар в спину революции!», «Люди, не дорожащие честью России!»... Но закончить ему не дали. Возмущенные центробалтовцы предложили Онипко покинуть заседание «в двадцать четыре секунды», а флот — «в двадцать четыре часа».

«В настоящее время комиссар Временного правительства Онипко находится в Петрограде и просит об отставке», — сообщили газеты 7 июля.

Керенский, только что ставший главой правительства, вызвал Онипко и потребовал, чтобы он немедленно возвратился в Гельсингфорс. Керенский при этом сообщил, что в Центробалте уже произведена чистка и комиссару Временного правительства обеспечена поддержка.

Вместе с Онипко в Гельсингфорс отправился управляющий морским министерством член руководства эсеров Владимир Лебедев.

Снова собрался Центробалт. Теперь уже без Дыбенко, отправленного в «Кресты».

— Я знаю Федота Михайловича с дней революции пятого года. Вместе сидели в тюрьме, вместе были в эмиграции, — говорил Лебедев. — Удаление комиссара Временного правительства, да еще в двадцать четыре секунды, было не только преступлением перед властью, но и личным оскорблением Онипко...

Лебедев закончил призывом беречь и холить «заслуженного комиссара».

Онипко вновь обрел силу.

В конце сентября, когда началась предвыборная кампания и кандидаты в члены Учредительного со-

брания стали разъезжать по стране, собирая будущие голоса для своих персон, Онипко отправился на родную Ставропольщину. Он поехал по станицам, напоминая, что еще с пятого года стоит за мужицкую правду, что страдал за то от властей, что ныне идет рука об руку с самим Александром Федоровичем Керенским...

12 ноября Онипко стал депутатом Учредительного собрания. Но комиссаром Балтики он уже не был. Еще ночью 24 октября большевистский Центробалт доложил в Смольный: «Онипко удален...» И вновь Федоту Михайловичу пришлось спасаться из Гельсингфорса бегством. Он примчался в Петроград, узнал, что в бегах и Керенский, пошел в ЦК эсеров, связался с «Комитетом спасения», принял участие в подготовке офицерско-юнкерского мятежа. После неудачи его на время скрылся, а в середине ноября стал показываться на Большой Болотной улице, 2а, в эсеровской фракции Учредительного собрания. Там Федоту Онипко поручили новую работу.

К 28 ноября она была еще в самом зачатке. Но и при этом Онипко повел за Шрейдером немалую группу военных, между собой знакомых и согласных.

Среди них можно было признать председателя петроградского Союза георгиевских кавалеров старшего унтер-офицера Александра Осьминина, и бывшего комиссара ударной сотни георгиевцев из «Армии спасения», которую сколачивал Онипко, вольноопределяющегося Николая Мартьянова, и командира пятигорцев подпоручика Вячеслава Синебрюхова, и людей штаб-ротмистра Стуканцева.

После неурядиц октябрьских дней подпоручик Синебрюхов вновь вернулся на Мойку, 20. «Увечных» и пятигорцев еще не расформировали. Комитет, основанный Нарышкиной, как и Комитет добровольческой армии, быстро перекрасился. Теперь там верховодили эсеры, представляя дело таким образом, будто комитеты изменили программу и отныне формируют отряды для «защиты демократии, законности и порядка».

До середины ноября Синебрюхов еще командовал остатками 151-го Пятигорского батальона смерти.

А затем вдруг исчез, озадачив комитетского казначея: подпоручик получил 400 рублей и не отчитался. Впрочем, люди рангом повыше, те, что собирались на третьем этаже капеллы, знали, почему и куда скрылся Синебрюхов.

Жил он теперь в ста шагах от Николаевского вокзала, в дальнем дворовом флигеле доходного дома пивовара Дурдина по Знаменской улице, 2. По утрам подпоручик накидывал на шею черную повязку и, держа забинтованную руку на весу, чтобы не приставали: «Почему в тылу околачиваешься?», уходил по делам...

Синебрюхов бывал и на митингах, где выступали эсеровские сладкопевцы. Они будоражили и без того обиженную душу молодого офицера. Синебрюхов уже понимал, что теперь, после большевистской революции, для него впереди — ни военной карьеры, как она ему представлялась, ни отцовского наследства, ни успеха в коммерции, если он снова станет штатским.

28 ноября, когда Шрейдер повел демонстрантов к Таврическому дворцу, Вячеслав Синебрюхов снова надел на шею черную повязку.

Он шел еще мало кому известный, пока и сам толком не знавший, какая роль ему отведена.

— Вся власть Учредительному собранию! — призывал Шрейдер.

И Синебрюхов, тоже кричал:

— Вся власть!..

Штаб-ротмистр Стуканцев после октябрьских дней тоже побывал на Мойке, 20. И тоже исчез, прихватив еще большую, чем Синебрюхов, сумму. «Партизаны» его тем временем разбрелись, укрывшись у знакомых и по адресам, данным штаб-ротмистром... 25 ноября вместе с небольшой группой своих «ударников» Стуканцев приехал на Николаевский вокзал, намереваясь пробраться к Каледину. Но в тот же день штаб-ротмистр угодил в Петропавловку. Люди его, из тех, что укрылись в Петрограде, получили нового командира — прапорщика Брысина. Он обходил их по домам, платил деньги, снабжал консервами, ничего пока не требуя, просил только сидеть и ждать, когда позовут.

28 ноября Брысин позвал. И вслед за Шрейдером пошли «партизаны» Стуканцева — Брысина, большинство в штатском...

Демонстранты еще находились в районе Литейного проспекта, когда в Таврическом дворце стали собираться журналисты и члены избирательной комиссии. На очередное заседание пожаловали и... Набоков, и барон Нольде, и эсер Вишняк.

Их освободили по распоряжению Совета Народных Комиссаров, подписанному Владимиром Ильичем Лениным. Это не было ни политическим, ни юридическим оправданием бойкотистов революционной власти. Правительство лишь сочло, что урок преподан и он кое-чему научит кадетов и их помощников.

Но оказалось — урок не впрок.

Урицкий приехал в Таврический в тот же час, что и Набоков. Урицкий объявил, что избирательная комиссия сможет заседать лишь при его участии. Набоков ответил как прежде: комиссия независима и ничего в присутствии гражданина комиссара обсуждать не будет.

И снова ушел Урицкий. И снова появился прапорщик Пригоровский:

— Именем предоставленной мне власти назначаю в помещение комиссии комендантский караул.

Набоков протестовал. Но заседать все же пришлось при солдатах, поставленных красным прапорщиком. Солдатам было нудно слушать, как пустопорожне витийствуют Набоков, Нольде, Вишняк. Те тоже понимали бессмысленность своих словопрений. Ибо при большевистских солдатах какие могли быть откровения?

И все же заседание продолжалось. Поступить иначе значило бы для Набокова признать Урицкого.

Правительственный комиссар тем временем объявил новое распоряжение: в зал заседаний Таврического дворца будут допущены только те члены Учредительного собрания, которые пройдут регистрацию в канцелярии означенного комиссара и получат там удостоверения за его подписью. Мандаты, выданные комиссией Набокова, недействительны. Депутатов просят пройти регистрацию в комнате № 48, вход с бывшего Церковного подъезда.

5

Владимир Ильич взял ключи и прошел в боковой коридор. Там встретился вестовой Степан Желтышев и еще матрос из личной охраны Председателя Совнаркома. Ответив на приветствия, Ленин прошел к двери, за которой был запасной ход на третий этаж. Владимир Ильич открыл дверь и с ключами в руках зашагал вверх по ступенькам лестницы.

Ох эти ключи! Вся процедура с ними была ему неприятна. Но настаивал Дзержинский, настаивали другие товарищи из ЦК. И каждый раз, когда из смольнинского жилья на втором этаже Ильичу нужно было пройти в свой рабочий кабинет этажом выше, он шел этим ходом, открывая и закрывая за собой двери.

В комнате Управления делами Совнаркома, на подоконниках, Ленин увидел два пулемета. Пройдя в свой кабинет, он и здесь обнаружил пулемет.

Ленин не стал спрашивать, почему вдруг такие меры. Он знал, какой день начинался.

По распоряжению Якова Михайловича Свердлова была составлена особая комиссия с участием члена Военно-революционного комитета Петерсона. Яков Михайлович поручил комиссии принять дополнительные меры к усилению охраны Смольного.

На рассвете 28 ноября Петерсон послал двух инспекторов осмотреть наружные и внутренние посты. Последовал рапорт с рекомендациями: в ряде мест «установить пулеметы, в других удвоить их число и создать новые посты... Внушить всем караульным, в особенности у главного подъезда, знание их обязанностей», ибо «замечено, что некоторые из них не отдают отчета в своем назначении». Предлагалось «немедленно произвести тщательные повальные обыски в двух шестиэтажных домах напротив Смольного института».

Видимо, возникло подозрение, что туда могли проникнуть вражеские пулеметчики.

В дома напротив Смольного отправились латышские стрелки и красногвардейцы из охраны Смольного.

...Как всегда, Владимир Ильич начал свой рабочий день с просмотра газет. Вчера вечером «Рабочий и солдат» опубликовал лозунги ВРК к намечавшейся

контрдемонстрации. Сейчас «Правда» и «Известия» сообщают о призыве Петроградского Совета в манифестации буржуазии не участвовать.

Это, конечно, верно: не участвовать! Но какая-то часть рабочих и солдат еще верит в Учредительное собрание, идет сейчас за Шрейдером. Нельзя не думать и о них...

Чернов и Церетели создают впечатление, что они — сила, что за ними массы. Это может кое-кого сбить с толку. А надо, чтобы все знали: нет ни у эсеров, ни у меньшевиков той силы, о которой они говорят. Самый последний пример — провал Чернова на II Всероссийском крестьянском съезде. Чернов внес резолюцию: «Съезд за Учредительное собрание». Но Чернов собрал столько голосов, что ему оставалось только хлопнуть дверью. Съезд присоединился к ВЦИК Смольного. Факт примечательный! Даже «политическая периферия» — крестьянство—начинает понимать, что Учредительное собрание — это подкоп под Советскую власть. Ту власть, которая уже дала крестьянам землю, уже отвечает на все те тысячи нужд, которые накопились у деревни и города. Страна, Питер должны об этом знать.

И Владимир Ильич, отложив газеты, пишет заметку «К лозунгам демонстрации». Точнее, это текущие призывы дня: «Да здравствует II Всероссийский съезд крестьянских депутатов, вставший за Советскую власть!»

...Телефонный звонок. Говорит Дзержинский. Из Семьдесят пятой комнаты Смольного, оперативного штаба ВРК. Там, у Дзержинского, все нити информации о происходящем на улицах, доклады товарищей из «Особой разведки» и комиссаров ВРК... Пока ничто не внушает опасений. Шутовство, маскарад кадетов и Шрейдера, ничего более...

И снова — «К лозунгам демонстрации». Во вчерашнем «Рабочем и солдате» призыв ВРК: «Да здравствует согласованная деятельность Учредительного собрания и Советов!»... Ленин пишет категоричнее: «Трудящийся народ требует, чтобы Учредительное собрание признало Советскую власть и Советское правительство!»

Снова доклад из Семьдесят пятой:

— Манифестанты сворачивают к Таврическому...

В Питере, впервые после революции, — открытая демонстрация против Советов! И все же в Смольном — обычная деловая работа. Смольный знает, что за ним — поддержка миллионов. За ним теперь еще больше сил, чем в Октябре...

Владимир Ильич принимает в своем кабинете наркомов, ходоков, депутатов. Он читает телеграммы с юга и с Урала, где разгорается восстание Каледина и Дутова; из Москвы, Тулы, из дальних сторон России, откуда сообщают о новых победах Советской власти...

— У ограды Таврического — столкновения. Военные атакуют охрану дворца.

Это уже не шутовство!

Владимир Ильич связывается по телефону с командующим войсками Петроградского военного округа Антоновым-Овсеенко. Принять меры для подавления контрреволюции!

Что же произошло у Таврического?

10 000...

100 000...

Никто точно не знал, сколько манифестантов вышло на улицы 28 ноября. Газеты называли числа самые противоречивые.

Перед Таврическим демонстранты остановились.

Железные решетчатые ворота оказались закрытыми. За оградой — солдаты охраны. Их немного.

Шрейдер, поднявшись на возвышение, сказал речь. Его сменил Чернов. Потом говорил Руднев, член ЦК эсеров, московский городской голова. Вдали стояли другие члены Учредительного собрания. Среди них — Федот Онипко.

Речи окончены. Депутаты направились к воротам, к главному подъезду.

— Ваши мандаты?

Депутаты показали набоковские удостоверения.

— Недействительны! Прошу к Церковному подъезду. Обмен мандатов в сорок восьмой комнате, — пояснил из-за ограды начальник караула.

А из толпы выкрики:

— Да кто дал право так командовать?.. Идут хозяева земли русской!

— Мандаты Урицкого считаем для себя необяза-

тельными! — резко бросил начальнику караула эсер Руднев.

— Как угодно...

Но Федот Онипко уже дал знак. Перед решетчатыми воротами столпились военные. Сзади надавила толпа. Самые решительные из военных мгновенно взобрались на вершину ограды, перемахнули через нее, раскрыли ворота:

— Дорогу хозяевам земли русской!

Расступившись, военные образовали живой коридор. Чернов, Шрейдер, Руднев, Онипко, еще десяток лиц с мандатами Набокова пошли к главному подъезду дворца.

А из толпы:

— Стойте твердо! Вы — власть!

За депутатами двинулись военные.

Урицкий сохранил спокойствие. Он приказал коменданту Пригоровскому собрать все наличные силы охраны и закрыть все парадные и запасные входы в Таврический. Лишь около сотни военных и штатских прорвались во дворец.

А Софья Панина с утра принимала гостей из Москвы. Это были люди ее круга — бывшие министры, члены руководства партии кадетов Андрей Шингарев и Федор Кокошкин.

В то время как Милюков обхаживал на юге Каледина и казачьи верхи, Шингарев и Кокошкин работали в Москве среди промышленников, князей, банкиров, еще владевших миллионами и еще надеявшихся сказать свое слово, чтобы «отвратить отечество от большевизма». И Милюков, и «московские деятели» находились в постоянной связи с Питером, где оставались Набоков и Панина: Набоков у самого знамени Учредительного собрания, Софья Панина — предоставляя в столице кров всем, кому он был нужен для тайных кадетских дел.

Многие годы Панина слыла поборницей народной свободы, благотворительствовала, писала статьи либерального толка, произносила речи о демократии. Ее Народный дом на Тамбовской был открыт даже для рабочих. И Панина полагала, что по этой причине

никто и никогда не посмеет прийти без спроса в ее особняк на Сергиевской.

Шингарев и Кокошкин, члены Учредительного собрания, приехав в столицу, за Шрейдером не пошли. Они не митинговые политики! За утренним кофе у Паниной они ждали исхода событий перед Таврическим. Ждали, когда позовут в Белый зал.

В гостиной графини время от времени появлялся молодой человек, дежуривший у телефона, сообщал, что узнано от Набокова и секретаря «Союза интеллигентов» на Литейном, 46. С минуты на минуту ждали гонцов: «Все готово».

Гонцы приехали. Но только не из Таврического. Шингарева, Кокошкина и Панину отвезли в Смольный. Там их стал допрашивать член следственной комиссии Военно-революционного комитета Петр Красиков.

В те же часы председатель следственной комиссии Мечислав Козловский вручил комиссару Н. Фамулевичу ордер: отправиться на Литейный проспект, 46, произвести обыск в помещении «Союза трудовой интеллигенции» и арестовать секретаря союза.

Комиссар Фамулевич прибыл на Литейный в тот момент, когда старичок в сюртуке сидел у телефона, записывая донесение госпожи Пармер. Комиссар терпеливо ждал конца разговора. Но стушевавшийся старичок положил трубку ранее того, чем это сделала на другом конце провода учительница французского языка, она же осведомитель штаба образованных контрреволюционеров.

Начался обыск...

По второму ордеру комиссар Фамулевич вскоре отправился на Мойку, 32, к профессору И. Дынину, члену Русского технического общества, члену правлений обществ деловых, благотворительных и религиозных. У профессора среди книг по математике обнаружились бюллетени «Союза трудовой интеллигенции» и прокламации, стилю которых позавидовал бы сам Пуришкевич. Оказались и другие бумаги, не оставившие сомнений в том, чем занимался филиал «Союза защиты Учредительного собрания» в лице «трудовых интеллигентов». Профессору тоже пришлось отправиться в Смольный.

Члены Учредительного собрания, вошедшие в Таврический дворец, посовещались в одной из комнат, примыкавших к Екатерининскому залу, и направились в главный зал дворца — Белый зал заседаний. Началось заключительное действие спектакля, задуманного в салоне Паниной и исполнявшегося теперь под режиссурой людей с Литейного, 21.

В Белом зале было около восьмисот мест. Но занятыми оказались только шестьдесят с лишним. К 28 ноября в Петроград успели приехать только кадетские и эсеро-меньшевистские депутаты Москвы. Члены Учредительного собрания, избранные в провинции, еще находились в пути. Депутаты-большевики и левые эсеры вовсе отсутствовали. Правомочного кворума в Белом зале не было. Но и собравшиеся депутаты не имели мандатов от Урицкого. По всем этим причинам открытие Учредительного собрания было незаконным. И все же собравшиеся решили заседать.

Шрейдер, как старейший из собравшихся депутатов, взошел на трибуну:

— Приветствую вас, полномочных представителей русского народа, явившихся сюда для устройства судеб страны!

В почти пустом зале старческий голос Шрейдера раздробился.

Потом на трибуну поднимались другие ораторы. И тоже создавали впечатление, что собрались «хозяева земли русской» и им надлежит заняться «устройством судеб» России.

Закончили тем, что постановили: считать программу дня исчерпанной. В дальнейшем собираться здесь же, в час пополудни.

Расходились, понимая, что завтра не повторится и это. Но из Белого зала выходили с гордо поднятыми головами. Чего не сделаешь ради маскарада!

Манифестантов на улице уже не было.

Поздно вечером в Смольном собрался Совет Народных Комиссаров. Главный и единственный вопрос повестки дня — события в Петрограде.

...Рукопись Ленина. Мелким ровным почерком, таким, каким бывал он у Ильича в минуты раздумья и особой собранности:

ДЕКРЕТ

об аресте вождей гражданской войны против революции

Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и предаиию суду революционных трибуналов.

На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду ее связи с корииловско-калединской гражданской войной против революции.

Видимо, с проектом этого декрета Владимир Ильич пришел на заседание Совнаркома.

Нанести удар по крайне правым силам антисоветского движения — таков был смысл намеченных Лениным мер.

Объявить вне закона целую политическую партию, хотя бы и буржуазную? Не слишком ли ответственно, не слишком ли круто? Тем более что впереди самые острые стадии борьбы! — с этого началось обсуждение. Доводы Ленина убедили членов правительства, и народные комиссары проголосовали «за». И вот вторая часть рукописи Ильича. Теперь уже почерком иным — размашистым, крупным, торопливым и возбужденным:

Предс. Сов. Нар. Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Петр. 28 ноябр. 1917 г.
10 ½ час. вечера.
Декрет вступает в силу с момента его подписания.

Перед последней фразой поставлена скобка, от нее стрелка идет вверх: фраза должна предшествовать подписи.

Нужно было объяснить Питеру, стране, что́ произошло на улицах и в Таврическом, какие силы обнаружили себя, почему понадобился декрет об аресте видных кадетов. Совнарком на том же заседании утвердил текст правительственного сообщения:

«Буржуазия, руководимая кадетской партией, подготовила к моменту созыва Учредительного собрания все свои силы для контрреволюционного переворота. На Урале и на Дону Корнилов, Каледин и Дутов подняли знамя гражданской войны против Советов... Прямая гражданская война открыта по инициативе и под руководством кадетской партии. Централь-

ный комитет этой организации является сейчас политическим штабом всех контрреволюционных сил страны.

Эта работа, непосредственно угрожающая делу мира и всем завоеваниям революции, ведется под прикрытием защиты Учредительного собрания... Несколько десятков лиц, назвавших себя депутатами, не предъявляя своих документов, ворвались вечером 28 ноября в сопровождении вооруженных белогвардейцев, юнкеров, буржуа и саботажников-чиновников в здание Таврического дворца.

Задача кадетской партии состояла в том, чтобы создать якобы «законное» прикрытие для кадетско-калединского контрреволюционного восстания. Голос нескольких десятков буржуазных депутатов они хотели представить как голос Учредительного собрания.

Совет Народных Комиссаров доводит об этом заговоре до сведения всего народа. Все завоевания народа... поставлены на карту... Малейшая нерешительность или слабость народа может закончиться крушением Советов...

В полном сознании огромной ответственности, которая ложится сейчас на Советскую власть за судьбы народа и революции, Совет Народных Комиссаров объявляет кадетскую партию, как организацию контрреволюционного мятежа, партией врагов народа...

Политические вожди контрреволюционной гражданской войны будут арестованы. Буржуазный мятеж будет подавлен, чего бы это ни стоило.

В этой борьбе Совет Народных Комиссаров твердо рассчитывает на поддержку и несокрушимую верность революции со стороны всех революционных рабочих, крестьян, солдат, матросов, казаков, со стороны всех честных граждан...»

...Поздно ночью Ленин спускался во второй этаж. И снова в руках у него были ключи. Он открыл дверь на лестницу, спустился по ступенькам вниз. Снова — уже во втором этаже — открыл и закрыл за собою дверь. Опять встретились Степан Желтышев и матросы... «Спокойной ночи, Владимир Ильич...» — «Спокойной ночи, товарищи»...

После двенадцати, когда Смольный затих и только в немногих комнатах еще светились огни, Петр Красиков вызвал Шингарева, Кокошкина и Панину. Он объявил им только что принятый декрет Совета Народных Комиссаров. Всех троих отправили в тюрьму.

6

С утра 29 ноября в Таврическом уже были латышские стрелки и моряки. Перед дворцом — артиллерийские орудия и самокатчики. Пикеты расположились до Кирочной улицы. Приказ гласил: никого, кроме членов Учредительного собрания, во дворец не пропускать. Депутатов просить следовать через комнату № 48 и обменивать там белые набоковские удостоверения на красные за подписью Урицкого.

После полудня приехал член Чрезвычайной комиссии по охране Петрограда комендант Петропавловской крепости Георгий Благонравов. Он зашел в комнату избирательной комиссии и объявил декрет Совнаркома, подписанный несколько часов назад... Ввиду отказа комиссии работать совместно с правительственным комиссаром сим смещаются... И он назвал фамилии Набокова и ближайших его помощников. Благонравов закончил предупреждением:

— Если завтра кто-либо из смещенных лиц появится в Таврическом, то будет удален силой.

Набокова в Таврическом уже не было. Декрет о запрете кадетской партии он прочел рано утром, на улице, купив свежие газеты. И даже не возвратился домой. Только позвонил по телефону: «Не ждите».

Он уехал в Крым, где его приютили в поместье графини Паниной. Позже он обнаружился в Берлине. Позже на белоэмигрантском сборище во главе с Милюковым какой-то белогвардеец выстрелил в Набокова, сведя счеты между соперничающими группами эмигрантов.

В Таврическом, в третьем часу дня, учредиловцы вновь попытались заседать в Белом зале. Но у входа теперь оказался матрос:

— Ваши красные удостоверения?

— Мы их не признаем! — запальчиво сказал московский городской голова член ЦК эсеров Руднев.

Матрос. Без красных не пущу.

Руднев. Беззаконие! Здесь правомочные...

Подошел Георгий Благонравов:

— Вы были предупреждены. Никаких заседаний, если собираются лица, не имеющие законных удостоверений.

Руднев. Это насилие!

Благонравов. Это вторичное оповещение.

Руднев. Мы не нуждаемся в полномочиях комиссара Урицкого. Он для нас не указ...

Благонравов. Я сказал всё.

Руднев. Мы игнорируем.

Благонравов. Я предлагаю разойтись.

Руднев. Наше право находиться здесь.

Благонравов. Только не в зале заседаний.

Комиссар ушел. Учредиловцы еще толпились у дверей. Теперь к матросу шагнул Федот Онипко. Он решил испытать: может, ему удастся изменить положение. Он резко выкинул руку вперед, сунул матросу белый мандат. Но матрос, с силой отведя руку, сказал:

— Прошу без провокаций.

— Я — Онипко, комиссар Балтийского флота!

— Бывший... Была б моя воля, я бы вас и по красному сюда не пустил... Мы с вами, господин, в Гельсингфорсе встречались...

Такое напоминание не предвещало для Онипко ничего хорошего. Он повернулся и, сжав челюсти, удалился.

Шум перед дверью продолжался. Но красных мандатов ни у кого не было...

7

Летом 1917 года военный врач Михаил Некрасов служил на Юго-Западном фронте. Там он познакомился с прапорщиком Тютчевым. Тот был эсером и вербовал в свою партию военных. Врач Некрасов в эсеровскую партию не вступил, но с Тютчевым подружился.

В один из дней августа Тютчев пришел к доктору и сказал, что в Петроград отправляется фронтовая делегация, чтобы из первых рук получить информацию о текущем моменте.

— Может, и вы поедете? Вам-то брат не откажет в приеме.

Поездка в Петроград, кроме прочего, сулила доктору возможность побывать дома, в семье, и Михаил Некрасов согласился.

Брат военного врача — Николай Виссарионович Некрасов — в самом начале века окончил в Петербурге Институт путей сообщения, два года совершенствовался за границей и был избран экстраординарным профессором в Томском технологическом институте. Днем он читал лекции по курсу статики и сооружений, а по вечерам, в домашней гостиной, за чашкой кофе распространялся на тему о том, как велика и богата Сибирь, но как грустно от того, что все это лежит втуне. А почему? «Расейская дикость, скован русский дух»... Некрасов, поклонник Павла Милюкова, вскоре после первой русской революции стал кадетом и заметным человеком в томском обществе. Он начал выступать публично, развивая мысль о том, что России не занимать предприимчивых людей, но нужны политические перемены, чтобы процветали отечественная промышленность и российская торговля, чтобы проявили себя сотни и тысячи новых рябушинских, чтобы русские банки были в Нью-Йорке, Лондоне и Париже. Россия, ораторствовал он, должна обрести приличествующий ей вес в международных делах. Некрасов давал понять, что монархизм — это, простите, пережиток средневековья и что буржуазный парламент нужен старым и будущим рябушинским не меньше, чем ротшильдам и морганам.

В 1907 году происходили выборы в III Государственную думу. Томский профессор стал депутатом Думы. Он опять приехал в столицу. Стал произносить речи в Таврическом. Сделался секретарем Общества по изучению Сибири... Некрасова избрали и в IV Думу. Он снова произносил речи. За Некрасовым утвердилась известность человека с характером твердым. Впрочем, и со способностью предугадывать, куда завтра склонится стрелка политического барометра.

В первом же послефевральском составе Временного правительства Некрасов получил министерский портфель.

В конце марта состоялся съезд кадетской партии. Некрасов произнес речь:

— Мы не вправе уклоняться от решения социальных проблем. Формула «сначала политика, потом хлеб и ситец» так же вредна, как формула старого режима «сначала успокоение, потом реформы».

Говоря о двоевластии, о том, что Советы требуют контроля над Временным правительством, Некрасов заметил:

— Мы не для того делали революцию, чтобы от одного самодержца попасть к двенадцати другим.

«Демагогия! Заигрывание с левыми!» — нахмурился Милюков.

«Чего же недоговаривает старая лиса?» — насторожились эсеры и меньшевики, господствовавшие в Советах.

2 июля разыгрался очередной министерский кризис. Кадеты-министры подали в отставку, чтобы припугнуть левых, а возвратившись, сесть прочнее, еще более подчинив себе соглашателей-«социалистов». Некрасов в те дни объявил, что он выходит из кадетской партии. При этом остался в правительстве и через несколько дней получил пост заместителя премьера — уже при Керенском.

«Уход от кадетов ради сближения с эсерами?» — заподозрили журналисты. Но сенсационный шаг Некрасова через день уже отошел на второй план. Начались июльские события и известная травля большевиков.

...Приехав в Петроград, фронтовая делегация с Тютчевым, доктором Некрасовым и солдатами прямо с вокзала отправилась в Мариинский дворец, где была приемная товарища министра-председателя.

Николай Некрасов принял брата по-родственному, а товарищей его — с подчеркнутым радушием.

Вице-премьер велел подать в кабинет чай. Лакей быстро накрыл стол. Засверкали позолоченные подстаканники и хрустальные вазы с фруктами. Некрасов вышел из-за письменного стола, сел рядом с солдатами, попросил угощаться и задавать вопросы. Отвечая, он был любезен, терпелив. Вице-премьер призывал собеседников понять «всю опасность большевизма и пораженчества, разъедающих страну». Он не преминул заметить, что долг солдатских комитетов на фронте и в тылу истреблять зловредный большевистский

дух. «Для спасения родины нам нужны порядок, жертвы и оборона», — с профессорской солидностью сказал Некрасов. «Оборону» он просил понимать в том смысле, что Россия имеет обязательства перед союзниками, и она должна вести войну до победного конца. Что касается «порядка», то и это разъяснил Некрасов. Порядок — значит сосредоточение всей власти в руках правительства. Советы не должны слишком наседать на министров, иначе министры будут чувствовать себя людьми, которые всё боятся, как бы не поскользнуться на апельсиновой корке. (О своих мартовских поклонах в сторону «демократии» Некрасов теперь уже не упоминал.)

Прощаясь, вице-премьер соизволил каждому солдату пожать руку и даже проводить гостей.

— А теперь мы поедем в Совет, — сказал один из делегатов.

Некрасов и Тютчев переглянулись. Поехать все же пришлось.

В Смольном солдаты пожелали говорить с членом Петроградского Совета большевиком Петром Красиковым (тем, что позже стал работником следственной комиссии Военно-революционного комитета).

Разговор происходил в комнате, куда все время входили и откуда беспрерывно выходили, где всем было некогда. Красиков говорил, стоя перед никазистым столиком, жестикулируя и тоже торопясь. Но оказалось, что солдаты поняли большевика Красикова и взяли под сомнение то, что говорил Некрасов.

На улице окопники вступили в спор с Тютчевым и Некрасовым. Все остались при своем мнении. Солдаты уехали ночевать в Дом Армии и Флота, а доктор и прапорщик отправились на Забалканский проспект — к Некрасову, ужинать.

— Нам не следовало ходить в Совет, — сказал Тютчев уже в трамвае.

Некрасов возразил:

— Отговаривать солдат — значило бы создать у них впечатление, будто мы страшимся большевиков... Ну, побывали, послушали... Очередной митинг, и только. Уверяю вас, завтра же все это выветрится.

— Большевистские бациллы опасны! Мы не имеем права недооценивать, — настаивал Тютчев. — Об этом говорил и Николай Виссарионович.

— Друг мой, политик, как доктор, не должен откровенничать с больным... Перед братом были солдаты. Как иначе говорить с ними? Нет никаких оснований впадать в панику... В июле большевики уже пробовали. И что же?! Я убежден, что, пока в правительстве сидят такие люди, как Некрасов-старший, можно быть совершенно спокойным!

Доктор любил называть брата Некрасовым-старшим. Но не столько потому, что тот был старше его, а потому, что и он, доктор, был Некрасовым.

Трамвай остановился у Технологического института.

— Вот мы и приехали, — сказал доктор.

Вскоре они вошли в большой дом на Забалканском проспекте.

Доктор не предупреждал о своем приезде. Его появление было неожиданностью и для жены, и для сестры Лидии, и для мужа ее — капитана Зинкевича, и для других родственников, населявших эту большую квартиру.

Начались хлопоты. Женщины принялись накрывать стол. Мужчины прошли в гостиную. И, разумеется, опять начался разговор о политике.

Прапорщик, делясь впечатлениями о происшедшем в Смольном, продолжал упрекать доктора в том, что тот недооценивает «разлагающую силу большевиков». Вот солдаты, приехав в Петроград и только раз повстречавшись с большевистским депутатом, вышли из Смольного так, словно вдохнули свежего воздуха.

— Агитации большевиков до́лжно противопоставить еще более искусную, еще более доходчивую, еще более популярную — нашу! — говорил Тютчев.

— Что за вздор! — вмешался Зинкевич. — Без конца болтающая Россия — это же черт знает что!

— Я не понимаю вас, — оскорбленно насторожился Тютчев.

— России нужна диктатура силы, и ее могут создать только военные. Вот что главное! — сказал Зинкевич.

...Несколько дней спустя доктор Некрасов возвратился на фронт. И снова началась обыденщина — лазарет, раненые...

Раскрывая по утрам газеты, Некрасов-младший обычно искал сообщений о Некрасове-старшем: кого он принимал, где выступил, с кем из политиков сразился, какую новую идею подал... Но однажды прочел неожиданное: «Ультиматум Корнилова...» Назавтра: «Мятеж Корнилова!», «Слухи о создании директории с Керенским, Некрасовым и Савинковым». Наконец: «Товарищ министра-председателя подал в отставку». Доктор недоумевал: разногласия с Керенским? Вскоре прояснилось. Некрасов-старший получил пост генерал-губернатора Финляндии.

«Значит, он все-таки на коне!» — успокоился младший брат.

Служба в Гельсингфорсе оказалась беспокойной. Рядом был Центробалт, снова с Дыбенко. И Областной комитет Финляндии, почти столь же большевистский. Единственно, кто безоговорочно поддерживал генерал-губернатора Некрасова, был эсеровский комиссар Балтийского флота Федот Онипко. По долгу службы они часто встречались и обнаружили полную общность взглядов. Гельсингфорс по-прежнему довольно часто навещал Владимир Лебедев, теперь товарищ морского министра. Некрасов и Онипко принимали его с почестями, согласно рангу. Встречались и наедине, частным образом, как равные. Говорили о том, куда идет Россия и в чем ее спасение.

25 октября все трое оказались сразу не у дел. Лебедев и Онипко сохранили свое положение лишь в эсеровской партии. Что касается Некрасова-старшего, то он, как впоследствии заметил Некрасов-младший, «превратился в ничто».

Доктор Некрасов снова объявился в столице в конце октября. Его можно было видеть в городской думе среди тех, кто 27—29 октября пришел по зову «Комитета спасения».

Потом доктор снова уехал в свой лазарет, а в середине ноября добился прикомандирования к главному санитарному управлению, прочно обосновавшись в Петрограде.

Теперь у братьев Некрасовых оказалось достаточно времени для приватных встреч.

— Надо что-то предпринимать! — сказал бывший вице-премьер, — Мы не можем оставаться безучастными зрителями происходящего...

Доктор сидел в гостиной брата на Тверской, слушал и думал. «Сильный человек», брат, курит сейчас в кресле, в халате, небритый, хмурый, и то брюзжит, то, будто вспомнив, что было у него позади — и Томск, и Государственная дума, и министерские кресла, — рвется в бой...

Ночью, уже на Забалканском, оставшись наедине с капитаном Зинкевичем, доктор посвятил мужа своей сестры в план, родившийся после разговора с Некрасовым-старшим.

Капитан Зинкевич словно ждал этого.

С той поры как в сентябре был разгромлен Корнилов, капитан еще категоричнее высказывался в том духе, что только самые крутые и самые активные меры «спасут Россию».

В следующий вечер доктор и капитан отправились на Тверскую. Николай Некрасов, увидев Зинкевича, обрадовался: согласен и капитан, человек без сантиментов. Именно такие теперь были нужны!

Слепая ненависть к тому, что пришло на смену власти керенских и некрасовых, к тому, что ежечасно рождала революция, — вот что сроднило их. И они положили начало исполнению плана, уже отчетливо вырисовывавшегося...

Поздно ночью, прощаясь, Николай Некрасов сказал:

— Если через несколько дней меня не окажется здесь, на Тверской, пожалуйста, не удивляйтесь. Я все-таки слишком заметная фигура. Арест Шингарева и Кокошкина достаточно серьезный аргумент, чтобы не проявлять легкомыслия. Но где бы я ни был, держите связь с лицом, которое я назвал вам. Он всегда будет в курсе, что́ со мной и где я. И последнее: если где-либо нам случайно доведется встретиться, запомните: я — Голгофский. Бороду носил, еще будучи студентом.

Человек, которого назвал Николай Некрасов, оказался Владимиром Лебедевым.

Доктор и капитан Зинкевич встретились с Лебедевым в часовне на углу 1-й Роты и Измайловского проспекта. Все трое были в штатском. Сошлись у

церковной кружки, опуская в условленный час одинаковые монеты.

— Вы всегда бываете на вечерней молитве?

— Нет, только по субботам.

Дальнейшее обсуждали, прохаживаясь по проспекту.

— Начинать надо с Ленина, — говорил Лебедев. — И непременно в канун созыва Учредительного собрания... Да, дело трудное. Нужен особый подбор исполнителей, нужна серьезная подготовка. Но вам помогут.

8

5 декабря было объявлено об упразднении Военно-революционного комитета: он выполнил задачи, поставленные Октябрьской революцией, и теперь должен был передать свои дела народным комиссариатам и другим правительственным ведомствам, уже вставшим на ноги и наладившим свой аппарат.

Но в чьи руки перейдут щит и меч Октября? Кто продолжит борьбу с контрреволюцией?

Решилось это 7 декабря на заседании Совнаркома.

Докладчиком был Дзержинский. После предварительного совещания с Владимиром Ильичем Лениным Феликс Эдмундович обосновал необходимость создания особого органа, который принял бы на себя специальные функции упраздненного ревкома.

— Совершенно очевидно, что силы противников рабоче-крестьянской власти с каждым днем все более организуются, — говорил Дзержинский. — Контрреволюция действует по всей стране. Враг и здесь, в Петрограде, в самом сердце нашем. Теперь борьба грудь с грудью, борьба не на жизнь, а на смерть, — чья возьмет. Я предлагаю, я требую организовать революционную расправу над деятелями контрреволюции. Мы должны действовать не завтра, а сегодня, сейчас!

Совет Народных Комиссаров постановил образовать Всероссийскую Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Правительство определило задачи комиссии: пресекать и ликвидировать контрреволюционные попытки и действия по всей России, расследовать обстоятельства преступлений и пре-

давать виновных суду Военно-революционного трибунала.

Председателем ВЧК стал Феликс Эдмундович Дзержинский.

Двадцать три человека, включая курьеров и шоферов, — вот состав Всероссийской ЧК в пору ее рождения. А вокруг?.. Петроград, переполненный генералами и офицерами корниловской и эсеровской выучки; Петроград, где то и дело обнаруживаются антисоветские заговоры — то «кустарные», то искусно подготовленные; где саботируют почти все чиновники; где еще мутит воду «Союз защиты Учредительного собрания»; где скрытно вербует террористов «Комитет спасения»; где еще выходят кадетские, эсеровские, меньшевистские, получерносотенные, полубульварные и иные газеты такого же толка, газеты, изо дня в день заполняющие свои страницы ложью несусветной и клеветой самой озлобленной.

ВЧК, сформированная в Смольном, через несколько дней перебралась на Гороховую, 2, в дом бывшего градоначальника.

Дзержинский был старше и опытнее своих помощников — в ту пору ему шел сорок первый год. Но старшинство и должность председателя только увеличивали круг его обязанностей. И он вел работу, казалось бы, для одного человека совершенно непосильную.

Свой рабочий день он делил между делами в Смольном и на Гороховой, 2. В Смольном он, член ЦК партии и ВЦИК, вместе с Лениным решал, какой дорогой идти России, как брать новые барьеры, ежечасно встававшие на ее пути. А возвращаясь на Гороховую, садился допрашивать князя, который употребил свои миллионы на борьбу с Советской властью. Матерого разведчика, которого послали в Смольный господа из союзных посольств. Царского генерала, который готовил вооруженный мятеж... Полчаса спустя Дзержинский писал новый протокол допроса. А потом вызывал следователя, который три месяца назад и не помышлял о подобной работе, и вместе с ним расшифровывал пометки в записных книжках арестованного. По взятым у него визитным карточкам прослеживал, с кем он был связан, а по другим бумагам — что он делал и для кого. А потом, вызвав арестованного,

вместе со следователем-новичком распутывал еще один клубок заговора.

Ближайшими помощниками Дзержинского в ту пору были Иван Ксенофонтов, Якоб Петерс, Мартин Лацис — боевые товарищи Феликса Эдмундовича по Военно-революционному комитету. На Гороховой вместе с Дзержинским работали Иван Полукаров, Дмитрий Евсеев, Степан Щукин, Иван Ильин — все прошедшие фронт, солдатские комитеты и школы ревкомов. Все они были людьми мужественными, выносливыми, строжайше объективными, честнейшими, лишенными какого-либо честолюбия и тем заслужившими право быть первыми чекистами, «солдатами армии Дзержинского».

Но работников ВЧК поначалу было мало, очень мало. Даже к концу петроградского периода (март 1918 года) общее число сотрудников ВЧК не превышало 120. Почти на всю Россию!

Это нужно помнить. Только при этом можно понять, что легло на плечи горстки дзержинцев в Петрограде и что смогли они сделать в ту пору наитруднейшую.

Правда, чекисты не были одиноки. У них было несметное число помощников — рабочие, матросы, солдаты Петрограда. Самые ближайшие и самые боевые находились в Смольном, в комнате, на дверях которой по-прежнему висела белая эмалевая табличка «75».

Это началось еще в ноябре.

Обезумевшая пьяная толпа разбила двухаршинные стены подвала Зимнего дворца и хлынула в образовавшийся пролом.

— Не сметь! Назад!

Толпа не слушала.

Подонки старого Петербурга — босяки, громилы, солдаты-дезертиры, анархиствующие матросы, прорвавшись в подвал, вскрыли бочки с вином и, с остервенением расталкивая друг друга, стали хлебать прямо из бочек.

Тогда красногвардейцы получили приказ: разбить бочки и вылить вино. В подвале образовалось дурманящее озеро. Были вызваны пожарные команды. Вино выкачивали в канализационные стоки. И все же

несколько человек, забравшихся в дальние отсеки, утонули.

В подвалах Зимнего вино хранилось не только в бочках, но и в бутылках. Их были сотни тысяч. Красногвардейцы вытаскивали ящики с бутылками и бросали в Неву. Но и река не остановила пьяных безумцев. Они лезли в студеную воду.

Через несколько дней пьяные погромы перекинулись на винные заводы, склады, магазины, даже на аптеки (здесь охотились за лекарственным спиртом).

Все это направлялось одной рукой...

По ночам в Неве, в Фонтанке, в Обводном канале появлялись бочки со спиртом. Утром их обнаруживали в самых людных местах. Сбегались те же, что грабили подвалы Зимнего. Упившись до омерзения, громилы разбредались по городу, устраивали побоища, грабили дома, магазины, прохожих. Как только какая-нибудь банда нападала на винный склад, следовали выстрелы в воздух, — сюда! И собирались все охочие до бесплатного зелья. И начиналось знакомое... В полках Петроградского гарнизона то и дело раздавались телефонные звонки: «Братва, такой-то подвал в ходу!» И — адрес... По городу поползли листовки, якобы исходящие от «новой власти»: «Все теперь общее, все — ваше, бери!» На улицах замелькали агитаторы, восхвалявшие развеселое житье.

Было яснее ясного, для чего все это. Чтоб в столице «свободно рыскал зверь, а человек ходил пугливо». Чтобы в такой каше было проще натравить остервенелые орды на Смольный, вызвать в столице смятение.

В буржуазных кварталах Питера уже считали дни и часы, когда с большевистской властью будет покончено.

2 декабря 1917 года Петроградский Совет образовал Комитет по борьбе с погромами, наделив его чрезвычайными полномочиями и придав ему военные силы, чтобы действовать решительно и быстро. Председателем комитета был назначен Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома.

Комитет обосновался в Семьдесят пятой комнате на третьем этаже Смольного. В той самой комнате, где

до этого находился военно-оперативный штаб ВРК с его «Особой разведкой». В новый комитет вошли бывшие комиссары ВРК и товарищи из «Особой разведки», красногвардейцы и матросы, еще с дней Октября работавшие в Смольном и помогавшие Военно-революционному комитету и его следственной комиссии; рабочие-большевики, призванные по партийной мобилизации.

Владимир Ильич Ленин 8 декабря послал записку в Петроградский комитет партии:

«Прошу доставить не менее 100 человек *абсолютно* надежных членов партии в комнату № 75, III этаж, — комитет по борьбе с погромами. (Для несения службы *комиссаров.*)

Дело архиважно. Партия ответственна. Обратиться в районы и в заводы».

По ленинскому призыву пришли многие замечательные бойцы.

К середине декабря комитет Семьдесят пятой комнаты Смольного уже насчитывал до ста пятидесяти комиссаров.

...Первые же дни борьбы с пьяными погромами показали: бочки на Фонтанке, и выстрелы-сигналы, и телефонные звонки в казармы, и все другое, вплоть до листовок, — все это работа черносотенно-кадетской организации. Ее удалось раскрыть, а главных виновников — арестовать. Вскоре пьяные погромы пошли на убыль. Но комитет Бонч-Бруевича на том свою работу не закончил. Фронт контрреволюции все разрастался. И товарищи из Семьдесят пятой, составлявшие в то время отряд в несколько раз больший, чем ВЧК, стали оперативным резервом и ближайшими помощниками комиссии Феликса Дзержинского.

9

После того как ВРК объявил вне закона «Комитет спасения», после того как были закрыты «Известия» того же комитета, упоминаний о нем в печати становилось все меньше и меньше. «Скончался»? Но вот возник «Союз защиты Учредительного собрания». Это не могло не вызвать подозрений. А не перемена ли это вывески? Люди из Смольного стали нащупывать, что скрывается за чертой легальности этого союза?

7 декабря на Литейный, 21, пришли трое с ордером ВРК. (На время упразднения Военно-революционного комитета и образования ВЧК экстренные меры борьбы с контрреволюцией были возложены на ликвидационную комиссию ВРК, в которую входили Якоб Петерс, Дмитрий Евсеев и другие.) Товарищи из Смольного произвели обыск и арестовали четырех членов ЦИК первого созыва, в том числе казначея. При аресте господа эти возмущались: «На каком основании?» В Смольном разъяснили: за финансирование контрреволюционного «Комитета спасения», объявленного вне закона еще 10 ноября. Арестованные попытались уверить, что после той даты никаких ассигнований «Комитету спасения» не было. Тогда казначею и его коллегам были точно названы дни заседаний, вплоть до последних, когда ЦИК первого созыва принимал решения, сколько тысяч отпустить «Комитету спасения». Значит, он действует! (Впоследствии, когда были захвачены протоколы секретных заседаний ЦИК первого созыва, это подтвердилось документально.)

16 декабря на Литейный, 21, пришли чекисты.

В тот день в эсеровских газетах появилось объявление о том, что в Кузнечном переулке, 9 (Естественно-научный институт Лохвицкой), открываются бесплатные вечерние образовательно-политические курсы. Программа курсов — история законодательных органов на Западе и в России. Запись всех желающих. Среди лекторов «виднейшие» с Литейного, 21, — Брамсон, Богданов и другие.

На первый взгляд могло показаться, что учредиловцы затевают в общем-то безобидное: хотят идейно подковать своих сторонников. Но Дзержинскому стало известно, что курсы будут заниматься не только историей и теорией... И в три часа дня 16 декабря он отправил на Литейный, 21, чекистов и красногвардейцев. Пришли они в самое время. Арестовали лекторов и секретаря «образовательных курсов» и первых отозвавшихся на объявление в газетах — всего 15 человек. После допросов всех их, правда, освободили: казалось, что одного предупреждения достаточно. Но три дня спустя в «Набате» появилось новое объявление:

ОТ КУРСОВ «СОЮЗА ЗАЩИТЫ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ»

(Это, равно как и предыдущее извещение, социалистические газеты просят напечатать дважды на видном месте.)

Вследствие ареста секретаря и группы лекторов образовательных политических курсов при «Союзе защиты Учредительного собрания» открытие курсов временно откладывается.

Запись на курсы производится в помещении Союза...

Лишь позднее обнаружилось, что́ скрывалось за этим.

До 20 декабря оставался в силе прежний декрет Совнаркома: Учредительное собрание соберется, как только половина его депутатов — не менее 400 — зарегистрируется установленным образом в канцелярии правительственного комиссара.

Урицкий почти каждый день приезжал в Таврический, но за красными мандатами приходили только депутаты-большевики и левые эсеры. Другие фракции продолжали бойкотировать и красные мандаты, и правительственного комиссара, и новую избирательную комиссию, образованную взамен набоковской. (Теперь она называлась канцелярией Учредительного собрания; управляющим ее был назначен Сергей Гусев.)

В Таврическом все это время было пустынно. Работали только маляры да полотеры: красили, чистили, натирали паркет. Учредительное собрание рано или поздно должно было собраться. К тому же предстоял очередной съезд Советов.

А на Литейном, 21, весь декабрь продолжали заседать, митинговать, шуметь. Весь декабрь носились по Петрограду Церетели, Чернов, Чайковский, Маслов... Они выступали в клубе Калашниковской биржи (на Харьковской, 9), в Технологическом институте, в цирке Чинизелли на Фонтанке, в актовом зале Высших женских курсов на Васильевском острове, в зале бывшего Вольного экономического общества на Забалканском проспекте.

Россия стоит перед выбором: либо Смольный, либо Таврический. Учредительное собрание должно образовать новый орган власти, ликвидировав формально и фактически власть большевистских Советов. Никаких

половинчатых решений! — таков был смысл всех речей ораторов.

Союз учредиловцев разрастался вширь и вглубь. В Петрограде возникли районные, а в провинции — губернские комитеты «Союза защиты Учредительного собрания».

Весь декабрь на Литейном, 21, и вне этого дома продолжались нелегальные заседания ЦИК первого созыва.

Большая Болотная, 2а. Бывший лазарет городского земского союза. Дом в нескольких кварталах от Таврического. Еще не выветрились запахи лекарств. Еще стоят прежние больничные койки. Но теперь только эти внешние приметы напоминают о прежнем. Теперь здесь шумно. Теперь здесь устраиваются на житье те, кто собирается свалить Смольный, чтобы через трибуну Таврического дворца (и не только через трибуну!») привести к власти авксентьевых, черновых, гоцев с их союзниками.

На верхнем этаже в небольшой комнате — заседание при закрытых дверях. Люди самые доверенные — члены эсеровской фракции Учредительного собрания и члены военной комиссии ЦК партии эсеров. Среди них двадцативосьмилетний Григорий Семенов, сын чиновника, недоучившийся инженер-технолог, давний эсеровский боевик.

Докладывает Федот Онипко... В кругах «Союза защиты Учредительного собрания», да и в ЦК социалистов-революционеров, преобладают слова и недостает дел, гневается оратор. Россия стоит накануне нового взрыва. Россия идет к четвертой революции... То, что случилось в октябре, было лишь трагической случайностью. Вместо того чтобы, объединившись, покончить с большевиками, социалистические партии тогда больше колотили друг друга. Вместо того чтобы стрелять, Керенский тогда больше уговаривал. Теперь, слава богу, все прозрели — и эсеры и меньшевики. Но и теперь еще недостает практических дел. Большевики изолированы от масс.

— Да, да! — горячится Онипко. — Разве не ясно, что большевики в состоянии продержаться только дни и недели? Массы готовы исправить роковую ошибку.

Стоит только поднести запал, как все взорвется. Стоит вывести на улицу мощную манифестацию противников большевистских Советов, как поднимутся петроградские полки. И тогда все решится быстро...

Так уверяет Онипко. Он настаивает на немедленном создании боевых сил, которые пойдут первыми.

— Пятый броневой дивизион, полки Семеновский и Преображенский — вот силы, на которые следует опереться в первую очередь! — заключает Онипко.

Принимается план: вызвать с фронтов несколько сот офицеров и солдат из числа сторонников эсеров, внедрить их в полки Семеновский и Преображенский. «Самый боевой элемент» послать в 5-й броневой дивизион. Создать опорные базы на заводах. Там формировать боевые «пятерки» и отряды. В штаб округа и в штаб Красной гвардии внедрить своих разведчиков, чтобы получать от них донесения о боевой обеспеченности большевистских войск и Красной гвардии.

...Все расходятся, и в комнате на верхнем этаже остаются только двое: Онипко и Семенов. Теперь разговор вполголоса. С глазу на глаз.

— Когда же? — спрашивает Семенов.

— Думаю, к рождеству все будет готово.

— А санкция ЦК есть?

— Я не считаю, что этот вопрос надо ставить формально. Кто осмелится сказать «да»? Чернов? Авксентьев? Гоц?.. Надо действовать! Победителей не судят. А если провал — никакие одобрения и резолюции не спасут.

Действовать! На том прощаются.

10

В начале декабря Владимир Лебедев свел Федота Онипко с доктором Некрасовым. Встретились они на улице и пошли в кинематограф. Сели в самом последнем ряду. Онипко был в неизменной своей бекеше. Некрасов — в шинели без погон.

На экране мелькали пальмы, фонтаны, слоны, очаровательные наездницы. Двое, встретившиеся в зале, шепотом задавали друг другу как бы случайные вопросы. Знакомились... Кончили тем, что условились встретиться у Онипко.

Оказалось, что его конспиративная квартира находится недалеко от квартиры Некрасовых — на углу Измайловского проспекта и 7-й Роты.

Бывший комиссар Балтийского флота скрывался у своего знакомого по Гельсингфорсу военно-морского инженера, который еще находился в главной базе флота; в Петрограде оставалась его семья. Здесь Онипко и ночевал. Спал на диване в кабинете хозяина квартиры, среди флотилий бригантин и фрегатов, вырезанных из кости; среди старинных гравюр и литографий, на которых никак не рассеивались сине-голубые дымы морских сражений.

Онипко и Некрасов сидели сейчас в креслах друг против друга. Онипко — в темном морском кителе, с распахнутым воротом, грузный, тяжело дышащий, с трубкой в зубах.

— Итак, вы сказали, что группа уже насчитывает около дюжины боевиков. Я хотел бы знать точно, сколько их, кто они. Пожалуйста, о каждом отдельно. Мы должны хорошо знать друг друга.

Доктор начал с капитана Зинкевича:

— Опытный артиллерист, сын генерала, георгиевский кавалер, знает французский и английский... Николай Мартьянов, сын народовольца, бывший студент, вольноопределяющийся, давний наш знакомый. Он служил в Сибирском подвижном отряде, который в начале войны сформировал мой брат. Человек решительный. 28 октября, когда Полковников поднял юнкеров, Мартьянов был комиссаром ударной сотни Союза георгиевцев. Какая-то случайность помешала ему...

— Мартьянова я знаю, — прервал Онипко.

В дни Октября доктор не был знаком с Онипко. Но почему тот знает Мартьянова, догадался. Уже тогда, в городской думе, Мартьянов был связан с эсеровскими кругами. Он, видно, и теперь не редкий гость на Большой Болотной, 2а, и Литейном, 21.

— Александр Осьминин, председатель петроградского Союза георгиевских кавалеров, унтер-офицер, — продолжал Некрасов.

— Знаю, — прервал Онипко. — Дальше...

— Максим Волошинов, казак из города Верного. Тоже служил в Сибирском подвижном отряде... Полностью согласен с нашим планом...

— Дальше...

— Яков Тягунов, прапорщик, человек книжный. К самостоятельным решениям не пригоден, но вместе с другими пойдет, куда пошлют.

— Высокий, худой, с зачесанными назад волосами? Живет на Николаевской улице?

— Да, точно. Он... Семен Казаков, подпоручик. Служил в Сибирском подвижном отряде. Снимает изолированную квартиру, тут неподалеку.

— Дальше...

— Нина Колюбакина, сестра милосердия, дочь убитого в начале войны члена Государственной думы. Служила в Сибирском отряде. Была добровольцем в женском ударном батальоне Марии Бочкаревой. Близка к Осьминину. Он называет ее «баба-король»... Весьма полезна для целей разведки и связи.

Некрасов сказал далее, что со дня на день ожидается приезд из Москвы офицера, рекомендованного братом и Мартьяновым.

— Они знают его по Сибирскому подвижному отряду. Бывший студент, потом полковой разведчик. Сейчас опять живет в Москве. Человек он горячий, сумбурный, но, если согласится, пойдет на самое рискованное.

— Фамилия? — спросил Онипко.

— Ушаков.

Онипко задумался, что-то вспоминая:

— Этот Ушаков мог быть здесь, в Питере, в дни большевистской революции?

— Да. Он был связан с «Комитетом спасения».

— Ясно... Продолжайте...

Некрасов назвал еще несколько фамилий.

...Впоследствии, вспоминая эту встречу с доктором Некрасовым, Онипко показал:

«...Мы говорили наедине, а потому совершенно открыто. Некрасов подробно изложил, каков состав группы, охарактеризовал каждого, рассказал, каковы связи, как вооружены... О встрече с доктором Некрасовым я информировал сначала В. М. Чернова, затем Н. В. Чайковского *. Тот в свою очередь доложил «Комитету спасения». В итоге мне было предложено

* Н. В. Чайковский, лидер партии «народных социалистов», был одним из руководителей нелегального «Комитета спасения». Позднее в Архангельске возглавлял белогвардейско-антантовское «Временное правительство Северной области».

взять эту группу под свое руководство и использовать для дела.... Мне были даны деньги, которыми я снабжал доктора Некрасова...»

II

Сибирский санитарный подвижной отряд отправлялся на фронт в ноябре 1914 года. На Брянском вокзале в Москве, в затишье крытых платформ, колыхались флаги с императорским гербом. Играл военный оркестр. Братья и сестры милосердия, все в новых шинелях, шапках и сапогах, выстроились перед товарными теплушками. Попечитель отряда, член Государственной думы, секретарь Общества по изучению Сибири Николай Некрасов взобрался на трибуну, напоминавшую сторожевую вышку, и произнес речь.

Война внесла некоторые поправки в привычную терминологию и строй речей Некрасова. Теперь он почти не касался внутренних болезней отечества. Слушая члена Государственной думы — кадета, не так-то просто было отличить его призывы от громких кликов монархистов. Разница, пожалуй, состояла только в том, что те называли двуглавый орел гербом российского императора, а Некрасов — гербом отечества.

Санитарный отряд состоял из московских студентов-сибиряков. Были среди них люди разных взглядов, в том числе радикалы. Так они сами именовали себя. Своим идейным вождем они считали Сергея Шлихтера. Тот тоже вырос в Сибири — его отец, большевик Александр Григорьевич Шлихтер, отбывал там пожизненную ссылку.

На Брянском вокзале в Москве братья и сестры милосердия ответили на призыв Некрасова троекратным «ура». Разойдясь по теплушкам и высунув головы в открытые двери, студенты видели, как их попечитель, все еще стоя на трибуне, белым платочком махал вослед уходящему поезду...

В начале 1916 года погиб Сергей Шлихтер, пали в боях и другие из Сибирского отряда. Война рассеяла их по полкам, фронтам, лазаретам. Но внешний обруч, некогда стянувший этих молодых людей, какое-то время еще сохранялся. Они продолжали переписы-

ваться, встречаться. Иной раз сходились в Москве, чтобы похоронить на «своем» кладбище погибших товарищей. И все же духовное размежевание произошло. И особенно заметно — после Февраля. Одни, решительно порвав все прежние связи, пошли путем Сергея Шлихтера и его отца. Другие стали чуть подновленными монархистами и кадетами. Третьи образовали кружок как бы промежуточный. Они обрели согласие с Некрасовым-старшим, когда тот стал чуть левее кадетов. В кружке этом оказался Николай Мартьянов, сын сосланного в Сибирь народовольца, сам выросший в Сибири, но усвоивший от отца только ту часть его веры, которая выродилась в эсеровский терроризм. Был там и сын казака из города Верного Макс Волошинов. И бывший фронтовой разведчик поручик Семен Казаков. И сын священника из деревни Красноярье, что на Вятчине, Герман Ушаков — бывший студент Московского коммерческого института.

Ушаков поначалу тоже причислял себя к радикалам. Царя и царские порядки ненавидел и верил, что рано или поздно этой власти не станет. Но в отличие от таких, как Сергей Шлихтер, Ушаков имел самое смутное понятие о том, что же дальше — когда не будет царя.

На фронте Ушаков служил братом милосердия недолго. Он стал разведчиком. Окончил школу прапорщиков, получил первые офицерские погоны. Был дважды ранен.

День 27 февраля 1917 года он встретил в Москве, в лазарете, в команде выздоравливающих.

— В Петрограде революция! — разнеслось по лазарету.

Тотчас стало известно, что неспокойно и на улицах Москвы.

— Все бегут к городской думе!

Побежал и Герман Ушаков. Оказался перед думой.

— Долой царя!

— Да здравствует свобода!

— Да здравствуют Советы рабочих и солдатских депутатов!

На Воскресенской и Красной площадях уже были тысячные толпы.

— Образовался Временный революционный комитет!

— Формируется Комитет общественных организаций!

— Идут выборы в Московский Совет рабочих депутатов!

У высокого подъезда думы Ушаков увидел трибуну. На ней — красный флаг. На трибуне стоял простецкий человек, в пиджачке, в очках:

— Граждане солдаты, Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков зовет вас переходить на сторону революции! Все в бой за свободу народа!

Несколько минут спустя тот же оратор повел группу рабочих и солдат в Спасские казармы:

— Да здравствует революция рабочих и солдат!

Прапорщик Ушаков раздумывал недолго:

«...Я оказался едва ли не первым офицером, пошедшим за революцией. Не будучи оратором, я тоже выступил с подмостков думского крыльца. Призывал немедленно вооружаться... Всех желающих просил сейчас же примкнуть ко мне и организовать отряд. Откликнулось немало. Их увел в думу...

...Две задачи стояли на очереди: организовать военный штаб и собрать силы, чтобы отстоять здание думы от нападений жандармов, думы, где уже образовался Совет рабочих депутатов. Оттуда для связи к нам делегировали Никитина*. Совет снабдил меня всеми полномочиями командования...

До вечера борьба казалась нетрудной. К ночи малодушные удрали. Нас осталась в думе всего лишь малая горстка... С темнотой жандармские патрули кольцом окружили думу. Пришлось весь свой штаб рассыпать в цепь. Из Совета присылали отчаянные призывы держаться. Я задумал вылазку в ближайшую артиллерийскую бригаду. На автомобиле прорвался через кольцо жандармов. Поднял солдат в казарме. От имени Революционного комитета потребовал от офицеров немедленно повести солдат к думе... Разгромили артиллерийский склад, нагрузили автомобили карабинами. Прорвались обратно к думе. Думу отстояли.

* По-видимому, имеется в виду А. М. Никитин, меньшевик, один из членов московского Временного революционного комитета, затем председатель Московского Совета рабочих депутатов, с конца сентября — министр Временного правительства.

С началом дня восстание стремительно разрасталось. Полк за полком примыкал к революции... Из начальника партизанского отряда я вдруг сделался командующим войсками...»

28 февраля московские рабочие и солдаты захватили Арсенал и другие склады оружия, овладели телефоном и телеграфом, разгромили полицейские участки, охранное отделение. К думе подошли первые солдатские роты. В строю. С оружием. На защиту революции.

Но командование войсками Московского округа еще оставалось в руках царского генерала Мрозовского. В ночь на 1 марта Мрозовский объявил Москву на осадном положении, запретил всякие «сходбища и собрания» и вывел на улицы верные ему отряды войск. Перед Историческим музеем, вблизи думы, у манежа, в Охотном ряду, в других местах, примыкающих к центру города, появились пешие и конные полицейские жандармские отряды.

«...На заседании Революционного комитета было заявлено, что, пока не арестован Мрозовский, над завоеваниями революции висит смертельная угроза...

Следующей ночью, забрав две роты юнкеров, я хитростью проник во дворец Мрозовского, заявив о своей верности. Так накрыл врасплох и генерала и сотню защищавших его казаков. Этим арестом кончилась непосредственная опасность для революции в Москве...

Претендентов на командование сразу явилось множество. Я же свалился от истощения и усталости...»

Имя прапорщика Ушакова сделалось известным всей Москве.

Пока шли бои, Ушаков знал одно: против царя! За революцию! И он воевал.

Как и в Петрограде, победа Февраля в Москве была добыта мужеством и кровью рабочих и солдат с их авангардом — партией большевиков. Но победой воспользовались не те, кто совершал революцию. Биржевики, купцы, фабриканты, заводчики образовали Комитет общественных организаций и взяли власть в Москве в свои руки. Во главе комитета стал кадет Кишкин — в будущем один из министров правительства Керенского, «диктатор» Петрограда в канун Октября.

На улицах еще продолжались бои с жандармами и отрядами войск генерала Мрозовского, а комитет Кишкина уже поспешил назначить нового командующего округом — подмосковного помещика, председателя губернской земской управы полковника в отставке Грузинова. Тот в качестве командующего, «выдвинутого революцией», встречал подходившие к Воскресенской площади части гарнизона и распоряжался их расстановкой вокруг думы.

Временный революционный комитет уже днем 1 марта, вскоре после ареста Мрозовского, сдал свои полномочия Московскому Совету рабочих депутатов. Все были опьянены победой.

Во время заседания общегородского Комитета (общественных организаций), после доклада полковника А. Е. Грузинова о положении дел, представитель одной общественной организации предложил провозгласить в честь нового командующего войсками «ура». Раздалось «ура». Полковнику Грузинову окружавшие его молодые адъютанты козырнули.

Когда клики умолкли, поднялся один из организаторов движения и сказал:

— ...Необходимо теперь же отдать должное другому офицеру, который до появления полк. Грузинова вынес на своих плечах всю тяжесть военной охраны Революционного комитета... Были попытки вооруженной силой рассеять народ и воздействовать на солдат. Прапорщик Ушаков сумел ликвидировать все эти попытки. Городовые и жандармы обезоруживались... Я предлагаю провозгласить в честь прапорщика «ура».

Снова раздается «ура»...

Поднимается полковник Грузинов, рядом с ним прапорщик.

— Я также считаю необходимым, — говорит Грузинов, — засвидетельствовать выдающиеся заслуги прапорщика Ушакова, охотно отдаю ему пальму первенства и прошу разрешения здесь, в присутствии вашем, расцеловать моего молодого помощника...

(Из газет)

4 марта на Красной площади выстроились войска. Полки пришли с оркестрами, при развернутых знаменах. Реяли и красные флаги. Один из них был вверен Минину и Пожарскому. У подножия памятника, укрощая нетерпеливого аргамака, все норовившего встать на дыбы, возвышался полковник Грузинов. С красной лентой в петлице шинели. Рядом с командующим, тоже на коне, был его адъютант прапорщик Ушаков. Тоже с красным бантом. Красные ленты были в петлицах солдат и офицеров, стоявших в строю. Красные ленты были на пушках, на ружьях, на штыках,

на сбруе лошадей. На шляпках и в петлицах штатских, толпы которых образовали пестрое обрамление площади.

В строю стояли ополченские дружины со старыми зелеными знаменами: «За веру, царя и отечество». Но и здесь нашлось место красному. Слово «царя» было зашито. Красной лентой. По зеленому знамени.

У памятника Минину и Пожарскому московские архиереи отслужили благодарственное господу богу молебствие в честь победы. И как только стихла молитва, разнеслось не «Боже, царя храни», а команда:

— Оркестры! «Коль славен...»

Застыли обнаженные головы.

Из-за куполов Кремля возник гул. Прилетел аэроплан. Он снизился над площадью, сбросив перед памятником букет красных тюльпанов. На красной ленте:

Гражданину командующему

Ушаков, пришпорив коня, кинулся за тюльпанами. Он изогнулся, поднял букет и, держа его в вытянутой руке, снова поскакал по площади. Красные тюльпаны «гражданину командующему» (помещику, поставленному командовать войсками в интересах помещиков, биржевиков, заводчиков!).

Началось шествие войск. Грузинов все укрощал своего аргамака. Ушаков, хмельной, как может быть хмельным двадцатилетний прапорщик — от торжества, от всего того, что разом сделало его, вчера еще безвестного, столь заметной фигурой Москвы, — тоже принимал парад. Рядом с Грузиновым.

Примерно около недели после 1 марта Грузинов, ставя свою подпись под приказами войскам округа, требовал, чтобы рядом была подпись Ушакова, героя-прапорщика, его адъютанта. Грузинову это нужно было для тех же целей, что и публичное целование прапорщика (о чем немедленно сообщили московские газеты); что и красные флаги, красные банты и красные тюльпаны. Чтобы ослепить глаза тех солдат, которые первыми последовали примеру питерцев, первыми с оружием подошли к городской думе.

Спустя неделю подпись прапорщика под приказами исчезла. Ушаков стал третьим адъютантом Грузинова... Генерал Мрозовский, арестованный в ночь на

1 марта, недолго содержался под арестом. По постановлению Комитета общественных организаций, по приказу Грузинова генерала Мрозовского привезли домой и сказали: «Лучше, если вы не будете появляться на улицах».

В Московском гарнизоне уже в первые дни после революции стал создаваться Совет солдатских депутатов (в отличие от Петрограда, где был создан объединенный Совет рабочих и солдат). Грузинов сделал все, чтобы воспротивиться образованию солдатского Совета. Он издал приказ выбирать представителей армии — офицеров и нижних чинов — в Комитет общественных организаций. Хотите говорить — идите к Кишкину. Но солдатский Совет был создан!

Новый конфликт разыгрался в июне. Грузинов взял под защиту офицера, «водворявшего порядок» методами царских жандармов. По солдатским казармам прокатилась волна возмущения. Чтобы предотвратить взрыв, власти решились принести Грузинова в жертву и призвали нового командующего.

Но дело было не только в Грузинове! В штабе округа было полно офицеров, служивших при Мрозовском. И опять командовали его помощники-генералы! Солдат это возмущало.

Власти и на сей раз реагировали: они изгнали из штаба округа не единомышленников генерала Мрозовского, а тех офицеров, которые пришли туда в дни Февральской революции. Считалось — именно от них исходит смута.

В числе опальных оказался и Ушаков.

Офицеры, душесогласные с Мрозовским, давно искали случая освободиться от прапорщика, служившего живым напоминанием о крутых изломах Февраля. И они это сделали при первой возможности. Ушакова отправили на фронт, в окопы.

Будущее, однако, показало, что и друзья Мрозовского, и февральские победители переоценили революционность прапорщика.

Герман Ушаков пришел в ряды эсеровского офицерства. Он пришел туда, где были представлены «верхи» деревни. Где были осьминины и онипки. Где были сыны лавочников, чиновников, ремесленников.

Дальше произошло то, что случилось со многими молодыми офицерами его круга.

...Карпаты, окопы, политическое захолустье. Центры революции — Питер, Москва — за тысячи верст. А здесь, в окопах вдоль карпатских вершин, — лишь невидимая, хотя порой и яростная, борьба.

Солдаты и офицеры — большевики несли к фронтовикам правду о происходящем, звали по Марксу, по Ленину решать сложные вопросы бытия России. Но пока у власти оставался эсер Керенский, раздолье было для эсеровских и меньшевистских агитаторов.

Позже, когда партия пролетариев стала правящей, в ход были пущены отравленные стрелы: «Россия гибнет из-за большевиков», «Россия при власти большевистских Советов — уже покойник».

В распространении такой гнусности особое старание выказывал пресловутый «Набат».

Реформы рабоче-крестьянской революционной власти «Набат» истолковывал и преподносил так, чтобы возбуждать против этой власти всех и вся.

«ВСЕ ЧИНЫ И ЗВАНИЯ ОТ ЕФРЕЙТОРА ДО ГЕНЕРАЛА УПРАЗДНЯЮТСЯ!

ВСЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ОФИЦЕРОВ ОТМЕНЯЮТСЯ!»

«ОТМЕНЯЮТСЯ... УПРАЗДНЯЮТСЯ...»

Это подавалось так, чтобы задеть за самое живое тех молодых людей из средних слоев общества, которые с трудом, на фронте, дослужились до офицерских званий.

«Набат» намеренно умалчивал о том, для чего новая власть отменяла воинские чины. Намеренно скрывал главное: демократизация была первым требованием подавляющей части армии — миллионов солдат, которые больше не могли мириться с тем, что в царской, а затем и в «республиканской» армии Керенского солдата не считали за человека; что генерал и офицер мог безнаказанно измываться над нижним чином. Теперь за ним признавали права человека и гражданина.

«ДЕКРЕТ ОБ ОТМЕНЕ ПРАВА НАСЛЕДОВАНИЯ...»

«ДЕКРЕТ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ БАНКОВ, ЗАВОДОВ, РУДНИКОВ...»

И об этом «Набат» колоколил так, чтобы создать впечатление, будто большевики намерены добраться до последней мужицкой скотины.

«...Беру с полки атлас, раскрываю карту Европы, с беспредельной тоской всматриваюсь в милое знакомое лицо дорогого покойника, безвременно потерянного. Все это было м о е. И все это я п о т е р я л»...

Это тоже из писаний эсеровских газет, раздумья, так сказать, вслух. Тут задевались струны иного рода... Была Россия от Владивостока до Варшавы, от Балтики до Черного моря. А теперь? «Один лоскут — от Пскова до Саратова». И кто виноват? Большевики! Они разложили армию, а гибель армии — гибель защитников России, вот и урезает карту России каждый, кто хочет.

Разобраться в сложностях того, что досталось революционной власти от старой России, понять то, что пробудила революция в народах бывших российских колоний и полуколоний; уяснить, что Дон откалывается вовсе не по вине большевиков, а потому, что там поднял мятеж Каледин и кадеты; что дорогу на Сибирь перерезал атаман Дутов; что гибнет только старая армия, революция создает новую, которая будет защищать новое Отечество, — разобраться во всем этом сыны деревенских священников или городских лавочников, двадцатилетние прапорщики или подпоручики, оторванные от центров революции, большей частью не могли. И, разгоряченные эсеровскими писаниями, молодые офицеры, вроде Ушакова, судившие обо всем только по кривому зеркалу «Набата», начинали подумывать: а не помчаться ли в столицу, чтобы «спасать Россию»?

В Октябрьские дни Ушаков в самом деле примчался в Петроград. В «Комитет спасения». Он оказался рядом с Осьмининым и Мартьяновым, рядом с теми, кто ими предводительствовал.

...А писания «Набата» уже не только дразнили, но и прямо провоцировали:

НУЖНО НАСТУПАТЬ!

В то время как в лагере большевиков активность достигает наивысшего предела, в другом лагере нет и десятой доли ее. ...Неужели избирательный бюллетень стал единственным способом борьбы? Неужели он убил ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ методы проявления энергии?

НУЖНО НАСТУПАТЬ!

Кто хочет победить, должен уметь нападать!
Кто хочет победить, должен уметь погибать!

Это подстрекало прежде всего таких, как Герман Ушаков.

Он жил теперь в Москве.

В начале декабря Ушаков получил письмо из Петрограда. Писал ему «старый товарищ по институту, с которым вместе пошел на войну и служил некоторое время в одном отряде, — Н. Мартьянов». Тот просил «приехать по важному делу», обещая, что в Петрограде Ушаков будет обеспечен всем.

Ушаков, к этому времени уже подпоручик, отправился в столицу.

«Мартьянова я нашел в каком-то переулке, в обществе незнакомых мне людей. Тут был какой-то техник, какой-то флотский офицер. Компания приняла меня с почетом... У компании были большие деньги, об источниках которых мне не говорили», — показывал впоследствии Ушаков.

Но кроме лиц незнакомых подпоручик увидел в том переулке и бывших однополчан, и товарищей по Коммерческому институту. Появился и Михаил Некрасов, которого Ушаков знал через его старшего брата — попечителя Сибирского отряда.

12

15 декабря, то ли по телефону, то ли при личной встрече, председатель ВЧК Дзержинский получил информацию от Сталина, члена ЦК партии, народного комиссара по делам национальностей.

Дзержинский записал об этом так:

ДОНЕСЕНИЯ ЛИЦ, ЗА ПРАВИЛЬНОСТЬ КОТОРЫХ РУЧАЕТСЯ СТАЛИН

Георгневский батальон — Мойка, 20 (прндворная Капелла) — н Комнтет увечных вопнов выдают запнскн на полученне денег н ннструкцнн для проезда на Дон к Каледнну: солдату — 200 рублей, офнцеру — 2000 рублей, юнкеру — 400 рублей. Из сумм, получаемых от Францин и Англнн через петроградские банки. Деньгн выдают офицеры:

1) Штабс-капнтан Веревкнн,
   Нижегородская, 7
2) Капитан Межннскнй,
   Угол Каменностровского и Большого, 33, кв. 7.

Что из Петрограда и армий Северного фронта на юг, к Каледину, под разными предлогами уезжают переодетые офицеры и юнкера — не было новостью для ВЧК. Но кто вербует, кто снабжает деньгами уезжающих военных? Это оставалось тайной. Как тайной было и то, что по чьему-то указу с каждым днем все возрастал приток в Петроград фронтового офицерства. Дзержинский и Бонч-Бруевич рассылали по городу все больше патрулей, все больше негласных разведчиков — выведать, кто и зачем сзывает этих военных в столицу. Но все оказывалось безуспешным. Даже самые подозрительные лица предъявляли документы исправные: «в отпуске», «по делам службы», «находится на излечении»...

Адреса, данные Сталиным, были немедленно проверены. Но оказалось, что ни штабс-капитан Веревкин, ни капитан Межинский к формированию калединских отрядов никакого отношения не имеют. Феликс Эдмундович, допросивший капитана Межинского, убедился в этом лично.

Оставался третий адрес: Мойка, 20.

Еще 5 декабря Военно-революционный комитет посылал в Певческую капеллу, где размещался Пятигорский батальон смерти, одного из своих комиссаров, чтобы произвести обыск и все подозрительные документы препроводить в ВРК. Но тот обыск никаких результатов не дал. 15 декабря на Мойку, 20, отправились чекисты. Кого они теперь там застали, вызвало ли подозрение то, что они там увидели, сказать трудно. Свидетельств на этот счет не сохранилось. Вероятнее всего, возвратившись на Гороховую, 2, чекисты доложили, что ничего подозрительного не замечено.

Так что же, и третий адрес оказался неверным?

Нет, адрес был точный. Это подтвердилось впоследствии. Но 15 декабря на Мойку, 20, приходили люди еще неопытные. Загляни они тогда в бумаги Комитета увечных воинов, наверняка обратили бы внимание на записи казначея об исчезновении командира Пятигорского батальона смерти. И о том, что исчезли другие офицеры, среди них штаб-ротмистр Стуканцев. Тот Стуканцев, который уже сидел в Петропавловской крепости и давал показания, что он ни в чем не виноват... Заглянули бы чекисты в Комитет

добровольческой армии, присмотрелись бы, к примеру, зачем приходит туда присяжный поверенный Сомов, как много узнали бы и предотвратили красные контрразведчики. Но, увы, ВЧК, только что сформированная, еще не имела достаточно опытных работников. Были только новички. А против них — враги опытные, ученые да слитно спаянные...

13

На Петроград лег такой туман, что в трех шагах не было видно ни прохожего, ни проезжего. Трамваи ползли, словно наощупь, сигналя звонками и фарами. Извозчики не столько погоняли лошадей, сколько окликали прохожих, которые и без того боязливо пересекали улицы. Тротуары и мостовые обледенели.

У клуба Вольного экономического общества на углу Забалканского проспекта и 4-й Роты часов с шести вечера 18 декабря собрались студенты, барышни, юнкера. Они встречали делегатов городской конференции «Союза защиты Учредительного собрания».

— Пожалуйста, сюда, осторожней, — слышалось в темноте.

Делегатов провожали до самого подъезда клуба, светившегося вдали, за оградой сквера.

У дверей при входе, и на лестницах, и в зале стояли молодые люди с белыми повязками на рукавах, со славянской вязью «С. З. У. С.» («Союз защиты Учредительного собрания»).

В зале собралось человек полтораста. Среди них были люди с Литейного, 21, и Большой Болотной, 2а, и Литейного, 46...

Председательствовал рабочий — эсеровский боевик. Это имело тот же смысл, что и красные знамена в рядах демонстрантов, которые 28 ноября шли за Шрейдером к Таврическому.

На повестке дня — «организация общественных и политических сил для скорейшего созыва Учредительного собрания».

Докладчиком был господин серьезный, в пенсне, с огромными насупленными бровями. Начал он изда-

лека — о демократии вообще, в России в частности. Потом перешёл к событиям 28—29 ноября, призывая ни в коем случае не повторять ошибок тех дней, убеждая, что не должно быть никаких иллюзий, — только силой можно вырвать власть у большевиков.

Тишина в зале нарушилась неожиданно. В дверях показались латышские стрелки. Их привел чекист Степан Щукин. Он подошел к сцене и, сославшись на ордер, подписанный председателем ВЧК Дзержинским, объявил, что в зале находятся лица, подлежащие аресту. А потому просьба ко всем без исключения назвать себя.

Не успел Щукин объявить, зачем пришел, как из президиума, из зала понеслись провокационные выкрики. Но не таков был чекист, чтобы это смутило его.

Степан Щукин принадлежал к редким самородкам Великой Революции. Солдат-большевик, когда-то тайком читавший Маркса и Ленина, довершивший свое образование в окопах первой мировой войны, Щукин в дни Октября разом стал одной из заметных фигур Западного фронта: членом фронтового исполкома, комиссаром военно-революционного комитета при штабе фронта. Ему довелось быть и дипломатом — в двадцатых числах ноября возглавлял делегацию Западного фронта на переговорах о перемирии с германскими армиями, действовавшими в Белоруссии... Крылатое слово было всегдашним оружием Степана Щукина — и тогда, когда он выступал на важном заседании в Минске, и на полковом митинге, и на страницах солдатской газеты. Что бы он ни делал, во всем проявлялся и твердый характер его, и кристальная честность революционера. Именно это привело Щукина в Петроград, на Гороховую, 2, в «армию Дзержинского». (Кстати, ревкомовцами Западного фронта были и Ксенофонтов и Полукаров, также ставшие затем ближайшими помощниками Дзержинского.)

...Щукин, улыбнувшись, выждал, сказал:

— Спокойно, граждане! Не все сразу. Если кто не слышал, повторяю: тут есть лица, посягнувшие на законы Республики. Эти лица подлежат задержанию.

Председательствующий позвонил в колокольчик:

— Гражданина из ВЧК, как не имеющего отношения к данному собранию, предлагаю игнорировать. Докладчика прошу продолжать.

Докладчик теперь обрушился на ВЧК, на Смольный, на тех, кто «пришел мешать свободным гражданам высказываться в защиту демократии».

Щукин уже хотел уйти. Он понял, что без подкрепления ему не обойтись. Но тут заметил, что в зале по рядам сидящих пошла какая-то записка. Решил подождать. Может, кто-то все-таки понял, что осложнять не следует. Минута, вторая, пятая... Вот записка достигла президиума, вот передана она человеку близорукому, сутулому и волосатому. Тот, прочтя, порывисто перебил оратора и, ткнув пальцем в сторону Щукина, обратился к нему... Знает ли он, кого пришел арестовывать? Вот результат опроса только шестидесяти членов собрания. Они просидели в царских тюрьмах в общей сложности 535 лет! Устрашит ли их новая тюрьма? На что рассчитывает комиссар Дзержинский?

Щукин опять улыбнулся и опять прозвучало:

— Спокойно, граждане... Отвечу...

Он снял кожаное кепи и, не поднимаясь на помост, только повернувшись вполоборота к президиуму и к залу, заговорил... Митинговать времени у него нет. А насчет тюремного стажа гражданин из президиума зря старался. Если бы собрать шестьдесят большевиков, то выкладка была бы не меньшая. Царская охранка за большевизм давала особую прибавку. Это всем известно. Но не в том сейчас суть. Тюремный стаж не беспаспортная виза до последней станции революции! Революция продолжается... Он закончил тем, что повторил требование: каждому назвать себя.

И снова зал и президиум ответили гулом протеста. Осмелевшие юнкера с повязками «С. З. У. С.», точно свечки, встали по четырем углам зала.

Щукин вышел в коридор и из служебной комнаты позвонил на Гороховую, 2.

...Документ, с которым чекист прибыл в зал Вольного экономического общества, гласил:

Всероссийская
Чрезвычайная
комиссия по борьбе
с контрреволюцией
и саботажем
при
Совете Народных
Комиссаров

18 декабря 1917 г.
№ 112
г. Петроград, Гороховая, 2

ОРДЕР

Подлежат немедленному задержанию по сему ордеру: И. Г. Церетели, В. М. Чернов, Ф. И. Дан (Гурвич), Л. М. Брамсон, М. И. Скобелев, А. Р. Гоц, В. Н. Розанов, М. Бинасик, Г. Венгеров, В. В. Ивановский, П. Гамбаров, В. Герман-Каменский, которые предаются Военно-революционному Трибуналу.

Председатель Ф. Дзержинский.
Секретарь И. Ксенофонтов.

О сборище на Забалканском проспекте чекисты узнали вовремя. Феликс Эдмундович доложил Совету Народных Комиссаров. Вскоре Дзержинский подписал ордер, приведенный выше.

Была строжайшая, логикой борьбы подсказанная закономерность, последовательность, с какой революция парировала удары контрреволюции. Первый пришелся по крайне правым силам антинародного фронта — по монархистам Пуришкевича, по кадетам! По калединцам, по корниловцам!

Жизнь требовала нанести удар и по второму эшелону контрреволюции — «Комитету спасения», ЦИК первого созыва, по лидерам «Союза защиты Учредительного собрания».

Накануне чекисты сделали почин: в ночь на 17 ноября они арестовали Николая Авксентьева. Несколько дней спустя «Известия» в связи с этим писали: «Авксентьев арестован... за организацию контрреволюционного заговора, за устройство бунта юнкеров [29 октября] против рабочих и солдат, за вооруженное восстание против народной революции. За те же самые деяния постановлено арестовать Гоца».

После ноябрьского вояжа к Духонину Авксентьев вместе с Черновым, вместе со скрывающимся Гоцем готовил новый фронт мятежа против революции — теперь под флагом защиты Учредительного собрания.

В списке, с которым Степан Щукин приехал в клуб Вольного экономического общества, были ближайшие партийные сотоварищи Авксентьева — бывшие мини-

стры, лидеры «социалистических» партий, их адвокаты и публицисты. Они сотрудничали с белогвардейским офицерством, формировали подпольные антисоветские центры и группы. (Правда, были в том списке и лица меньшего ранга. И такие, которые вскоре опомнились и вовсе отошли от политики. Но тогда все они находились в антисоветском строю, и спрос с них был одинаковый.)

Решение об аресте перечисленных в ордере лиц было принято на заседании Совета Народных Комиссаров с участием Ленина вечером 18 декабря.

...По вызову Щукина в клуб на Забалканском проспекте прибыли матросы. Получив подкрепление, чекист хотел окружить клуб и заставить находящихся там лиц не только назвать себя, но и выдать тех, кто упомянут в ордере на арест.

Щукин только начал свое дело, как в зале появились наркомы Штейнберг и Карелин: первый — нарком юстиции, второй — нарком государственных имуществ, оба левые эсеры. Прибытие Штейнберга можно было как-то объяснить: пожелал собственной персоной увидеть, как соблюдается законность. А Карелин? Приехал проверить, на месте ли стены реквизированного клуба?

Причина их приезда обнаружилась скоро.

— Что здесь происходит? — строго спросил Штейнберг, обратившись к Щукину. — Я нарком юстиции. Извольте предъявить ваши полномочия.

Все это происходило в зале, на виду у всего собрания. Щукин показал мандат и ордер, подписанный Дзержинским. Штейнберг, высокий, худощавый, порывистый, менее всего похожий на юриста из канцелярии, взглянул влево, вправо, в президиум:

— Товарищ, здесь нет тех лиц, которые названы в ордере... Нет оснований задерживать и других... Вы можете идти...

Говорил народный комиссар. Он приказывал как член правительства. Чекист был вынужден подчиниться.

Оба наркома прошли в президиум. На обороте ордера они написали: «Всех лиц, задержанных на собрании в Вольном экономическом обществе 18. XII, освободить...» И поставили свои подписи, выдав личное распоряжение за постановление Совета Народных

Комиссаров. После этого передали чекистский документ председателю собрания.

(Лица, названные в ордере, той же ночью скрылись. А эсеровская печать использовала чекистский документ для политических спекуляций.)

Около полуночи Щукин, латышские стрелки и матросы покинули клуб на Забалканском.

Утром Дзержинский доложил правительству о самоуправстве левоэсеровских наркомов, сорвавших важную акцию борьбы с контрреволюцией. Дзержинский негодовал... Кто дал право наркому юстиции отменять постановления ВЧК?! Комиссия подчинена правительству, а не кому-либо из лиц, входящих в состав Совнаркома! Дзержинский требовал, чтобы это стало законом.

Владимир Ильич Ленин поддержал Дзержинского. Совнарком принял резолюцию, подписанную Владимиром Ильичем: «...какие бы то ни было изменения постановления комиссии Дзержинского... допустимы только путем обжалования этих постановлений в Совет Народных Комиссаров, а никоим образом не единоличными распоряжениями Комиссара Юстиции». Распоряжение Штейнберга и Карелина об освобождении арестованных ночью 18—19 декабря «было и формально и по существу дела неправомерным, так как противоречило не только правам комиссии Дзержинского, но и прямому решению Совета Народных Комиссаров, принятому вечером 18. XII, о задержании арестованных для выяснения личностей.

14

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ОБ ОТКРЫТИИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

...Ввиду того, что сейчас... можно более или менее определить момент, когда по миновании рождественских праздников может собраться установленный кворум, —

Совет Народных Комиссаров назначает сроком открытия Учредительного Собрания 5 января, при наличии установленного кворума из 400 человек.

Совет Народных Комиссаров

20 декабря [1917 г.]

15

С 22 декабря над Петроградом метался, шумел и кружил снежный буран. Он был такой силы, что останавливались трамваи, в снегу застревали автомобили.

Это была петроградская рождественская метель.

Подпоручик Герман Ушаков жил теперь в доме Некрасовых на Забалканском проспекте, в небольшой комнатке рядом со столовой.

Он вставал, завтракал и уходил. Сначала в переулок, где на конспиративной квартире (ее называли «предбанником») обитала «компания с большими деньгами», затем — в город.

...Фонтанка. Цирк Чинизелли. Митинг. Обледеневшие, в клубах серебряного пара двери. Входят люди в шинелях, в касторовых пальто на енотовом меху, в романовских полушубках. Все сгорбленные, — ветер! Воротники подняты... Идут из любопытства, идут как на рынок: поглазеть, прицениться, какие нынче идейки в моде. Выходят распаренные, краснолицые, удивленные. А иные почесывают затылок: ну и ну, попробуй перевари услышанное!

Ушаков, высокий, худой, с большими, глубоко запавшими глазами, отвисшей губой, стоит, прислонившись к стене, присматривается к сидящим, прислушивается, что говорят с трибуны и о чем толкуют на скамьях публики.

Здесь, в зале, большинство не таких, что встретились при входе. Здесь сидят пришедшие к сроку, здесь сидят до конца. До голосования — «за» или «против». Здесь вскакивают с мест, когда негодуют или одобряют.

На трибуне средних лет господин, стриженный под «бобрик» («по-керенски»). Голос солидный, манеры привычно ораторские:

— Сейчас, когда в стране никакой организованной власти нет...

— Как нет? Есть власть — мы власть!

Но и этих перебивают:

— Захватчики, а не власть!

— Власть, волей народа установленная!

— Долой!

Председательский колокольчик звенит над столом. Потом в высоко поднятой руке. Потом над головами.

Звенит рассерженно, долго. Сердится и сам председатель:

— Если так будет продолжаться, вынужден буду сложить с себя полномочия! Я призываю к порядку!

Снова оратор с трибуны:

— ...Когда единственно законная и организованная власть может быть создана только Учредительным собранием...

— Вон! Не смущать учредилкой!

Топот. Свист. Выкрики: «Калединский холуй!» — и против: «Гражданин председатель, научите их слушать. Не хотят — пусть уходят». — «Кому уходить? Нам уходить? Уйдете вы!»

— Граждане, это невозможно... Я отказываюсь...

Снова рассерженный колокольчик. Опять долго, на вытянутой руке.

— ...Когда вся вера России в Учредительное собрание, которое одно только может слить воедино все борющиеся отряды демократии...

Опять свист, выкрики: «Это с вами-то объединяться? Смойте сначала калединскую грязь!» И ответное: «Невежество! До чего мы дожили... Да подлинно, не во граде ли Хамске мы?»

Ушаков, не дождавшись финала, уходит:

«Здесь *его* нет...»

Уходит, а в ушах звенит:

— «Вся вера России в Учредительное собрание».

— «Есть власть — мы власть!»

16

Господин, с которым Синебрюхова познакомили в «Селекте» на Лиговке, назвался присяжным поверенным Сомовым. Он был в модном сюртуке и сорочке с тугим стоячим воротником; белесый, белокожий, с вишнево-яркими, как у девицы, губами. Он производил впечатление человека беспечного, которому легко живется.

Сомов переспросил, точно ли перед ним тот подпоручик, который пребывает под покровительством комитета добровольческой армии? Синебрюхов подтвердил: да, правда. И тогда разговор пошел откровенный... Предстоит выступление против большевиков...

День созыва Учредительного собрания должен стать последним днем власти Советов. Людей, готовых выступить, наберется достаточно. Но их нужно собрать и повести в определенный момент. Подпоручик был командиром Пятигорского батальона смерти. Он наверняка сможет разыскать офицеров и солдат, которые служили под его началом. Ему помогут собрать и других людей. Сомов сказал, где те собранные должны быть, сколько денег дадут подпоручику для начала, сколько потом. Назначил время и место новой встречи здесь, в «Селекте». А если понадобится встретиться раньше, то Синебрюхов должен звонить по телефону такому-то, спросить госпожу Шеремет, а потом Анатолия.

Три дня спустя из Певческой капеллы на Мойке, 20, ушло в «неизвестном направлении» несколько офицеров и солдат — «увечных». А потом еще. И еще... Синебрюхов стал разыскивать своих бывших пятигорцев в Преображенском полку, в Семеновском, в огнеметном батальоне...

В те дни Синебрюхов встретил на Невском бывшего сослуживца — солдата Герасимова. Вместе они были на фронте, потом вместе оказались на Мойке, 20.

Герасимов, не желая, видно, встречи с подпоручиком, пошел стороной. Но Синебрюхов поспешил окликнуть:

— Ты что ж, братец, не узнаешь? Иль возгордился?

Солдат неохотно козырнул.

— Герасимов, если не ошибаюсь?

— Так точно, Герасимов.

Подпоручик отозвал солдата в сторону, вынул из кармана деревянный фронтовой портсигар, раскрыл его, предложил папиросу. Герасимов принял. Оба закурили.

— Где ж теперь служишь? — осведомился Синебрюхов.

— В Преображенском...

Синебрюхов заинтересовался еще более, стал расспрашивать, не видел ли Герасимов в том полку других пятигорцев.

— Да вроде кто-то есть, — безучастно отозвался солдат.

— Макарьев там, Адамович... Неужели не встречал?

Дни, проведенные в Пятигорском батальоне, Герасимов теперь вспоминал неохотно. Понял, для какой цели предназначался тот батальон, что означали черепа на черном бархате.

А Синебрюхов все о своем. И как бы между прочим:

— Слыхал, — «ударные» заново формируют? Солдатам — по двенадцать целковых суточных, новое обмундирование наподобие американского, довольствие против теперешней нормы двойное.

Но Герасимов и теперь не выказал заинтересованности.

— Если б предложили, пошел? — вдруг спросил Синебрюхов.

Герасимов в нерешительности переступил с ноги на ногу, незаметно взглянул на офицера, но с ответом медлил.

— Коль раздумываешь — считай, что разговора между нами не было. — Синебрюхов хотел идти.

— А как вас разыскать, если надумаю? — спросил Герасимов.

— Меня зачем же искать? Не я этим занимаюсь.— Нерешительность Герасимова, видимо, насторожила подпоручика. — Спроси в Преображенском Адамовича. Говорят, он что-то знает.

Вскоре встреча эта забылась. Во всяком случае, Синебрюховым. Но оказалось, что она получила продолжение. Необычайное. Обнаружилось это, правда, позже...

17

На Галерной улице, близ Невы, в каменном лабиринте казенных домов, — «гарнизонное совещание». Негласное. Ибо узнай революционный гарнизон столицы об этом сборище, не усидеть бы здесь никому ни минуты.

Собралось человек пятьдесят — военных и штатских. За столом на виду — присяжный поверенный Анатолий Сомов, член бюро «Союза защиты Учредительного собрания». Рядом с ним Онипко и Семенов.

Здесь Сомов уже не в сюртуке, а в военном кителе и галифе. Он краток и почти по-военному распорядителен.

— Главный вопрос, который интересует сейчас руководство «Союза защиты Учредительного собрания», — на какие силы можно рассчитывать?

Сомов просит ответов ясных и откровенных.

— Пятый броневой выступит! — запальчиво говорит комиссар дивизиона, узколицый человек в черной кожаной тужурке, черных кожаных галифе и черных сапогах. Он говорит громко, категорично, но во всем этом больше фразы, чем веры, что так и будет.

— Семеновцы пойдут, если выступят броневики. — Это доклад члена полкового комитета, немолодого солдата с прилизанным черным проборчиком, с университетским синим крестиком в белом ромбе на кармане гимнастерки — видать, один из тех, кого Онипко и Семенов успели «внедрить» в Семеновский полк.

— Пойдут все? — переспрашивает Сомов.

— За всех не ручаемся. В полковом комитете заправляют большевики. Но мы работаем...

— Сколько примерно новых людей к вам прибыло? — спрашивает Онипко.

— Наших?

— Разумеется!

— Человек двести.

— И даже при этом у вас нет уверенности?

— В полку больше трех тысяч солдат и офицеров, а наших и трех сотен не наберется.

— Пришлем агитаторов...

Слово получает представитель Преображенского полка:

— Выступим, если дело пойдет наверняка. А зря голову никто подставлять не будет.

От имени преображенцев говорит полковой писарь, казарменный старожил (у него с дооктябрьских дней ефрейторская лычка на красном погоне и красные канты на рукаве).

Онипко встречает этот доклад с иронией, с колкостью, с плохо скрытой рассерженностью:

— «Выступим, если наверняка»... Да разве это постановка вопроса? С такой решимостью только в баню ходить, да и то, если одно место парить... Передайте

полковому комитету, что нужны солдаты, а не кисейные барышни.

Ефрейтор, краснея, отвечает:

— Я докладываю от имени тех, кто в полковом комитете не представлен...

— Ни один не представлен?

— Так точно.

— Так о чем же говорить?! — восклицает Онипко и, насупив брови, опускает голову.

Выступают штатские. Именуют себя представителями заводов. Стараются создать впечатление, будто у них положение лучше, докладывают, что создано столько-то «пятерок» за Невской заставой, на Васильевском острове, на Петроградской стороне.

— Сколько выступит твердо? — Онипко ставит вопрос в упор.

Представители называют цифры. И получается, что на весь Питер наберется лишь до сотни боевиков, нужных Сомову, Онипко, Семенову, а через них — Авксентьеву, Чайковскому, Чернову...

И снова Онипко в гневе:

— Какое же это движение? Заговор одиночек, и только!

Сомов не столь категоричен. Он сглаживает острые углы. Он не ругает, а призывает. Он выражает надежду... Ещё есть время. И, создав впечатление, что не все так уж плохо, вносит предложение избрать исполнительное бюро «гарнизонного совещания». Сомову важно представить дело так, что все делается демократически, что все — по воле масс, хотя он, как и Онипко, втайне рассчитывает совсем на иные силы...

Бюро избирают в составе Федота Онипко, Григория Семенова, Анатолия Сомова, представителей бронедивизиона и Семеновского полка.

18

Поезд шел из Острова к Петрограду. Поезд битком набитый.

Ольга Салова, вдова, возвращалась домой. Везла она мясо. В корзине. Под полкой... Впереди была столица, а там — патрули. Фунтов десять—пятнадцать провезти не забота. А если в корзине пуда три?.. Хорошо бы под опеку военного передать.

Военный оказался совсем рядом, напротив. Лет ему было около тридцати пяти (как раз под стать Саловой) — высокий, худощавый, сдержанный. Погоны у него унтер-офицерские, но, видать, он из образованных. Разговорились и враз приглянулись друг другу... «Насчет корзины? Да велико ли, дамочка, дело?» Конечно, скажет, что его... Перед самым Питером военный спросил у соседки адресок. Салова назвала. Военный переспросил: «Это, кажется, рядом с Херсонской?» Салова подтвердила, что близко.

Теперь военный и себя назвал: Осьминин Александр Семенович, служит в Питере.

На вокзале все прошло гладко. Распрощались. Осьминин обещал зайти: тоска у него по домашнему теплу. «Чаек бы горячий, да из женской руки...»

Салова только приехала домой, едва успела раздеться — звонок. Он!

— А я думал, вы чужой адрес назвали... Простите, теперь вижу, мои подозрения были совершенно недостойны вас.

Хозяйка пригласила остаться, чайку попить. Но Осьминин отказался. Сказал, что зайдет в другой раз.

Когда образовался «Союз защиты Учредительного собрания», Осьминин скоро сделался своим человеком на Литейном, 21. Это люди Осьминина приходили в «Союз трудовой интеллигенции», исполняя роль дровоколов. Потом было сделано и другое. Под видом создания охраны Гостиного двора Союз георгиевцев сформировал несколько боевых дружин, также передав их в распоряжение Литейного, 21. В конце декабря Осьминин стал вызывать на Захарьевскую, 14, близких ему офицеров, инструктируя, что́ должны они будут делать в ближайшие дни... Между прочим, среди посетителей Осьминина в те дни оказался офицер, оставивший на Захарьевской, 14, визитную карточку:

Николай Александрович ШТЫРЕВ

Осьминин смекнул, что соседство Саловой, живущей невдалеке от дома Бонч-Бруевича по Херсонской улице, может пригодиться. Переговорив на Забалканском с Некрасовым и Зинкевичем, он стал еще больше обхаживать вдову. Зачастил с ней в кафе «Ампир»,

теперь находившееся в распоряжении Союза георгиевцев. А однажды, желая показать, чего он сто́ит, вручил возлюбленной брошюрку с дарственной надписью. На обложке значилось: «А. Осьминин. Что должно дать народу Учредительное собрание». Чтоб знала торговка, с кем имеет дело! Салова не осталась в долгу — преподнесла Осьминину золотой браслет для часов.

19

Незадолго до Нового года Анатолий Сомов сказал Синебрюхову, что он должен представить его человеку, который завтра в одиннадцать будет в «Бристоле» на Невском. Тот человек будет в светло-желтой шведской куртке с темно-коричневыми кожаными бортами и обшлагами такого же цвета, в брюках-галифе и сапогах-бутылках. Лицо бритое, усы жгутиком, цвета светло-желтого, как и его шведка. Вместе с господином будет дама-блондинка в черном платье, с гранатовым браслетом на руке. За столиком вместе с ними будут военные без погон.

— Подходите смело, как можно смелее. Улучив момент, скажите: «Красный Паук». Должен последовать ответ: «3-26-16». Все остальное скажет Красный Паук. Ясно?

— Так точно.

Назавтра в одиннадцать Синебрюхов пришел в «Бристоль». Еще издали он увидел человека в шведской кожанке и даму-блондинку в черном платье. И троих военных за тем же столом. Перед ними, склонившись, стоял официант, записывая приказания человека с усами жгутиком. Синебрюхов подождал, пока уйдет официант, потом решительно шагнул.

Бравый, подтянутый, во френче, подчеркивавшем гибкость красивой фигуры, Синебрюхов подошел к столу, щелкнул шпорами:

— Честь имею...

Рыжеусый в кожанке поднял глаза, поднес к губам салфетку, всмотрелся в лицо молодого офицера, по каким-то признакам удостоверился, что перед ним именно тот, кого он должен узнать, и, улыбнувшись, сказал:

— Викто́р?

Он произнес с ударением на «о».

— Так точно...

— Прошу, дорогой, прошу... И как я тебя сразу не узнал? Ну, рассказывай, как дела, где бывал?

— Пожалуйста, не сразу...

Синебрюхов вынул из кармана портсигар. Теперь это был уже золотой с именной монограммой. Предложил рыжеусому «Сафо», поднес зажигалку и тихо сказал:

— Красный Паук.

В ответ последовало:

— 3-26-16.

Завтракали. Говорили о пустяках. Громко. А Красный Паук тихо — Синебрюхову...

Подпоручик, наверное, заметил, что среди людей, направляемых в его распоряжение, преобладают лица, которые ранее служили в Смольном или поныне там работают. Не догадывается ли Синебрюхов, что это не случайно? Штатские политики и генералы, обсуждавшие вопрос о плане действий, пришли к заключению, что в операции по захвату Смольного главную роль должны сыграть «ударники» Синебрюхова. Еще не время говорить о деталях плана. Подпоручик узнает об этом в надлежащее время, но уже теперь он должен запомнить такой адрес: Английский проспект, 32, физическая лаборатория курсов Лесгафта. Подпоручик, видимо, читал в газетах, что «Союз защиты Учредительного собрания» пытался образовать вечерние образовательно-политические курсы в Кузнечном переулке, 9. Но помешали чекисты. Так вот... То, что не удалось в Кузнечном, создается на Английском проспекте, 32. Теперь это называется «Солдатским университетом». Туда приезжают нижние чины с фронта и резервных полков. Намечено собрать до 1200 человек. Пока прибыло около 250. Не все они знают, зачем вызваны. Но они пойдут, куда им прикажут...

Красный Паук дал знак гостям-военным, болтавшим с блондинкой, слушать его:

— Они прикажут. А ими командовать будете вы.

Он познакомил гостей с Синебрюховым и сказал, что отныне они должны подчиняться подпоручику. Военные, сидевшие за столиком, поклонились, давая понять, что приказ понят.

И снова — Синебрюхову... Своих людей подпоручик должен теперь сосредоточивать на Английском, 32.

Делать это осмотрительно, постепенно, как можно незаметнее. Сосредоточение закончить к утру 3 января... Вторая задача, которая стоит сейчас перед Синебрюховым, — форсировать разведку в Смольном. Иметь точный план расположения главных большевистских комитетов, охраны Смольного, постов, боевых средств... В дальнейшем все указания, как и деньги, подпоручик будет получать от присяжного поверенного Сомова. Но Синебрюхов должен запомнить и такую фамилию: полковник Ланцев. Его приказания обязательны для подпоручика.

Красный Паук, дама-блондинка, Синебрюхов и двое других офицеров пробыли в «Бристоле» около часа. Платил рыжеусый.

В тот же день Красный Паук обедал в «Вене» на Загородном проспекте, ужинал в «Пятерке» на Васильевском острове, а назавтра с утра оказался в «Селекте» на Лиговке. И всюду угощал друзей. И все это были военные. И все с надлежащими документами, не вызывавшими подозрения. То были военные «в отпуске», «на излечении», приехавшие в столицу «по делам службы»...

20

Катя Шавина, гимназистка седьмого класса, до недавних дней жила вместе с матерью и старшей сестрой на 8-й Рождественской.

Старшую сестру звали Елизаветой. Летом она работала в Таврическом, затем по чьей-то рекомендации поступила в Смольный, в главную регистратуру.

В конце декабря, вернувшись со службы и переговорив с матерью, Елизавета сказала сестре:

— На папиной квартире теперь будут жильцы. Трое молодых людей. Я прошу тебя, Катя, быть там.

Катя зарделась.

— Бояться их нечего. Это вполне симпатичные люди. Один — фельдшер, другой — студент, третий — демобилизованный офицер. Им негде жить. Меня попросили их устроить.

Младшая сестра, все еще пунцовая, сказала:

— Пусть живут, если тебе надо. А мне там делать нечего.

— Будешь убирать комнаты, ставить самовар.

Она намекнула, что время голодное, а еды у квартирантов будет на четверых.

— И пожалуйста, оставь свои принципы!

Катя переселилась на папину квартиру. Она помещалась на 5-й Рождественской, в доме № 10.

Молодые люди излишними просьбами Катю не обременяли. И вели себя вполне пристойно. Правда, фельдшер Кукин стал высказывать Кате внимание. Но с этим она скоро примирилась. Больше того, ухаживания его оказались ей приятны.

Однажды Кукин попросил Катю сходить на Знаменскую, 2, во двор доходного дома пивовара Дурдина, отнести записку для молодого человека по имени Ви́ктор. Сходила, отнесла. Кукин приятно благодарил. В другой раз фельдшер попросил сходить к старшей сестре в Смольный, принести от Елизаветы какую-то брошюру. Фельдшер опять благодарил. Вечером пригласил в кинематограф. На обратном пути зашли в кондитерскую, купили леденцов. Домой шагали медленно. Говорили о Байроне и о том, какая прелесть русская зима. «Метет и метет». Но и в этом своя прелесть. Леденцы держали на ветру, к ним прилипали снежинки, и леденцы со снежинками таяли во рту необыкновенно...

21

Николай Мартьянов, бывший комиссар ударной сотни георгиевцев, пришел на Забалканский одним из первых. Мартьянов помог разыскать офицеров, служивших ранее в Сибирском подвижном отряде. Так собралась террористическая группа, которая разместилась в «предбаннике» по 1-й Роте и в квартире Некрасовых на Забалканском проспекте.

Мартьянов исполнял роль связного не только для Некрасова-Голгофского, но и для Федота Онипко. Мартьянов докладывал им обо всем, что происходило на Забалканском и в «предбаннике». Он передавал на Забалканский приказания, исходившие от Некрасова-Голгофского и старого эсера.

Первое, что было налажено, — слежка за Лениным: где он бывает, где возможны его публичные выступления.

Однажды были получены сведения, что Ленин будет на митинге в цирке Чинизелли. Потому и направился туда Ушаков. Но слух не подтвердился.

Охотники с Забалканского организовали слежку за Лениным и в самом Смольном. На одну из таких операций тоже ходил Ушаков. Позже в его записях можно было прочесть о том, что в какой-то важный момент «подвернулся рыжий латыш» и помешал Ушакову.

Но самую достоверную и свежую информацию террористы надеялись получить от Григория Семенова, который имел легальный пропуск в Смольный и был там со многими знаком.

Рано утром 30 декабря Семенов, приехав на квартиру Некрасова, сообщил:

— Бонч на Новый год уехал в Нейволу... Вероятно, туда же отправился Ленин.

— Это точно?

— Передаю то, что удалось узнать. Проверить можно только на месте.

В деревне Нейвола близ станции Мустамяки находилась дача Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича. Еще в июле сыщики Керенского искали там Ленина. Владимир Ильич тогда действительно отдыхал в Нейволе несколько дней. Но он возвратился в Петроград до того, как на дачу пожаловали шпики.

С утра 31 декабря в Нейволу уехали пятеро: Мартьянов, Осьминин, Тягунов, Колюбакина и Домбровский.

Виктор Домбровский тоже был георгиевским кавалером, человеком, близким к Осьминину и Некрасову. Сын врача, без денег, издерганный, он искал случая подработать. И когда Осьминин сказал, что хорошо заплатят, согласился исполнять его поручения.

Домбровский жил в Тарасовом дворе, недалеко от Забалканского, между 1-й Ротой и Фонтанкой. Жил уединенно.

Перед выездом в Нейволу Осьминин привез к Домбровскому бомбы и гранаты. Часть взяли с собой, остальное оставили у Домбровского: для тех дней, когда будут действовать в Петрограде.

...Накануне Осьминин побывал у вдовы Саловой. Говорили о том, где и как встречать Новый год. Салова предложила — у нее. Осьминин согласился. Но

просил не сетовать, если он немного опоздает. Дела! А еще пошутил: «Беда ли бабья тоска, коль на смену любовь?»

22

Синебрюхов еще раз посмотрел, хороша ли на нем новая визитка, хорош ли галстук и на месте ли манжеты. Потом ближе подошел к зеркалу, увидел свои глаза, понимающе кивнул им, круто повернулся и, празднично возбужденный, вошел в комнату прапорщика Пенского. Тот тоже был уже бритый, надушенный, тоже в штатском.

В отличие от Синебрюхова прапорщик Пенский был юношей бледнолицым, хрупким, маменькиным сынком. Носил он какие-то бесцветные бакенбарды, а на мизинцах отращивал ногти.

— Пожелай мне удачи, — сказал Синебрюхов.

— Всех благ, ваше благородие! — Пенский, хоть и был в штатском, щелкнул каблуками.

— Да не так, чудище... Осени меня...

— А ты веруешь?

— Не люблю, когда об этом спрашивают. Прощай. — И ушел.

У Синебрюхова было уже достаточно денег, чтобы не жить под чердаком в доме пивовара Дурдина. Но он по-прежнему считал нужным ночевать именно там, на Знаменской, 2, в дальнем флигеле во дворе. А сюда, на Кирочную, к Пенскому, он захаживал только на час-другой отдохнуть и узнать, не звонил ли кто.

Квартира эта принадлежала профессору медицины Мезерницкому. Сам профессор с семьей куда-то уехал, а квартиру оставил на попечение брата жены — Николая Пенского.

Раньше Пенский служил начальником пулеметной команды в Таврическом дворце и Смольном. После большевистской революции состоял в отряде добровольцев на Мойке, 20, там сошелся с Синебрюховым, потом на Александровском рынке купил какую-то бумагу и быстро «демобилизовался». А пустующую квартиру с телефоном, с парадным и черным ходами превратил в конспиративную явку для «ударников».

...В Актовом зале Реального училища на Греческом

в тот новогодний вечер сидели не только реалисты. Были студенты, курситски, молодые люди в штатском.

Когда пришел Синебрюхов, вечер уже начался. Барышня в коричневом полуоткрытом платье, с бантами в длинных косах, в очках читала со сцены Леонида Андреева «Гибель». О великой России, гибнущей в распрях и невежестве... Барышне аплодировали. Потом на сцене разыгрывали пьеску: что-то осуждающее растерянность благородных, которые утратили веру в себя и склонили головы перед необузданной чернью. Когда на сцене появился артист в форме царского пристава, в зале раздались аплодисменты. Вслед, однако, послышалось и другое:

— Долой!

Синебрюхов тоже закричал, затем порывисто вскочил, подбежал к сцене, поднялся на помост. Яркие огни осветили его стройную фигуру в новенькой визитке. Он крикнул:

— Господа! Не царский пристав нужен России! Пристав среди нас — глупая неуместность.

— Браво! Верно!

— Закройте занавес.

Первым ретировался артист-пристав. Закрыли занавес.

Синебрюхов теперь заговорил смелее... О том, что Россию ждут новые испытания, что прав Леонид Андреев: да, гибель. Но гибель, если молодые будут сидеть сложа руки. Спасение в Учредительном собрании. Оно остановит развал и анархию, даст законную власть. Да здравствует Учредительное собрание!

Минуту спустя Синебрюхов осуждал себя: зачем выскочил, зачем обратил на себя внимание. Но иначе он не мог. Такая настроенность возникла еще в ту минуту, когда он увидел себя в зеркале... Быть среди сверстников и пребывать в тени? Нет, это противоречило его натуре.

Синебрюхову аплодировали долго. А когда он возвращался в зал, ему освободили место в первом ряду. И он сел, чувствуя на себе взгляды многих. И взгляд соседа — человека уже пожилого, с холеной бородой, усами и сытым, без морщин, лицом. Правее оказался молодой военный. Он держал на коленях жестяную кружку, опоясанную голубой лентой, с узлом, залитым сургучной печатью.

Выходка Синебрюхова нарушила предусмотренный ход вечера. Какой-то студент тоже пожелал говорить. Потом на сцену поднялись соседи Синебрюхова — пожилой, холеный, и военный с кружкой.

— В этот торжественный час, — начал пожилой, — позвольте вас приветствовать от имени Всероссийского общества распространения просвещения в народе. Я вижу в этом зале молодых людей, имеющих глубокие корни в образованных слоях русского общества, и я надеюсь, что наш призыв здесь будет услышан. Политические неурядицы последнего времени больно отозвались на судьбе многих офицеров. Мы призываем вас жертвовать в их пользу. Кто сколько может. Дороги не только деньги. Пусть юность России знает, что есть люди, которые страдают во имя блага юных — надежды отечества.

Пожилой сел. А военный с кружкой пошел по залу.

Начались танцы. Синебрюхов снова был в центре внимания. Барышни ему улыбались, барышни его ждали. Но как только он выходил из круга танцующих и провожал до места свою избранницу, тотчас оказывался в окружении молодых людей в штатском. Они тихо называли себя: прапорщик, подпоручик, поручик. Их фамилии Синебрюхов уже знал. Знал, что они должны прийти сюда. И все же был сдержан, осторожен, сообщал самое минимальное... 5 января будет манифестация в защиту Учредительного собрания. Пойдут не только штатские. Если собрание откроется, оно должно иметь опору, чтобы продолжать занятия в нужном направлении. Позор 28 ноября не должен повториться! Все готовые помочь должны знать, что это будет непросто. И заканчивал тем, что давал адрес: клуб Калашниковской хлебной биржи, Харьковская, 9, приходить к одиннадцати. Не все сразу. Быть в бильярдной. Там укажут, что́ делать, куда идти. Дадут и первые деньги. Называл и другие адреса: Преображенский полк, отыскать солдата Макарьева. Прапорщику Федорову сказал: 5-я Рождественская, дом 10, квартира 1. Позвонить дважды, после паузы еще раз. Должна отозваться барышня. Сказать ей: «От Викто́ра». Она сведет, с кем следует.

И опять Синебрюхов был среди танцующих. Он был весел, горд.

...В туалете к нему подошел плюгавый реалист, сказал:

— Привет от Красного Паука... Приказано передать, что не ваше дело произносить речи. А полковник Ланцев ждет вас при выходе на улицу. Будьте осмотрительны.

На улице Синебрюхов увидел того, кто недавно сидел с ним в первом ряду. Они пошли вместе.

23

В канун Нового года пятеро уехавших в Нейволу долго вышагивали по дорогам и сугробам вблизи дачи Бонч-Бруевича. Они возвратились в Петроград, и Осьминин обрушил град проклятий на голову Григория Семенова: толком не разузнал, а заставил тащиться по этим сугробам. Ленина в Нейволе нет!

— Он где-то в городе, — сказал Мартьянов. — Надо, чтобы Семенов опять пошел в Смольный.

Зинкевич согласился. Стали ждать Семенова.

Колюбакина осталась в квартире Некрасовых — встречать Новый год. А Мартьянов, Тягунов и Домбровский отправились в «предбанник».

Осьминин уехал к своей торговке в Перекупной переулок.

Ушаков счел, что для него самая пора писать стихи...

В ночь под Новый год в доме «госпожи Шеремет» принимали гостей с титулами, чинами и званиями. Впрочем, все они были сейчас в штатском. Без мундиров и вицмундиров, без орденских лент, в одежде почти неприметной.

Среди гостей был средних лет человек в черной штатской тройке, с сединами в висках. Угадывалось, что он привык всюду быть хозяином, на виду. Но теперь с ним что-то стряслось, и он все больше молчал. Новогоднее торжество принимал точно в тягость. Да, все расстроилось в этом мире, если он, князь Шаховской, должен где-то скрываться и даже Новый год встречать не в своем особняке на Сергиевской, а здесь, у этой дамы...

Рядом с Шаховским сидел вездесущий присяжный поверенный Сомов, главный связной Литейного, 21, со штабом на Мойке, 20. Около часа пробыл на вечере и Красный Паук с дамой-блондинкой. Теперь Красный Паук был во фраке, праздничный и веселый. Уходя, он кланялся и извинялся. Говорил о каких-то «непредвиденных обстоятельствах»...

Гостями «госпожи Шеремет» были и полковник Ланцев, и подпоручик Синебрюхов, — его пригласил полковник.

Разговор за столом был только светский. Лишь однажды Сомов отвел Синебрюхова в соседнюю комнату.

Там с подпоручиком говорил князь Шаховской.

Когда они возвратились, князь предложил тост за «молодых в России, которые знают, где и в чем спасение отечества».

Князь Дмитрий Николаевич Шаховской был членом правления Русского торгово-промышленного банка, крупнейшего в стране. Миллионы Шаховского были вложены в металлургическую, цементную и сахарную промышленность юга и центра России. Князь по натуре своей был человеком деловым, далеким от политики. Но с некоторых пор сама политика, как незваный гость, вторгалась в его жизнь — и дома, на Сергиевской, и на Большой Морской, 15, в банке, и всюду, где бы он ни был...

Князь хорошо понимал, что́ несет ему революция. И он еще летом не жалея стал давать деньги тем, кто обещал хотя бы отдалить роковой день гибели его миллионов. Кому только не давал! И черносотенцам Пуришкевича, и корниловцам из «Военной лиги», и сыщикам Керенского... После большевистского переворота стал подкармливать «Союз союзов» — главный штаб саботажников-чиновников... Вот вам тысячи, сотни тысяч, платите своим служащим за два месяца вперед, пусть бастуют, но только не работают на большевиков!.. В последние недели с «рекомендациями из Москвы» явился этот полковник Ланцев, и этот рыжеусый щеголь, и этот Сомов. Планы у них большие. Стал давать деньги и этим военным.

Шаховской еще не знал, что дела его, пусть лишь в малой мере, но уже ведомы... комиссару Дзержинскому. Что у того на Гороховой после ареста деятелей «Военной лиги» оказалась переписка, в которой имя Шаховского стоит рядом с внушительной цифрой «500 000». После ареста членов «Союза союзов» к Дзержинскому попали подписные листы пожертвований и банковские документы, по которым роль Шаховского также ясна... Но об одном догадывался князь, — им интересуются. Три дня назад к нему домой приходили незваные гости. Сам бог спас: князь был в отъезде. С тех пор он и менял квартиры.

...Ровно в двенадцать князь снова произнес тост. Теперь он не сдержался и говорил о «временах смуты», о том, что Россия кончается, что ее ожидает государственное банкротство и прочее и прочее. Но, пустив слезу, он тут же подбодрил и себя и своих друзей:

— Господа, будем надеяться. Есть же бог на белом свете, найдется и доктор.

Под утро Шаховской говорил с глазу на глаз с Ланцевым:

— Господин полковник, что слышно у Моряка? У Доктора? Рождество ведь уже прошло...

— Ваше сиятельство, оно минуло только по юлианскому календарю.

— А деньги они берут по какому?..

24

В «предбаннике» у поручика Семена Казакова всю новогоднюю ночь провели в хмельном веселье. Водки и консервов было в избытке. Пили зверски, до одурения.

Среди гостей были девицы. Больше всех их обхаживал Макс Волошинов. Он пел под гитару. Впрочем, разобрать слова было трудно.

И снова пили. Волошинов разбушевался. Его с трудом уложили спать.

На Забалканском, в квартире Некрасовых, было степенней. Там пели под аккомпанемент рояля. Там на скрипке играл капитан Зинкевич. Там читал стихи Ушаков. Пели Колюбакина и барышни из знакомой семьи Красногорских.

О политике здесь не говорили. Видимо, мешали гости случайные. И только выходя в соседнюю комнату, то Зинкевич, то Некрасов принимали людей, приходивших с улицы.

Ушаков затосковал и стал угощать вином Колюбакину. Та знала холодность к ней подпоручика и неожиданное ухаживание не принимала всерьез. Но вино скоро разгорячило обоих, и они уединились.

— Вот нагрянет Александр, и будет тебе! — вполголоса, смеясь, говорила Колюбакина.

Она имела в виду Александра Осьминина. Она знала о нем многое. Но о том, что он был сейчас у вдовы Саловой, не догадывалась.

25

Новый год Владимир Ильич Ленин встречал среди рабочих Выборгской стороны, в зале Михайловского артиллерийского училища. Здесь пели «Интернационал». Здесь танцевали. Здесь «Старый год», в мохнатой шапке, зипуне, с клюкой в руках, удалился, как только в зале появилась Снегурочка.

Потом Ленин произнес речь. Он говорил о том, что новый год, наверное, будет очень трудным и очень суровым годом. Это можно предвидеть по бешеным нападкам на Советскую власть со стороны контрреволюции, внутренней и международной. Но можно быть твердо уверенным, что ни буржуазии, собирающейся задушить рабочих и крестьян голодом, ни господам калединым, готовящимся подавить молодую Советскую республику силой оружия, не удастся осуществить эту их «священную» миссию... Будущее за нами! Порукой тому великая неиссякаемая сила, какую представляет собой русский пролетариат!

И опять были танцы. А в буфете угощали чаем с леденцами-«подушечками». Всех — от работницы ниточной фабрики до главы правительства.

26

К утру 1 января метель вдруг стихла. Словно внове, празднично, выглянуло солнце. Оно пригрело камень и снег столицы. Но газеты, приготовленные еще

с вечера, вышли с передовицами: «Метель», «Вихри века», «Вьюга», «Буран»... Кадетские и эсеровские листки предвещали: историческая непогодь, ниспосланная богом, сметет тех, кто «на раскаленной плите Смольного приготовляет будущее России». Итоги подводили и в Смольном. Отвергая пророчества злопыхателей, большевистская печать писала о том, что историю творит не воля божья, а народ, и она, история, творимая народом, обрекла на гибель именно тех, кто противится переустройству отечества, которому быть отныне социалистическим.

1 января — нерабочий день. Но только не для главы правительства. Около полудня Ленин совещался с товарищами из Наркоминдела, потом принимал иностранных дипломатов, и разговор с ними был отнюдь не новогодний... Амбасадоры протестовали: их коллегу Диаманди отправили в Петропавловку. Ленину пришлось объяснять, почему принята эта крайняя мера и какое удовлетворение должно получить Советское правительство, чтобы Диаманди мог быть освобожден.

Дипломатический прием закончился в 15 часов 45 минут. После этого Ленин читал неотложные бумаги, работал.

Около семи часов вечера дежурный секретарь доложил, что автомобиль ждет у главного подъезда Смольного.

27

— На улице туман, — деловито сказал Зинкевич, входя в комнату Ушакова.

Там был и доктор Некрасов. Он сидел на венском стуле, вытянув ноги, скрестив на затылке руки, зевая после бессонной праздничной ночи.

— А что от Семенова? — спросил Ушаков.

Ушаков лежал на кровати, в полурасстегнутом кителе, с взъерошенными волосами, глядя в потолок, обеспокоенный.

Зинкевич посмотрел на часы:

— Семенов должен скоро быть. Он придет в «предбанник». Нам тоже пора...

Пока формировалась «охотницкая команда» (так прозвал некрасовскую дружину Ушаков), первое слово

в ней принадлежало доктору. Он собирал террористов, он посвящал их в тайны того, что предстоит, он платил. Но чем ближе был день «охоты», тем тверже и распорядительней становился Зинкевич. Наконец доктор Некрасов внес ясность:

— Все распоряжения и приказы отныне будут исходить от Александра Михайловича.

И все приняли это как должное. Зинкевич — капитан, старший по званию, да и характером он крепче любого из них.

— Пора, — сказал капитан и пошел одеваться.

Ушаков встал и тоже начал одеваться.

Все трое отправились в «предбанник».

Там еще оставались следы ночной попойки.

— Что же вы, господа, совсем по-свински! — брезгливо сказал капитан, перешагивая через смердящее болотце у входа.

Макс Волошинов, все еще хмельной, зная, что это его рвало ночью, молча взял в углу веник, стал подметать, оправдываясь:

— Не монахи же, ваше благородие...

Тягунов, Домбровский, Казаков валялись на койках одетые. Они тихо перебранивались, продолжая какой-то спор и обнажая обиды минувшей ночи. Увидев капитана, Некрасова и Ушакова, встали и молча расселись по углам.

— На улице туман, — повторил Зинкевич. — Погода благоприятствует. — Он прислонился к стене, оглядывая своих «охотников» и точно в последний раз выверяя, на что они способны. — Сегодня пойдем наверняка. Прошу готовиться...

В дверях раздался условный стук... Семенов? Нет, пришел Онипко. С ним Мартьянов, возбужденный, румяный — не то от мороза, не то от вина.

— С Новым годом! — глухо сказал Онипко.

— С Новым годом! — отозвался за всех Зинкевич.

Онипко вошел не как хозяин, но и не как проситель. Как всегда, в бекеше, большой, толстый, он остановился посреди комнаты, сняв с головы меховую шапку, тяжело дыша.

Мартьянов услужливо пододвинул кресло, и Онипко сел, оказавшись у всех на виду. Мартьянов подошел к окну и стал тихо переговариваться с Ушаковым. Мартьянов был весел. Ушаков — хмур и насторо-

жен; отвечал полуфразами. Мартьянов хлопнул Ушакова рукой по плечу и пошел к Некрасову, сидевшему на диване в другом углу.

Тем временем Онипко уже отдышался, кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Я хотел бы, друзья, сказать вам несколько слов...

Он произнес это со значительностью человека, пусть не облеченного формальной властью, но рассчитывающего на то, что слушателям известно его прошлое, его «революционные заслуги» и что перед ним не какие-нибудь центробалтовцы или матросы у дверей в Белом зале Таврического дворца...

— Мне поручено сказать вам, что ваша жертвенность никогда не будет забыта... Да, предстоит опасное. Но иного пути нет. В Петрограде все готово, все созрело. Тысячи и тысячи ждут сигнала. Продумана стратегия. Нужен только сигнал, только акт, который всколыхнул бы всех. Вы идете первыми. Да поможет вам бог.

Онипко знал, что этих «тысяч и тысяч» нет ни у его эсеровской партии, ни у тех, с кем она блокировалась, — кадетско-белогвардейского лагеря. Что и теперь в полках и на заводах, куда «внедряются» правые эсеры, их успех невелик. Но Онипко не был бы Онипкой, если бы он не пришел к террористам сейчас, за несколько часов до «охоты», чтобы «вдохнуть веру», создать у них впечатление, что за ним — сила, и вместе с тем подогреть чувства «жертвенности и подвига».

Он заговорил о пятом годе, когда он и его «товарищи по боевой работе» ходили на дела опасные. «Ни ссылки, ни виселица не останавливали... Таковы были тогда революционеры!..» И закончил:

— Нужно действовать! Наступать! Кто хочет победить, тот должен быть готовым умереть!

Словно в напоминание о главном, послышался стук в дверь.

Пришел Семенов — невысокий, чернобровый, в фуражке студента-технолога (с молоточками), в ватном пальто.

Он поклонился Онипко и дал знак отойти с ним в сторону. Потом оба подозвали Зинкевича и Некрасова.

— В семь часов вечера Ленин выступает в Михайловском манеже. Там будут проводы красных солдат на фронт, — сообщил Семенов.

Онипко обошел всех собравшихся в «предбаннике», каждому пожал руку, внимательно посмотрел в лицо и, взмахнув у дверей шапкой, ушел. С ним и Мартьянов.

Питерский январский день короток. Уже сумерки. К тому же туман, к вечеру все более плотный. В «предбаннике» зажигают огарок свечи, вставленный в горлышко бутылки.

Полумрак. Последние распоряжения и приготовления. Зинкевич теперь скуп на слова. Он строг. Теперь это не изысканно-вежливый новогодний кавалер, играющий на скрипке, не сын генерала, читающий романы по-французски. Теперь это жесткий, твердый, упрямо идущий к цели предводитель террористов.

Зинкевич и Семенов уезжают первыми. Остальным — приказ выходить поодиночке. Ехать каждому самостоятельно, окольными путями. Сбор в сквере у манежа. Там, после разведки, капитан объявит, где и как это должно произойти.

В «предбаннике» переодеваются — кто в полушубки, кто в пальто. Другие остаются в шинелях, но без погон. Берут с собой револьверы, бомбы, гранаты.

Перед уходом, для храбрости, осушают недопитые бутылки с вином и водкой. Больше всех старается Волошинов.

Сквер у манежа. Встречаются будто случайно.

Ленина еще нет. Но его приезд ожидается с минуты на минуту.

Капитан приказывает Ушакову войти в манеж на митинг, дать знать, когда Ленин закончит речь, Семенову стать на углу Манежной площади и Караванной улицы. Следить за выходом Ленина из манежа. Как только Ленин направится к автомобилю, дать сигнал электрическим фонариком. Бросать бомбу. Если будет много народу — стрелять... Всем тут делать нечего. Остаться двоим. Всем другим быть с ним, Зинкевичем, — помогать или выручать.

— Здесь остается Ушаков... Так?

Зинкевич сделал паузу, ожидая согласия.

— Да, остаюсь...

— А еще кто? — спросил капитан.

— Пусть останется Казаков.

— Слушаюсь...

Ленинский автомобиль подъехал к манежу. Там — толпа.

— Товарищи, не напирай! Осади!

Толпа расступилась, и в манеж прошли трое: впереди Ленин, в пальто, в черной мерлушковой шапке. За ним швейцарский коммунист Фридрих Платтен и Мария Ильинична Ульянова — сестра Ленина.

Снова сомкнулась толпа.

Ушаков, наблюдая, решил, что в одиночку пройти можно только силой и хитростью. И он заработал локтями.

— Нельзя! — У самых дверей Ушакова остановил коренастый красногвардеец, в пиджаке, перетянутом подсумком. Остановил, схватив Ушакова за полушубок.

— Я комиссар! — решительно бросил на ходу Ушаков и, вырвав из рук красногвардейца конец полы, с ходу ворвался в манеж.

В огромном зале с каменным полом, с обвалившейся штукатуркой стен, светили белые шары фонарей. Посреди зала стояла трибуна, украшенная кумачовыми полотнищами. Перед ней — развернутый строй солдат.

Ленин взошел на трибуну, приветствуемый криками «ура», простой, улыбающийся. Он терпеливо выждал, покуда стихнет, и начал речь...

...Когда во второй половине ноября в Бресте открылись мирные переговоры, русская армия вся пришла в движение. «Даешь демобилизацию!»

Армия воевала четвертый год. И все ею было испытано: кровь, голод, вши. Раньше солдата звали воевать за царя и отечество, потом за призы для Милюковых и Терещенко, потом ради общих интересов союзников... Революционное правительство не только раскрыло перед солдатами подлинную правду войны — как их обманывал царь, Милюков, Керенский, —

не только осудило захватные цели войны, но и делало все для того, чтобы скорее вывести Россию на путь мира. Переговоры, начатые в Бресте, продолжались. Но они были нелегкими. Германия выставила грабительские условия мира. Советские дипломаты начали битву за столом переговоров. А пока фронт сохранялся, и его надо было оборонять. Армия нужна была новой России и для того, чтобы продолжать революцию и закрепить ее победы.

Понимая, что солдаты старой армии устали, что они уходят с фронта самочинно — «к земле, к хатам, к бабам!» — Советское правительство начало формировать новую, социалистическую армию. Из добровольцев, из самых сознательных элементов старой армии, из красногвардейцев-рабочих. Первый отряд уходил на фронт в первый день нового года. Ленин приехал в манеж, чтобы напутствовать отъезжающих. Он говорил:

«...Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию. И эта армия призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть, Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, весь новый, истинно демократический строй от всех врагов народа, которые ныне употребляют все средства, чтобы погубить революцию... Пусть товарищи, отправляющиеся в окопы, поддержат слабых, утвердят колеблющихся и вдохновят своим личным примером всех уставших».

Речь Ленина много раз прерывалась: солдатские руки неистовствовали, били ладонью о ладонь. И гремело «ура».

Ушаков все это видел и слышал. Впервые. Он оглядывался. Он с трудом верил самому себе. Нет, совсем не таким представлял он Ленина, когда решился стать «охотником»!..

«В середине речи я вспомнил про то, что в переулке... Протискался из толпы и направился к выходу...»

Ушаков, приехав в Петроград, дал слово Мартьянову. Дал слово Онипко, Зинкевичу, всем в «предбаннике». Несколько минут назад он повторил это у сквера. Нет, он не отступит!

Ушаков вышел на улицу.

«Я увидел тех, с кем приехал. На них никто не обращал внимания...»

Ушаков подошел к Зинкевичу, переспросил, все ли остается, как решено. Зинкевич повторил, что план прежний. Но «тут другой заявил, что есть предложение бросать бомбу на мосту [через Фонтанку], который автомобиль Ленина [при возвращении в Смольный] миновать не может... Я заявил, что это наиболее подходящий проект... Я сделаю все один, и если наверняка погибну, то и наверняка убью. Я предложил, что встану на мосту, а остальные расположатся за мостом, цепью постов... Мне дадут сигнал...»

Позже, на следствиях, Ушаков, Некрасов и другие участники террористической группы, воспроизводя самую картину покушения, дали несколько разноречивые показания относительно расстановки постов и степени личного участия в покушении. В целом же, по материалам следствий, события рисуются следующим образом.

Семенов стал на углу Манежной площади и Караванной улицы. Теперь ему приказали дать сигнал электрическим фонариком Зинкевичу, который будет стоять в конце Караванной улицы при выходе к площади у цирка. Капитан даст знать — тоже фонариком — Некрасову, который будет прохаживаться вдоль набережной Фонтанки, ближе к мосту, и повторит сигнал Ушакову. На другой стороне моста, на углу набережной Фонтанки и Симеоновской улицы станет Волошинов. Он должен будет дать световой сигнал, если почему-либо Ушаков не заметит знака Некрасова, и прикрывать Ушакова при его отходе. Ушакову и Казакову стать на мосту. Ждать, когда посветят фонариком; это будет означать, что приближается автомобиль с Лениным. Как только машина въедет на мост — бросать бомбу и уходить.

Автомобиль с красной суконной покрышкой на радиаторе — это и был ленинский автомобиль — отъехал от манежа. Но Семенов, который должен был просигналить Зинкевичу, почему-то не зажег фонарик. (Позже, на следствии, Михаил Некрасов объяснил это так: «Сигнал не был дан Семеновым из-за трусости, так

как, по его словам, за ним наблюдали двое матросов».)

Зинкевич обнаружил идущий автомобиль уже на углу Караванной улицы и площади перед цирком. Неуверенный, что приближается именно тот автомобиль, капитан, на всякий случай дождавшись, низко наклонился и побежал за ним, чтобы рассмотреть номер. (Номер ленинского автомобиля был известен террористам.) Бегущего Зинкевича заметил Некрасов. Но и он, не получив светового сигнала, не понял, что́ должен делать. Тем временем Зинкевич, разглядев номер и убедившись, что это машина Ленина, стал светить фонариком — для Некрасова, Ушакова... Машина успела уже подъехать к мосту... Волошинов, заметивший знаки Зинкевича, повторил их для Ушакова и Казакова...

Огненные полосы автомобильных фар легли на Симеоновский мост.

Там — Ушаков!

Зинкевич продолжал сигналить. Не доверяясь, однако, только сигналу, капитан еще некоторое время бежал по мосту. Он убедился, что Ушаков на месте: в неярком свете уличных светильников на мосту, сквозь пелену тумана, Зинкевич различил длинную фигуру подпоручика. Ушаков, точно праздный гуляка, облокотился на перила моста. По другую сторону стоял Казаков. Теперь Зинкевич остановился. Он опасался, что может быть замечен из автомобиля и что при взрыве бомбы заденет и его. Остановившись, Зинкевич опять просигналил фонариком. И опять это повторили Некрасов и Волошинов... И вот машина уже достигла середины моста... Но взрыва нет... «Почему медлит Ушаков?»

Автомобиль стал спускаться с моста... Зинкевич, охваченный злобой, гневом, бешенством, открыл стрельбу. Выстрелил и Некрасов... Волошинов... Снова Зинкевич... Теперь выстрелы раздались и с моста. Ушаков побежал вслед за уходящим автомобилем, стреляя. Но автомобиль, ускорив ход, успел доехать до Симеоновской церкви и свернуть на Моховую улицу.

Все стрелявшие бросились врассыпную.

Их скрыли ночь и туман.

28

Инженера Доблера ВЧК арестовала 23 декабря. Первым его допрашивал Дзержинский.

Феликс Эдмундович увидел перед собой розовощекого, коренастого крепыша. Картинное лицо его выражало смесь добродушия, любезности и удивления: как могли его в чем-то заподозрить?

Дзержинский спросил, где служил Доблер до и после Октябрьской революции? И получил ответ: механиком в Западно-Русском обществе пароходства. Потом в авиационном отряде по охране бывшей императорской резиденции в Царском Селе, после Февральской — в Таврическом, в отряде радиосвязи. Обслуживал временный комитет Государственной думы. Примерно до конца сентября заведовал гаражом «Военной лиги».

— А потом?

— В конторе по найму рабочей силы.

— Какой именно?

— Для строительства железных дорог.

Дзержинский, даже в кругу людей близких ему, слыл человеком молчаливым. Но с Доблером он говорил подробно, не спеша, почти беседуя:

— Время сейчас такое, что только очень немногие стоят вне политики. Не считаете ли вы возможным сказать, каких политических взглядов придерживаетесь вы? Именно вы?

Инженер извинительно улыбнулся: никакой политикой он не занимается и ни в каких партиях он никогда не состоял.

— Теперь тоже?

— Совершенно точно...

Впрочем, Доблер счел нужным пояснить, что это вовсе не означает, будто он лишен каких-либо моральных принципов.

— Я так и предполагал, — мягко отозвался Дзержинский. Так мягко, что Доблер не заметил скрытого смысла сказанного.

— Я индивидуалист... Полагаю, что человек должен пользоваться абсолютной свободой. От всех институтов — государственных, общественных и даже семейных.

— Ясно, индивидуализм и полная свобода личности! Лежи и плюй себе в потолок...

— Ну зачем же, — обидчиво сказал Доблер. — Как у всякого человека, у меня есть свои привязанности и увлечения.

— Автомобильные гонки?

— Не только... Бокс, стрельба, лингвистика... Я знаю английский, французский, итальянский, немецкий.

— Вы учились в Лондоне?

Пожалуй, только теперь инженер почувствовал, что спрошенное до сих пор — не главное для Дзержинского.

— Да. Я окончил там моторное училище, — ответил Доблер, насторожившись.

— А между делом вы оказывали услуги лондонской тайной полиции? Не так ли? — Голос Дзержинского стал жестче.

Розовощекий вздрогнул, но тотчас заставил себя учтиво ответить:

— Только как лингвист.

— Понимаю. — Дзержинский нахмурил брови. — Как лингвист, вы наводили агентов Скотланд-Ярда на русских политических эмигрантов? Разумеется, в первую очередь выдавали большевиков?

Доблер привстал, изобразил возмущение:

— Я категорически протестую. Никакой политикой я не занимался и никогда никого не выдавал!

Он не успел закончить. Встретившись с глазами Дзержинского, неожиданно сник, сел и лишь после паузы, перебарывая тревогу, идущую изнутри, растерянно сказал:

— Я помогал британской полиции допрашивать бродяг итальянцев, дезертиров французской армии, немецких контрабандистов...

— А родной язык вам так и не пригодился?

— Возможно, что-нибудь и было... Но сейчас мне трудно припомнить...

— Позвольте вам помочь. По-русски вы писали агентурные донесения контрразведчикам. Каким именно — ваш долг уточнить. Русский вы намеревались применить в Смольном. Против русских, украинцев, грузин, евреев, поляков... Против революции!

Но Доблер успел приготовиться. Он деланно улыбнулся и, сводя все к шутке, сказал:

— Гражданин комиссар, откуда такие ужасные предположения?

— У нас факты!

— Вы имеете в виду мои рапорты? Боже, какое странное истолкование! Я сам хотел предать их гласности.

— Вот как! И что же вам помешало?

— У меня не хватило времени.

Дзержинский сделал самокрутку, вставил ее в деревянный мундштук, закурил.

— Ну, а в Смольный вы рвались, надо полагать, просто из любопытства?

— Не понимаю, о чем вы говорите?

— Корнет Покровский вам знаком?

— И что же? Он ведь видный революционер вашего направления! Неужели и это ставится мне в вину?

— Вы убеждены, что Покровский действительно «видный революционер», да еще большевистского направления?

По моему распоряжению арестован корнет Н. И. Покровский и посажен в Петропавловскую крепость.

Ф. Дзержинский.

12 декабря 1917 года.

Доблер пожал плечами. Настаивать он не намерен. Но ему казалось...

— Когда и при каких обстоятельствах Покровский хлопотал о вашем устройстве в Смольный?

С минуту они сидели молча — допрашиваемый и следователь.

Первым заговорил Доблер:

— Вскоре после Октябрьского переворота я узнал, что Покровский назначен к Урицкому офицером для поручений и что он запросто вхож в Смольный. Числа десятого ноября Николай Покровский неожиданно приехал ко мне на квартиру и сделал предложение поступить на правительственную службу. Я согласился и получил от Покровского рекомендательное письмо в Государственный банк, к Оболенскому. Оболенский почему-то уклонился от встречи со мной.

В конце ноября Покровский позвонил мне по телефону, и мы встретились в «Медведе». Там пообедали и поехали в Смольный на прием к секретарю Совнаркома Горбунову. Но того на месте не оказалось. Прошло около месяца. Вчера вечером, помня совет Покровского, я опять пошел в Смольный. Секретарь Горбунов записал мой адрес, но ничего определенного не сказал. А ночью почему-то ко мне пришли ваши товарищи и арестовали.

— Ясно, — втянув в себя дым самокрутки, медленно проговорил Дзержинский.

— Я совершенно не понимаю, что послужило причиной моего ареста? — поспешил Доблер.

— Когда следствие будет закончено, вам предъявят письменное обвинение, — спокойно сказал Дзержинский.

Доблер повторил, что если имеются в виду его рапорты, то тут явное недоразумение.

— Я предоставляю вам самому исчерпывающе объяснить происхождение ваших рапортов. Но прошу называть вещи своими именами. Игра в прятки совершенно бессмысленна.

Доблера увели.

...Лист дела № 27. Дата: 26 декабря 1917 года.

Дзержинский. Вы присяжный поверенный Георгий Федорович Вебер? Член домового комитета по Таврической, 7?

Вебер. Да.

Дзержинский. Вы проживаете по соседству с гражданином Доблером Борисом Альфредовичем?

Вебер. Моя квартира одиннадцатая, его — девятая.

Дзержинский. Вы вместе с гражданкой Ефимовой были понятым при обыске на квартире Доблера?

Вебер. Совершенно точно.

Дзержинский. Что вы можете сказать об образе жизни, занятиях и политических воззрениях Доблера?

Вебер. Насколько мне известно, это простой, доступный, милый человек.

Дзержинский. Инженер, боксер, летчик...

Вебер. Совершенно верно. Но, знаете, с некоторыми странностями. Он анархист-индивидуалист, последователь...

Дзержинский. Гражданин Вебер, вы юрист и прекрасно понимаете, что индивидуализм Доблера мало интересует ВЧК. Я хочу вас спросить совершенно прямо... Ваша воля избрать любую форму ответа.

Вебер. Гражданин комиссар, я к вашим услугам...

Дзержинский. К моим — не надо. Прошу вас быть к услугам революции. Так вот... Имел ли арестованный Доблер какие-либо связи с американской, английской или французской колониями в Петрограде?

Вебер. Не знаю, товарищ Дзержинский... Не могу знать...

Дзержинский. Попробуйте вспомнить.

Вебер. Откуда мне знать? Я ведь только на одной площадке...

Дзержинский. Благодарю. Вы свободны.

Вебер ушел, откланиваясь до дверей кабинета Дзержинского. А потом кланяясь каждому встречному — до самого выхода на улицу.

«Военная лига» возникла как организация внепартийная. Но с июльских дней ее определенно повело в сторону Корнилова. К тому, кто хотел смести «всех левых от Керенского до Ленина» и установить военную диктатуру.

Служа Корнилову, лига одновременно тянулась к союзническим миссиям в Петрограде. Информировала, договаривалась... Когда Корнилов ударит на Петроград, союзники, в частности сербские войска, расквартированные на линии Ярославль — Вологда — Архангельск, должны развить наступление вдоль Северной железной дороги и выйти к морю.

Все это следовало из бумаг, взятых у Доблера при его аресте.

Но что стало с лигой после разгрома Корнилова, а главное после Октября? — вот что интересовало Дзержинского.

По сообщениям газет, лига только в Петрограде насчитывала более трех с половиной тысяч офицеров. Куда же они девались? Разбрелись, разъехались? Или

притихли, ушли в подполье и теперь организуются для борьбы против Советов?.. Вот первый вопрос, который интересовал следствие, когда Доблер и его бумаги оказались в руках ВЧК. И второе — какова роль самого Доблера в прошлых и нынешних делах лиги?

Самое значительное из документов, взятых у Доблера, — это его рапорты и протоколы. Как же Доблер объяснил их происхождение?

В письменном объяснении на имя ВЧК Доблер развивал ту же версию, что и на первом допросе у Дзержинского... Дело обстояло так. В лиге объявился некий капитан Амбразанцев *. Он стал вербовать сообщников. Взял на прицел и его, Доблера. Амбразанцев рассказывал, кто из лиц широко известных поддерживает лигу, что уже сделано, какие планы на будущее. Доблер, «слыша все это, стал отмечать для памяти». Зачем? Хотел передать в газеты, чтобы «показать народу, чего хотят реакционеры нашего времени». Но такой возможности — так уверял Доблер — у него не оказалось. Тогда все слышанное и узнанное он оформил в виде рапортов и протокола, чтобы передать их тем, «кто мог бы извлечь из них известную пользу для борьбы с заговорщиками против народа». Теперь документы попали в ЧК. Что ж, это как раз то, чего хотелось Доблеру. Комиссия Дзержинского наверняка сумеет дать им ход!

Нетрудно понять, как должен был отнестись Дзержинский к объяснению выученика лондонской полиции... Но шутки в сторону! Что составляет главное в донесениях Доблера? Кому они были адресованы? С кем связан инженер-разведчик?

Присяжный поверенный Вебер, конечно, мог бы многое разъяснить. Но он предпочел бежать в кусты: знать ничего не знает. По приказанию Дзержинского член коллегии ВЧК Дмитрий Евсеев допросил корнета Покровского. Тот заявил, что Доблер честный человек.

И все-таки бумаги, взятые у арестованного, давали основания предполагать, что Доблер служил разведкам — английской, американской, французской... Одновременно — лиге.

---

* Это был тот самый Амбразанцев, который служил Пуришкевичу.

Письмо по-английски. Из тех же бумаг Доблера. В прошлый раз Дзержинский приказал сделать перевод этого письма. И вот оно по-русски. Подписано: «Гровс». Называет себя дипкурьером. («Я уезжаю завтра в Лондон как курьер».) Гровс писал своему корреспонденту Мартину, что его письмо он получил через Доблера. А в самом письме что-то зашифровано: «сигары», «полведра». И все проходит «через руки г-на Доблера».

Разве это не прямые улики против арестованного?

Дзержинский курил. Он всегда много курил. Теперь, читая бумаги Доблера, Феликс Эдмундович почти не выпускал изо рта мундштук. В руках у него был цветной карандаш, и он оставлял на бумагах красные линии подчеркиваний.

«Протокол № 1», исходящий № 6. Доклад Доблера: «...в среду 7 сентября прибыл из Москвы крупный деятель по организации общества... Появился на горизонте исключительно с целью выяснить степень подготовки безопасности «подводных» (конспиративных) организаций. Карандаш Дзержинского образовал красную линию под словом «подводных». Потом карандаш подчеркнул фразу: «Московские организации находятся в блестящем состоянии и готовы выступить в любой момент. Там работают юнкера, студенты, часть офицерства».

Сохранились ли эти организации сейчас? С кем они связаны?

Доблер информировал: «Князь Мансыров не имеет свободных сумм, хотя завтра, 9 сентября, с ним будет свидание...»

Ясно: к лиге причастен князь Мансыров. И Дзержинский принял решение: «Произвести обыск у князя Мансырова (Сераф. Петр.), Кавалергардская, 8».

Доблер все знал: «Генерал Федоров в заключении... Генерал Ив. Фед. Рубахин (Итальянская, 8) находится в отъезде». И снова Дзержинский сделал запись для следствия произвести обыск у генерала Рубахина.

Доблер упоминал о конспиративном заседании главного штаба «Военной лиги». Участвовали: князь Мансыров, штабс-капитан Вейгелин, редактор газеты «На страже».

Председатель ВЧК подписал ордер:

...Тов. Котельникову произвести обыск в квартире бывшего штабс-капитана Вейгелина (Литейный просп., 41, кв. 7), оружие, если такое окажется, отобрать и задержать самого штабс-капитана.

Председатель Ф. Дзержинский.

28 декабря 1917 года.

«Существует ударный офицерский батальон под председательством генерал-лейтенанта Сурикова, находится в Тамбове. Организация весьма правая...»

«Ударный офицерский батальон» — под этим тоже появилась красная полоса карандаша Дзержинского. Фамилия Сурикова тоже помечена в числе действующих лиц, которыми должно заняться следствие.

«Рапорт № 2», «Рапорт № 3»... Доклад Доблера: «На содержание находящихся в Петрограде людей требуется от 7 до 8 тысяч в день... Получен чек от князя Д. Н. Шаховского на сумму 500 тысяч рублей на московский банк...»

...В тот вечер, когда Дзержинский прочел это в бумагах Доблера, он и отдал приказ об аресте Шаховского... Подкармливает не только саботирующих чиновников, но, оказывается, еще раньше финансировал лигу. И наверняка кормит ее наследников!

«...22 сего месяца мною доставлено Вам воззвание кадровых офицеров (имеется в виду «Военная лига».— *М. С.*), которое будет передано на следующей неделе в британское посольство. Две недели назад такое же воззвание было доставлено во французское посольство... Предполагается доставить в американское посольство копию данного Вам воззвания...»

Не указание ли это на то, что Доблер служил не только иностранцам, но одновременно — контрразведке Керенского? У иностранцев получал деньги за то, что шпионил против «Военной лиги» и Керенского, а у Марушевского или Сурнина — за службу против союзников? И такого человека Покровский рекомендовал для работы в Смольном!

«...Лига имеет в Петрограде по меньшей мере 8 тысяч офицеров, готовых выступить в любое время. Кроме того, каждый офицер в нужный момент должен привести по три нижних чина, не знакомых между собой, но также готовых выступить...»

Неужели все это исчезло безвозвратно?

...Лист дела № 28, дата: 29 декабря 1917 года.

— Я Наталия Мейнгард. Я просила допустить меня к вам, чтобы дать показания по делу Бориса Альфредовича Доблера.

— Слушаю вас.

— Большое спасибо, гражданин Дзержинский. Вы так любезны...

— Я слушаю вас.

— Бориса я знаю с десяти лет. Он окончил курс частной гимназии, отказался от помощи родителей, уехал в Америку... Его арест — досадное недоразумение. Никаких связей с иностранными посольствами он никогда не поддерживал...

— Я понял вас... Но скажите, откуда вам известно, что арестованный Доблер подозревается в недозволенных связях с иностранными миссиями? Кто информировал вас об этом? Я? Сотрудники ЧК?

— Нет, вы не говорили. Но мне известно... Я в некотором роде близкий Доблеру человек...

— Вы его жена?

— Я не хотела бы на это отвечать.

— Как угодно... Но коль вы пришли, позвольте вам задать вопрос: фамилия Вебер вам что-нибудь говорит?

— О, да... Георгий Федорович — ближайший сосед Бориса Альфредовича.

— В таком случае, передайте присяжному поверенному Веберу, чтобы в следующий раз он не утруждал себя присылкой в ЧК свидетелей. Мы их обычно приглашаем сами...

1 января 1918 года. Вечер. Дзержинский работал как обычно. Да и как мог он отдыхать, если в его «Чрезвычайке» было лишь два десятка сотрудников, а Петроград кишел калединцами, офицерами, связанными с монархистами, кадетами, с «социалистами», со штабом контрреволюции на Литейном, 21...

Дзержинский продолжал исследовать дело «Военной лиги» и «Союза союзов», прослеживать нити связей «Комитета спасения»...

Вошел Иван Ксенофонтов, как всегда начиненный новостями.

— Князя Шаховского нет ни дома, ни в банке. Адрес его в Лисьем Носу не подтвердился. Рубахин

и Мансыров махнули к Каледину. Допрос Вейгелина указал на связь «Военной лиги» с комитетом на Мойке, 20. В «Бристоле» и «Селекте» снова примечен подозрительный господин в шведской куртке. В «Астории» обеспокоены все увеличивающимся притоком офицеров с фронта. На курсах Лесгафта создается солдатский университет. В Смольном о нем ничего не знают. Похоже, что здесь замешан Литейный, 21.

Телефонный звонок прервал доклад. Дзержинский снял трубку. Ксенофонтов заметил, что Феликс Эдмундович побледнел, рука с силой прижала к уху телефонную трубку.

— А как Владимир Ильич?

Прошло какое-то время, прежде чем Дзержинский вздохнул и выпрямился:

— Да, еду сейчас же...

— Что случилось? — спросил Ксенофонтов.

— Полчаса назад стреляли в Ленина...

29

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, оставив Нейволу, с утра 1 января маялся на станции Мустамяки. Он ждал поезда на Петроград. Но поездов не было. Ни на столицу, ни оттуда. Никто толком не знал, в чем дело, а слухи были самые невероятные. Будто где-то восстание и сообщение прервано по всей линии до Выборга. Владимир Дмитриевич уже был готов ехать на лошадях. Но к вечеру появилась надежда — вот-вот должен подойти пассажирский поезд.

Он пришел в клубах пара, заиндевелый, с огнями, едва прорезывавшими плотную массу тумана. Бонч-Бруевич пробился в вагон, в котором ехали матросы. Его узнали, устроили, забросали вопросами.

Часов в одиннадцать поезд пришел в Петроград. Около полуночи на Херсонской, 5/7, где жил Бонч-Бруевич, раздался телефонный звонок. Просили срочно приехать в Смольный.

В Семьдесят пятой Бонч-Бруевич узнал о том, что случилось на мосту через Фонтанку.

Расследование началось в ту же ночь. Бонч-Бруевич и Дзержинский несколько раз связывались по телефону (Феликс Эдмундович к тому времени уже воз-

вратился на Гороховую). Они о чем-то договаривались. И тогда же по петроградским гостиницам отправились чекисты и комиссары Семьдесят пятой.

В Смольном, за высокой дверью с табличкой «75», теперь были уже три комнаты, разгороженные доверху. Средняя, самая большая, именовалась «комиссарской». Вдоль стены — пирамида с ружьями. В углу — жестяной бачок с провиантом: сыр, иногда колбаса, хлеб, масло, сахар — паек для ночных дежурных и комиссаров, уходивших на задания. Посреди комиссарской были столы членов следственной комиссии. На стене висел телефон — большой деревянный ящик с цилиндрической трубкой на шнуре. Справа, за перегородкой, был кабинет Бонч-Бруевича. Слева — комната, где содержали временно задержанных (комиссары-матросы называли ее «трюмом»).

К началу января комиссары Семьдесят пятой успели многое повидать и многому научиться. Среди самых решительных и опытных оказались товарищи, пришедшие в начале декабря по ленинскому призыву. Это были рабочие-большевики, рекомендованные Петроградским комитетом партии:

Александр Алексеевич Александров, потомственный московский рабочий, слесарь-разметчик, большевик с 1914 года. С того же года — питерец, путиловец. Он вел подпольную революционную работу, его арестовывали, высылали в отдаленные края. В столицу возвратился после Февральской революции, был выбран председателем цехкома, затем — заводского комитета Путиловской верфи. Прибыв в Смольный в распоряжение Бонч-Бруевича, Александров стал его заместителем по комитету Семьдесят пятой.

Иван Николаевич Чугунихин, большевик с 1905 года, тоже с Путиловской верфи. В Питер пришел еще юношей. Из рязанской деревни. Устроился в Кронштадте, в порту, грузчиком. Дальше пошло: забастовщик, агитатор, безработный. Потом служба на корабле «Слава». Питер: гвоздильный завод и Франко-Русский. Боевое крещение в дни 9 января 1905 года. Партийный билет. Подполье. Аресты... Вместе с путиловцами Чугунихин ходил штурмовать Зимний, помогал новой власти в ее борьбе с контрреволюцией. Потом вызвали в Нарвский райком партии и велели немедля

отправиться к Бонч-Бруевичу в Смольный. Иван Чугунихин стал одним из комиссаров Семьдесят пятой.

В числе боевых товарищей был и комиссар Георгий Иванович Самодед, до прихода в Смольный — вожак красногвардейцев Нарвской заставы.

Василий Петрович Квятковский, большевик с лета 1917 года, был связным Петроградского райкома партии при Смольном в Октябрьские дни. Канонир по военной профессии, токарь — по гражданской; красногвардеец с завода Фефелева; воевал против Краснова и ходил на подавление офицерско-юнкерского мятежа.

Порученцем и бессменным адъютантом Бонч-Бруевича, комиссаром Семьдесят пятой по-прежнему был Михаил Цыганков.

...Владимир Дмитриевич работал всю ночь. Он приглашал к себе за перегородку дежурных комиссаров. Он хотел знать, что произошло за то время, покуда он отлучался в Нейволу. Он искал ключи для начала следствия. Но все, что рассказывали комиссары, было и без того известно: в Петрограде действуют какие-то офицерские организации.

Кто же стрелял? И есть ли связь между стрелявшими и теми военными организациями, на след которых удалось напасть еще до Нового года?

Ответа пока не было.

Михаил Цыганков напомнил о «типе из думы», который недели две назад приходил в Семьдесят пятую, рассказывал о личностях, подбивавших его бросить бомбу в Ленина. Может, тут есть какой-то след?

Но Бонч-Бруевич безнадежно махнул рукой: ищи ветра в поле.

Все досадовали. Комиссар Чугунихин, лобастый, крепкий, с руками молотобойца, нетерпеливый, был готов хоть сейчас отправиться на поиски террористов. Пусть только скажут, куда.

Если бы знал Бонч-Бруевич — куда?!

Александров сидел за перегородкой, рядом с Владимиром Дмитриевичем. Вдвоем они просматривали следственные дела, прошедшие в минувшие дни. Вместе искали, не проглядывается ли что-нибудь в этих документах?

Решили прежде всего допросить утром шофера, с ко-

торым Владимир Ильич ездил в манеж. А пока усилить внешнее наблюдение за Смольным.

Иван Чугунихин нахлобучил на голову солдатскую папаху, перетянул ватную тужурку ремнем и пошел в негласный наряд.

30

Поручик Николай Штырев снимал номер в «Астории». Он ушел из гостиницы в полдень 1 января и возвратился около полуночи. Коридорный, старый солдат, по-столичному учтивый, приметив, как нетвердо шагает офицер, помог ему дойти до номера.

Поручик снял с себя башлык, шапку, шинель, сапоги, расстегнул китель и бросился на кровать:

— Водки и пива!

Коридорный остался у дверей. Такое уже бывало: поручик явится за полночь, закажет всего на свете, но вспомнит, что в кармане у него ни гроша, выругается и на том — конец. Но сегодня деньги у поручика, видно, были.

Офицер крикнул:

— Ну!

Когда солдат вернулся с бутылками, Штырев расплатился и уже незлобиво выпроводил:

— Иди, отец.

Полчаса спустя в номер постучали. Вошли чекисты и предъявили ордер:

Всероссийская Чрезвычайная комиссия
при Совете Народных Комиссаров
по борьбе с контрреволюцией и саботажем

№ 111

ОРДЕР

Поручается предъявителю сего произвести обыск в «Астории», задержать заподозренных лиц, в том числе Штырева.

Председатель Ф. Дзержинский.
Секретарь И. Ксенофонтов.

2 января 1918 года.

Ночь стояла тихая, морозная. В густом тумане, при редких фонарях на Исаакиевской площади, едва угадывались очертания гигантского купола собора. Ни

звука, ни шороха. Только стук каблуков трех шагающих в ногу военных — двух матросов и офицера.

От «Астории» до Гороховой — рукой подать. И вот уже знакомый подъезд. Знакомый не только конвойным матросам, но и Николаю Штыреву, поручику 9-го драгунского полка...

Бумаги, взятые у Штырева, в ту же ночь просматривали Дзержинский и Ксенофонтов. Прочитывали каждый листок, каждый клочок.

Среди бумаг оказался список офицеров, написанный рукой Штырева. Мелькнула и такая фамилия:

Подпоручик ОРЕЛ

Ксенофонтов задумался. Где он это слышал: Орел? А может, показалось, что слышал? Во всяком случае, запомнилось: Орел.

В других записках шла речь о каких-то сорока рублях, которые должен оставить Штыреву какой-то Сергей. «Нужно очень и очень. Ради бога, оставь. Министр долг отдаст в понедельник». И еще: «Я буду в кафе в 8.30». И еще: «Японский рис 8 вагонов, Туземный табак 2177 пудов».

Стихи:

К. . . . .
Держись, мой друг, подальше от сатиры.
Я духом мал и ростом невелик,
А потому возвышенной сей лиры
Не понимаю и встаю в тупик.

Дзержинский и Ксенофонтов согласно пришли к мысли, что некоторые черты арестованного угадываются по его бумагам. Безденежье — раз, какие-то явки — два, зависимость от какого-то «министра» — три... Коммерческие операции — четыре. Графоман — пять. И, кстати, примечательное признание: «Духом мал». Что же в итоге? Мечущийся, малодушный, терпящий нужду офицер, готовый на все.

В архивах нет указаний на то, почему подозрение пало на Штырева. Известно только, что в военной гостинице «Астория» были люди, которым что-то давно не нравилось в поведении Штырева. И он был арестован примерно через шесть часов после выстрелов на Фонтанке. В связи с этими выстрелами.

Водворив Штырева в камеру предварительного заключения, Дзержинский распорядился начать допрос утром.

31

После выстрелов на Фонтанке Зинкевич и Некрасов встретились дома, уже ночью. Потом пришел Ушаков. Зинкевич позвал их обоих в свой кабинет. Прикрыв дверь, капитан бросил Ушакову:

— Вы трус!

— Да знаете ли вы?! — Ушаков надвинулся на капитана.

Некрасов встал между ними:

— Полноте... Нельзя так, Александр... К тому же у нас нет оснований сомневаться...

— Независимо от исхода, Ушаков не выполнил приказа! На фронте за это расстреливают.

Ушаков подставил грудь:

— Стреляйте!

— Да успокойтесь же! — снова вмешался Некрасов. — Что за мальчишество?! — Он подошел к Ушакову, тронул его за плечо: — Ну и спичка!..

— В конце концов, я сделал то же, что и вы! — Ушаков дрожащими руками стал застегивать китель.

— Вы обязаны были бросить гранату... на мосту... в автомобиль... Вы взялись... Это стало для вас приказом!

— Я не мог бросить...

— Струсили? Поджилки затряслись?! — Зинкевич брезгливо отвернулся.

— Да, затряслись! — истерически крикнул Ушаков. Он хлопнул дверью, ушел.

Той же ночью на квартиру Некрасовых пришли Федот Онипко и Николай Мартьянов.

— Удалось?

Капитан ответил не без бравады:

— Влепили как следует!

— Вы уверены?

— Поверьте мне... Я доктор... Даже для троих больше чем достаточно, — сказал Некрасов.

(Зинкевич, как и Некрасов, скрыли свой разговор с Ушаковым. Не стали посвящать Онипко в то, что сплоховал Семенов. Онипко приносил деньги. Говорить ему правду было ни к чему.)

Онипко пожелал точно знать, что́ произошло у манежа и на мосту. Услышав, что ленинский автомобиль

смог все-таки свернуть на Моховую, Онипко задумался:

— А не пустые ли хлопоты?

— Утром все разъяснится, — рассудил Мартьянов.

Ночной визит Онипко был вызван, как оказалось, не только желанием узнать, удалось или не удалось.

Продолжая осведомляться об обстоятельствах покушения, Онипко, как бы между прочим, заметил:

— А знаете, наш ЦК эту операцию так и не санкционировал...

Зинкевич удивленно раскрыл глаза:

— Как понять?.. До сих пор мы знали, что вы для нас — партия социалистов-революционеров... От кого же вы тогда пришли к нам? Или это увертки Понтия Пилата?

Онипко снисходительно улыбнулся:

— Не сто́ит так горячо...

И он заговорил о том, что политика — дело тонкое. «ЦК должен в любом случае оставаться вне подозрений»... Таково требование, предъявленное ему и Лебедеву... «Что ж, в этом есть резон. Мы согласились. Вы тоже должны это понять»... Никто не может исключить вероятности того, что подобный же вопрос поставят расследователи... В случае провала... Так вот... «Вы — сами по себе... Так сказать, самочинная организация, живущая на самофуражировке».

Когда страсти несколько улеглись, Онипко заговорил о дальнейших планах, о предстоящем дне 5 января. При этом заметил, что ЦК эсеров испытывает финансовые затруднения...

Зинкевич снова вспылил:

— Это намек? Денег больше давать не будет?

Но Онипко успокоил: тут другое... От имени сил, которые он представляет, велись переговоры с одной иностранной военной миссией в Петрограде.

— Союзники весьма заинтересовались нашими планами и выразили готовность финансировать нас... наши усилия...

Позже, на следствии, доктор Некрасов показал:

«...Той же ночью Онипко написал несколько слов по-французски и передал записку Зинкевичу. Тот на следующий день отправился во французское посольство и получил свидание с военным атташе полковни-

ком Лавернем... В итоге Лавернь передал Зинкевичу 30 000 рублей на дальнейшую нашу работу».

2 января ни на квартире доктора Некрасова на Забалканском, ни в окружении Некрасова-Голгофского еще не знали, что с Лениным. Газеты в тот день не вышли — накануне ввиду новогоднего праздника типографии не работали. А слухи, распространившиеся по городу, были самые противоречивые. Одни уверяли, что Ленин убит, другие — что он лежит в Смольном и доктора говорят — безнадежный... Третьи утверждали, что Ленин невредим.

На Забалканском улавливали не только слухи, но и признаки того, как реагирует Смольный. Стало известно, что перед Смольным усилена охрана. К автомобилю, пробитому пулями, никого не подпускают. В Петропавловскую крепость доступ закрыт.

«Видно, берегут арсенал», — решил Зинкевич.

32

2 января в Семьдесят пятую вызвали шофера солдата Тараса Митрофановича Гороховика. Накануне он возил Ленина в Михайловский манеж.

Дознание вел комиссар Г. Линдеман, в прошлом рабочий завода «Нобель», член Петроградского Совета и комитета Семьдесят пятой.

Тарас Гороховик показал, что он «выехал из Смольного около 7 часов вечера, ехал по Суворовскому, Кирочной, Пантелеймоновской, Моховой, через Симеонов мост — к манежу». Стоял у манежа, заходил слушать Ленина. Ничего подозрительного у манежа не заметил. В Смольный возвращался той же дорогой. «Стрельба началась при спуске автомобиля с моста на Симеоновскую улицу. Слышал приблизительно 10 выстрелов. Стрелявших не видел...»

Позднее, в 1925 году, Тарас Гороховик рассказал о том же событии сотруднику клинцовской газеты «Труд». Запись отправили в Москву — Марии Ильиничне Ульяновой. Из Москвы пришла телеграмма: «Подтверждаю достоверность. М. Ульянова».

Тарас Гороховик вспоминал:

«Въехали на мост через Фонтанку и вдруг: «тра-ах-тах-тах!» Мимо автомобиля прожужжал рой пуль. [Потом] автомобильное стекло передо мной

зазвенело, брызнув мне осколками в лицо... «Это на Ильича», — мелькнула у меня мысль... Подальше скорей отсюда... Нажимаю на регулятор на все газы. Машина летит птицей... Отъехали за угол. На улицах лежали неубранные кучи снега. Туман мешает рассмотреть их. В одну кучу врезалась машина. Я слез, открыл карету автомобиля и спрашиваю: «Вы живы?»

При осмотре автомобиля оказалось, что его кузов в нескольких местах был просверлен пулями. Одна из пуль засела в кронштейне кареты. Ильич был спасен».

Второго же января допросили шофера Михаила Алкаева. Минувшим вечером Алкаев, тоже вызванный с машиной к Смольному, отправился с пассажирами к манежу. Но не доехал. Бонч-Бруевичу показалось это подозрительным. Не Алкаев ли подсказал террористам, куда прошла машина Ленина?

Подозрение тут же отпало. Было установлено, что в пути мотор автомобиля заглох, и пассажиры, работники Смольного, отправились дальше пешком. Алкаев провозился с мотором около получаса, с трудом завел его и поехал в гараж. Товарищи по гаражу отозвались о шофере хорошо. Комиссар Линдеман после совещания с Бонч-Бруевичем отпустил Алкаева.

Кто же стрелял?

К исходу 2 января у комиссии Семьдесят пятой ответа не было.

А на Гороховой?

...Среди делегатов IV съезда РСДРП, которые весной 1906 года съехались в Стокгольм, были Доманский и Володин. Вновь эти двое сошлись только одиннадцать лет спустя, после тюремных отсидок и политической ссылки. Сошлись уже в Петрограде. Доманский теперь назывался Дзержинским, Володин — Ворошиловым. В начале декабря 1917 года общее дело привело их на Гороховую, 2.

Дом этот и раньше был приметным в столице. В нем помещалось петербургское градоначальство. 5 декабря 1917 года, за два дня до образования ВЧК, Совет Народных Комиссаров постановил упразднить старое гражданско-полицейское учреждение, взамен создать новый орган охраны порядка и спокойствия в Петрограде. Поручили это Клименту Ефремовичу

Ворошилову. Он был назначен комиссаром по гражданским делам города Петрограда. В связи с этим Ворошилов вошел в состав ВЧК.

Хотя Штырев был арестован по ордеру Дзержинского, хотя Феликс Эдмундович стал расследовать дело поручика сам, допрашивать Штырева пришлось Ворошилову. В архивах нет на этот счет объяснений. Видимо, к полудню 2 января Дзержинский был спешно вызван в Смольный.

Допрос поручика Штырева состоялся вечером 2 января.

Штырев, теперь не без умысла подтянутый, — он был драгун! — став перед Ворошиловым, как перед генералом, спросил, может ли он курить в присутствии комиссара.

Ворошилов решил, что предисловия ни к чему. Он навалился на стол и, подавшись всем корпусом вперед, объявил:

— Поручик, вы обвиняетесь в причастности к покушению на Председателя Совета Народных Комиссаров товарища Ленина.

— Да кто это выдумал?! — закричал Штырев.

— Ну вот что, поручик, истерику разводить не будем.

Ворошилов достал из ящика письменного стола лист бумаги, перечеркнул на нем штамп упраздненного градоначальства и приготовился записывать.

— А нельзя ли без этого? — Штырев кивнул на бумагу.

...Позже Дзержинский прочел:

«Допрос Штырева *, арестованного в гостинице «Астория» в ночь на 2-е января 1918 года.

Допрашивал К. Е. Ворошилов.

Показания Штырева

Прежде всего, Штырев выразил желание не вести протокола допроса, так как, по его словам, то, что он сообщит, «заслуживает большего внимания, чем обыкновенный трафарет». Мною поэтому никаких записей не велось, за исключением записей сообщенных Штыревым адресов. Воспроизвожу по памяти все сообщенное мне Штыревым, хотя за точность изложения

* В написании К. Е. Ворошилова — Штыров.

трудно ручаться, так как г. Штырев — издерганное существо и всё его показание и объяснения сумбурны, сбивчивы и хаотичны. Однако это не умаляет их значения, а, наоборот, увеличивает, ибо за нервозностью и кривляньем этого господина кроется много такого, что он пока скрывает, но безусловно вскорости откроет».

Ворошилов далее записал, что Штырев, как следовало из его показаний, в конце октября 1917 года познакомился с человеком, который свел его с французской контрразведкой. «Интеллигентные люди, — сказал тот человек, — теперь должны напрячь все силы и помочь гибнущей родине». Штырев стал служить французам. Ему выдавали суточные по 15 рублей и отдельно за выполненную работу. Всего он получил 1200 рублей. Задания были следующие: узнать, где живут Ленин, Луначарский, Коллонтай и другие народные комиссары, собирать сведения о заводах и учреждениях, имеющих военное значение; выкрасть портфель большевистского дипломата Ганецкого (когда он ехал из Стокгольма в Петроград).

На вопрос Ворошилова, с кем Штырев готовил покушение на В. И. Ленина, поручик ответил, что никакого покушения он не готовил. На вопрос: «На какие средства вы жили?» — ответил: «Страшно задолжал».

Допрос Штырева закончился в одиннадцать часов вечера. Ворошилов предложил поручику представить письменное показание о том, как он оказался на службе у французской контрразведки и какие поручения ее выполнял.

...Кто же стрелял?

33

Вечером 2 января Феликс Эдмундович Дзержинский совещался с Иваном Ксенофонтовым и Мартином Лацисом. Было решено произвести обыски в редакциях эсеровских газет «Дело народа», «Воля народа» и «Набат». Возможно, там, в бумагах, найдется что-либо такое, что может навести на след? Эсеровские газеты были полны призывов к решительным действиям, к переходу в наступление.

...Ведущими сотрудниками и редакторами «Воли народа» были «эсеровская богородица» Брешковская,

единомышленник Некрасова-Голгофского Владимир Лебедев, небезызвестный Питирим Сорокин и другие.

О том, чем закончилось посещение чекистами редакции «Воли народа», можно судить по сообщению, вскоре появившемуся в газетах:

«2 января арестован весь состав редакции «Воли народа», за исключением Екат. Брешковской и лейтенанта Лебедева... Как сообщают, арест «воленародовцев» находится в связи с полученными Комиссией по борьбе с контрреволюцией совершенно определенными сведениями об организации лицами, стоящими в непосредственной близости к этой газете, боевой дружины, поставившей себе целью совершение террористических актов над членами Совета Народных Комиссаров...»

Чекисты Дзержинского, видно, уже 2 января были близки к тому, чтобы напасть на след организаторов покушения. Да, Владимир Лебедев знал многое. Если бы удалось его арестовать!.. Но Лебедев уже прятался в лабиринтах нелегального Петрограда.

34

Первые номера газет за 1918 год вышли только утром 3 января.

«Не удалось!» — поняли, прочтя газеты, Лебедев, Чайковский, Чернов.

«Не удалось!» — огорчился Онипко.

Зинкевич прочел доктору Некрасову строки из «Правды»: «Автомобиль был обстрелян сзади каким-то негодяем».

— В Смольном считают, что стрелял один человек? Что ж, тем лучше! — ухмыльнулся капитан.

Советские газеты сообщали, что Ленина спас Фридрих Платтен. Швейцарец, который ехал в одной машине с Владимиром Ильичем, успел наклонить его голову. Ленин невредим. Платтен легко ранен.

Революционный Питер негодовал. «Берегитесь! — писала «Правда», предупреждая «банкиров, фабрикантов, заводчиков, правых эсеров, бывших сыщиков, хулиганов» — ...за каждую голову наших они будут отвечать сотней голов своих!»

На заводах митинговали рабочие:

— Пуля, направленная в революционного вождя, рикошетом ударит по насильникам!

«Все за Советскую власть!» — такие принимались резолюции.

Эсеровская и кадетская печать отозвалась на первоянварские выстрелы удивительно согласно. «Покушение на Ленина, о котором говорят, как о факте, является событием совершенно туманным», — уверяли кадеты. Эсеры распространяли версию о том, что автомобиль Ленина, по-видимому, обстреляли «пьяные матросы». Нынче, мол, сие не редкость. Заподозрили, что в машине буржуй, — ну и палить. А Платтен ранен потому, что он из любопытства просунул руку в отверстие разбитого стекла (???)... «Дело народа» (газета эсеров) разгневалась особенно. В ответ на выступление «Правды» она опубликовала угрожающую передовицу «Легче на поворотах!» и оповещение: «ЦК партии с.-р. заявляет, что никакого отношения к загадочному покушению на жизнь Ленина партия не имеет».

Чтобы выгородить террористов и их вдохновителей, антисоветские газеты стали намекать, что «туманное — сквозь туман неизвестно кем произведенное и в тумане констатированное покушение» — это-де большевистский трюк: обвинить оппозиционные партии в терроризме и тем облегчить свои задачи в борьбе, идущей вокруг Учредительного собрания.

(Между прочим, те же правые эсеры, которые в январе 1918 года публично отрекались от причастности к выстрелам на Фонтанке, позже, уже в эмиграции, не только не отрицали факта покушения, а, напротив, объясняли: все, что от них зависело, они сделали. Так, возглавлявший военную комиссию ЦК эсеров Борис Соколов в 1924 году опубликовал воспоминания, в которых предал гласности и некоторые факты, относящиеся к истории первоянварского покушения.)

35

К сведению членов Учредительного собрания

2, 3 и 4 января 1918 года выдача удостоверений членам Учредительного собрания будет производиться с 11 часов утра до 10 часов вечера.

Комиссар над Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссией
М. Урицкий.

36

С первых дней нового года петроградские газеты запестрели сообщениями о том, что кадеты, эсеры и все другие антисоветские партии готовятся к 5 января как к «решающему дню». Сообщалось о том, что военная организация социалистов-революционеров настаивает на устройстве 5 января вооруженной манифестации, чтобы силою прорваться к Таврическому дворцу. Военная организация эсеров вызывает к 5 января в Петроград своих боевиков из разных городов страны.

Сами эсеры, разумеется, отрицали и это. Они уверяли в печати, что готовят лишь мирную демонстрацию, что их цель — защита, а не нападение.

Но фальсификация была раскрыта тотчас же. «Правда» еще 3 января (вечерний выпуск) вышла с «шапкой» через всю первую полосу:

> Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне, матросы!
>
> Буржуазия под маской защиты Учреднтельного собрания готовит предательское нападение на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.
>
> Буржуазия уже произвела предательский выстрел...
>
> Будьте на страже!

В передовой статье газета писала:

> ...На пятое число «Союзом защиты Учреднтельиого собрания» готовится, очевидно, вооруженная демонстрация...
>
> Как всегда бывает у господ капиталистов всего мира и их наемников... под лозунгом защиты скрывается нападенне...
>
> ...Господа банкиры, иаиимающие подлых убийц из... черносотенцев и правых эсеров, вопят о защите Учредительного собрания, подготовляя трижды презренное иападение.
>
> Нет предела лицемерию! Нет предела негодяйству этих наемных убийц!
>
> Товарищи рабочие! Все, как один человек, на действительную защиту революции, на защиту Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!

Впоследствии подтвердилось, что «Комитет спасения» и «Союз защиты Учредительного собрания» совместно с военной комиссией ЦК эсеров еще в конце декабря создали подпольный военный штаб для руководства выступлением, назначенным на 5 января. Штаб состоял из трех человек: Онипко, Семенова и бывшего генерал-квартирмейстера Петроградского округа подполковника Пораделова. (Арестованный 25 октября 1917 года, он был вскоре выпущен.)

Конспиративные заседания «тройки» происходили в доме на углу Литейного проспекта и Бассейной улицы — невдалеке от резиденции «Союза защиты Учредительного собрания».

Пораделов, человек военный, предлагал действовать открыто, силой оружия. Захватить Таврический, Смольный, телефонную станцию, мосты... Когда все это будет сделано, включатся политики и решат, как быть дальше.

— Отличный план! — воскликнул Семенов. — Но... нереальный! Какими силами действовать? — вот весь вопрос. Где эти силы? Мы до сих пор не имеем гарантий, что выступят даже наши авангардисты — семеновцы и преображенцы. Кто может твердо сказать, что выступят броневики?

Федот Онипко продолжал отстаивать свой план. Он говорил о «четвертой революции»... Начать с манифестации, создать впечатление, что поднялись массы, что происходит народное восстание... «Зажечь — и все возгорится»... Военные действия откроют «Солдатский университет» и другие формирования «ударников», «увечные», георгиевцы Осьминина, «охотники». Тогда пойдут и полки гарнизона...

После долгих дискуссий был принят план: манифестацию начать на Рижском проспекте, у Экспедиции заготовления государственных бумаг (там эсеры внедрялись особенно настойчиво). К Экспедиции подойдут колонны из-за Нарвской заставы и Коломенского района. После этого — марш к броневому дивизиону (он находился в расположении Измайловского полка). Десять — двенадцать броневиков станут во главе демонстрации. Дальше путь по 1-й Роте мимо Технологического института к Царскосельскому вокзалу. Здесь присоединятся вооруженные солдаты Семеновского полка, подойдут и манифестанты Московского района. К десяти часам утра сосредоточиться на Владимирской площади. К этому же времени на Марсовом поле должны собраться колонны Петроградской, Выборгской сторон и Васильевского острова. Там же сосредоточивается Преображенский полк — при полной боевой готовности. В час тридцать — общий сигнал. Одновременно с Владимирской площади и с Марсова поля стремительное движение к Таврическому.

«Охотники» с Забалканского соберутся еще ранее

на углу улиц Кирочной и Потемкинской. С подходом манифестантов они присоединятся к демонстрации, а затем в числе первых пробьются в Таврический дворец, чтобы поднять стрельбу в зале заседаний.

Для чего?

По терминологии Семенова и Онипко, это тоже называлось «инсценировкой народного восстания».

В то же время свою задачу будут выполнять «ударники», подготовленные в «Солдатском университете» Синебрюховым и другими подопечными Сомова, Красного Паука, князя Шаховского и комитета на Мойке, 20.

Главная задача первого дня — захват Смольного и Таврического. Смольного — чтобы ликвидировать Советское правительство. Таврического — чтобы сформировать кабинет министров из партий «большинства» Учредительного собрания — кадетов, правых эсеров, меньшевиков.

Дальнейшее будет зависеть от ЦК эсеров и «Комитета спасения».

...Так было задумано...

37

Вечером 3 января Синебрюхов пришел на 5-ю Рождественскую, в дом № 10. Позвонил в первую квартиру — с условными интервалами и продолжительностью.

Отозвалась Катя Шавина:

— Кто?

— Виктóр.

Дверь открылась.

На 5-й Рождественской обосновался главный штаб Синебрюхова.

Трое военных, которых старшая Шавина, Елизавета, поселила вместе с сестрой-гимназисткой, оказались членами этого штаба: фельдшер Кукин — адъютант Синебрюхова, Иван Петухов и Виталий Квасницкий — офицеры для поручений.

Вскоре на следствии Елизавета Шавина показывала:

«...Военные принесли к нам на квартиру пишущую машинку, и я после работы в Смольном приходила, чтобы печатать приказы, воззвания, списки, распоряжения. Такую же работу я выполняла на второй, запасной, конспиративной квартире «ударников» — по Кирочной улице, дом № 30, кв. 6, где жил прапорщик Пенский.

Все, что я слышала в Смольном, передавала Синебрюхову и его помощникам.

Однажды я передала пропуск шоферу-«ударнику» Федору Матвиевскому, и он пошел в Смольный с бомбами...

«Ударники» хотели разбить Смольный и свергнуть большевиков. Деньги им давали богачи и какие-то партии; денег было всегда много».

Младшая Шавина еще до прихода Синебрюхова опустила в гостиной шторы, погасила верхний свет, зажгла настольную лампу.

Проводив Синебрюхова в гостиную, гимназистка вышла, чтобы прислушаться, спокойно ли на лестнице и не слышно ли шагов с черного хода.

Знала ли младшая Шавина, зачем собираются эти люди? Надо полагать, что сначала она приняла на веру то, что говорила ей сестра. Потом поняла... Она пережила минуты страха. Но фельдшер Кукин пробудил в ней то, что она еще ни разу не испытывала. И ради него — видеть его, быть рядом — она пошла на все.

А старшая? Год спустя чекисты задержали ее в Рязани, как «эшелонную девку»...

В гостиной Шавиных Синебрюхова приветствовали прапорщик Волк — комиссар синебрюховского штаба, поручик Масленников — заместитель командира «ударников», подпоручик Колесников — начальник артиллерии, поручик Красиков — начальник пешей разведки и контрразведки, Кукин, Петухов и другие.

— Прошу садиться.

Только теперь Синебрюхов заметил, что в стороне на диване сидит полковник Ланцев. Как и тогда, на вечере в Реальном училище, он был одет в штатское.

Столь необычный приход Ланцева вызвал у Синебрюхова скрытое раздражение. Он понял, почему тот

появился здесь. Но не во власти Синебрюхова было не принять или ослушаться полковника. Он подошел к нему и отдал честь по-военному.

На столе, покрытом скатертью, в графине стояла вишневая настойка, рядом — консервы, сыр, хлеб.

Слово для доклада получил начальник разведки Красиков.

В тридцать лет Красиков выглядел пятидесятилетним. Лицо его было изрыто оспой. Пожелтевшее, восковое, оно напоминало маску из папье-маше: крупные брови и усы будто наклеенные, заостренные кверху; бритый подбородок в пятнах и царапинах. В прошлом Красиков был агентом царской военной разведки. Не раз по ночам в солдатских окопах был он бит и мят. Не раз кричал он тогда, что «свой», но синяков от этого не убавлялось.

Красиков пожаловался на то, что покушение 1 января сильно осложнило разведку в Смольном. Правда, бланки пропусков пока не менялись, поэтому имеющиеся могут быть использованы... Броневик, стоящий перед главным входом в Смольный, в расчет принимать не следует: он неисправен и не ремонтируется... Расположение комнат в третьем этаже сверено, и схема составлена. Важнейший объект — комната под номером 81 — кабинет Ленина. Но прежде чем попасть в кабинет, нужно пройти еще две комнаты канцелярии Совнаркома. Там охрана — красногвардейцы и латышские стрелки. Среди телохранителей — солдат Желтышев и рабочий Половинкин. Есть еще матросы, которых именуют секретарями Председателя Совета Народных Комиссаров.

— Ваш план? — прервал Синебрюхов.

— Войти в Смольный с самого утра и ждать подхода демонстрации. Извлечь приготовленные в Смольном бомбы и забросать комнаты восемьдесят первую и Семьдесят пятую и комендатуру. Самим уйти заранее продуманными ходами или укрыться, воспользовавшись паникой.

— Но Ленин к часу открытия Учредительного собрания наверняка будет уже в Таврическом, — проговорил Синебрюхов.

— И что же? — вмешался Ланцев. — Для начала важен сам факт взрыва в большевистском центре. Это произведет должное впечатление на манифестантов.

Улица поверит, что ликвидация ленинского правительства началась...

Синебрюхов сказал:

— Полагаю, наше решение должно быть таково: поручику Красикову во главе дружины с утра пятого быть в Смольном. Связь держать со мной. Я буду на квартире Пенского. Приказ о том, как и когда действовать, будет дан по обстановке. Не так ли?

Ланцев кивнул головой.

— Ясно?! — теперь уже повелительно закончил Синебрюхов, обращаясь к Красикову.

— Слушаю.

Начальник разведки заговорил о том, как представляется готовность других организаций и отрядов. Все восемь пунктов вербовки и обучения «ударников», организованные с помощью комитета на Мойке, 20, закончили мобилизацию. Люди сосредоточены на исходных позициях. На курсах Лесгафта собрано около 320 «ударников». Все начальники дружин проинструктированы. Все другие места сосредоточений пока также вне подозрений со стороны большевистских властей. План выступления согласован со штабом «Комитета спасения». В случае успеха ожидается подход из Режицы отряда полковника Глазенапа... Представитель, уехавший к сербам в Вологду, должен прибыть сегодня, и тогда станет известно, можно ли рассчитывать на поддержку союзных формирований. Всего в Петрограде ожидается выступление...

Ланцев круто повернулся к Синебрюхову, вопросительно и осуждающе подняв брови. Синебрюхов резко прервал Красикова:

— Господин поручик, прошу докладывать только о том, что имеет прямое отношение к кругу ваших обязанностей.

Лицо Красикова зарделось, усы вздрогнули.

После неловкости, продолжавшейся считанные секунды, Красиков заговорил вновь... «Ударники» из Преображенского полка присоединятся к демонстрантам и будут действовать на улицах. Такой же приказ исполнят «ударники», сосредоточенные в Семеновском полку... Прошлой ночью Закряжский с тремя солдатами провел операцию на Сергиевской — из кассы магазина они изъяли около трехсот тысяч рублей...

Звонок, раздавшийся в прихожей, заставил Красикова прислушаться. Синебрюхов и Ланцев мгновенно вышли в коридор. Катя, встретив их там, сказала, что она пойдет открывать двери с парадного входа. Если будет опасность, она даст знать голосом. Тогда Синебрюхов и Ланцев уйдут черным ходом.

В гостиной тоже приготовились... «Холостяцкая пирушка — не больше!»

Но переполох оказался напрасным. Это солдат-связной принес записку для Синебрюхова. От Елизаветы Шавиной... В Смольном создается особый пулеметный батальон. Цель — охрана правительства. Готовность батальона — к утру 5 января.

Солдата отпустили. Когда заседание возобновилось, Синебрюхов рассказал о полученной записке.

— Ничего удивительного, что Смольный готовится, — рассудил Ланцев и посоветовал немедленно разведать, как идет формирование смольнинского батальона.

Последним говорил комиссар штаба «ударников» прапорщик Волк — рослый, уже немолодой, некогда служивший в авиационной части. Волк был прислан к Синебрюхову с Мойки, 20. Волк говорил о политических проблемах выступления и прочитал приказ-воззвание к «ударникам».

Все остались довольны прочитанным.

Расходились поодиночке, одеваясь в штатское.

Ночью пришла Елизавета Шавина, и Кукин допоздна диктовал ей бумаги, которые должны были быть готовы к утру.

38

Поручик Николай Штырев сначала увидел небо столицы и лишь позже — стены домов и красный крест на белой косынке сестры милосердия. К февралю семнадцатого он уже был «выздоравливающим». Возвращаться в окопы не хотелось. Штырев стал искать знакомства, чтобы остаться в столице. В ту именно пору он пришел на Гороховую, 2, в петербургское градоначальство, к знакомому офицеру Юревичу.

Говорили они с глазу на глаз.

— Могу порекомендовать в контрразведку, — сказал Юревич.

— Какую?
— Хотя бы французскую...
— Шпионом стать? — возмутился Штырев.
Юревич улыбнулся:
— Когда очень нужны деньги и место, думают только о том, как их добыть.

Разговор закончился тем, что Штырев обещал подумать. Назавтра он ответил согласием.

— Вот и хорошо, — отозвался Юревич. — Доложу кому следует, исполнишь кое-какие формальности, и все будет в порядке.

Но время шло, истек срок явки Штырева на фронт, а Юревич почему-то все говорил, что надо ждать. Между тем Штырев сделался дезертиром. За несвоевременную явку в часть полагался полевой суд.

Денег у поручика теперь не было ни гроша. Штырев впал в отчаяние. Он занялся коммерцией, но ничего из этого не вышло, его обвели вокруг пальца... (Вот откуда записки о японском рисе и туземном табаке!)

В двадцатых числах октября некий Борис Давель (не исключено, что это был Борис Доблер) ввел Штырева в дом некоей графини Ольги Павловны на Мойке. Там Штырева представили господину, который по-русски говорил с иностранным акцентом. Назвался он Карлом Розитом и объявил Штыреву, что тот испытание выдержал и можно переходить к делу.

22 октября поручик переступил порог французской военной миссии в Петрограде. Его принял капитан Лоран.

Первое задание Штырев получил 28 октября. Это было в тот день, когда Краснов шел на Петроград. Иностранные миссии хотели знать, что происходит на подступах к столице, чью победу следует ожидать. И Штырев, русский офицер, завербованный сначала Юревичем, затем Борисом Давелем и, наконец, Карлом Розитом, отправился в Красное Село, чтобы разведать, каковы силы Краснова и как настроены его казаки. Отправился зарабатывать пятнадцать целковых суточных плюс еще за «дело».

Следующее задание, которое Лоран дал Штыреву, состояло в том, чтобы:

«1. Разведать, где находится Ленин?

2. Что делается в Смольном?

3. Возможно ли достать какие-либо документы из кабинета Ленина?»

...Штырев уверял чекистов, что он решил признаться во всем, а потому говорит правду. К Смольному ездил, присматривался, но в кабинет Ленина он проникнуть не смог. Капитану Лорану сообщал сведения «вымышленные, так как действительных не имел возможности добыть». Штырев, наконец, уверял, что с Лораном он вскоре порвал, так как французская миссия сделала предложение, «совершенно не отвечающее его (Штырева) взглядам».

Следствие продолжалось.

39

Депутаты Петроградского Совета, собравшиеся вечером 3 января в Смольном, только и говорили о покушении и не скрывали своей досады: есть у нас и ВЧК, и комитет Семьдесят пятой, и штабы Красной гвардии, а стреляют в первейшего человека революционной России — и никаких следов.

Кто стрелял? Кто задержан?

— «Литературно» это покушение подготовлено кадетской и эсеровской печатью. Именно она вскормила террористов, — сказал, открывая заседание, председательствующий.

Но такой общий ответ не мог удовлетворить депутатов. Подробностей ждали от докладчика—Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича.

Тот уже третьи сутки, с той ночи, как вернулся из Нейволы, не покидал Смольный: выслушивал разведчиков, которых рассылал по городу, отправлял по новым адресам комиссаров Чугунихина, Цыганкова, Самодеда, Сухова. Минувшей ночью Бонч-Бруевич допоздна работал за перегородкой в Семьдесят пятой, спал не раздеваясь, а рано утром пришел в совнаркомовский кабинет. Он прочел телеграммы и другие спешные бумаги, поступившие за ночь, набросал в блокноте, о чем нужно доложить Ленину, и ровно в девять, как только Владимир Ильич пришел в свой рабочий кабинет, сделал ему доклад о новостях за ночь, об исполненном из вчерашних распоряже-

ний, о том, что узнано нового в связи с предстоящим выступлением учредиловцев (теперь это было главным во всей внутренней жизни Смольного). Записав распоряжения Владимира Ильича, Бонч-Бруевич возвратился в канцелярию Совнаркома и с кем-то связывался, передавая сказанное Лениным. А позже, перед тем как пойти на заседание Петросовета, Бонч-Бруевич снова заглянул в Семьдесят пятую, переговорил с Александровым, своим заместителем, и отправился туда, где от него ждали самых важных известий.

Показания шофера Гороховика, как и поручика Штырева (Бонч-Бруевич был информирован о них), пока не содержали ничего определенного. Поэтому, начиная доклад в Петроградском Совете, Бонч-Бруевич даже не упомянул об этих допросах. Он сообщил другое. Наблюдения комиссаров Семьдесят пятой показывают, что неизвестные лица по-прежнему интересуются автомобилями, выезжающими из Смольного. Особенно привлекает их автомобиль Ленина... История первоянварских выстрелов пока не раскрыта. Несомненно лишь, что тут замешаны правые эсеры. Но нужно время, чтобы добраться до прямых организаторов и исполнителей этого разбойного нападения. Депутаты должны вместе с тем знать и другое: обстановка в Петрограде накалена. ВЧК и комитет Семьдесят пятой в последнее время произвели аресты лиц, принадлежащих к военным, благотворительным, просветительским и иным организациям, созданным при Временном правительстве. Показания арестованных не вызывают сомнений в том, что в Петрограде тайно действуют многочисленные офицерские группы и организации. В прошлом они были связаны с Корниловым. Теперь они находятся в тесной связи с Калединым, кадетами и правыми эсерами. Цель этих организаций — подготовка мятежей для свержения Советской власти... Мы подходим к 5 января, и у нас должна быть полная ясность, с чем можно встретиться в этот день. Контрреволюция готовится применить самые крайние средства борьбы. По солдатским казармам шныряют темные личности, призывающие к оружию. На заводах небывало активны эсеровские и меньшевистские агитаторы. Они требуют замены Советского правительства властью, созданной Учредительным собранием. Каждому понятно, что́ это озна-

чает... Долг всех сил революции, не теряя ни часа, подготовиться так, чтобы любая попытка контрреволюционного выступления была пресечена в зародыше.

...Бонч-Бруевич ушел еще до конца заседания. Ушел торопясь, поглядывал на часы...

Петроградский Совет 3 января принял две резолюции. Первая была по поводу покушения на Ленина:

«Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов выражает свою горячую симпатию вождю социалистической революции тов. В. И. Ленину...

...Мы заявляем всем врагам рабочей и социалистической революции: рабочие, солдаты и крестьяне сумеют охранить неприкосновенность своих товарищей и лучших борцов за социализм. За каждую жизнь нашего товарища господа буржуа и их прислужники — правые эсеры — ответят рабочему классу.

Петроградский Совет делает настоящее предупреждение во всеуслышание.

Вы предупреждены, господа вожди контрреволюции!»

Вторая резолюция была призывом к рабочим и солдатам бойкотировать предстоящую 5 января «демонстрацию врагов народа»... «Все рабочие в день 5 января остаются при своих обычных занятиях. Все полки остаются в своих казармах. На улицу выходят только вооруженные отряды, которых к этому призовут советские органы».

40

3 января, в шестом часу вечера, в здание Главного тюремного управления Петрограда проникли несколько неизвестных. Походили, огляделись и стали подговаривать служащих и солдат посодействовать в приобретении оружия — винтовок, гранат, револьверов. Обращались осторожно, но с уверенностью, что их поймут. Пришедшие, видимо, рассчитывали встретить сочувствие. Но дело обернулось иначе. Один из комиссаров управления, узнав, зачем пришли неизвестные, попытался задержать их. Те оказали сопротивление. Началась стрельба. Комиссар был ранен. Двоих удалось задержать. Один оказался офицером, служащим в штабе военного округа, у другого нашли членский билет партии правых эсеров и еще документ:

Исполнительный комитет партии социалистов-революционеров Московско-Заставского района

26 декабря 1917 года

Уважаемый товарищ!

Предъявитель сего, тов. И. Гаврилов, делегируется от нашего района в Петроградский штаб для постоянных работ, товарищ же Крылов остается при товарище Семенове.

Секретарь (подпись).

Эсеровский петроградский штаб, Семенов... Это был штаб «тройки» (Онипко, Семенов, Пораделов). Это были прямые нити к штабу восстания... Но, увы, о штабе «тройки» стало известно только впоследствии. А тогда захваченный документ был опубликован в печати лишь как предостерегающий сигнал: вот кто обзаводится оружием! Эсеровские боевики готовятся!

41

В конце декабря Ленин несколько дней отдыхал в санатории «Халила» на Карельском перешейке. Там он вел дневниковые записи («Темы для разработки»). Это были размышления и первые наброски решений по самым жгучим вопросам, выдвигаемым жизнью, революцией. Квартиры бедноты и продовольствие; организационная работа и организаторы из народа; национальный вопрос в России после Октября; подавление эксплуататоров; как организовать соревнование; Учредительное собрание и социалистическая республика Советов; демократия и диктатура пролетариата; международная политика молодой Республики в связи с переговорами в Бресте; переустройство экономики, национализация, распределение труда и распределение продуктов...

В те дни Владимир Ильич много думал и о том (не мог не думать!), как в сложившейся обстановке сломить контрреволюцию, как отстоять уже сделанное Советской властью? И Ленин приходил к мысли, что происходит острая, до бешенства отчаянная классовая борьба. Идет, в сущности, гражданская война, начатая кадетами и калединцами... Какие же иные меры, как не военные, должна применять диктатура проле-

тариата в отношении противников пролетарской власти? Проявлять слабость означало бы повторять ошибки парижских коммунаров. И тогда — угроза потери всего, что добыто в Октябре.

Первоянварские выстрелы, необычайная активизация антисоветского фронта в канун 5 января подтверждали выводы Ленина и требовали мер ответных.

3 января ВЦИК принял постановление, предложенное Лениным: на основании всех завоеваний Октябрьской революции власть в Российской республике принадлежит Советам и советским учреждениям. Никакое другое учреждение (имелось в виду Учредительное собрание) не может присвоить себе те или иные функции государственной власти. «Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы».

В тот же день Владимир Ильич писал Общеармейскому съезду по демобилизации армии:

Дорогие товарищи!

Товарищ Подвойскнй передал мне ваше предложенне и прошу нзвнннть меня, не брать в дурную сторону, что я вынужден огранннчнться пнсьмом к вам...

(Владимир Ильич в тот день не мог лично приехать на съезд и выступить перед солдатами.)

А дальше — о текущем моменте, необычайно сложном:

Мы переживаем, может быть, один из крнтнческнх периодов революции, когда Советской власти грознт и внешний враг — империалисты иемецкие и других стран, и враг внутренинй — контрреволюция, притаившаяся также за лозунгом «вся власть Учредительному собраиию».

Мы победим и этот кризис. Ни тенн сомнения в этом! Власть, завоеванная Советами, останется у Советов.

42

Яков Михайлович Свердлов разговаривал по телефону. Он то слушал, задумываясь, скользя пальцами по левому виску, то терпеливо, спокойно гремел знаменитым своим басом:

— И пусть протестуют! Советская власть выносит свои решения всерьез и будет отстаивать их, как

сказано в постановлении, «всеми средствами, вплоть до применения вооруженной силы»! Так, пожалуйста, и передайте.

Дзержинский стоял у окна свердловского кабинета. Перед Яковом Михайловичем ярко горела настольная лампа, и на засиневшие стекла окон ложилась тень остроконечной бородки и заостренного носа и всей худощавой фигуры председателя ВЧК. Дзержинский курил и, улыбаясь, смотрел то на Свердлова, то на Урицкого. Тот, свежевыбритый, в черной парадной тройке, при накрахмаленных манжетах (видно, только что из Таврического), тоже понял, кто и по какому поводу звонит Свердлову. Но, чтобы не терять времени, покуда разговор окончится, стал что-то выискивать среди записей в своем старом блокноте. Нарком по военным делам Подвойский, с рыжей бородкой, худой, в новом френче, склонившись над картой Петрограда, разостланной на столе Свердлова, наносил цветными карандашами то красные флажки, то синие квадратики, обозначая силы Смольного и возможные силы учредиловцев, определяя, где на пути к Таврическому должны стать правительственные войска. Нарком Дыбенко в неизменной матросской форменке, с бородой-щетиной, как всегда угловатый, жесткий, стоял рядом с Подвойским и переносил в свою полевую книжку уменьшенную схему обозначений, нанесенных Подвойским. Главком Петроградского военного округа Еремеев, дымя трубкой, переговаривался с чрезвычайным комиссаром по охране Петрограда Благонравовым.

Бонч-Бруевич вошел в тот момент, когда Свердлов еще говорил по телефону.

Заметив Дзержинского, Бонч-Бруевич подошел к нему, о чем-то тихо переговорил с ним и занял пустовавшее кресло у стола Свердлова.

Яков Михайлович положил трубку. Совещание началось.

Какие нужны меры, чтобы упредить противника, какие нужны силы, чтобы в случае, если враг выступит, нанести ему удар сокрушительный? Что — в военном плане — нужно предпринять, чтобы власть, завоеванная Советами, оставалась у Советов? Таков был главный вопрос, для обсуждения которого поздно вечером 3 января собрался Военный совет.

Дзержинский и Бонч-Бруевич обрисовали положение, сложившееся в Петрограде. Военный совет наметил ряд мер, результатом которых были приказы, распоряжения, предписания:

ПРИКАЗ

Впредь до особого распоряжения учреждается Чрезвычайный военный штаб в лице Н. И. Подвойского, К. А. Мехоношина, К. С. Еремеева... для защиты власти Советов от всех покушений контрреволюционных сил...

Народный комиссар по военным делам
Н. Подвойский.
К. Мехоношин.

ПРИКАЗ № 1

Чрезвычайного военного штаба
4 января 1918 г.

1. Никаких приказаний, кроме приказаний Чрезвычайного штаба, не исполнять.

2. В районе Смольного института, кроме того, исполняются приказания т. Владимира Бонч-Бруевича.

3. В районе Таврического дворца, кроме приказаний Чрезвычайного штаба, исполняются приказания Чрезвычайного комиссара г. Петрограда т. Благонравова и коменданта Таврического дворца т. Пригоровского.

4. В крепостном районе Петроградской крепости исполняются приказания Чрезвычайного комиссара г. Петрограда т. Благонравова.

Народный комиссар по военным делам
Н. Подвойский.
К. Мехоношин.

ГЕЛЬСИНГФОРС. ЦЕНТРОБАЛТ. ВОЕННЫЙ ОТДЕЛ

Срочно, не позже 4 января, прислать на 2 или 3 суток 1000 матросов для охраны и борьбы против контрреволюции в день 5 января. Отряд выслать с винтовками и патронами. Если нет, то оружие будет выдано на месте. Командующим отрядом назначается товарищ... Железняков.

Народный комиссар П. Дыбенко.

КОМЕНДАНТУ [РАЙОНА] СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Тов. В. Д. Бонч-Бруевичу
...Начальникам отрядов в районе Смольного

Выполнять распоряжения коменданта [района] Смольного В. Д. Бонч-Бруевича по охране района. База — Смольный.

Общее задание: частям войск и Красной гвардии, состоящим в Новочеркасских казармах, — 6-й Тукумский латыш-

ский полк и Московский полк — наблюдение со стороны Охты и по другую сторону моста по набережной со стороны Невского района и прилегающим улицам.

В районе Смольного толп и скоплений народа не допускать. Безоружных возвращать обратно словом убеждения. Вооруженных людей, проявляющих враждебные намерения, не допускать близко, убеждать разойтись и не препятствовать караулу выполнять данный ему приказ. В случае неисполнения приказа обезоружить и арестовать. На вооруженное выступление ответить беспощадным вооруженным отпором.

В случае появления демонстрации каких-либо рабочих, убеждать их до последней крайности, как заблуждающихся товарищей, идущих против своих товарищей и народной власти.

Главное командование — Чрезвычайный военный штаб. Быть с ним в связи и посылать донесения каждые 2 часа.

Воинские части Смольного района: [перечень]

Член Чрезвычайного военного штаба Главком [Петроградского военного округа] — Еремеев*

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ФРАКЦИЙ БОЛЬШЕВИКОВ ЦИК СОВЕТОВ И УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Агитационный отдел ЦИК и Петроградского Совета просит всех товарищей членов фракций большевиков ЦИК и Учредительного собрания предоставить себя в его распоряжение в дни 3 и 4 января. Являться в комнату 44, второй этаж Смольного института.

К НАСЕЛЕНИЮ ГОРОДА ПЕТРОГРАДА

Чрезвычайная комиссия по охране Петрограда получила сведения, что контрреволюционеры всех направлений объединились для борьбы с Советской властью и днем своего выступления назначили 5 января — день открытия Учредительного собрания...

Организацию контрреволюционеров питают большими деньгами московские и петроградские банкиры и спекулянты.

Для поддержания строгого революционного порядка в столице Чрезвычайная комиссия приняла надлежащие меры.

Доводя об этом до всеобщего сведения граждан, Чрезвычайная комиссия напоминает:

1. Что Петроград находится на осадном положении.

2. Всякое неповиновение распоряжениям представителей народной власти будет влечь за собой применение суровой репрессии.

3. Каждая попытка проникновения групп контрреволюционеров в район Таврического дворца и Смольного, начиная с 5 января, будет энергично остановлена военной силой.

4. Товарищи и граждане, верные власти Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, призываются к полному спокойствию,

---

* «В этом предписании суммировалось то, до чего мы договорились на нашем военном совете». (Примечание В. Д. Бонч-Бруевича.)

к поддержанию везде и всюду самого строгого порядка, к неучастию в демонстрациях, митингах и уличных собраниях, чтобы случайно не пострадать, если будет необходимо применить вооруженную силу к контрреволюционерам.

Чрезвычайная комиссия по охране г. Петрограда.
3 января,
11 час. ночи.

К РАБОЧИМ!

Товарищи рабочие! Нами получены сведения, что на некоторых заводах враги народа ведут усиленную агитацию среди мало политически развитых слоев рабочего класса и убеждают их выступить завтра против своей же Советской власти.

Только безумцы могут рассчитывать, что рабочие пойдут против своего правительства. Мы убеждены, что если бы такая агитация имела бы хоть самый малый успех, то сознательные кадры рабочих не допустили бы ни в коем случае, чтобы из их среды могли выйти пособники контрреволюции.

Выступление же укрывающихся на заводах шкурников-контрреволюционеров рабочий класс, несомненно, пресечет решительным образом.

Чрезвычайная комиссия по охране г. Петрограда.
4 января 1918 г.
11 час. вечера.

Комиссар над Всероссийской комиссией по делам о выборах в Учредительное собрание М. С. Урицкий известил в печати:

Согласно постановлению Совета Народных Комиссаров, утвержденному ВЦИК Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, имею честь просить товарищей и граждан членов Учредительного собрания пожаловать на первое заседание Всероссийского Учредительного собрания 5 января, в 12 часов дня.

Всю ответственность за порядок и охрану Таврического дворца в день открытия Учредительного собрания Урицкий возложил на коменданта дворца Пригоровского. Ему предписывалось «принять все необходимые меры, чтобы 5 января не было никаких скоплений ни во дворе Таврического, ни в прилегающих к дворцу частях улиц, не останавливаясь в случае крайней необходимости перед действием оружием». Членов Учредительного собрания, обменявших набоковские удостоверения на красные мандаты, пропускать во дворец с главного подъезда, а не имеющих — с Церковного для получения там надлежащих (крас-

ных) удостоверений. У входа в зал заседаний обеспечить строгий контроль мандатов. Если в Белом зале окажутся лица без красных мандатов (т. е. лица, попрежнему игнорирующие приказ правительственного комиссара), то названных лиц, кто бы они ни были, задерживать и препровождать в комендантскую для установления личности и дальнейших распоряжений.

43

4 января, за день до исторической даты, князь Дмитрий Шаховской подъехал на извозчике к облицованному серым гранитом дворцу на Большой Морской. Там находился Русский торгово-промышленный банк.

Швейцар в форменном сюртуке с позументами, завидев князя, круто изогнулся:

— Дмитрий Николаевич? Ваше сиятельство... Позвольте шубу...

А по лестницам, по этажам, по банковским канцеляриям уже понеслось:

— Дмитрий Николаевич пожаловали...

— Самолично...

Для чиновников это было добрым предзнаменованием.

Шаховской, уже много дней где-то скрывавшийся, Шаховской, имя которого здесь произносили только шепотом, вдруг объявился! И как? Открыто, почти как прежде! Завтра «великий день России», и князь решил показать, что он на месте.

Полчаса спустя князь уже жалел, что решился на этот визит.

Банковские чиновники, еще недавно встречавшие Шаховского раболепной улыбкой, теперь хмуро, опустив головы, исподлобья поглядывали, как чекисты вели князя по тем же коридорам, по той же лестнице, но в обратном направлении.

У подъезда ждал уже не извозчик, а казенный чекистский автомобиль.

На Гороховой, 2, Шаховскому объяснили, почему он задержан: до Октября финансировал «Военную лигу», затем — саботирующих чиновников, теперь связан с офицерскими заговорщическими организациями.

Шаховской выслушал, вздохнул, вгляделся в лицо следователя — молодого парня в черной косоворотке,— снова вздохнул и, откинувшись на спинку стула, спокойно, совершенно спокойно заговорил... Он первый раз слышит о «Военной лиге». Он никогда ни с какими заговорщиками дела не имел, никаким чиновникам частным образом не помогал. Он человек дела, у него хватает своих забот — банки, заводы, рудники. Он может указать лиц, которые осведомлены о всех его расходах, всех до последней копейки.

— Кто эти люди? — спросил следователь.

Шаховской назвал юристов, управлявших его делами.

Следователь записал фамилии, но заметил, что, служа князю, эти люди вряд ли скажут правду. И предложил Шаховскому самому вспомнить, сколько он дал «Военной лиге» (кроме 500 000, о которых известно ЧК); вспомнить, сколько он пожертвовал в пользу штаба саботирующих чиновников — «Союза союзов» (в руках ВЧК — подписные листы «благотворителей», там есть и подписи Шаховского). Наконец следователь спросил, в каких отношениях князь находится с лицами, фамилии которых Ланской и Орел.

Шаховской ответил, что эти лица ему совершенно неизвестны.

Следователь настаивал:

— Я предлагаю ответить, сколько денег вы дали Орлу и Ланскому? Где они сейчас и каков состав организации, которую они создали при вашем участии?

Шаховской повторил, что все эти вопросы для него совершенно непонятны.

Князя увели.

(О Моряке и Докторе у Шаховского еще не спрашивали, ибо о них на Гороховой еще не знали.)

...Имя Орла промелькнуло в бумагах Штырева. Но откуда явилось подозрение, что Орел связан с князем Шаховским? И кто такой Ланской, также связанный с Шаховским и стоящий во главе какой-то антисоветской организации?.. В следственных бумагах ответа нет. Известно лишь, что все эти вопросы были поставлены Шаховскому в день его ареста, 4 января. Но князь все отрицал.

Бонч-Бруевич приказал комиссарам собраться к одиннадцати вечера. Сам отправился к Владимиру Ильичу, доложил об обстановке, получил указания и уехал на Гороховую к Дзержинскому. В начале двенадцатого Владимир Дмитриевич позвонил Александрову, что задерживается. Комиссарам — ждать.

И ждали.

Кто дремал в «комиссарской», кто за перегородками — за столами, на стульях, на скамьях, у ружейной пирамиды, в дальних углах на полу... Дубленые полушубки, ватные пальто, солдатские шинели, матросские бушлаты, бекеши, кожаные тужурки — каких только одежд здесь не было!

Собравшиеся комиссары почти все эти дни, как и Бонч-Бруевич, не знали отдыха. Дежурили в Смольном, носились по городу, насквозь продуваемые ветрами, выслеживали, высматривали врага. И разве им, усталым, пригревшимся в смольнинском тепле, могла помешать трескотня пишущей машинки, на которой Михаил Цыганков выстукивал какие-то распоряжения, или телефонные звонки, почти несмолкаемые?

— Один шестнадцать слушает! — отвечал дежуривший в ту ночь комиссар Иван Чугунихин.

Это был человек удивительно выносливый. Где только не побывал он за эти первые дни января! А сейчас, поспав всего лишь час или два, он снова был свеж и неутомим.

Выслушав, что сказали по телефону, Чугунихин ответил:

— Ждите. «Скрипун» выехал еще полчаса назад.

«Скрипун» — это комиссар Пискунов. Он поехал на помощь другому товарищу из Семьдесят пятой, который выполнял задание где-то на Васильевском острове.

И снова телефонный звонок. И снова громкий голос рослого Ивана Чугунихина, то резкого, то добродушного и острого на слово:

— Один шестнадцать слушает...

Чугунихин с первых слов узнал, кто звонит, выслушал, проговорил в телефонную трубку:

— Вася, понял... Жди...

Звонил Василий Квятковский.

Часа три назад Квятковский по приказу Бонч-Бру-

евича отправился на Выборгскую сторону. Оттуда был сигнал, что кто-то расклеивает листовки: «Завтра пойти к Таврическому, чтобы действовать и покончить с властью большевиков». Квятковский поехал на автомобиле с шофером Василием Федоровым; взял с собой трех красногвардейцев.

...Машину поставили в укромном месте. Федоров остался при автомобиле, а Квятковский с помощниками пошел бродить по Сампсониевскому проспекту. Пошли пошатываясь, будто подвыпили. Так заметили двух молодцов — одного в полушубке, другого в студенческой шинели. Те заходили в подъезды домов, недолго там задерживались и снова выходили на проспект. Разведчики пошли по их следу. И обнаружили — вот распространители листовок! Догнали, взяли их, отвезли в Выборгский совдеп. Оказалось — это сыновья какого-то лавочника. Живут в Парголове. «Надо добраться туда, наверняка остались листовки», — решил Квятковский. Но он знал, что в одиннадцать автомобиль Федорова должен быть у Смольного. Потому и звонил Чугунихину: нельзя ли Федорову задержаться?

Чугунихин вернулся от Александрова и сказал в телефонную трубку:

— Вася! Передай Федорову, чтобы на всем ходу летел домой! А ты проси помощи в совдепе. Скажи, от чьего имени действуешь. И будь здоров!

Полминуты спустя снова телефонный звонок. И снова отклик Чугунихина:

— Один шестнадцать слушает.

Теперь в телефонной трубке голос незнакомый. Он переспрашивает, кто именно у телефона.

— Иван Чугунихин...

— Так вот, господин Чугунихин, передайте своим товарищам, что завтра все они будут висеть на столбах перед Смольным. Вы — тоже. Можете помолиться...

— Что?! Кто говорит?

Чугунихин уже вскочил, вскипел, забормотал что-то злое. Защелкал рычагом телефонного аппарата, спросил телефонистку:

— Барышня, кто сейчас звонил по номеру один шестнадцать?

Но разве барышня могла уследить за всеми, кто звонил?..

Эх, кабы один на один с тем господином!

— Поднимайте всех!

Бонч-Бруевич сказал это еще на пороге, как только вошел в Семьдесят пятую.

— Подъем! — прогремел Чугунихин. — Подъем!

И все пришло в движение...

...Несколько минут спустя автомобили Семьдесят пятой — постоянные и прикомандированные — выехали за ограду Смольного. В первом автомобиле ехал Бонч-Бруевич с Цыганковым и Александровым. В других — комиссары Блажкевич, Соловьев, Олехно, Озеревский, Сергеев, Игнатьев и другие. С ними латышские стрелки.

Ночь на этот раз была безветренная, снежная.

Автомобили остановились невдалеке от дома № 32 по Английскому проспекту.

Бонч-Бруевич отдавал приказания вполголоса. Дом, где помещались физические лаборатории Высших курсов профессора Лесгафта, был оцеплен латышскими стрелками. Комиссары вошли в главный подъезд, обезоружили часового и отправили его на улицу. В подъезде собрались и латышские стрелки. Обнажив револьверы, взяв ружья наперевес, комиссары и стрелки по команде Александрова вслед за ним бегом поднялись по лестнице и, не останавливаясь, ворвались в зал, где спали ничего не подозревавшие триста с лишним офицеров и солдат-«ударников», собранные здесь под видом слушателей «Солдатского университета».

— Ни с места! Сдавать оружие! — скомандовал Александров, когда его люди рассыпались по рядам коек.

Сон или явь? «Ударники» не сразу поняли, что происходит. Но, увидев револьверы и винтовки, нацеленные в самую грудь, убеждались: нет, не сон!

— Вот это ловко! — изумленно, искренне признавались вчерашние фронтовики, не раз бывавшие в переплетах.

Обезоруженные, они были построены посреди зала. К ним обратился Бонч-Бруевич:

— Солдаты! Вы обмануты. Под видом «Солдатского университета» здесь создан один из отрядов контрреволюции. Сегодня утром вас должны были поднять по тревоге, чтобы вместе с другими вы разожгли в столице огонь гражданской войны. Чтобы вы стреляли

в рабочих и солдат, стоящих на страже Советской власти.

Он сказал, что кроме обманутых здесь есть и такие, которые прекрасно знают, какие приказы они должны были отдать через несколько часов... Следственная комиссия, действующая именем революции, разберется в деле каждого. А пока все объявляются задержанными.

По свидетельству Бонч-Бруевича, в той операции было задержано 327 «ударников». Их отвели под конвоем в одну из ближайших казарм. А часть офицеров доставили в Семьдесят пятую для немедленного допроса.

45

Александр Осьминин, председатель петроградского Союза георгиевских кавалеров, ездивший в канун Нового года в Нейволу, вечером 1 января отсиделся на Перекупном, у Ольги Саловой. А утром, еще не зная исхода выстрелов на Фонтанке, выписал себе командировку и отправился в Москву. Расчет у него был простой: если для «охотников» — беда, то в Петроград он не вернется, если успех — то успеет возвратиться вовремя.

Он вернулся в столицу 4 января, зная из газет, что покушение не удалось, а стрелявшие не обнаружены.

В ночь на 5 января, почти в те же часы, когда заканчивал свое существование «Солдатский университет», комиссары Семьдесят пятой исполнили и другое задание Дзержинского и Бонч-Бруевича: побывали на Захарьевской, 14, в штаб-квартире георгиевских кавалеров. Они застали там секретаря союза Андрея Маевского. Однако Осьминина там не было. Они произвели обыск, но ничего предосудительного не обнаружили. Они взяли бумаги союза, но в них никаких намеков на участие георгиевцев в антисоветском заговоре не оказалось. Маевский, допрошенный в Семьдесят пятой, был той же ночью отпущен.

Не таков был Осьминин, чтобы рабочие парни из Семьдесят пятой так запросто могли накрыть его!

А между тем он работал...

Позже, на следствии, Осьминин показал:

«„Комитет спасения“ обратился к нам с предложением поддержать его во время выступления в защиту Учредительного собрания. За это нам обещали компенсацию. Так, Онипко предлагал деньги на издание газеты Союза георгиевцев... Наш президиум высказался за принятие этого предложения».

. . . .

Вопрос. Следствию известно, что вы, Федот Онипко, вы персонально, от имени «Комитета спасения» вели переговоры с Осьмининым, чтобы Союз георгиевских кавалеров взял на себя обязательство выступить с оружием в руках против Советской власти. Вы признаете это?

Ф. Онипко. Да, незадолго до созыва Учредительного собрания я действительно вел переговоры с Осьмининым, привлекая организацию георгиевских кавалеров к выступлению против большевиков.

. . . .

О. Салова. В ночь на 5 января Осьминин ночевал у меня. Он ушел рано утром, вооруженный. До этого переоделся в черную штатскую куртку. Уходя, сказал, что, если кто спросит его, ответить, что опять уехал в Москву. Он оставил какую-то записку, уж не помню о чем, но запомнилось, что он подписался не Осьминин, а Деряба...

Под утро 5 января Бонч-Бруевич вручил приказ комиссару Григорию Ивановичу Самодеду:

ВОЕННЫЙ ШТАБ СМОЛЬНОГО РАЙОНА
5 января 1918 г.

ПРИКАЗ-ОРДЕР

Поручается комиссару тов. Самодеду произвести обыск по 5-й Рождественской, д. 10, кв. 1, и по результатам обыска арестовать Вячеслава Николаевича Синебрюхова.

Комендант отряда Смольного района
В. Бонч-Бруевич.

За начальника штаба
[А.] Александров.

Арестовать Синебрюхова!

Имя это и адрес всплыли не то на Гороховой, не то после первых допросов арестованных на Английском проспекте.

Самодед поехал не один. Он взял с собой латышских стрелков.

Когда в прихожей раздался звонок, Кукин решил, что вернулась Елизавета: она печатала всю ночь и недавно ушла. Но, прислушавшись, понял — звонит кто-то другой.

Дальше все произошло обычно. Самодед предъявил приказ-ордер и потребовал, чтобы все, оказавшиеся в квартире, удостоверили документами, кто они есть. Документы были самые исправные: «Кукин Александр Петрович, фельдшер, уволен в отпуск»... «Квасницкий Виталий Иванович, вольноопределяющийся, в отпуске до 5 января 1918 года»... «Петухов Иван Васильевич, прапорщик, выздоравливающий...»

В дальней комнате спала девушка-гимназистка. Самодед и от нее потребовал документы. Та предъявила гимназический билет: «Екатерина Шавина».

Самодед счел, что малолетним можно спать даже при обыске, и отправил ее в свою комнату.

— А где Синебрюхов? — строго спросил комиссар, не обнаружив того, кто значился в его ордере.

— Синебрюхов? Кто такой? — пожал плечами Кукин.

— Не знаете? И вы не знаете? И вы? — переспросил Самодед. Переспросил каждого в отдельности — Кукина, Квасницкого, Петухова.

Все подтвердили, что не знают.

Молодой комиссар был человеком горячим — черниговский парубок! Но в нем слились воедино и собранность мастерового-путиловца — еще недавно Самодед работал в Шрапнельной мастерской, — и отвага красногвардейца Нарвской заставы. Помнил он и наставления Бонч-Бруевича... И заставил себя сказать сдержанно:

— Раз не знаете — вам придется поехать со мной!

Самодед закончил обыск к семи часам утра. Он написал протокол:

«...При обыске найдено втроих молодых человека, которые находились в одной комнате — Александр Петрович Кукин, Иван Васильевич Петухов, Виталий Иванович Квасницкий. Обнаружена пишущая машинка, бланки чистые с печатью Красной гвардии Нарвского района и печать батальона смерти Пятигорского

полка и оттиск Пятигорского батальона смерти. В остальных комнатах ничего не оказалось».

Комиссар предложил всем троим прочитать и подписать протокол. Кукин ухмыльнулся («найдено втроих молодых человека») и сказал что-то насчет грамотности. Но Самодед вспылил:

— Факты правильные? Вот и подтверждайте!

Кукин поставил подпись. За ним — другие.

Пишущую машинку, печать и бланки Григорий Самодед взял с собой. Арестованным приказал следовать за ним.

Когда уже подошли к дверям, Самодед вспомнил о гимназистке.

— Барышня! — громко позвал Самодед, думая, что та спит.

Но она откликнулась немедленно и вышла из своей комнаты.

— Закрывайтесь, мы уходим.

— Где Синебрюхов?

Кукин назвал его адрес лишь при допросе в Смольном.

Григорий Самодед поехал на Знаменскую, 2. Но там Синебрюхова тоже не оказалось. В его квартире комиссар застал других офицеров-«ударников» — Сергея Савинцева, Алексея Мартынова, Михаила Вульфа, Георгия Богданова.

К утру 5 января в разных местах города были арестованы многие офицеры штаба Синебрюхова, кроме самого командира, начальника разведки Красикова, поручика Масленникова и комиссара Волка.

Арестованных допрашивали тут же. Офицеры представляли дело таким образом, будто никакого штаба в квартире Шавиных не существовало... Пишущая машинка стояла в этой квартире еще до того, как они там поселились. Печать Пятигорского батальона смерти случайно нашли на улице, бланки — тоже. А ночевали они у Шавиных потому, что утром хотели пойти на мирную демонстрацию: от 5-й Рождественской до Таврического всего лишь несколько кварталов.

Офицеры, задержанные на квартире Синебрюхова, уверяли, что они... любители чтения. Собрались в дальнем флигеле дома Дурдина потому, что читали «Исто-

рию Французской революции» («Интересно, как тогда было с Учредительным собранием?»).

Шелуха эта быстро слетела. Подпоручик Савинцев признался, что он служил с Синебрюховым на фронте, в Петрограде встречались в клубе Калашниковской биржи. Алексей Мартынов тоже признал, что он был «ударником» еще в дооктябрьские дни. Приехал с фронта, имея адрес Синебрюхова. У Георгия Богданова оказались документы, подписанные командиром особого конного отряда штаб-ротмистром Стуканцевым — личностью, уже известной читателю.

В ту же ночь скончалась газета «Набат». Это сделали чекисты, посланные Дзержинским. Так и не увидели света подстрекательские инструкции для демонстрантов, призывы действовать всеми средствами и многое другое, приготовленное редакцией.

В ту же ночь были закрыты и другие газеты — сеятели смуты и лжи.

Еще до утра важно было узнать, какие инструкции получили антисоветские районные партийные комитеты, что делается в полках, на железных дорогах... Все наличные силы чекистов были в деле.

46

4 января во всех частях Петроградского гарнизона состоялись созванные агитационным отделом Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета митинги, посвященные вопросу об Учредительном собрании и Советской власти.

Несмотря на усиленную агитацию «оборонцев», гарнизон Петрограда по-прежнему твердо стоит за Советскую власть и готов отразить любые покушения на эту власть, откуда бы они ни исходили. В этом духе на всех митингах приняты резолюции...

(Из газет)

47

Софья Панина, арестованная 28 ноября 1917 года, в середине декабря предстала перед Революционным трибуналом. Ей предъявили два обвинения:

— противодействовала народной власти;

— присвоила и передала частным лицам 93 тысячи рублей, изъятые из казны в бытность ее товарищем министра государственного призрения.

Революционный трибунал вынес приговор: считать «гражданку Софью Владимировну Панину виновной в противодействии народной власти, но, принимая во внимание прошлое обвиняемой», ограничиться «преданием гражданки Паниной общественному порицанию»; «оставить гражданку Софью Владимировну Панину в заключении до момента возврата взятых ею денег в кассу Комиссариата народного просвещения».

Деньги были возвращены, и Панину освободили.

Андрей Шингарев и Федор Кокошкин, члены ЦК кадетов, бывшие министры, арестованные вместе с Паниной в ее особняке, к началу января 1918 года оставались в Петропавловской крепости. Шингарев вел там дневник. Знатный кадет хвалил русскую баню (даже в крепости) и обрушивал дьявольские проклятия на большевиков — за переговоры в Бресте, за декреты о национализации, за то, что отменены все дворянские и иные титулования (подумать только — Софью Панину никогда больше не будут именовать графиней!). Шингарев философствовал. По всякому поводу... Жена передала ему в камеру горшочек с вишнево-красными цикламенами. Шингарев поставил цветы на стол и отметил, что «в сумраке тюремной камеры они выделяются странным пятном... Цветы в тюрьме — неожиданно. Цветы — продукт солнца, тепла, света и свободы. А в тюрьме сумрачно, холодно, пусто. Украсить тюрьму цветами — противоестественно»...

...За стенами Петропавловки трезвонил «Набат», неистовствовал кадетский «Наш век», распространяя нелепейшую и гнуснейшую ложь: «Электрическая гильотина! Первая устанавливается в Петропавловке!.. Пятьдесят голов в сутки!»... А у Шингарева на столе, в камере Трубецкого бастиона, стояли цветы, принесенные женой! Хотя в самом деле тюрьма — не лучшее место для цветов!

В другой раз Шингарев философствовал по другому поводу. По его мнению, русская революция окончилась и потеряла всякий смысл, как только в ее политическую терминологию ворвалось слово «социа-

лизм»; что большевики, намеревающиеся провести этот социальный эксперимент, «не знают ни собственного народа, ни чужой истории», что «социализм в бездорожной, безграмотной стране» — не более как «плод юной буйности мысли», «фантазия детей, желающих поймать звезды ручонками...».

2 января Шингарев узнал от тюремного парикмахера, что на Ленина было покушение. И тут же Шингарев записал в свой дневник:

«Да, это понятно...»

Но от комментариев пока отказался:

«Никаких подробностей я еще не знаю. Завтра будут газеты».

Когда пришли газеты, Шингарев записал:

«Можно ли убийством Ленина... убить большевизм? Конечно, нет».

Шингарев не осуждал стрелявших. Он только сожалел, что большевизм убить невозможно.

Утром 5 января во время тюремной прогулки Шингарев, Кокошкин и другие обитатели Трубецкого бастиона, бывшие министры Временного правительства, обсуждали предстоящее открытие Учредительного собрания. «Никто не верит в эту возможность», — записал после прогулки Шингарев. Хотя тут же, имея в виду писания кадетских газет, добавил о том, что солдаты — семеновцы и преображенцы якобы «открыто высказываются против большевиков и за Учредительное собрание»... «Может быть и схватка», — с надеждой заключил Шингарев...

48

В ночь на 5 января в краснокаменном доме на Галерной улице проходило последнее перед выступлением совещание военного штаба эсеров (Онипко, Семенов, Пораделов) и членов исполнительного бюро «гарнизонного совещания».

Эсеровский комиссар броневого дивизиона еще уверял, что броневики выступят... Солдат с прилизанным проборчиком и университетским значком, представляющий Семеновский полк, менее категорично, но тоже

заверил: «Пойдем». Полковой писарь из Преображенского повторил прежнее: «Пойдем, если выступят семеновцы».

Доклады штатских еще более насторожили Онипко и его сотоварищей... Эсеровских агитаторов рабочие не принимают. А там, где их выслушивают, тотчас на одного эсеровского находится десять большевистских. Из самих рабочих. Даже там, где положение считалось особенно прочным, теперь все переменилось.

Один из членов бюро «гарнизонного совещания» сообщил о митинге, который он проводил на фабрике. После доклада о задачах Учредительного собрания выступил молодой рабочий, который сказал: «А по-моему, надо, товарищи, думать не о том, чтобы ссориться с большевиками, а о том, чтобы идти вместе с ними... Черновы, Авксентьевы уже были министрами, уже правили нами. Мы видели, к чему это привело. Нет уж, хватит! Как хотите, а я лично к Таврическому не пойду».

Онипко, услышав, словно задохнулся:

— Вы кого здесь представляете? Не большевиков ли?.. За нами пойдут тысячи и тысячи!

Совещание на Галерной затянулось допоздна.

— Вы в самом деле убеждены, что можно рассчитывать на массовое выступление? — спросил Семенов, когда вместе с Онипко он, покинув дом на Галерной, отправился для встречи с членами ЦК эсеров.

— Я знаю, что пятого мы должны провести новую пробу сил. У нас иного выбора нет. Или — мы, или — они.

О событиях 1 января Семенов и Онипко теперь вслух не говорили. Это было опасно, а для них, кроме того, это была еще и неудача.

На конспиративной квартире заседали Чернов, Гоц, Лебедев и другие члены ЦК эсеровской партии.

— Время слов прошло...

— Но время дел накладывает иную ответственность... — говорилось на заседании.

Центральный комитет эсеров решил: если демонстрация выльется в вооруженное столкновение с большевистскими войсками, если выступят «полки, верные Учредительному собранию», то штабу взять на себя

руководство движением, регулировать и направлять. Если неудача — немедленно отойти в сторону. («Мы — Понтии Пилаты!»)

Аресты, произведенные в течение ночи на 5 января, вывели из строя один из важных отрядов «ударников» — зачинщиков гражданской войны на улицах Петрограда. В тюрьме, под охраной, в казармах или в бегах оказались те, кому отводилась главная роль в диверсии против Смольного. Так еще до событий на улицах антисоветский лагерь понес чувствительные потери.

К рассвету 5 января Смольный знал возможные маршруты антисоветской демонстрации. И хотя в неизвестности еще оставался военный штаб эсеров, хотя еще гуляли на свободе «охотники» с Забалканского, хотя о Ланском, Орле и прочих главарях подпольной армии, собиравшейся к 5 января, было известно минимально мало, — готовность Смольного восполнялась другим. Все намеченное на Военном совете 3 января осуществлялось с революционной энергией и в масштабах, которых требовала обстановка.

К утру 5 января Чрезвычайный военный штаб вывел на улицы Петрограда сводные батальоны полков Литовского, Волынского, Гренадерского, Финляндского и ряда других, которые в ответ на призывы большевистских агитаторов и большевистских комиссаров твердо заявили: «Всякий, кто выступит против власти Советов, будет сметен с лица земли!»

На улицы Питера вышел тысячный отряд моряков и отряды Красной гвардии, броневики Чрезвычайной комиссии по охране Петрограда, красная милиция.

Естественно, что главное внимание уделялось защите района Смольный—Таврический.

В самом Смольном были приведены в боевую готовность латышские стрелки и особая пулеметная команда, сформированная накануне. В ночь на 5 января они провели совместное учение, проверив, все ли предусмотрено на тот случай, если придется отбивать нападение непосредственно на здание правительства.

Весь район Смольного—Таврического был разбит на участки (кварталы) охраны. В каждый такой квартал комендант района Бонч-Бруевич послал по два

комиссара Семьдесят пятой. До этого, ночью, он построил их в «комиссарской» и дал инструкции, как поступать. Сверх того, он вручил им запечатанные конверты. В них был письменный приказ, в основном повторявший директивы, которые получил сам Бонч-Бруевич: безоружных убеждать, вооруженных арестовывать, нападающих уничтожать на месте.

Комиссары обошли все дома, все дворы вблизи Смольного и Таврического. Старшим дворникам, швейцарам и домовым комитетам они вручили предписание — с вечера 4 января и до особого приказа держать все ворота и парадные на запоре, впуская и выпуская только лично известных жителей. Посторонних задерживать и отправлять в установленные пункты сбора.

Солдаты и отряды Красной гвардии еще до рассвета взяли под охрану Литейный и Охтинский мосты. Другие подступы к Смольному и Таврическому прикрыли сводные батальоны наиболее надежных полков. Солдаты расположились боевыми лагерями на важнейших перекрестках улиц. Во дворах ближайших домов были устроены перевязочные пункты Красного Креста. Задымились походные солдатские кухни.

Читатель помнит, что в Петроград были вызваны и матросы. Около тысячи их прибыло из Гельсингфорса и Кронштадта. Кроме того, к Таврическому пришли матросы крейсера «Аврора» и подразделения, выделенные столичными флотскими экипажами.

Сводный отряд балтийцев — им командовал Анатолий Железняков (Железников), в прошлом член Военно-морского революционного комитета, — разместился в Военной академии на Суворовском проспекте.

Еще до рассвета 5 января Бонч-Бруевич послал туда самокатчика с пакетом:

ВОЕННЫЙ ШТАБ
СМОЛЬНОГО РАЙОНА
5 января 1918 г.
№ 26

ПРИКАЗ

Начальнику отряда тов. Железнякову

Сообщаю Вам для сведения: демонстрация контрреволюционеров в нашем районе будет двигаться около двух часов по направлению к Таврическому дворцу по улицам: Кирочная — Потемкинская — Шпалерная к дворцу и оттуда: Таврическая — Суворовский в направлении к Николаевскому вокзалу.

Задача: ни в коем случае не пропустить (демонстрацию) к Таврическому дворцу, прекращая все попытки прорваться. На Кирочной будет Красная Гвардия, но совершенно необходимо охватить всю эту местность дозорами, чтобы к нужному моменту сосредоточить отряды.

...Сейчас же сообщите Ваши телефоны. Мой телефон 1-16.

Сообщите также, какие распоряжения по охране местности Вы получили от тов. Дыбенко.

Совершенно необходимо послать дозоры по улицам к Таврическому дворцу и к Смольному, причем крайне нужно время от времени в этих же двух направлениях высылать патрули, которые проходили бы по всем переулкам этой местности и зорко следили бы за людьми, прогуливающимися в той или другой местности, причем сколько-нибудь подозрительных обыскивать, отбирать оружие и, если нужно, арестовывать и доставлять в Смольный, комн. 75.

О всех событиях во вверенном Вам районе сообщайте мне немедленно...

Все автомобили без особых пропусков с двумя печатями Автомобильного отдела и Исполнительного комитета немедленно задерживать и доставлять в Смольный, комн. 10. Образец нового пропуска для автомобилей прилагаю.

Командующий отрядом Смольного района
Вл. Бонч-Бруевич.

За нач. штаба [А.] Александров.

К рассвету Железняков расставил лишь дозорных да патрулей. Главные же силы оставались в Военной академии.

Около девяти часов утра Бонч-Бруевич приказал отряду выступить к Смольному. Матросы подошли с оркестром и выстроились тремя колоннами. Железняков, высокий, картинно огромный и сильный, в бушлате, в широченно расклешенных матросских брюках, отдал рапорт.

Его принимал Бонч-Бруевич, впервые оказавшийся в роли военного, в роли командующего.

Владимир Дмитриевич стоял на ступенях Смольного, в наспех наброшенном пальто, вконец измотанный пятисуточной беспрерывной работой. Бонч-Бруевич слушал Железнякова, сделав руку «под козырек», хотя на командующем была самая что ни на есть штатская меховая шапка. Рядом с Бонч-Бруевичем стоял его адъютант Михаил Цыганков.

Выслушав рапорт, Владимир Дмитриевич снял шапку и не по-военному, а с привычностью митингового оратора обратился к матросам:

— Товарищи борцы за революцию!

Он сказал, что Учредительное собрание может быть орудием народной воли — рабочих, солдат, крестьян — или орудием кадетской воли — капиталистов, банкиров, помещиков. Все зависит от того, кто будет сидеть в Учредительном собрании. Нынешний его состав таков, что вряд ли можно ожидать от него признания главного — того, что вся полнота власти в новой России принадлежит отныне и навсегда, в центре и на местах — Советам... В Таврическом дворце предстоят события решающие. Но кто там одержит верх, зависит не только от того, что произойдет в стенах дворца, но и в немалой степени от того, как будут развиваться события на улицах Петрограда. Если врагам Советов удается одержать верх на улицах, они продиктуют волю и в Таврическом. Это должно быть ясно каждому матросу, каждому бойцу революции. Но было бы недостойно революционеров, если бы из-за несдержанности или самочинных действий кого-либо из матросов улицы Петрограда превратились бы в место кровопролития. Не это нужно Советской власти! Мы должны понимать, что разные люди встретятся в рядах демонстрантов. Надо так подействовать на сбитых с толку рабочих и обывателей, чтобы они по-братски поняли и подчинились распоряжениям революционной власти. Провоцирующих — осаждать и задерживать! Но и при этом — долготерпение и выдержка! И только в том случае, если перед вами — враги, выступающие с оружием, только против них должно быть обращено оружие. И тут — никакой пощады! Тут рука да не дрогнет!

Железняков слушал, заложив руки за спину. А когда Владимир Дмитриевич кончил, подошел к нему ближе, и они договорились, где расставить матросов, каким образом поддерживать связь дальше — по телефону и вестовыми.

Железняков подал команду «смирно» и развернул колонны.

Заиграл оркестр. Матросы лихой походкой двинулись к Таврическому.

Там уже были моряки с «Авроры» и из питерских флотских экипажей. Железняков присоединил часть своего отряда к авроровцам, а большую часть вывел на Литейный проспект и расположил у перекрестков

Литейного и улиц Шпалерной, Сергиевской, Кирочной и Бассейной.

С приходом матросов важейшие магистрали на пути к Таврическому и Смольному — со стороны Литейного — оказались перекрытыми тройным кордоном: моряками, солдатами и красногвардейцами.

Вторую главную магистраль — Суворовский проспект — перекрыли матросы, прибывшие из Кронштадта. На перекрестках вдоль Кирочной расположились отряды Красной гвардии и подразделения петроградских стрелковых полков.

За рядами войск остались пустые улицы. Лишь кое-где показывались жители домов, оказавшиеся за чертой оцепления.

Часов в одиннадцать Бонч-Бруевич, отдав приказания по Смольному, вызвал автомобиль. В сопровождении Цыганкова он поехал инспектировать район охраны. Начали с Суворовского проспекта. Здесь было спокойно. Патрули останавливали автомобили и проверяли пропуска. К Таврическому уже направлялись члены Учредительного собрания — не только большевики, но и депутаты других фракций. В одном из встречных автомобилей Цыганков увидел Гоца: он знал его в лицо. Шепнул Бонч-Бруевичу. Но Владимир Дмитриевич, разведя руками, многозначительно ответил:

— Сейчас это лицо неприкосновенное. Депутат, да еще с красным мандатом...

Автомобиль пересек границу оцепления и выехал к Знаменской площади. Перед Николаевским вокзалом, на Лиговке, на Невском до Владимирского проспекта вдоль панелей стояли любопытствующие, но манифестантов не было.

Автомобиль достиг Владимирского проспекта...

Здесь организаторы выступления намеревались начать инсценировку народного восстания.

Но что произошло в действительности?

Учредиловский штаб ожидал, что к восьми часам утра к Экспедиции заготовления государственных бумаг на Рижском проспекте подойдет не менее десяти тысяч человек. А собралось? Около трехсот — и это со всего Коломенского района, со всей Нарвской заставы! Рабочих почти не было. Преобладали чиновники, лавочники, гимназисты.

Жиденькие колонны манифестантов, не дождавшись «тысяч», двинулись вдоль проспекта. Стоявшие на панелях солдаты, рабочие, работницы выкрикивали:

— Предатели!

— Куда, проклятые, собрались?

Узнавали знакомых, подбегали, дергали за полы, с укоризной спрашивали:

— И ты с буржуями? Эх, темнота!

Подошли к Измайловскому полку... Где обещанные броневики? В 5-й броневой эсеры «внедрили» несколько десятков своих самых надежных, пустили в отпуск — чтобы не мешали — самых, по оценкам эсеров, ненадежных. Но и 5-й броневой не выступил. Пошли лишь комиссар да полсотни его приверженцев. Не на броневиках, а пешком, с плакатиками: «Да здравствует Учредительное собрание!»

На углу 1-й Роты и Забалканского проспекта присоединилось несколько сот манифестантов, подошедших из-за Московской заставы. Ожидаемых «тысяч» и здесь не оказалось.

У Царскосельского вокзала должны были выстроиться семеновцы. Пораделов ожидал, что здесь будет воинский строй по крайней мере в четыре тысячи солдат и офицеров.

Оказалось, в Семеновском полку — с утра митинги и беспрерывные заседания полкового комитета. Только несколько десятков солдат пошли за манифестантами, да и те назывались семеновцами лишь потому, что недели за две до этого эсеры «внедрили» их в тот полк.

На Владимирской площади и проспекте собралось немногим более тысячи манифестантов. Сюда подошла колонна с Невского. Тут преобладала интеллигенция — адвокаты, врачи, приват-доценты, чиновники. Соединившись, манифестанты направились по Литейному проспекту. Сюда же вышли колонны с Марсова поля.

Впереди не было ни оркестров, ни броневиков, ни строя вооруженных солдат. (Преображенцы также остались в казармах.) Шли, тесно прижавшись друг к другу, обескураженные, охваченные отчаянием люди. Курсистки несли портреты Милюкова, Керенского, Чернова, Церетели. Какие-то барышни и юнцы

несли обитые бело-зелеными лентами фотографии министров, заключенных в Петропавловской крепости, в том числе портреты Шингарева и Кокошкина (членов Учредительного собрания). Позади на белых парусах-хоругвях был призыв: «Свободу узникам Трубецкого бастиона!» И конечно: «Вся власть Учредительному собранию!»

На углу Литейного и Кирочной улицы вожаки манифестации решили прорвать кордон, чтобы по Кирочной устремиться к Таврическому.

То, что здесь произошло, наблюдал подоспевший Бонч-Бруевич. Он видел, как толпа вдруг «двинулась с какой-то неожиданной решимостью. Момент был критический. Матросы замерли в ожидании. Вдруг от них отделился Железняков и бегом бросился к идущей сумрачной толпе. Шагах в двадцати он остановился перед ней, выпрямился во весь огромный рост, правой рукой охватив винтовку за конец дула и подняв ее на протянутой руке кверху. Откачнувшись, он левой рукой дал знак остановиться, и толпа вздрогнула и остановилась...»

Анатолий Железняков был личностью, впитавшей в себя многие родники революции. Ее идеалы вскормили его. Но бушевала в нем и та вольница, которая граничила с анархизмом. И вместе с тем приказ, если он принимал его нутром, исполнял, как закон.

Над притихшей улицей загремел голос Железнякова, голос многократно выверенный и в матросских кубриках и на улицах...

Когда толпа замерла, остановилась, это еще не означало, что исход определился. Дальше — или провокаторский огонь в матросов, или упрямый, глухой ропот, натиск медленный, но неотвратимый. Или, наконец, замешательство и словесная перепалка. Случилось последнее. Железнякова прерывали криками, свистками, ругательствами. И все же друг против друга стояли две стены: одна — матросская, другая — штатская. Между ними Железняков, то бросающий в толпу призывы одуматься, понять бессмысленность смуты, то решительно, ожесточенно приказывающий: «Дальше — ни шагу!»

Железнякова поддержали его товарищи. Они выдвинулись из глубины Кирочной и бросились в кипящую коловерть возбужденных голов. В самую гущу

толпы врезались и красногвардейцы. Появились и товарищи из Семьдесят пятой. Так манифестанты оказались рассредоточенными; возникло множество очагов словесной битвы.

Первый приступ на Литейном проспекте был отбит. Бонч-Бруевич окольными путями выехал на Шпалерную улицу и вернулся в Смольный.

Около трех часов дня разыгралось самое опасное.

ВОЕННЫЙ ШТАБ
СМОЛЬНОГО РАЙОНА
5 января 1918 г.

По направлению к Смольному
(Лиговка — Суворовский)
идет демонстрация

ПРИКАЗ-ОРДЕР

Немедленно принять меры к недопущению направления демонстрации к Смольному району. Ни под каким видом не пропускать их к Таврическому дворцу и в близлежащие районы. Через улицы Бассейную, 8-ю Рождественскую, Б. Болотную не пропускать.

За Командующего отрядом Смольного района
Ершов*.

Здесь во главе манифестантов шли функционеры партий эсеров, меньшевиков и кадетов. Здесь шли «боевые дружины районов», еще до рассвета собиравшиеся за Московскими воротами. Здесь продвигались переодетые «ударники», не дождавшиеся приказов штаба Синебрюхова. Среди них — диверсионная группа Красикова. Здесь шли георгиевские кавалеры, которых вел Александр Осьминин. Здесь были люди Стуканцева, и «дровоколы», и интеллигентные боевики контрреволюции, лишившиеся штаба на Литейном, 46, но собиравшиеся теперь где-то в другом месте. Здесь оказались разрозненные группы из тех восьми пунктов формирования «ударников», которые после арестов на Английском проспекте, 32, получили от Красного Паука приказ рассредоточиться. Здесь были офицеры, демонстративно явившиеся в погонах, уже отмененных.

Здесь были те, кто надеялся зажечь огонь.

И он возник — вдоль границы оцепления по Кирочной улице.

* Ершов был начальником одного из отрядов, подчиненных Бонч-Бруевичу.

Здесь в солдат и красногвардейцев стреляли из окон верхних этажей домов, с крыш, из толпы манифестантов, скрываясь за спинами других.

Здесь были убитые и раненые...

Солдаты и красногвардейцы держались стойко, терпеливо, до конца. Но, видя, как падают под огнем товарищи, они вынуждены были отвечать огнем.

5 января провокаторским выстрелом с верхнего этажа одного из домов на углу Преображенской и Кирочной улиц был тяжело ранен солдат гв. Литовского резервного полка

Трофим Гаврилович СЕДОВ

во время выступления полка в защиту Советской власти. Т. Г. Седов скончался...

Большинство убитых и раненых в тот день (до тридцати человек) были участниками столкновений, происшедших вдоль границы оцепления по Кирочной улице — от Суворовского до Литейного.

До полудня Владимир Ильич Ленин и наркомы находились в Смольном. От Дзержинского и Бонч-Бруевича правительство получало информацию о событиях в городе и в полках.

Накануне на заводы и в полки отправились лучшие большевистские агитаторы. Они говорили от имени партии, от имени Ильича... Происходит один из поворотных моментов революции. Враги Советов — буржуазия и их прислужники — вот кто стоит за фальшивым щитом «Вся власть Учредительному собранию». Только слепые могут не видеть этого. Дело Советов победит непременно, ибо за ними сила числа, сила массы, сила всего самого революционного, что есть в народе. И заканчивали призывами защищать власть, созданную революцией рабочих и крестьян.

Произошло то, что предвидел Ленин. Большевизм уже проходил триумфальным маршем из конца в конец громадной страны и завоевывал на свою сторону миллионы и миллионы...

— «Есть власть — мы власть!»

5 января на улицы Питера вышли только те рабочие и солдаты, которых правительство призвало для защиты Советов. Все другие остались на заводах, в домах, в казармах.

«Выступления масс», «четвертой русской революции», о которой мечтали, на которую надеялись, которую по-своему готовили кадеты, эсеры, меньшевики, черносотенцы, не произошло! И не могло быть, ибо Советы уже были в душе миллионов, а бумажные плакатики «Вся власть Учредительному собранию» — только в руках буржуа, калединцев, друзей князя Шаховского, лавочников Осьминина, «охотников» с Забалканского, госпожи Пармер, которая теперь получала задания не на Литейном, 46, у махонького старичка в пенсне, а на Фонтанке, 28.

Вскоре после полудня ЦК эсеров передал директиву штабу на Галерной. Смысл ее был прост: уходить... Партия социалистов-революционеров не должна брать на себя никакой ответственности...

(«Мы — Понтии Пилаты!»)

«...Я считал, что выступление по намеченному плану пройдет удачно, — показывал впоследствии Григорий Семенов. — Но согласно директивам ЦК мы выжидали, какие размеры примет демонстрация и в какую форму она выльется... Вооруженного, массового, стихийного столкновения не произошло...»

У штаба «тройки» не оказалось «работы». Как и у «охотников» с Забалканского:

«...В тот день вся наша группа собралась на углу Потемкинской и Кирочной улиц с тем, чтобы к моменту подхода демонстрации влиться в голову колонны и, подойдя к Таврическому дворцу, ворваться в него и начать провокационную стрельбу... Подхода демонстрации мы не дождались... и ни с чем вернулись обратно», — признавал позже доктор Михаил Некрасов.

Впрочем, к показаниям участников событий 5 января мы еще вернемся.

О том, что произошло в самом Таврическом, широко известно. Ленин с наркомами прибыл в Таврический около часу дня. До четырех там заседали фракции. Потом зажгли огни в Белом зале, и депутаты стали занимать места. Владимир Ильич и

народные комиссары прошли в правительственную ложу.

В левой части Белого зала разместились депутаты-большевики. Дальше — левые эсеры, правые эсеры и другие лжесоциалисты. В правой части — кадеты. Правда, их было немного. Каледин, Милюков и прочие из того же рода, избиравшиеся депутатами Учредительного собрания, разумеется, не рискнули приехать в Петроград. В бегах был Набоков. Шингарев и Кокошкин оставались в Трубецком бастионе...

...Кому открывать Учредительное собрание?

Вопрос этот решился еще 3 января, когда ВЦИК принял постановление, указав, что никто, кроме Советов и советских учреждений, функциями государственной власти в России не обладает. А потому право открыть Учредительное собрание принадлежит только представителю рабоче-крестьянской государственной власти. Он, как это принято повсюду, обратится к парламенту с изложением программы правительства и ее декретов.

Фракция правых эсеров попыталась с самого начала навязать свою волю.

Как только депутаты заняли места в Белом зале, раздались голоса эсеров:

— Предлагаем открыть заседание старейшему члену собрания!

К председательскому столу подошел эсеровский депутат Швецов. Он взял колокольчик. Он позвонил. На правых скамьях — гул одобрения. На левых запротестовали. Но колокольчик прозвенел...

Теперь к председательскому столу подошел Яков Михайлович Свердлов. В зале загремели аплодисменты и раздался топот ног, и крики одобрения, и протесты... Растерянным выглядел старец Швецов.

— Товарищи и граждане! — начал Свердлов. — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов крестьянских, солдатских и рабочих депутатов поручил мне открыть Учредительное собрание...

В зале уже слушали только Свердлова.

— Я хочу указать, что ВЦИК выражает уверенность в полном признании Учредительным собранием

всех декретов и постановлений Совета Народных Комиссаров...

И он перешел к чтению декларации, в которой излагались важнейшие декреты Советской власти и в которой Учредительному собранию предлагалось признать их как законы Республики Октября.

Депутат-большевик предложил исполнить «Интернационал». И в Белом зале возник пролетарский гимн. Пели Ленин, наркомы, депутаты-большевики, рабочие-комиссары, матросы. Запели и левые эсеры. Запели и Чернов, и Церетели... Не петь они не могли. Ведь и они называли себя революционерами. Встали даже кадеты. Правда, с устами замкнутыми.

Состоялись выборы председателя и секретаря собрания. Тут сработало учредиловское большинство. Чернов, избранный председателем, начал длиннейшую речь. Здесь, на трибуне, он, разумеется, не мог быть столь откровенным, как накануне ночью на конспиративном заседании ЦК эсеров. Здесь он витийствовал. Но его перебивали голоса из левой половины зала... Чернов говорил о «необходимости морального единства, спаянного в Учредительном собрании», а со скамей левых депутатов неслось: «Нужны Советы! И только Советы! Вся власть Советам!»

Чернов. Поскольку Россия есть федеративная демократическая республика...

Возгласы. Советская!

Чернов. Поскольку все народы в ней являются членами одной семьи...

Голоса с мест. Все, кроме буржуазии!

Чернов. Мы должны в своем живом единстве...

Голос с места. Не мешайте большевикам!

Чернов. Революция только начинается...

Голос с места. ...И находится в надежных руках! Да здравствуют Советы!

Чернов говорил обо всем, но только не об отношении к декретам Советского правительства. Чернова сменил Церетели. И тоже — туман словесный. И тоже так, будто власть в России еще надо создавать.

Большевики потребовали перерыва. В десять часов вечера собрались фракции. Ленин на заседании депутатов-большевиков предложил покинуть Таврический. А говоруны пусть продолжают...

После полуночи, когда в Белом зале опять загово-

рили парламентарии, от большевиков был только один депутат. Он зачитал заявление о причинах ухода депутатов своей фракции... Учредительское большинство не признает ни Советскую власть, ни ее декреты. Это вызов всей трудящейся России. Это наглядный пример предательства со стороны партии правых эсеров, партии, называющей себя социалистической и революционной, а на деле руководящей борьбой буржуазных элементов против рабочей и крестьянской революции... «Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса...»

В кулуарах Таврического собрались наркомы. Пока заседание — неофициальное. Вопрос один — как поступить с Учредительным собранием? Предложение Ленина: заседание не прерывать. Пусть говорят. Но завтра никого в Таврический не впускать.

Ленин уехал из Таврического во второй половине ночи.

После декабрьских буранов не все улицы были проезжие. Ленинский автомобиль катил по рельсам трамвая, между валами утрамбованного, смерзшегося снега.

Стоял туман, шел мелкий снежок...

Вот и кончился пятый день января...

Позже среди ленинских бумаг обнаружилась неоконченная заметка, под которой стоит дата 6 января, — «Люди с того света». Это были впечатления и размышления Владимира Ильича о событиях в Таврическом:

«После живой, настоящей, советской работы, среди рабочих и крестьян, которые заняты *делом*, рубкой леса и корчеванием пней помещичьей и капиталистической эксплуатации, — вдруг пришлось перенестись в «чужой мир», к каким-то пришельцам с того света... Это ужасно! Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом, слушать... мумий «социального» луиблановского фразерства, Чернова и Церетели...»

Почему-то видится, что Ленин писал эти строки тотчас по возвращении из Таврического. Писал в смольнинском своем жилье, на втором этаже. Но усталость одолела, и он остановился на полуфразе...

А в Таврическом еще говорили. В четыре часа сорок минут утра начальник матросского отряда Анатолий Железняков подошел к столу президиума.

Железняков. Гражданин председательствующий, я получил инструкцию довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания. Потому что караул устал.

Голоса. Нам не нужен караул!

Председатель. Какую инструкцию?

Железняков. Я являюсь начальником охраны Таврического дворца. Караул устал. Прошу расходиться.

Центральный Исполнительный Комитет постановляет: Учредительное собрание распускается.
(6 января 1918 г.).

Сражение было выиграно. «Четвертая российская революция» не состоялась. Зато Революция 25 Октября одержала важнейшую со дня штурма Зимнего победу!

49

За долгий мятежный день в Семьдесят пятую доставили десятки провокаторов, задержанных с гранатами, бомбами, револьверами. С листовками, содержавшими «бомбы лжи». «Ударников», список которых рос непрерывно.

Бонч-Бруевич с середины дня был то в Таврическом, то в Смольном. Александров докладывал о результатах допросов. К ночи картина прояснилась. Уже после двенадцати Бонч-Бруевич послал пакет Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. В пакете были протоколы допросов «ударников», арестованных в последние сутки, и записка:

ВОЕННЫЙ ШТАБ
СМОЛЬНОГО РАЙОНА
6 января 1918 г.

Тов. ДЗЕРЖИНСКОМУ

Я считаю это очень серьзным. Это группа ударников-смертников, имевшая конспиративные квартиры и пр., и которая заводила связи в Смольном.

Командир отряда Смольного района
Вл. Бонч-Бруевич.

Еще вскрылась самая малость. Но уже угадывалось: «очень серьезно».

50

Белое, красное, черное — разноцветье непримиримое... По улицам, свежевысветленным утренним снегом, по мостовым, словно по белому савану, скорбно шествовали траурные процессии. Одни — за гробами, покрытыми кумачовыми полотнищами. Одни с красными знаменами, полыхавшими на ветру. С красными повязками на рукавах, с красными лентами в петлицах одежды. Другие — за черными гробами. В черных повязках на рукавах. С черными лентами на лацканах шинелей и шуб. С черным крепом на шляпах дам и курсисток.

Белое, черное, красное...

8 января Петроград хоронил тех, кто погиб, преграждая путь к Таврическому. И тех, кто провоцировал и наступал.

Казалось, спор живых окончен. К этому обязывали и черные и красные гробы. Но люди, не достигшие своей цели 5 января, еще продолжали считать, что лишь случайность не дала им три дня назад разжечь пламя, в огне которого они сожгли бы все знамена Смольного. И снова заседал штаб на Галерной. Снова составлялись планы. И опять особое задание получили «охотники» с Забалканского.

«Наша группа, как и эсеровские дружины, — свидетельствовал позже доктор Некрасов, — в момент похоронной процессии должна была по сигналу (штаба восстания) захватить Центральную телефонную станцию и другие важнейшие объекты. Но похороны прошли спокойно. Стрельбы на улицах не было, и мы бездействовали».

Снова «не удалось»!

Некрасов позже утверждал, что с того дня «настроение дружины упало, стали говорить о роспуске». Но это неправда. «Охотники» оставались в строю. Произошло лишь размежевание. Зинкевич требовал открытых вооруженных действий. Некрасов, Осьминин и Ушаков — продолжать тактику террора. Продолжать то, что не удалось 1 января. Зинкевич и Ушаков оста-

вались под одной крышей. Ушаков только чаще прежнего стал встречаться с Осьмининым.

В один из тех дней Ушаков отправил письмо своему однополчанину солдату Якову Спиридонову, который жил теперь в деревне под Москвой:

«...По получении сего немедленно приезжайте в Петроград. Ваше присутствие необходимо. Я, пор. Казаков и др. находимся в Петрограде. По адресу Забалканский, 21, кв. 43. Спросить доктора Некрасова».

51

Бонч-Бруевичу позвонили из комендатуры Смольного:

— В главном подъезде задержана барышня с чужим пропуском.

В Семьдесят пятую привели гимназистку Екатерину Шавину. На ней была белая вязаная шапочка и светло-серое пальто с белым меховым воротником. Она шла в надежде встретить Кукина.

— Где вы взяли этот пропуск? — строго спросил Бонч-Бруевич гимназистку.

Та промолчала.

— Елизавета Шавина — ваша сестра?

— Да.

— А зачем вы пошли по чужому документу сюда, в Смольный?

Ответить было нелегко. В почти детских глазах светилось смущение.

— Я хотела передать хлеб фельдшеру Кукину.

Бонч-Бруевич стал вспоминать, кто этот Кукин.

— Вас кто-нибудь послал к нему?

— Нет, я сама... — Слова эти дались с трудом.

...В протоколе допроса, записанном Бонч-Бруевичем, — рассказ гимназистки Шавиной о том, как она познакомилась с фельдшером Кукиным и его товарищами. И кто приходил к нему. Это были «ударники» со Знаменской — угол Невского. Как «на собраниях они все шептались друг с другом; пошепчутся, кто-нибудь уйдет, а потом опять придет. Приходили то по парадной лестнице, то по черной».

Бонч-Бруевич спросил, знали ли Кукин или другие «ударники», бывавшие в квартире по 5-й Рождественской, что Елизавета Шавина — служащая Смольного?

Катя ответила утвердительно.

Дежурный комиссар Николай Кудрявкин отвел гимназистку за перегородку, в «трюм».

А к Бонч-Бруевичу вызвали Шавину-старшую. Та еще не знала, что случилось. Она вошла, кокетливо улыбаясь, подергивая плечами.

— Покажите ваш смольнинский пропуск, — сказал Бонч-Бруевич.

Шавина отступила и, все еще улыбаясь, указала жестами: ни на блузке, ни на юбке у нее карманов нет.

— Пропуск у меня в столе... Сходить за ним?

— Можете не утруждать себя. Вот он, ваш пропуск. Вы передали его сестре.

Старшая Шавина побледнела. Но тут же встрепенулась:

— Я не давала ей. Она выкрала...

— Зачем?

— Роман у нее с фельдшером...

Бонч-Бруевич устроил очную ставку. Старшая Шавина продолжала свою линию. У сестрицы роман с фельдшером, ей и понадобился чужой пропуск. Но перекрестными вопросами Бонч-Бруевич заставил сестер говорить о главном. Подтвердилось, что регистратор Шавина была осведомительницей штаба Синебрюхова.

«Ударники» заводили связи со Смольным — это получило новое подтверждение, и это еще более встревожило Бонч-Бруевича. Он тут же позвонил Дзержинскому.

Но что было делать с сестрами? Одной — шестнадцать, другой — семнадцать лет. Арестовать? Коллегия комиссаров в составе Бонч-Бруевича, Сухова, Петрова и Соловьева постановила: отпустить сестер под расписку с условием, что они будут являться на допрос при первом же требовании.

Младшая вышла из Семьдесят пятой с предписанием коменданту Смольного выпустить ее беспрепятственно. Старшая — с приказанием немедленно получить расчет, ибо со службы она увольняется.

Новое по делу «ударников» обнаружилось не без помощи их самих:

Управляющему делами Народных Комиссаров
Б-ЧЬ БРУЕВИЧ

Бывший солдат 1-го Омского
ударного батальона
Корией Завьялов

ПРОШЕНЬЕ

Прошу вас принять меры расследовать мое Дело, так как я, Завьялов, не был намерен идти против Советской власти, а всегда поддерживал большевистскую власть, потому что это рабочая партия. Красногвардейцы, кто? Рабочие иа заводах. И я, Завьялов, тоже рабочий, всегда работал по каменной части и на заводах. Вот эта мне партия и самая дорогая.

Товарищ Комиссар, пожалуйста, не оставьте моей горячей просьбе и расследовать мое дело.

Солдат Корней Завьялов.

Тюрьма «Кресты».

Я этой банды не зиаю. К чему это они там собирались и что они хотели там делать, потому я там мало с ними пробыл.

Получив это письмо, Бонч-Бруевич вызвал комиссара Сухова и приказал допросить солдата, выведать, что ему все-таки известно об «этой банде», а потом решить, нужен ли он для дальнейшего следствия.

После допроса солдат был отпущен. Но письмо его не забылось. Оно подтверждало, что среда «ударников» не однородна. Одни обмануты, другие идут сознательно, третьи...

Вечером 10 января в Смольный с пакетом из политического отдела Народного комиссариата по морским делам прибыл солдат Преображенского полка Георгий Герасимов.

...Начало показаний Герасимова записано рукой Бонч-Бруевича, дальше — кем-то другим из комиссаров Семьдесят пятой.

Герасимов нам уже знаком. В начале декабря он встречался с Синебрюховым на Невском проспекте. Подпоручик тогда пытался завербовать солдата. Но Герасимов, не сразу выказавший готовность, был взят Синебрюховым под подозрение: «Коль раздумываешь, считай, что разговора между нами не было».

На том и расстались.

Герасимов дружил с матросом крейсера «Заря свободы» Михаилом Юсуповым. Разыскав его, солдат поведал о своем разговоре с подпоручиком Синебрюховым. Оба заподозрили: как же это так — снова удар-

ные батальоны? И черепа на черном бархате? Против кого?

Матрос выпалил:

— А я бы на твоем месте пошел, помотрел бы что к чему...

Герасимов понял. И он пошел искать Адамовича — солдата, названного Синебрюховым. Адамович нашелся скоро — в Преображенских казармах. Но оказалось, тот уже был предупрежден... Командир 151-го Пятигорского батальона? Синебрюхов? Адамович словно первый раз слышал это имя. Еще дольше вспоминал он, говорил ли кто ему, что заново создаются ударные батальоны... Герасимов догадался: Адамович хитрит, выверяет. Но и Герасимов, вызвавшись на самочинную разведку, исполнял свой план.

«...5 января сего года поручик Синебрюхов скрылся и вместо него приняли командование поручик Масленников и прапорщик Волк. Так как мне нужно было войти в доверие и они просили, чтобы я привел к ним старых солдат батальона, то я приложил все усилия, и они были занесены в списки батальона...»

Герасимов прошел испытательный срок, и ему дали адрес: Кирочная 30, квартира № 6, спросить прапорщика Пенского.

В квартире Пенского Герасимов встретил и других офицеров-«ударников». Те «говорили о боевых дружинах и офицерской роте. Еще говорили о складе оружия на Гутуевском острове... Потом какой-то прапорщик говорил, что на Троицкой улице живет вольноопределяющийся Цветков и у него есть группа в 12 человек, хорошо вооруженная. Они каждую минуту готовы выступить».

«Вечером 8 января я, Герасимов, и матрос Юсупов знали, что у них будет ночью заседание. Мы решили рассказать все председателю судового комитета [крейсера «Заря свободы»] и спросить его совета. Он нас выслушал и направил в политический отдел при Адмиралтействе. Там комиссар Мясников * распорядился арестовать этих лиц...»

---

* Василий Спиридонович Мясников, матрос, делегат II Всероссийского съезда Советов. Член Военно-морского революционного комитета и руководитель политического отдела морского министерства. Руководил также морской следственной комиссией.

Таким оказался эпилог декабрьской встречи Синебрюхова с бывшим солдатом Пятигорского батальона и бывшим добровольцем из отрядов увечных воинов, формировавшихся на Мойке, 20.

Арест новых действующих лиц из штаба Синебрюхова дал ключи к дальнейшему расследованию.

Но предварительно несколько слов о том, как были арестованы заместитель Синебрюхова поручик Масленников, комиссар штаба «ударников» прапорщик Волк и содержатель конспиративной квартиры на Кирочной, 30, прапорщик Пенский.

На другой день после ликвидации главной конспиративной квартиры (у сестер Шавиных) офицеры, не задетые арестами, собрались у Пенского. Командование «ударниками» принял на себя поручик Масленников. Волк остался в прежней должности комиссара. 6—8 января новые руководители «ударников» сделали попытки восстановить нарушенные связи, чтобы подготовиться к новому выступлению, срок которого уже был назначен главным центром движения.

В ночь на 9 января Масленников и Волк ночевали у Пенского.

Хозяин квартиры еще сидел у камина, когда пришли матросы.

Арестованных отправили в Адмиралтейство.

Для допроса Масленникова, Волка и Пенского в Адмиралтейство прибыли комиссары Семьдесят пятой.

Обнаружив крах задуманного, обеспокоенные своей дальнейшей судьбой, все трое решили, что в их теперешнем положении лучше правда, чем запирательство. И они дали подробные показания.

Георгий Масленников, как следует из записей, сделанных Бонч-Бруевичем в Адмиралтействе, подтверждал свою связь с «ударниками», в том числе с Синебрюховым. Численность синебрюховского формирования он определял в 160 человек (видимо, без «Солдатского университета»). Масленников назвал всех главных лиц штаба «ударников» — лиц, уже известных читателю. Масленников подтвердил связь «Всероссийского комитета по формированию добровольческих войск» с «Союзом защиты Учредительного собрания». Эту связь осуществлял присяжный пове-

ренный Сомов, местопребывание которого Масленников не знал.

Прапорщик Волк показал, что он был комиссаром штаба «ударников» Синебрюхова и что ранее служил на Мойке, 20 *.

«Батальоны должны были выступить по приказу Учредительного собрания»; «старшим офицером у Синебрюхова был Масленников»; «на квартире у Пенского жили нелегально. Пенский добывал продукты; деньги волонтерам раздавал Синебрюхов».

Показания Пенского Бонч-Бруевич записал так:

«...Предполагалось, что [«ударники»] могут быть увлечены «Союзом защиты [Учредительного собрания]» или монархической организации.

...Я был начальником пулеметной охраны Смольного института, покинул в октябре, в двадцатых числах.

После начала революции заходил раз или два в Смольный...»

Записи Бонч-Бруевича, сделанные в Адмиралтействе, конспективны. При дальнейших допросах выявились новые факты. В штабе Синебрюхова сошлись не только эсеры, не только беспартийные, но и меньшевики (Волк, Масленников), и анархисты-индивидуалисты (Пенский). В прокламации, написанной Волком в канун 5 января, содержался призыв вооруженным путем захватить главнейшие правительственные учреждения, свергнуть Совет Народных Комиссаров и установить власть «большинства» Учредительного собрания.

Документы, захваченные на квартире Пенского, подтверждали, что Петроград был разделен на 8 участков вербовки «ударников», что к ним были прикомандированы особо доверенные лица, на обязанности которых лежало вербовать новых членов организации, обучать их и поддерживать конспиративную связь, чтобы выступить по приказу главного подпольного центра.

---

* В известиых мемуарах В. Д. Бонч-Бруевича «Страшиое в революции» даио несколько другое освещение фактов. Но Бонч-Бруевич писал по памяти. Здесь же используются подлинные докумеиты, которые, кстати, подписаны самим В. Д. Бонч-Бруевичем.

52

Еще до Нового года Шингарев и Кокошкин обратились с просьбой перевести их для лечения в какую-нибудь петроградскую больницу. Врачи подтвердили, что это необходимо. Вечером 6 января оба арестованных были доставлены в Мариинскую лечебницу на Литейном проспекте. Шингарева и Кокошкина поместили в отдельные палаты. У дверей поставили охрану.

Во втором часу ночи больничный двор огласился криками швейцара:

— Убили!..

...Председатель Совета Народных Комиссаров Ленин узнал об этом событии назавтра утром. Полчаса спустя Владимир Ильич направил телефонограмму народному комиссару юстиции:

Я только что получил донесение, что сегодня ночью матросы пришли в Мариинскую больницу и убили Шингарева и Кокошкина. Предписываю немедленно: во-первых, начать строжайшее следствие; во-вторых, арестовать виновных в убийстве...

Ленин.

Тогда же последовала правительственная телеграмма — «Срочная. Без малейшего промедления» — всем комиссариатам, председателям районных Советов рабочих и солдатских депутатов, Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, комитету Семьдесят пятой, штабу Красной гвардии, следственной комиссии Морского комиссариата, Комиссии по охране Петрограда, комиссару по уголовным делам, комиссарам петроградских вокзалов, районным штабам Красной гвардии.

Совершенно немедленно поднять на ноги все имеющееся в распоряжении и приступить к розыску матросов... ворвавшихся сегодня в час ночи в Мариинскую больницу и убивших Шингарева и Кокошкина. Арестовать участников и доставить их в Смольный, комн. 75. О данных розыска доносить каждые два часа в Смольный, комната 75, телефон 1-16.

Через сорок восемь часов преступники были обнаружены и арестованы. Их допрашивал Бонч-Бруевич. Выяснилось, что убийство совершили анархиствующие матросы, спровоцированные правыми эсерами. Жестокая и бессмысленная расправа над бывшими

министрами, уже изолированными, к тому же больными, была намеренной и гнусной политической провокацией, имевшей целью бросить тень на рабоче-крестьянское правительство.

И хотя в печати тотчас появилась телефонограмма Ленина и другие правительственные распоряжения о розыске и предании суду убийц-провокаторов, хотя тотчас же было публично заявлено и показано, кто заинтересован в провокационной расправе, — убийство, подготовленное эсерами, немедленно использовали некрасовы, чайковские, онипки, лебедевы, чтобы распалить зинкевичей, осьмининых, ушаковых...

53

Вечером 10 января, отлучившись из Семьдесят пятой, Бонч-Бруевич вышел в одну из соседних комнат Смольного. Туда были приглашены репортеры петроградских газет. Бонч-Бруевич сообщил, что Комитет по борьбе с погромами и контрреволюцией раскрыл в Петрограде крупный заговор. Выступление намечалось на 5 января. Но в тот день по не зависящим от заговорщиков причинам на улицы смогли выйти лишь небольшие отряды подготовленной антисоветской армии. Еще не все подробности известны, но установлено, что в заговоре замешаны «ударники»-смертники, офицеры, юнкера, связанные с монархическими, эсеровскими и кадетскими подпольными центрами.

Назавтра газеты оповестили о ликвидации штаба и явочных квартир «ударников» Синебрюхова; о том, что сам Синебрюхов скрылся и он подлежит немедленному задержанию. Упоминалось, что захвачены важные документы, которые исследуются. «Ликвидация заговора продолжается».

Сообщения газет были краткими. Но и это входило в расчет Бонч-Бруевича.

Письмо солдата Завьялова, случай с Герасимовым, все, что произошло 5 января, весь опыт комитета Семьдесят пятой подсказывали, что в условиях, когда в головах многих сумятица, когда не все понимают, что подлинно происходит, — определенная гласность не только не помешает, а, напротив, облегчит следствие.

В самом деле, едва только вышли утренние газеты, в Семьдесят пятую стали звонить разные лица, называя имена и адреса скрывающихся «ударников». Посыпались записки такого же рода. В тот же день в поле зрения комитета Семьдесят пятой оказался прапорщик Николай Брысин — офицер, который в конце ноября принял под свое начало часть бывших «партизан» штаб-ротмистра Стуканцева.

Впрочем, начиная допрос, Бонч-Бруевич еще мало что знал о прошлом прапорщика Брысина. Но с самого начала — это отмечено в протоколе — прапорщик «пожелал сам рассказать о монархической организации офицеров». И опять всплыло имя полковника Ланского: Брысин назвал его в числе главарей организации. Рядом с ним — полковника князя Туманова. В их подчинении находится целый ряд тайных офицерских формирований.

(Туманов был личностью известной. До Октября он служил управляющим канцелярией Военного министерства — при министре Керенском и при Верховском. В самый канун Октября кадетские верхи прочили Туманова в министры. Потом распространился слух, будто его труп нашли в Мойке. Но ложь скоро раскрылась. Теперь подтверждалось, что Туманов оставался в Петрограде и поддерживал связи с антисоветским подпольем.)

Брысин приоткрывал то, что особенно занимало Бонч-Бруевича. Председатель комитета Семьдесят пятой понимал, что за спиной двадцатилетнего Синебрюхова должны быть люди влиятельные, опытные. И вот они: Туманов и Ланской!

Ланской уже состоял на примете у чекистов. Правда, в другой связи: Шаховской—Ланской—Орел. И хотя на Гороховой еще только нащупывали роль Ланского в той «тройке», комитет Семьдесят пятой благодаря показаниям Брысина обнаруживал уже конкретное: Ланской связан с Тумановым и Синебрюховым, с подпольными группами «ударников».

Все, что касалось Ланского, Бонч-Бруевич пожелал узнать до мельчайших подробностей. Внешность? Чем занимается? Где бывает? Он забросал Брысина вопросами. И получил ответы. Ланской — человек пожилой, с бородкой и усами; костюм на нем штатский. Часто бывает на улице Жуковского, в доме № 7. Там на

первом этаже помещается какое-то культурно-просветительское общество. Ланской — председатель. Но главное его дело — формирование рот «ударников», а также отправка на юг офицеров и юнкеров для Каледина. У Ланского всегда много денег.

О князе Туманове прапорщик сказал, что он, по-видимому, связан с бывшим генералитетом и поэтому знает, где и когда нужны «ударники». Еще недавно князь Туманов жил на Морской улице, в доме № 4.

Осведомленность Брысина убеждала Бонч-Бруевича в том, что перед ним человек, который говорит не понаслышке. И действительно, в протоколе скоро появились записи, где Брысин уже говорил не «они», а «мы»:

«В Смольном институте имеются члены нашей организации. В сорок третьей комнате — девушка Шавина... Есть еще несколько человек, но фамилии их не знаю. Знает Синебрюхов. Найти его можно через солдата Преображенского полка Макарьева...»

О себе Брысин сказал, что на него возложено формирование сводного кавалерийского отряда из бывшего 1-го особого отряда «партизан» штаб-ротмистра Стуканцева. Формирование еще не закончено. Отряд находится на частных квартирах и должен постепенно собраться в Казачьем переулке — в резерве для санитаров, где начальник «сочувствует нашей организации».

Бонч-Бруевич предложил прапорщику написать полный список своего отряда. А сам, оставив Брысина под присмотром часового, вышел в «комиссарскую». Дежурному он приказал взять под наблюдение резерв санитаров в Большом Казачьем переулке, задерживать всех, кто будет туда приходить. Михаилу Цыганкову — немедленно отправиться на квартиру Елизаветы Шавиной и препроводить ее в женскую тюрьму. («Нельзя было оставлять ее на свободе!» — с досадой сказал Бонч-Бруевич Цыганкову.) И снова дежурному: подготовить ордера на арест полковника Ланского и князя Туманова.

Владимир Дмитриевич вернулся за перегородку.

Прапорщик Брысин, хмурый, с начинающейся лысиной, с длинной шеей, покрытой крупными складками, опустив голову, все еще писал список своего

отряда. Он то прибавлял новую фамилию, то задумывался. Жалел ли он о том, что сейчас делал, или приходил к мысли, что, желая служить «для блага родины», оказался совсем в другом лагере?

Список, составленный Брысиным, Бонч-Бруевич положил в стол и снова вернулся к допросу. Прапорщик продолжал сообщать важное... 5 января организация понесла большие потери, особенно в «Солдатском университете», но другие продолжают свое дело. Готовится новое выступление. Оно намечено на 12 января. «5-й броневой дивизион, Семеновский и Преображенский полк — утверждал прапорщик, — вполне на нашей стороне». Числа 12-го, по слухам, «ударники» должны собраться в Семеновском полку под охраной надежных солдат Преображенского полка и 5-го дивизиона броневиков. Люди, которые начальствуют над «ударниками», имеют точный учет боеприпасов и артиллерии в этих полках. Надеются захватить, чтобы выступить решительно. «Весь город разделен на участки — где кому действовать... Начальник артиллерии подпоручик Колесников уехал в Вятку. В Вятке — Вологде находятся сербские войска, которые стоят за старую власть, и они постепенно будут перевозиться сюда... Войгонский уехал в Вологду за гранатами. Всего в Петрограде насчитывается до десяти организаций. В Режице стоит отряд полковника Глазенапа, который тоже принадлежит к организации. Постепенно перебирается в Питер».

Показания, полученные от прапорщика Брысина, Бонч-Бруевич счел настолько важными, что немедленно связался с Дзержинским. Встретились они в Таврическом, где происходил III Всероссийский съезд Советов, в одной из отдаленных комнат. Оба отметили обеспокоенно — снова что-то затевается. Завтра. И опять называются полки Семеновский и Преображенский — то ли по старым сведениям Федота Онипко и его штаба, то ли в связи с какими-то новыми фактами. Вновь и вновь подтверждается: в Петрограде проявляет себя какая-то широко разветвленная военная организация.

Внимание Дзержинского особенно привлекли имена Ланского и Туманова.

— Опять Ланской!

Феликс Эдмундович сказал, что он прикажет снова допросить Шаховского. Чтобы тот дал ответ, кто же этот Ланской, каковы его связи с ним.

— А вы, пожалуйста, попытайтесь разыскать этих господ — и Ланского, и Туманова.

— Это уже делается.

По адресам Ланского и Туманова отправился Иван Чугунихин. На улице Жуковского подтвердили, что полковник здесь действительно бывает, но в последние дни его не видно. Домашнего адреса никто не знает. На Морской сказали, что Туманов уехал в Финляндию.

Михаил Цыганков доставил Шавину туда, куда приказал Бонч-Бруевич.

54

В Семеновский полк прибыл новый комиссар — Николай Николаевич Асмус, переведенный из контрразведывательного отделения Петроградского военного округа.

Еще 5 января новый комиссар революционной контрразведки докладывал: «По распоряжению главнокомандующего взяты под наблюдение командиры Семеновского и Преображенского полков».

В канун 12 января новый комиссар Семеновского полка много поработал над тем, чтобы полк остался верным Советской власти.

55

Прапорщик Брысин еще находился в «трюме», когда в Семьдесят пятую поступило заявление солдата 49-го автосанитарного отряда Ивана Сафонова:

«Я, нижеподписавшийся, вчера [10 января] в гостинице «Европейской» познакомился с организацией кадет, которые, награждая лиц, примкнувших к их партии деньгами и документами, отправляют на Дон для поступления в армию Каледина. Местопребывание и помощники этой организации мне известны. Прошу наложить резолюцию и распоряжение».

Вызванный в Смольный Сафонов сказал, что он имел в виду «гр. Ланцева, который живет в «Европей-

ской» гостинице под чужой фамилией, в номерах 55, 56 или 57».

В «Европейской» человека, названного Сафоновым, не оказалось. Опознали его в гостинице «Франция». Это был пожилой господин с холеной бородкой и усами, хорошо одетый, со светскими манерами. Комиссары, задержавшие его, потребовали предъявить паспорт. Господин с бородкой показал документ, удостоверявший, что он есть гражданин Петровский Савва Мартынович. И все же комиссары решили, что разбираться будут в Смольном.

В Семьдесят пятой, за перегородкой, где работал Бонч-Бруевич, господину предложили стул. Он сел солидно, распахнув шубу и держа на коленях высокую каракулевую шапку.

— Назовите свою настоящую фамилию, — сказал Бонч-Бруевич, начиная допрос.

— Я — Петровский.

— Повторите еще раз.

— Петровский Савва Мартынович.

Бонч-Бруевич положил перед арестованным бумагу, час назад принесенную Чугунихиным с улицы Жуковского. Это был «Подписной лист для приема пожертвований в пользу пострадавших офицеров...» Внизу стояла подпись: «Председатель главного Совета Всероссийского общества распространения просвещения в народе и заведующий организацией помощи Н. Ланской».

— Вам знакома эта подпись? — спросил Бонч-Бруевич.

— Гражданин комиссар, я Петровский и никакого Ланского не знаю.

Будь сейчас рядом кто-либо из молодых людей, встречавших Новый год в Реальном училище, они наверняка признали бы в Петровском того самого господина, который выходил на сцену после Синебрюхова, а потом говорил с ним на улице. Встречавшие Новый год в обществе князя Шаховского тоже узнали бы господина, державшего на коленях каракулевую шапку и продолжавшего твердить, что он Петровский.

— Извольте показать, как вы расписываетесь, — предложил Бонч-Бруевич арестованному.

Рука господина с бородкой заметно дрожала, но старательно вывела: «Петровский».

— Теперь напишите «Ланской» и «Ланцев».

Ничего похожего с подписью на документе, взятом на улице Жуковского, не оказалось.

Бонч-Бруевич вызвал из «трюма» прапорщика Брысина. Потом был приглашен солдат Сафонов. Первый подтвердил, что перед ним полковник Ланской, второй — «гражданин Ланцев».

— Я так и предполагал, — сказал Бонч-Бруевич. — Ваше имя и отчество? Настоящие! — не давая опомниться опешившему Ланскому, добавил Владимир Дмитриевич.

— Николай Николаевич, — тихо, очень тихо отозвался Ланской.

— Бывший воинский чин?

— Гвардии полковник.

— Каким образом вы стали Петровским?

— Паспорт я приобрел у комиссионера.

— Но вы еще назывались и Ланцевым?

— Только в тех случаях, когда знал, что подтверждать это документами не потребуется.

Кроме Бонч-Бруевича в допросе участвовал Александров. По правилам Семьдесят пятой полагалось, чтобы первое дознание производилось не менее чем двумя комиссарами. После допроса они принимали решение, как поступить с задержанным.

Следующий вопрос, заданный Ланскому, касался просветительского общества, председателем которого значился Ланской. Бонч-Бруевич предложил рассказать, чем занималось то общество.

— Мы собирали пожертвования...

— Для кого?

— Для пострадавших офицеров.

— Пострадавших в боях?

— Пострадавших от октябрьских событий и вынужденных скрываться и голодать.

— Вы имеете в виду красновцев, калединцев, «ударников», контрреволюционеров, не так ли?

— Мы не интересовались, «ударники» они или нет...

— Гражданин Ланской, в каких связях находилось ваше общество с Комитетом добровольческих войск на Мойке, 20? — вставил вопрос Александров.

Ланской взглянул на Бонч-Бруевича.

— Отвечать на вопросы товарища Александрова

так же обязательно, как и на мои, — пояснил Владимир Дмитриевич.

— Часть пожертвований мы передавали этому комитету, — ответил Ланской.

— Что же общего между распространением образованности и формированием контрреволюционных отрядов? — спросил Бонч-Бруевич.

Ланской сделал вид, что вопрос этот его не касается.

— Комитет на Мойке, 20, формировал именно такие отряды? Не так ли?

— Позвольте не судить о том, что мне не известно, — ответил Ланской. — Я знаю одно: долг благотворительства обязывал нас помогать любым офицерам, которые нуждались в помощи. Нам было безразлично, с какими комитетами они связаны.

— Вам знакомо имя подпоручика Синебрюхова?

— Я прочел о нем в газетах.

Ланской отрицал даже знакомство с Тумановым. Снова пришлось вызывать прапорщика Брысина. И Ланской признался:

— Князь Туманов — мой помощник. Помогал доставать и выдавать деньги. Туманов уехал в Финляндию.

Бонч-Бруевич записал со слов Ланского и такое:

«Я слышал, что между 5 и 12 января должно быть выступление, организованное эсерами...

В общем прошло через мои руки человек 300—400. Особо помогал конному отряду Стуканцева.

Лично я сочувствую монархии. Хочу такой власти, которая дала бы хороший порядок. Чтобы была сильная власть».

(Пуришкевич был в тюрьме, уже осужденный. Ланские пытались делать то, что делал Пуришкевич. И терминология у них была одинаковая.)

56

10—12 января ВЧК произвела обыски в комитетах и клубах правых эсеров ряда районов Петрограда, в помещении ЦК «трудовой партии». В гостиницах. В Доме Армии и Флота. Чекисты нащупывали военные конспиративные центры эсеров и корниловско-

калединских организаций. Некоторые из них уже оказались на примете. Об этом можно судить по материалам дела А. П. Орла, о котором пойдет речь впереди. Кстати, среди арестованных 10 января оказался прапорщик Остроумов — один из видных деятелей организации Пуришкевича, скрывавшийся с начала ноября. Чекисты напали на след калединского полковника Хомутова, который вел переписку с бежавшим на Дон капитаном Шатиловым, одним из сподвижников Пуришкевича. Письма, захваченные у полковника Хомутова, арест самого полковника дали новые нити для того, чтобы нащупать подпольную организацию Красного Паука.

По распоряжению Дзержинского чекисты взяли под присмотр штаб учредиловцев на Литейном, 21. Здесь после 5 января уже стихало. Меньше приходило людей. Главные деятели учредиловского фронта вовсе не появлялись.

10 января состоялось последнее заседание членов ЦИК первого созыва. Видный меньшевик, член этого исполкома Федор Дан вынужден был прослезиться:

«Наши надежды на крушение большевистского режима не оправдались, и теперь трудно быть оптимистом, чтобы сказать, что это скоро случится».

В протоколе заседания 10 января появилась запись:

Постановлено: политическая деятельность наша кончилась.

Окончилась нелегальная деятельность не только ЦИК первого созыва, но и всего объединения под вывеской: «Союз защиты Учредительного собрания».

Опустел и бывший лазарет на Большой Болотной, 2а. Депутаты-эсеры стали разъезжаться, а «виднейшие» предпочли уйти в подполье.

Это сделали и Федот Онипко, и Григорий Семенов.

А «Комитет спасения»? Он продолжал плести нити новых заговоров.

57

О том, что должно было произойти 12 января, свидетельств сохранилось мало. Показания Брысина и Ланского, по-видимому, были далеко не исчерпываю-

щими. Некоторые подробности сообщил впоследствии доктор Некрасов, правда, главным образом о том, какая роль отводилась «охотникам» с Забалканского:

«На территории Обуховского завода были установлены два артиллерийских орудия. Решено было... обстрелять из этих орудий Смольный. Для корректировки стрельбы протянули телефонный провод к колокольне киновии (монастыря) на правом берегу Невы. На колокольню взобрался Зинкевич, чтобы руководить стрельбой.

Расчет был такой — вызвать растерянность в Смольном, отвлечь его главные силы на Шлиссельбургский проспект (откуда велась бы стрельба. — *М. С.)*. А тем временем боевые дружины (эсеров), действуя в центре города, должны были захватить важнейшие правительственные учреждения.

На Шлиссельбургском проспекте была устроена засада из пулеметчиков Союза георгиевских кавалеров. При движении большевиков в сторону Обухова георгиевцы должны были встретить большевиков пулеметным огнем у баррикад...»

Выступление, готовившееся на 12 января, должно было начаться по сигналам ракет, которыми предполагалось выстрелить одновременно в разных местах Петрограда. Но опять что-то случилось. Ракеты над Петроградом не взвились.

Зинкевич вернулся на Забалканский хмурый, рассерженный, подавленный. Он осуждал нерешительность тех, кто стоял во главе:

— Не дело, а какие-то кустарные фейерверки. Да и те затухают в самом начале.

Тем временем Ушаков и Осьминин продолжали готовить свое.

58

Солдат, подошедший к Смольному, был в новой шинели, новой папахе, но в сапогах давно не мазанных, потерявших цвет и потрескавшихся. Солдат, угадывалось, — служивый, но давно из окопов, побывал под свежим, не здешним — питерским — солнцем.

У главного подъезда солдат сказал часовому:

— Здравия желаю, начальник...

— Пропуск?

— Какой у меня пропуск... Я с дороги...

— Все равно!

— Мне, милок, к главному комиссару... Я из Новочеркасска.

— Не от самого ли атамана Каледина? — ухмыльнулся часовой.

— Не от Каледина, так Савинкова...

— Ты в уме? Или тронутый?

Но солдат снова сказал, что он только что с поезда, приехал точно из Новочеркасска и что дело у него важное.

Так солдат Николай Васильевич Дубровин, родом из Смоленщины, по превратности судьбы занесенный в Новочеркасск, оказался в Смольном, в комнате, на дверях которой висела табличка «75».

Говорил с ним комиссар М. Козлов. И в тот же день — это было во второй половине января 1918 года — в делах Семьдесят пятой появился такой протокол:

Показания т. Дубровина... по делу организации боевых дружин для покушения на Совет Народных Комиссаров

В Новочеркасске находится центральный штаб Армии Спасения, организатор которой ген. Алексеев. Армия насчитывает 20 тыс. человек, которая разбросана в пределах Донской и Кубанской областей.

Б. Савинков организовал 4 боевых дружины (600 человек), цель которых произвести покушения на т. Ленина и других народных комиссаров.

1 февраля из 1-й и 2-й дружин должны выехать из Новочеркасска в Петроград на конспиративную квартиру 12 человек во главе с Жировым (член партии эсеров, гласный Пятигорской думы). В Петрограде они должны разбиться на четыре группы и, пополненные Петроградской организацией боевых дружин, под видом делегаций направиться к тт. Ленину и Бонч-Бруевичу; во время приема должны произвести покушения. Единовременно выезжают в Ставку, под видом делегации, — для покушения на т. Крыленко и в Ставку революционной армии, действующей против Каледина, — для покушения на т. Антонова-Овсеенко *. После удачных покушений генерал Алексеев во главе Армии Спасения при содействии Савинкова и при поддержке Каледина открыто выступит против советских войск.

Во главе первой дружины стоит Жиров — эсер.

Во главе второй — капитан Стародубцев, эсер.

---

* В. А. Антонов-Овсеенко был командующим советскими войсками на юге России.

Во главе третьей — прапорщик Думсадзе, эсер.

Во главе четвертой — казак Безродный, эсер...

Первая дружина и центральный штаб помещаются в Новочеркасске, вторая — в станице Усть-Медведица, Донской области, третья — в станице Цимлянская, Донской области, четвертая — в гор. Ейске, Кубанской области.

Тов. Дубровин сам состоит членом первой боевой дружины (руководитель Жиров). Он отпросился съездить домой к родным в Смоленскую губернию и должен вернуться к 1 февраля в Новочеркасск, чтобы принять участие в поездке в Петроград под руководством Жирова. Но, не заезжая домой, приехал прямо в Смольный, чтобы сделать вышеизложенные показания, потому что он разочаровался в своих вождях, которые прибегают к помощи тех людей, которые веками давили народ.

Правдивость изложенного подписью подтверждаю

Николай Васильевич Дубровин.
Принял показания комиссар М. Козлов.

О солдате, приехавшем из Новочеркасска, тотчас доложили Бонч-Бруевичу. Показания Дубровина были немедленно отпечатаны на машинке в двух экземплярах. Для Ленина и Дзержинского.

59

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ:

С Феликсом Эдмундовичем я работал все это время рука об руку.

60

«21/I-18 г. По поручению товарища Бонч-Бруевича я был командирован на Гороховую к товарищу Дзержинскому. По какому делу послан, я не знал. Так как это было спешно, то Владимиру Дмитриевичу некогда было объяснить...» — так начинается документ, благодаря которому только ныне, полвека спустя, мы узнаем имя разведчика, добравшегося до Красного Паука...

Разговор у Дзержинского продолжался недолго. Феликс Эдмундович объяснил комиссару Семьдесят пятой, зачем вызван, что предстоит, и попросил зайти к его помощнику Полукарову.

Некоторое время спустя комиссар Семьдесят пятой, теперь уже «прапорщик, приехавший в Питер

с фронта», шел по Невскому. Рядом с ним шагал высокий человек в черкеске защитного цвета, в черном бешмете и рыжей папахе. Это был казак с Кубани Владимир Спорозов.

Вдвоем вошли в кафе «Бристоль». Там Спорозова ждали знакомые ему офицеры.

У кубанца был документ о том, что он, Спорозов, делегирован в Петроград продовольственным комитетом и теперь возвращается назад. В документе осталось место еще по крайней мере для 25—30 фамилий. Эта бумага «по всей форме» и заинтересовала офицеров, сходившихся в «Бристоле». Вписать в тот документ свои фамилии значило получить надежный пропуск на юг, через большевистские кордоны.

Обедая с новыми знакомыми, «прапорщик» то интересовался бумагой кубанца, то расспрашивал о событиях на юге...

Поздно вечером, идя путями окольными, «прапорщик» возвратился на Гороховую и доложил Дзержинскому, какое получилось начало. Феликс Эдмундович одобрил, но спросил:

— А как с «главным»?

— Вроде нащупывается. Он тоже бывает в «Бристоле». Фамилия его Орел, любит щеголять в шведской куртке.

— Значит, все совпадает?

— Похоже, что так.

«Прапорщик» вновь встречался и с Полукаровым. С Гороховой ушел за полночь. Приказ, полученный от Дзержинского, теперь сводился к тому, чтобы аресты начать только тогда, когда в сети окажется «главный».

«...На следующий день они [офицеры] собрались в соседнем кафе по Невскому проспекту, 88, в семь часов вечера. Теперь там детально обсуждали план отъезда... Но главного организатора «ударников» — Орла еще не было... Он должен был дать список в 16 человек, инструкцию и некоторое поручение отъезжающим».

Офицеры засиделись вплоть до закрытия кафе, так и не дождавшись Орла.

«Спорозов настаивал сейчас же отправиться к главному и взять список и назначить место, где собраться в последний день перед отъездом. Сначала решено

было идти к Орлу вдвоем, но так как к ночи нас осталось всего четверо, то порешили для ускорения дела отправиться всем. Наконец мы приехали на Мойку, д. 17/50, кв. 3. К счастью, — и конечно, к несчастью Орла, — он был дома. Меня с ним познакомил Спорозов. После непродолжительного разговора Орел дал нам список лиц, которые поедут... Кроме того, условились собраться в последний раз в кафе на углу Невского и Николаевского, в низке, на левой стороне от Невского, в 12 часов дня... А я с казаком должен приехать раньше — к 11 часам, в кафе «Бристоль».

На следующий день я приехал в назначенное время — около одиннадцати часов. Никого из знакомых офицеров я не обнаружил. Не было там ни Орла, ни Спорозова. Я заволновался. Вот уже и половина первого, а никого нет...

Я вышел на улицу посмотреть, что там делается... И опять вернулся в «Бристоль». И опять стал ждать. Вдруг вижу — появляется Орел, садится за столик и заказывает закуски и кофе. С ним двое штатских. Я сейчас же подошел к нему и стал спрашивать, почему нет отъезжающих офицеров. Орел ответил, что они здесь, но одеты в штатском, поэтому я их не узнаю. После этого Орел спросил про Спорозова. Я ответил, что, по-моему, он скоро придет, видно, что-то задержало его...

...Орел быстро закусил и стал выходить из «Бристоля»... Я спросил его: «Куда же вы?» Он ответил, что скоро вернется, и тут же сел в автомобиль, который ждал его у подъезда, и укатил...

Я так обалдел, что не знал, как поступить. Правда, я успел заметить номер автомобиля: 40-19.

Положение было критическое... Ничего другого не оставалось, как снова пойти в «Бристоль» и ждать, когда вернется Орел.

И вот прошел целый мучительный час...»

Орел появился с несколькими офицерами. Они снова заняли места за столиком. И тогда к ним подошел «прапорщик»:

— Руки вверх! — скомандовал он, выхватив самовзводный револьвер.

— Это что еще? — удивился Орел.

— А ничего... Вы арестованы!

Орел и его сообщники не успели ничего предпринять. Несколько человек в штатском — чекисты, сидевшие за соседними столиками, пришли на помощь «прапорщику»...

Орел и все приехавшие с ним были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость.

Последние строки рапорта:

«...Я прошу вас как можно крепче приготовить клетку для этого Орла, а то он может еще много нагадить. На свободе еще остались его «ударники»...»

(Подпись)
24/I.18 г.».

...Это написано чернильным карандашом на обеих сторонах листа, плотным, убористым почерком, с трудом разбираемым. Документ лежит среди других бумаг комитета Семьдесят пятой. В рапорте — непосредственность впечатлений, характер самого рассказчика: его деловая обстоятельность, его переживания, огоньки юмора. Но кто писал документ? Кто тот комиссар, которого Бонч-Бруевич направил из Семьдесят пятой в ВЧК, и он, этот рабочий-комиссар, выполняя задание Дзержинского, выследил и арестовал преступника?

Под документом стоит подпись. Но вот беда, — она неразборчива.

Несколько опередим события и заглянем в петроградские газеты от 7 марта 1918 года. В тот день ВЧК опубликовала сообщение о раскрытии крупного заговора. О том, как одному из чекистов удалось напасть на след контрреволюционной организации «ударников» и арестовать их руководителя — Орла. «Это обстоятельство, — говорилось в сообщении, — дало возможность более близко подойти к раскрытию всей шайки и подробностей организации грандиозного заговора, а в связи с ним и покушения на жизнь т. Ленина».

Вот, оказывается, какое последствие имел арест этого Орла! Однако фамилия чекиста, проникшего в организацию «ударников», названа не была. Кстати, не только 7 марта 1918 года, но и до сих пор.

Итак, рассказ самого комиссара. Кто же он?

Снова всмотримся в подпись. Ее нельзя назвать закавычкой, какие иногда бывают на документах. Нет, она выписана от начала до конца. Но буквы стоят

так слитно, так «спрессованы», что разобрать невозможно.

Первое, что узнается: автор рапорта в конце января 1918 года был еще комиссаром Семьдесят пятой. Раз так, вспомним фамилии известных помощников Бонч-Бруевича. Сличим их подписи, сохранившиеся на протоколах допросов, донесениях... Александров, Цыганков, Самодед, Сухов, Квятковский... Нет, ничего похожего!

Мартовские газеты за 1918 год сохранили еще одно примечательное свидетельство.

В день переезда Советского правительства из Петрограда в Москву чекист Иван Чугунихин, исполняя задание Феликса Эдмундовича Дзержинского, погиб... Газеты называли адрес, где это произошло: Петроград, Каменноостровский проспект, дом № 22, квартира № 16.

Листы, исписанные чернильным карандашом, напоминают об истории несколько схожей. Безымянный красный контрразведчик, арестовавший Орла, действовал почти так же, как позже, в марте, Иван Чугунихин. Только для Чугунихина та операция окончилась трагически.

Не одно ли это лицо: комиссар, задержавший Орла, и Иван Чугунихин, ставший жертвой предательских ударов в доме № 22 по Каменноостровскому проспекту?

Сверим подписи.

Совпадение полное!

Вновь перечитываем рапорт — теперь уже не сомневаясь — рапорт Ивана Чугунихина! И тогда как-то особенно прозвучат заключительные строки:

«...Я прошу вас как можно крепче приготовить клетку для этого Орла. А то он может еще много нагадить. На свободе еще остались его „ударники"...»

Чугунихин словно предчувствовал, что произойдет с ним полтора месяца спустя...

61

Ночью 21 января, почти в то самое время, когда Иван Чугунихин докладывал Феликсу Эдмундовичу, как развивается операция против Орла, другие това-

рищи из Семьдесят пятой начали наступление на «охотников» с Забалканского.

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич вызвал к себе за перегородку комиссаров Александрова, Игнатьева и Мартынова. Он показал им записку, только что полученную в Смольном... Речь шла о какой-то офицерской организации, которая готовит новое покушение на Владимира Ильича Ленина. Следы ведут на Забалканский проспект.

Комиссары поехали на двух автомобилях. Легковой вел Василий Федоров, грузовой — один из шоферов, прикомандированных к Семьдесят пятой. В кузове грузовой машины были латышские стрелки.

— Забалканский, двадцать один, — сказал Александров шоферу Федорову.

В доме на Забалканском комиссары разыскали дворника и вместе с ним подошли к дверям сорок третьей квартиры.

Там уже спали. Первой услышала звонки Лидия Зинкевич. Она разбудила мужа...

Комиссары вошли, держа револьверы наготове. У дверей остались латышские стрелки.

Начали с кабинета Зинкевича. На диване спал Мартьянов. Разбудили и Некрасова.

Ушаков, находившийся в дальней комнате, услышав шум, вскочил и принялся прятать оружие: один револьвер, лежавший под подушкой, засунул в портфель, другой извлек из письменного стола и запрятал позади книг в шкафу. В портфель он засунул и тетрадь с дневниковыми записями, открыл форточку, выбросил портфель в окно. В это мгновенье дверь его комнатки распахнулась и показался комиссар Мартынов. Он увидел Ушакова, отпрянувшего от форточки. Мартынов приказал Ушакову отойти в угол и осмотрел комнату. Затем велел подпоручику одеваться:

— Пошли на улицу... Что вы там выбросили?

Портфель нашелся. Мартынов положил его на стол в гостиной перед Александровым. Тот вместе с Игнатьевым уже собрал и другие трофеи — два браунинга, бумаги...

Александров написал протокол, закончил его так: «Обыск прошел нормально, претензий ни со стороны хозяина, ни членов домовой администрации не заявлено».

Автомобиль помчался в обратный путь. Теперь среди пассажиров был и подпоручик Ушаков. Капитан Зинкевич, доктор Некрасов и «вольноопределяющийся» Николай Мартьянов были помещены в кузов грузовика под охрану латышских стрелков.

Как только квартира опустела, Лидия Зинкевич, набросив шубу и платок, выбежала на улицу. За угловым домом она свернула на 1-ю Роту, затем в Тарасов двор, разбудила Виктора Домбровского:

— Только что арестовали мужа, брата, Германа...

— Да, могут прийти и сюда, — понял Домбровский.

Он достал спрятанные в комнате бомбы, гранаты и уложил их в корзину.

— Я пойду к Фонтанке. А вы побудьте здесь.

Домбровский нашел прорубь невдалеке от сада «Буфф». Корзина с бомбами ушла на дно.

62

Орел был вызван на первый допрос.

— Имя, отчество и фамилия? — спросил следователь Степан Щукин.

— Орел Александр Петрович.

— Где родились?

Щукин записал:

«Станица Белореченская, Кубанской области».

Следователь записал и другие ответы арестованного:

«Я, бывший студент, сидел за политику. В 1911 году меня обвинили в заговоре против монархии... Теперь я живу в стороне от политической жизни, потому что чувствую себя совершенно больным».

— Вы офицер? Звание?

— Бывший офицер, поручик. Служил в «дикой» конной дивизии. До Октябрьской революции был атаманом партизанской сотни смерти при 24-й пехотной дивизии. После расформирования сотни определенного поста не занимаю.

— На какие же средства вы живете?

— На содержании жены.

Последовали новые вопросы, Орел ответил:

— Родители мои живут в Крыму. Круг моих знакомых обнимает главным образом сферу финансовой

и родовой аристократии... Из русских финансистов знаю князя Шаховского... Из партийных деятелей меня знают Чернов, Семенов и другие... Живу я на Мойке, в меблированных комнатах Аникеева.

На вопрос об отношении к рабоче-крестьянской власти Орел ответил:

— К власти Совета Народных Комиссаров отношусь отрицательно, по крайней мере к некоторым декретам, например к декрету о браке, об уничтожении чинов и орденов.

Следователь спросил о списке, который Орел должен был передать Спорозову:

— Это офицеры, которые собирались бежать к атаману Каледину?

— Никаких офицеров, собиравшихся ехать на юг, я не знаю, — ответил Орел. — Это был список лиц, которым я хотел передать письма и приветы.

Допрос окончен. Почти ничего.

63

Кто привел комиссаров Семьдесят пятой к «охотникам» на Забалканском?

Сохранились записи трех показаний солдата Якова Спиридонова-Чекурыжкова, данных им 21—25 января 1918 года:

«...Подпоручик Ушаков был командиром, а я председателем комитета пеших разведчиков полка «1 марта»... Ушаков мне доверял, так как я был молчалив».

В начале января Спиридонов находился в деревне. В это время пришло письмо от Ушакова с вызовом в Петроград.

«...Я не знал, зачем меня позвали... Приехав в Петроград, явился в квартиру Некрасова, где встретился с Ушаковым. Он отвел меня в Союз георгиевских кавалеров, Захарьевская, 14. Там поместили меня с фельдшером и еще с неизвестным. Тогда же Ушаков познакомил меня с председателем Петроградского Союза георгиевских кавалеров Осьмининым и просил его дать мне дело на квартире по Перекупному переулку, 8».

По дороге в Союз георгиевцев Ушаков говорил, что «в Петрограде [враги России] работают на немецкие

деньги; все имущество грабят и везут к себе в Смольный. Еще он говорил, что это надо прекратить, что в России нужно восстановить твердую власть. Прежде всего, требуется проследить и устранить Ленина, иначе ничего не выйдет.

...Ушаков говорил мне: «Мы уже охотились на Ленина, но неудачно». С кем — не сказал.

...Ушаков предложил мне выследить квартиру и установить, когда туда приезжает и уезжает Ленин. И хорошо бы взять еще Бонч-Бруевича... Если не удастся взять их живьем, то сообщим по телефону (кому «сообщим», из показаний не ясно. — *М. С.)*, и мы их как-нибудь возьмем, хотя бы мертвыми.

Мы тогда установили, сколько людей нужно для этого, причем [если] удастся их взять живьем, то мы будем держать их заложниками за других; заявим им, что с ними мы расправимся, если они тронут коголибо из наших.

Со слов Ушакова я понял, что доктор Некрасов и его зять (имеется в виду капитан Зинкевич. — *М. С.)* знали об этом плане».

Спиридонов остался ночевать на Захарьевской, 14. Теперь обработкой солдата занялся Осьминин.

«...Осьминин... присматривался ко мне два дня. Наконец он предложил мне познакомиться с купчихой Саловой, чтобы пойти к ней служить в лавке и следить за квартирой Бонч-Бруевича».

Террористы считали, что Владимир Ильич Ленин, как и в первые дни революции, ночует у Бонч-Бруевича.

«...Мы поехали к Саловой вечером. Осьминин сказал своей знакомой, что она должна показать мне дом, куда часто приезжает Ленин. И еще он велел Саловой дать мне револьвер.

Салова поехала со мной, показала тот дом. После этого мы вернулись к ней на квартиру, и она вручила мне револьвер.

...Осьминин мне заявил, что если я прослежу, дам знать и удастся их взять (Ленина и Бонч-Бруевича. — *(М. С.),* то я получу за это 20 000 рублей от общества Ушакова... Осьминин добавил, что их организация очень большая и богатая. Деньги дают даже заинтересованные иностранные капиталисты.

...Я опять отправился к Саловой. Но по дороге заметил, что как будто за мной следят люди, которых я встречал в Союзе георгиевских кавалеров.

...За два дня до ареста Ушакова я приходил на Забалканский проспект. На мой звонок мне долго не открывали, хотя за дверью был слышен шорох. Только на третий звонок мне открыли дверь и меня встретили Ушаков, Некрасов и сестра Некрасова. Когда они меня увидели, то Некрасов сказал: «Вот хорошо, пойдите теперь побеседуйте». Я пошел с Ушаковым в отдельную комнату. Когда мы вошли в комнату, Ушаков спросил меня: «Как дела?» Я ответил, что дела ничего; я познакомился с дворником, который обещал меня определить на место. За чаем я спросил дворника о квартире Бонч-Бруевича и кто к нему приезжает. Из разговора я понял, что к Бонч-Бруевичу приезжает Ленин.

Я попросил Ушакова дать мне патроны. Он ответил, что сейчас у него нет, но завтра привезет. Потом он мне показал три револьвера. После этого вынул газетку из портфеля и показал мне о покушении на Ленина. Я прочитал заметку и сказал: «Плохо, что дело не вышло». На это Ушаков заметил, что сплоховал капитан Зинкевич *, так как не вовремя дал сигнал...»

Со слов Ушакова Спиридонов рассказал комиссарам, как происходило покушение на В. И. Ленина 1 января.

«...После этого разговора, — продолжал Спиридонов, — я спросил Ушакова, не богат ли он деньгами. В ответ на мой вопрос он вынул из кармана 40 рублей и сказал: «Погодите, сейчас достану у Некрасова из общественных денег». Но у доктора Некрасова не оказалось. И он мне обещал дать деньги завтра вместе с патронами».

Между тем у Спиридонова созревало решение больше не связываться с делом, задуманным Ушаковым и Осьмининым. Мотивы этого решения: «Заговорила совесть»... Кроме того, Спиридонов подчеркивал, что за ним уже следили. Кто именно следил, он не расшифровал. Похоже, что это были люди, подосланные

* Это одна из версий, фигурирующих в материалах следствия.

Осьмининым. Видимо, осмотрительный Осьминин не слишком доверял солдату.

«...В течение целого дня, — продолжал Спиридонов, — я старался как-нибудь попасть на квартиру Бонч-Бруевича, чтобы его предупредить. Но не мог, так как за мной все время следили.

На следующий день мне удалось пробраться в дом Бонч-Бруевича и передать записку обо всем. Но мне сообщили, что Бонч-Бруевича дома нет, его можно застать только утром.

На следующее утро я опять пришел к Бонч-Бруевичу. Теперь мне сказали, что он дома не ночевал.

В Смольный я не мог попасть, так как к Бонч-Бруевичу не пускали. Тогда я решил поехать в Москву и там все рассказать. Но в Союзе георгиевцев я встретил человека, которому доверился — он все время спорил с другими, был на стороне большевиков *. Я попросил его отвезти письмо в Смольный. После этого мне удалось встретиться в чайной с комиссаром Смольного, который пришел по моему письму. Ему я рассказал все... Ночью их арестовали».

В ту ночь, 21 января, была арестована и Ольга Салова.

— Вы знакомы с председателем Союза георгиевских кавалеров Александром Осьмининым? — спросили ее на допросе в Семьдесят пятой.

— Да.

— В чем выражалось это знакомство?

— Он бывал у меня, заходил обедать, иногда ужинать.

— С кем он приходил к вам в последний раз?

— С офицером Ушаковым. Они выпивали. Потом сели на диван и вели разговор о Ленине. Говорили, что «Ленин мешает жить, надо взять его живым». Сговаривались, как это сделать.

— Вас вовлекали в эту преступную организацию?

— Осьминин предлагал мне узнать номер кварти-

* Размежевание, начавшееся в Союзе георгиевских кавалеров еще в Октябрьские дни, продолжалось. Значительная часть солдат-георгиевцев порвала с осьминиными и впоследствии мужественно воевала за Советскую власть, против белогвардейцев и иностранных интервентов.

ры, в которой живет Бонч-Бруевич, и познакомиться с прислугой. Он спрашивал, не покупает ли у меня в лавке прислуга той квартиры, где бывает Ленин.

— Нам известно, что вы были в близких отношениях с Осьмининым. Вы это подтверждаете?

— Да. А потом я узнала, что он человек непорядочный, живет с другой женщиной, которую называет «Король». Одевается она в мужскую одежду. Однажды она приходила ко мне, но с Ушаковым. Они приносили револьверы, было это, кажется, пятого января.

— Что вы можете сказать о политических взглядах Осьминина?

— У него знакомые — полковники и генералы. Во время смут на улицах он всегда выходил вооруженный. Он печатал заметки в газете «Солдатское слово» («Набат». — *М. С.)*. Еще брошюрки писал, звал защищать Учредительное собрание.

— Солдат Спиридонов бывал у вас?

— Ко мне приходили два солдата, один высокий, другой пониже, говорили, что от Осьминина. Обещали привезти картошку. Дала я им тысячу рублей. А они картошки не привезли.

— Для чего и откуда солдаты должны были привезти эту картошку?

— Из Союза георгиевских кавалеров. От Осьминина... У меня торговля... А картошку теперь достать трудно.

— Значит, вы продолжали сохранять хорошие отношения с Осьмининым?

— По старой памяти... Но интимности больше не было.

— И все же продолжали исполнять его приказания? Осьминин требовал, чтобы вы приняли в свою лавку приказчиком солдата Спиридонова?

— Требовал. Но я отказала. Сама справляюсь. Какая нынче торговля?

— Оружие Спиридонову давали?

— Было такое... Давала револьвер.

— Из тех, что приносил Ушаков?

— Нет... Ушаков принес, а через пару дней забрал... Как-то Осьминин засиделся у меня допоздна. Крепко выпил, стал буянить. Я отобрала у него револьвер и уложила спать. Наутро он сказал, что за револьвером придет «наш человек». И чтобы я пере-

дала револьвер этому человеку — солдату, которого я знаю... Призналась я Осьминину, что боюсь всей этой истории. На это он сказал: «Нам Ленина убивать не надо. Мы живым его возьмем. Нам это для дела очень интересно».

— Где сейчас Осьминин?

— Не знаю.

— На Захарьевской он не ночевал.

— У него квартира на Охте.

— Адрес?

— Я там никогда не бывала.

Осьминин пытался сделать то же, что он сделал после покушения 1 января, — бежать в Москву. Он уже заготовил бумаги: «...экстренно выезжает по делам Союза». Но попал в засаду, устроенную комиссарами Семьдесят пятой. Они вызвали латышских стрелков, окружили дом на Захарьевской, 14, вошли в него и приказали Осьминину следовать за ними.

До этого произошел поединок двух разведок: перед зданием на Захарьевской Осьминин выставил наблюдательный пост из шести верных ему солдат. Они обнаружили разведчиков из Смольного, следовали за ними всюду, куда бы они ни пошли. Но это отдалило арест Осьминина лишь на несколько часов.

64

Между тем на Гороховой, 2, продолжалось следствие по делу Орла.

Дзержинский, получив первые материалы дознания, составил план дальнейшего следствия, угадав, что через Орла может открыться многое.

В «Бристоле» одновременно с «атаманом ударников» были арестованы офицеры и юнкера Алексей Фаляев, Александр Солнцев, Владимир Ларин и другие.

Фаляева допрашивал следователь ВЧК Иван Ильин.

«...С Орлом я знаком по фронту, — говорил Фаляев. — Мы были в одном батальоне смерти. В данный момент Орел является главой контрреволюционной организации, целью которой является борьба с большевиками.

...Вместе с казаком Спорозовым, который уезжал на Кубань, должны были уехать к Каледину некоторые «ударники», юнкера и офицеры. Я тоже хотел ехать, но не к Каледину, а в Кисловодск, там у меня невеста... Спорозов должен был отправиться в качестве председателя делегации, а товарища председателя должен был изображать один офицер, которого Орел отправлял к Каледину. Казак обещал одеть этого офицера в черкесский костюм. Офицер ехал с письмом к Каледину и должен был привезти из Новочеркасска деньги...

Из прошлого Орла мне известно, что в Нарве они вместе с прапорщиком Фохтом, Сыромятниковым и другими разбили товарный вагон и ограбили какого-то артельщика, причем каждому из них досталось по восемь тысяч. Артельщика избили нагайкой. Об этом мне говорил сам Орел...

Однажды сестра милосердия Евгения Ястребова просила меня узнать, где находится прапорщик Фохт. Я спросил Орла. Он ответил, что Фохта он убил на Садовой — за то, что он якобы хотел предать нас.

Я слышал, что у Орла бывают какие-то собрания. Орел говорил мне, что у них в организации находится до 3500 человек. Их выступление предполагалось 5 января, но почему-то не состоялось.

Орел женат на девице легкого поведения...

Внутренней жизни организации Орла не знаю».

Фаляев, сам того не предполагая, дал комментарий ко всем пунктам первоначальных показаний Орла. К тому, что «политикой он больше не занимается», и к тому, что с «Калединым он не связан», и к тому, что он человек высоких нравственных правил, а потому к советскому декрету о гражданском браке относится отрицательно.

Александр Солнцев и Владимир Ларин знали об «атамане ударников» меньше, чем Фаляев, но и они подтвердили связь Орла с Калединым.

24 января «атамана ударников» допрашивал член коллегии ВЧК Полукаров. Обнаружились новые штрихи портрета Орла. 15 октября 1917 года Орел, будучи на фронте командиром партизанской сотни «ударников»-смертников, получил приказ отправиться в Петроград для защиты Временного правительства. Но среди «партизан» «поработали какие-то агитаторы», и до

Петрограда доехал только один Орел. Он смекнул, что́ предстоит, и улизнул в Крым. В Петроград возвратился в ноябре.

О главном Орел все еще твердил то же, что и на первом допросе. Тогда Полукаров показал «атаману» его имя в списке французского шпиона Штырева, прочел выдержки из показаний Брысина, арестованного еще 11 января комитетом Бонч-Бруевича, протоколы допросов Фаляева и Солнцева, арестованных одновременно с Орлом в «Бристоле».

— Что вам известно о прапорщике Брысине? — спросил Полукаров.

Орел стал вспоминать:

— Эту фамилию я где-то слышал.

— Где? В какой связи?

— Слышал, но припомнить не могу.

— Он был в одной организации с вами.

Орел промолчал.

— Имя полковника Ланского вам тоже ничего не говорит?

Орел опять промолчал.

— Что ж, тогда возвратимся к вашим письмам на Кубань.

— На Дон, — поправил Орел. — Я писал их Каледину.

— Вы с ним знакомы лично?

— Я писал от имени нашей организации.

— Какую именно организацию вы имеете в виду?

— Вы же знаете...

Эпизод с шестнадцатью офицерами и юнкерами — случай, приведший Орла на Гороховую, 2, — отодвинулся на дальний план. Всплыло главное. Самое главное.

30 января состоялся очередной допрос Орла.

«Ввиду обнаруженных против меня данных и неоспоримых доказательств моего участия в контрреволюционном заговоре, — заявил теперь Орел, — я считаю бесполезным дальнейшее упорство. Ответы, не совпадающие с действительным положением дел, могут повредить мне самому. В дальнейшем буду освещать предметы так, как оно было на самом деле.

Я состою товарищем председателя организации, целью которой является борьба с большевиками и свержение власти Совета Народных Комиссаров, унич-

тожение всех изменений, введенных Советской властью, и восстановление военной диктатуры с Калединым во главе. Средством достижения этой цели являлось вооруженное восстание, которому должна была предшествовать подготовка техническая и агитационная. Ее оплотом являлись бывшие офицеры и юнкера, а также солдаты, сочувствовавшие целям организации.

Во главе этой организации Ланской и я...

5 января готовилось вооруженное наше восстание, но оно было отложено ввиду того, что сила, которая должна была прийти к нам от Каледина и из Финляндии — белая гвардия, — не пришла...»

Орел дал показание о составе организации. Группы «ударников» имелись в Семеновском полку и Преображенском. Главные силы организации были расположены на частных заводах Петрограда (под видом охраны этих заводов), в гостиницах («офицеры-отпускники»), а также в пригородах: в Шлиссельбурге, Териоках, на станции Охта, в Петергофе, Царском Селе, Ораниенбауме. Орел назвал точное местоположение рот «ударников», их штабов, фамилии командиров.

Каждому члену организации платили по 360 рублей в месяц.

Оружие закупали на Александровском рынке — у солдат-дезертиров и спекулянтов. Закупки производились и в Финляндии.

Деньги на содержание организации поступали от Каледина, князя Дмитрия Николаевича Шаховского, а также из Москвы.

С Калединым поддерживалась регулярная переписка. Так, к нему ездил некий Николай Мухин. Вместе с письмом-директивой от Каледина он привез из Новочеркасска деньги. Всего от Каледина было получено около 6 миллионов рублей. От бывшего князя Шаховского — около 2 миллионов рублей. Финансовыми делами организации ведал полковник Ланской. Он лично и через Орла передавал деньги членам организации.

Оружие было сложено на берегу Невы, в снегу, на заводе Рабса и у купца на Лиговской улице...

Сосредоточение рот «ударников» в день выступления должно было происходить в районе Адмиралтейства и Марсова поля. Планировалось захватить Смольный, Петропавловскую крепость, Михайловский

манеж с броневиками, Николаевский вокзал, телеграф, телефон и другие объекты.

«Центр нашей организации находился в Москве и помещался в гостинице «Золотой якорь». Во главе организации стоит генерал Дернов, который работает вместе с Рябцевым (один из руководителей контрреволюционного мятежа в Москве в дни Октябрьской революции. — *М. С.).* Рябцев живет в гостинице «Золотой якорь» под фамилией Иванов Василий Иванович.

...Московская организация есть самая сильная и крепкая из всех наших организаций, с гораздо большим числом членов, чем петроградская, и несравненно большим числом оружия... Члены вербуются из офицеров, юнкеров, врачей, студентов, чиновников как в Москве, так и из приезжающих с Дона от Каледина.

Связь с Москвой и другими городами, где имеются наши организации, поддерживалась между петроградской организацией мною, Орлом, посредством переписки по почте, причем я пользовался печатью Преображенского полка. Переписка велась условным шифром. Условные знаки были в первое время «белый башлык» и «синий пояс». Потом был другой условный знак — круг, внутри которого были цифры 13-26-16, 80-13-26, означали мои телефоны... У нас был еще и словесный знак: „Красный Паук“».

Читатель, наверное, догадался, что Орел — это и есть Красный Паук.

«Ударников, приходивших ко мне за деньгами, за инструкциями и сообщениями, — показывал Орел, — я распознавал этим знаком».

После Октябрьского восстания в Петроград группами и в одиночку прибывали роты «ударников», которые формировались на Дону.

«Нашей организацией, — продолжал Орел, — через Ланского был заключен договор с правлением социалистов-революционеров... Договор заключался в кафе «Орлеан» с участием князя Шаховского... Правые социалисты-революционеры должны были перед восстанием взять на себя агитацию, а мы дать вооруженную силу...»

Орел подтвердил участие князя Шаховского в финансировании организации, совершившей покушение

на В. И. Ленина 1 января 1918 года, а также осведомленность в этом полковника Ланского: «Покушение это было сделано, как мне говорил Ланской, через подосланных людей князя Шаховского... Стреляли в Ленина люди, нанятые Шаховским».

...Иван Чугунихин помог водворить Орла «в клетку» в тот момент, когда «атаман ударников» был занят новым делом.

«Мне и еще сорока офицерам, — показывал Орел,— было поручено организовать покушение на Ленина. За эту операцию я должен был получить 500 тысяч рублей».

Орел вместе со своими помощниками наладил слежку за Владимиром Ильичем, пытаясь узнать, когда он будет выступать на каком-либо митинге, и там «захватить его и доставить на Дон к Каледину в качестве заложника. Захват должен был произойти следующим образом: когда Ленин будет садиться в автомобиль, то мы его должны были окружить своими автомобилями. Я должен был его связать, посадить к себе в автомобиль и увезти».

Следствие по делу Орла—Шаховского продолжалось до марта. Протоколы допросов, памятные записки членов коллегии ВЧК, личные пометки Дзержинского показывают, как чекисты вели это дело. Как вместе с комиссарами Семьдесят пятой (покуда существовал этот комитет) шаг за шагом вскрывали они все связи организации. Как были ликвидированы штаб на Мойке, 20, остатки «ударников» в особняке Кшесинской, «Союз российской интеллигенции» на Фонтанке, 28 (под этой вывеской продолжалась деятельность уже знакомого нам «Союза трудовой интеллигенции»). Как были нащупаны первые следы заговора Бориса Савинкова, скрывавшегося под именем Бориса Ржевского.

Распутывая клубок, чекисты напали на след этой организации эсеров и монархистов. Штаб ее, по-видимому, находился в Удельном, на даче доктора Бадмаева.

Вот некоторые записи чекистов:

«1. Выступление назначено на 28 января или 5 февраля.

2. Предполагается занять все мосты через Неву.

3. Начнется вооруженное восстание от Биржи.

4. В некоторых местах уже перерезаны телефонные провода.

5. Доктор Бадмаев участвует в заговоре. У него находятся списки лиц. Часть монархических организаций живет на дачах в Удельном.

. . . .

7. Шаховской давал неоднократно деньги Гейману через своего присяжного поверенного...

. . . .

10. У Бадмаева живет известный аферист Борис Ржевский, который находится в центре всего заговора. (Графиня Игнатьева?)

Савинков здесь!»

. . . .

«Спросить Орла:

1. Когда хотели послать караул Преображенского полка в «Кресты», чтобы освободить арестованных, в том числе Влад. Митр. Пуришкевича.

2. Каким образом в Преображенский полк втирали своих людей».

Чекистов особенно интересовали московские главари организации. Удалось установить, что Дернов, скрывавшийся из Москвы, побывал в Петрограде и снова скрылся.

65

Доктора Некрасова допросили на другой день после ареста.

Некрасов поспешил заметить, что у него заслуги: «Во время корниловского восстания вместе с Лужским гарнизоном сопротивлялся войскам генерала Крымова». Кроме того, его «знает сам товарищ Чудновский». (Видимо, имелся в виду Григорий Чудновский, один из руководителей штурма Зимнего дворца.) Он может подтвердить, что доктор Некрасов «никогда не допускал никаких резких заявлений против партии большевиков». Некрасов не отрицал, что сочувствует программе эсеров. Но это лишь дань, так сказать, теоретическому увлечению политикой. Выстрелы из-за угла осуждает категорически, ибо дело это безнравственное и бессмысленное.

Итак, не только не стрелял, не только не готовил никакого заговора, но даже ничего худого против большевиков не говорил.

Некрасова отвели обратно в подвальное помещение Смольного.

Капитан Зинкевич на вопрос, знаком ли он с Ушаковым, ответил утвердительно: «Жили в одной квартире». Старшего унтер-офицера Осьминина знает, но лишь постольку, поскольку однажды видел его у Ушакова. Ни в каких партиях и ни в каких союзах не состоит. О первоянварских событиях на Фонтанке ему ничего не известно. «Покушение на Ленина обсуждал только по газетам... В Михайловском манеже, когда там выступал Ленин, не был». Зинкевич сказал, что не знал, был ли там Ушаков.

Увели и Зинкевича.

У дверей, на корточках, сидел паренек в офицерской морской фуражке. Тот, который в ноябре охранял Краснова и Марушевского, теперь он конвоировал арестованных внутри Смольного.

— Доставьте подпоручика Ушакова, — сказал Александров конвоиру.

Паренек вскочил и через «комиссарскую» выбежал в коридор. Вскоре он привел Ушакова, который сидел в одной из камер подвального этажа Смольного.

Допрос Ушакова вели Бонч-Бруевич, Александров, комиссары Козлов и Воронин.

— Садитесь. — Бонч-Бруевич предложил Ушакову место на скамье у стола.

Ушаков сел, снял шапку, широко расставил ноги и положил руки на высокие свои колени.

— В каких отношениях вы находились с председателем Союза георгиевских кавалеров Осьмининым? — спросил Бонч-Бруевич.

— Мы приятели.

— Вы встречались с Осьмининым на квартире Садовой?

— Я бывал там.

— Однажды ночью в разговоре с Осьмининым вы сказали: «Мы должны захватить Ленина. Тогда все воскреснем». Далее вы сговаривались о том, чтобы установить слежку за домом 5/7 по Херсонской улице, дабы узнать, когда бывает там товарищ Ленин. Вы это подтверждаете?

— Такой разговор был. Но позвольте объяснить...— Ушаков закинул ногу на ногу, положил на колени скрещенные в кистях руки. — Когда пришло известие о покушении на Ленина, стало ясно, что Россия вступила в полосу событий кровавых. Убийство Шингарева и Кокошкина подтвердило худшие предположения. Брат идет на брата... Я поехал к Осьминину. Мы действительно обсуждали, что нужно предпринять, чтобы остановить кровопролитие. И тогда составился план извлечь Ленина.

— Что значит «извлечь»?!

— Похитить, увезти, чтобы он не погиб... Чтобы его не убили...

Бонч-Бруевич встал, взглянул на Ушакова. Тот правой рукой мял подбородок, левой поддерживал правую руку. Рабочие-комиссары переглядывались.

— И вы решили стать спасителем Ленина?

— Мы имели в виду интересы России.

— Сколько вам лет?

— Двадцать один год.

— Что же, это не так мало... — Бонч-Бруевич прошелся по комнате. — То, что вы замышляли, было не спасением России, а чудовищным преступлением против нее. Разве непонятно, что стало бы с Лениным, окажись он в руках таких «спасителей», как вы?

Ушаков опустил голову:

— Мы не хотели никакого кровопролития.

— Когда вы сговаривались с Осьмининым о похищении товарища Ленина?

— Это было в начале января.

— А точнее?

— Не припомню.

— Где вы были вечером первого января?

— Дома, в квартире Некрасовых.

— Что вам известно о покушении на Председателя Совета Народных Комиссаров товарища Ленина первого января?

— Я слышал об этом, будучи на квартире Некрасовых. Первый слух был, что Ленин убит. На улице тоже слышал, что кто-то покушался.

— Только слышали?

— А потом читал в газетах.

— Неправда! Вы стреляли в Ленина!

— Я не стрелял...

— В таком случае вам придется выслушать человека, которому вы сами рассказывали о событиях первого января.

Ушаков побледнел.

— Уведите подпоручика, — сказал Бонч-Бруевич конвоиру. — Пусть подождет в «трюмной».

Ушакова увели.

— Кто он? Подлец, который хочет обвести нас вокруг пальца? Или у него каша в голове? — проговорил Бонч-Бруевич.

— Крутит он, Владимир Дмитриевич. Поверьте мне, — отозвался Александров. — Не мог Спиридонов все придумать.

— Вот я и хочу устроить им очную ставку.

— А по-моему, лучше начать с очной ставки с Осьмининым и с Саловой. Связь с ними Ушаков подтвердил. Признал и участие в заговоре похищения. С меньшего и начнем, — проговорил Александров.

Бонч-Бруевич и комиссары согласились.

Ввели Осьминина.

— Что вам известно о покушении первого января? — спросил Бонч-Бруевич.

— То, что писалось в газетах.

— И только?

— Больше ничего.

— На Забалканском, в квартире Некрасовых, вы бывали?

— Один или два раза.

— С кем вы там встречались?

— С Некрасовым, с Ушаковым.

— Каким образом вы познакомились?

— Я встретился с ними вскоре после 25 октября, в «Комитете спасения». Ушаков и Некрасов принимали участие в его работе... Комитет обратился к нам с предложением поддержать его. Я ответил согласием.

— Если я правильно понял вас, Ушаков был в Петрограде в дни октябрьских событий?

— Да.

Для комиссаров это оказалось неожиданностью.

— Надо спросить Ушакова, — предложил комиссар Козлов.

Из «трюмной» вызвали Ушакова.

— Вы были здесь, в Петрограде, в дни Октябрьской революции?

— Я приезжал сюда.
— Зачем?
Ушаков вздохнул:
— Это была бессмыслица.
— Вы принимали участие в выступлении? — спросил Александров.
— И на чьей стороне? — предложил уточнить Воронин.
— Я носился по городу...
— Что вы делали в «Комитете спасения»?
— Слушал речи.
— И только?
Парнишка-конвоир, сидевший на корточках у двери, вдруг вскочил и по-мальчишески вскрикнул:
— Не верьте ему! Я теперь вспомнил. Он сидел в одной камере с Красновым. Точно! Помню! На втором этаже это было.
Ушаков повел бровями, прикусил губу.
— Это правда? — спросил Бонч-Бруевич.
— Меня задержали с автомобилем. Ехал без пропуска. Сидел несколько дней. Отпустили в первых числах ноября.
— Мы это проверим *...
— Козловский потребовал от меня подписку в признании Советской власти. Я дал такую бумагу.
— А после этого стали участником контрреволюционного заговора?
— Я уже объяснил вам мотивы...
— В этом мы еще разберемся.
И снова вопросы к Осьминину:
— Вы следили за товарищем Лениным?
Осьминин сделал вид, что он удивлен вопросом.
— Введите арестованную Салову.
Шустрый конвоир побежал в «трюмную».
Началась очная ставка Ушакова с Осьмининым и Саловой.
Торговка при Ушакове и Осьминине повторила свои показания. Салова сказала и о том, что Осьми-

* В делах Военно-революционного комитета сохранилась только копия распоряжения об освобождении Г. Ушакова, с датой 6 ноября 1917 года. Среди записей самого Ушакова имеется следующая: «Неделя революции в Петрограде. Как началось... Бои у белых и у красных. Арест. Смольный в дни революции. В одной камере с Красновым...»

нин, пьяный, однажды пригрозил ей: «Будешь кому рассказывать, что́ здесь говорят, — убью!»

Осьминин и после этого продолжал упорствовать. Ни о каких выстрелах на Фонтанке, ни о какой слежке за Лениным не знает. Ничего против председателя правительства не замышлял. Салова наговаривает на него, сводит личные счеты... Знакомство с ней было чисто случайное. Роман военного времени, ничего более.

Салова оскорбилась.

— Браслет отдай! — крикнула она Осьминину, по-своему решив, что́ для нее самое важное.

Золотой браслет для часов — подарок, полученный в «Ампире», был на руке сочинителя брошюры об Учредительном собрании. Осьминин под ухмылки рабочих-комиссаров вернул браслет вдове.

Бонч-Бруевич снова перешел к допросу Ушакова.

— Вы обсуждали с Осьмининым план похищения Ленина?

И опять Ушаков: «Россия накануне событий кровавых... Все перепуталось, брат идет на брата. Россию надо спасать. Кто-то должен отважиться». И снова об убийстве Кокошкина и Шингарева. Ушаков убежден, что это «сделано по распоряжению из Смольного».

И произошло то, что нередко случалось ранее в пятьдесят шестой, а теперь в Семьдесят пятой: допрос вдруг стал не допросом, а политической дискуссией.

— Убийство, организованное Смольным?!. Какая чудовищная ложь!

Бонч-Бруевич едва сдержал себя. Да знает ли подпоручик, что следствие об убийстве бывших министров началось через полчаса после того, как товарищ Ленин узнал о происшествии. Он лично распорядился принять самые экстренные меры, чтобы раскрыть преступление.

Ушаков пожал плечами. Осьминин молчал. Только зло посматривал на Ушакова и Салову.

Снова вопрос к Осьминину:

— Вы и теперь продолжаете упорствовать?

— Я уже сказал. Все придумано. Наветы.

— С Ушаковым у вас тоже было случайное знакомство?

— Я думал, что он порядочный человек.
— Что же изменилось?
— Он сопляк и дерьмо, которое болтается в проруби.
Осминина увели. За ним — Салову.
Ушаков теперь не знал, куда девать руки. Он украдкой поглядывал на дверь, ожидая, что вот-вот войдет Спиридонов.
Бонч-Бруевич спросил:
— Бывший подпоручик Ушаков, продолжаете ли вы отрицать свое участие в покушении на товарища Ленина?
— Воля ваша, можете мне верить или не верить. Но коль так, я скажу, что думаю.
Он поведал о том, как в февральские дни арестовал генерала Мрозовского, как стал адъютантом Грузинова, как, будучи «радикальным демократом», сделался «убежденнейшим оборонцем».
— О большевиках был самого незавидного мнения, считал их причинами всяческих бед... После июльских дней, снова оказавшись на фронте, я был избран в состав ротного комитета. Председателем стал Спиридонов. Тут сошлись ближе. В то время он только что вернулся с каторги. На каторгу пошел за то, что убил жандармского офицера из карательной экспедиции. Спиридонов явился на фронт с желанием совершить что-то необыкновенное. Он фанатически предан революции.
— Какой революции?
— Как мы ее понимаем...
— Прошу уточнить.
— Большевиков он, как и я, считал причинами всяческих несчастий...
— Теперь ясно.
— Мы были друг другу преданы.
— Этим и объясняется, что позже вы позвали его в Петроград? Похищать Ленина?
— Я верил Спиридонову.
— Дальше?
— Дальше началось разложение армии. К ноябрю оно стало полным и окончательным... Мы решили, что все потеряно, оставили фронт, поехали в Москву. Там биться за революцию.
— Как вы ее понимаете?

Ушаков сделал вид, что он не расслышал вопроса, и продолжал:

— В Москве мы расстались. Спиридонов поехал в деревню, а я остался в Москве. Она уже оказалась совсем иной, чем была в феврале. На ней уже лежала печать вашей революции. Я не знал, что мне делать. Прапорщик Ушаков, который арестовал Мрозовского, был уже всеми забыт... И тогда я получил письмо от Мартьянова. Не было денег. Я поехал зайцем. Приехал, убежденный, что в Петрограде в правительстве все или переодетые немецкие офицеры, или продавшие свою душу люди. Так, во всяком случае, думалось мне, когда я сидел в окопах и читал газеты... Но в Петрограде я побывал на митингах и перестал понимать, что же происходит. Пока я сидел в окопах и вы... большевики... представлялись мне исчадием ада, все было ясно и просто. Но вот попал сюда и перестал понимать. Помню митинг в цирке Чинизелли. Там рабочие кричали: «Мы — власть!» Я не мог сомневаться в их искренности... Это было для меня открытием, которое заставляло над многим задуматься. А старые мои знакомые продолжали требовать своего. Я ведь согласился. И на меня возлагали надежды...

— И вы пошли в манеж и стреляли! Вот цена вашим колебаниям!

— В манеже в тот день я впервые увидел Ленина. Увидел совсем не таким, каким представлял... Там была атмосфера необыкновенного воодушевления... Забыв про все, я тоже, как другие, отчаянно хлопал, кричал «ура». В середине речи я вспомнил про то, что в переулке... Я протискался из толпы и направился к выходу...

— И прошло все ваше «воодушевление»?

— ...Я отправился к мосту. Я предложил, что сделаю все один. Мне дадут сигнал... Ждать пришлось недолго. Сигнал дали. Автомобиль полз по мосту. Я увидел, что с Лениным кто-то сидит. Был туман, темно. Я не мог хорошо разглядеть лицо Ленина, но оно само словно в воображении промелькнуло... Таким, каким видел в манеже... Я бросил бомбу в Фонтанку. Стоявшие за мостом, решив, что я не увидел сигнала, кинулись за автомобилем, стреляя в него. Автомобиль рванулся и скрылся в тумане.

В комнате стало тихо. Бонч-Бруевич, торопливо записывавший показания, отложил ручку, всмотрелся в лицо Ушакова. Александров ерзал на стуле. Козлов и Воронин заново переживали ту опасность, которая угрожала Ленину. Парнишка-конвоир, раскрыв рот, повис на винтовке.

— Итак, вы утверждаете, что не стреляли, а бомбу бросили в Фонтанку? — возобновил допрос Бонч-Бруевич.

— Да.

— Не стреляли почему?

— Я объяснил... Я увидел глаза Ленина.

— Но вы же пошли на мост, чтобы стрелять?

Прозрение? Если оно действительно было, то продолжалось секунды. Не бросив бомбу, Ушаков уже в следующее мгновение стал прежним «охотником». Он выхватил револьвер и побежал за автомобилем: «Нагнать и бросить бомбу!..» Но автомобиль уже удалился. И Ушаков стал стрелять...

Так впоследствии описал эти мгновения сам Ушаков. Но это было позже... А пока он находился под следствием, понимая, что его ожидает. И он продолжал излагать свою версию «прозрения».

Бонч-Бруевич повторил вопрос:

— Но вы же пошли на мост, чтобы стрелять?

Ушаков ответил:

— Когда я пошел, это означало, что я иду только затем, чтобы не пошел другой; чтобы помешать покушению.

— Опять «спасти» Ленина? — вырвалось у Александрова.

— Неплохо придумано! — удивился комиссар Козлов.

— Кто может подтвердить, что вы бросили бомбу в Фонтанку? На мосту был кто-нибудь с вами?

— Я был один.

— А те, что стояли за мостом и стреляли?

— Я не могу их назвать.

— А как можно поверить тому, что вы явились на мост, чтобы «спасать» Ленина? Следствие требует ответа: кто стрелял? Кто, кроме вас?

— Я больше ничего не скажу.

— Капитан Зинкевич, Осьминин, Некрасов, Мартьянов?.. Они были с вами?

— Я их не видел.

— Кто же стрелял?

— Я не стрелял.

Ушакова увели. Парнишка, следовавший за ним, все повторял:

— Не оборачиваться!

Комиссары совещались долго. Насчет Осьминина мнения сошлись: сознательный враг, контрреволюционер. Комиссары подписали постановление: «Осьминина заключить в Петропавловскую крепость, в Трубецкой бастион, под строгий режим».

Ушаков, Салова, как и другие арестованные по этому делу, были оставлены в Смольном.

В тот же день допросили Мартьянова. Он прикинулся нездоровым, жаловался на головную боль. О себе создавал впечатление человека, интересующегося политикой лишь любительски. Хотя у него есть кое-какие личные взгляды на перспективы развития российской революции, он в принципе теперь признает, что и большевистский эксперимент, по-видимому, неизбежен.

Мартьянова допрашивал Александров. Каких-либо конкретных сведений по делу о выстрелах на Фонтанке и заговору «похищения» получить от Мартьянова пока не удалось.

Назавтра был арестован Максим Волошинов. Пришлось ждать, пока он протрезвится. А когда хмель прошел, Волошинов удивленно спросил, каким образом он оказался в Смольном?

Ему объяснили. Но и от него получить каких-либо фактических сведений не удалось.

66

К февралю 1917 года Александр Григорьевич Шлихтер еще находился в сибирской ссылке. Освободила его революция. Шлихтер стал членом Красноярского комитета большевиков. В Октябрьские дни он был в Москве, членом Московского военно-революционного комитета, затем комиссаром продовольствия. В середине ноября Совет Народных Комиссаров вызвал Шлихтера в Петроград, и Александр Григорьевич

стал народным комиссаром продовольствия Республики.

В то время ему было уже под пятьдесят. Позади — полтора десятка тюремных отсидок и ссылок, в том числе последняя — пожизненная. Шлихтер был известен в партии не только как боец активных практических действий, но и как теоретик-марксист, исследователь экономики русской деревни...

...Нарком сидел в своем кабинете, когда ему сказали, что явилась с просьбой о приеме «лично известная ему сестра милосердия», служившая на фронте в одном санитарном отряде с сыном Александра Григорьевича.

Напоминание о погибшем Сергее заставило наркома отложить на какое-то время дела и принять необычную посетительницу.

Имя ее осталось неизвестным. Следует предположить, что это была Колюбакина.

— Арестованы Мартьянов и Ушаков... Вы должны их знать, — сказала сестра милосердия. — Мартьянов учился в одной гимназии с Сережей. Они оказались вместе и в роковой час гибели вашего сына... Ушаков был тоже близок Сереже...

— За что они арестованы? — спросил Шлихтер.

— Их подозревают в покушении на Ленина... Но здесь страшное недоразумение... Во имя памяти Сережи я умоляю вас... Мы все вас просим... Повидайтесь, пожалуйста, с ними, помогите устранить недоразумение.

Шлихтер ответил не сразу. Он посмотрел на просительницу, увидел ее слезы, переспросил:

— Вы точно знаете, что их подозревают в покушении?

— Да, именно. Но это неправда!

Шлихтеру вспомнился первоянварский вечер, когда это случилось. Он был тогда в Смольном и вместе с другими пережил минуты потрясения, ужаса.

— Хорошо... Вечером я буду в Смольном и постараюсь что-либо предпринять, — ответил Шлихтер.

Вечером нарком пришел к Бонч-Бруевичу:

— Правда ли, что среди задержанных по делу о покушении находится бывший студент Николай Мартьянов?

Бонч-Бруевич подтвердил.

— А еще Ушаков?

— Да.

— Мартьянов служил с моим сыном. Один снаряд убил Сережу и ранил Мартьянова. Ушаков тоже был в этом отряде... Сегодня ко мне обратилась бывшая сослуживица их, уверяя, что произошло недоразумение... Они не покушались. Если не возражаете, я хотел бы получить с этими арестованными свидание.

Бонч-Бруевич согласился.

Ожидая привода Мартьянова и Ушакова, Шлихтер не без настороженности осведомился:

— Владимир Дмитриевич, а какое мнение сложилось у вас? Они в самом деле стреляли?

— Безусловно.

— И Ушаков?.. В феврале он проявил себя в Москве.

— Знаю...

— И все-таки я хочу поговорить с ними...

Позднее, в 1925 году, Александр Григорьевич вспоминал:

«Я... стал с нетерпением поджидать привода заподозренных. Вот и они... Оба смертельно бледные... Оба дрожат мелкой, едва уловимой, едва заметной на глаз дрожью. В особенности у одного общее выражение лица напоминало человека, живущего в каком-то потустороннем мире и плохо реагирующего на окружающую обстановку. Но все же общее впечатление, которое я получил от обоих в первый момент, говорило мне не о животном страхе, а скорее просто о чрезвычайной растерянности.

Поздоровавшись и усадив их, я сразу же сказал им следующее:

— Во имя памяти Сережи вы просили меня о свидании с вами, во имя памяти Сережи я жду от вас правдивого ответа. Скажите: есть основания... как бы они ни были малы, подозревать вас в причастности к покушению на товарища Ленина?

Наши взгляды скрестились на несколько мгновений в тяжелом молчании...»

Сохранилась записка, представленная наркомом Шлихтером председателю ВЧК Дзержинскому 24 ян-

варя 1918 года, т. е. в день свидания с арестованными. Вот полный текст этой записки *:

Председателю комиссии по борьбе с контрреволюцией

На днях были арестованы [вставка рукой Ф. Э. Дзержинского: «Бонч-Бруевичем»] по делу о подготовке похищения т. Ленина Мартьянов и Ушаков, работавшие в санитарном отряде на войне вместе с моим сыном. Сегодня я получил разрешение на свидание с ними с целью выяснить их отношение к революции и причастность к заговору.

Оба арестованные чистосердечно заявили, что до разгона Учредительного собрания они готовились активно защищать Учредительное собрание. Но после разгона им сделалось очевидно, что тот состав депутатов, от которого они ждали «спасения» России, в действительности не заслуживает ни малейшего доверия и уважения. Вследствие этого после разгрома сразу же было решено ликвидировать всю группу по борьбе с Советской властью во имя защиты Учредительного собрания.

На мой вопрос, могут ли они обязаться словом честных людей, что впредь ни непосредственно, ни в соучастии с другими не [будут] предпринимать ничего угрожающего в каком бы то ни было отношении к т. Ленину, — оба арестованные, и Мартьянов и Ушаков, заявили, что они переживают... сильное душевное потрясение, что личность т. Ленина впервые выступает перед ними не в том представлении, какое они имели о нем раньше. Оба дали клятвенное заверение, что ни малейшего шага против т. Ленина они не сделают, что они лишь хотят поучиться и продумать все то, что сейчас происходит.

На основании беседы с арестованными я вынес глубокое убеждение в полнейшей искренности их. Отношусь с полным доверием к их обязательству и потому ходатайствую об освобождении их под мое поручительство.

Народный комиссар продовольствия
А. Шлихтер.

21/1—18.

Из записки наркома следует, что ни Мартьянов, ни Ушаков не признались Шлихтеру в своей причастности к покушению на Фонтанке. Они свели разговор к истории о том, как и почему готовилось «похищение» Ленина, и убеждали Шлихтера в том, что после 5 января они отказались от каких-либо действий про-

* Давно замечено, что память человеческая несовершенна. В воспоминаниях А. Г. Шлихтера, опубликованных в 1925 году, к сожалению, ответы Мартьянова и Ушакова — их фамилии, правда, не названы — приведены не совсем точно. Шлихтер писал, что арестованные сознались ему в подготовке покушения на Ленина и даже в том, что один из них стрелял. Здесь воспроизводится документ, написанный наркомом Шлихтером в день свидания с арестованными.

тив Советской власти. Мартьянов и Ушаков постарались создать впечатление, что они говорят искренне. И нарком Шлихтер стал ходатайствовать об их освобождении под его поручительство.

Дзержинский, прочтя записку Шлихтера, написал: «На рассмотрение комиссии».

67

...Поздно вечером 25 января комитет Семьдесят пятой передал через бюро печати Совнаркома сообщение для газет о раскрытии в Петрограде организации, ставившей целью «увезти В. И. Ленина из Петрограда в качестве заложника». Назавтра* это сообщение появилось во многих газетах. Говорилось об аресте Осьминина и Саловой, Зинкевича, Некрасова, Ушакова, Мартьянова. Осьминин фигурировал в качестве главного действующего лица.

Упоминалось, что солдат Спиридонов, у которого, по его словам, «заговорила совесть», явился в Смольный и дал важные показания, содействовавшие раскрытию заговора. Сообщение подчеркивало, что, по мнению Спиридонова, целью заговора было убийство Владимира Ильича.

Судя по сообщению от 25 января, комитет Бонч-Бруевича еще не считал, что ему ясна история первоянварского покушения. Говорилось лишь: «Есть основание предполагать, что, вероятно, удастся в скором времени установить также участников покушения на В. И. Ленина, которое было совершено некоторое время тому назад, при проезде его с митинга в Михайловском манеже... По обоим этим делам ведется тщательное расследование».

68

Дальше произошло следующее.

Был арестован поручик Семен Казаков. Он подтвердил часть показаний Спиридонова, назвав в числе активных участников покушения на Фонтанке доктора Некрасова и капитана Зинкевича.

Вновь на допрос вызвали Некрасова. Это было 30 января. Теперь ему предъявили обвинение:

— Вы стреляли на Фонтанке!

Некрасов возмущенно ответил, что это небылица. Он «не мог стрелять на Фонтанке, ибо в это время находился дома». Такие-то лица могут это подтвердить.

Таким же образом повел себя Зинкевич. Он уверял, что 1 января завтракал дома — около 12—13 часов дня. От 13 до 18 часов также находился дома — был с гостями, обедал. После обеда никуда не отлучался до следующего утра. Зинкевич просил вызвать свидетелей, которые были с ним в тот день. В числе свидетелей он назвал свою жену — сестру Некрасова...

69

При очередном допросе Ушаков вдруг объявил: да, виноват. И не только в том, что готовил похищение, но и в том, что стрелял на Фонтанке. При этом стрелял один. Бомбу не бросил. Но стрелял. Один стрелял.

Следует предположить, что Ушаков взял всю вину на себя под давлением Зинкевича и Некрасова: «Струсил на мосту, искупай вину сейчас. Сам уходи, и концы в воду»...

Следствие продолжалось.

По свидетельству Бонч-Бруевича, Владимир Ильич Ленин был в курсе всех показаний арестованных. Он все время требовал от Бонч-Бруевича документов дознания и сам их прочитывал.

...Уличающие обстоятельства первоянварского покушения, как и подготовки нового террористического акта против Владимира Ильича Ленина, были установлены. Арестованные перестали запираться и во всем сознались.

В. Д. Бонч-Бруевич:

«Когда дело было совершенно закончено, я спросил Владимира Ильича, что нужно с этими людьми делать, и заявил, что, по-моему, их необходимо немедленно расстрелять, так как они представляют из себя несомненно контрреволюционную группу и нужно положить предел подобным покушениям со стороны офицерства и других, чтобы все знали, что Советская власть, власть диктатуры пролетариата с подобной

публикой будет расправляться самым твердым образом, применяя к ним высшую меру наказания.

Владимир Ильич мне сказал, что надо продолжать следствие еще по некоторым вопросам, которые им самим были намечены.

И здесь обстоятельства сложились так, что когда следствие совершенно мною заканчивалось и которое еще больше подтвердило виновность этих лиц, — немцы стали наступать на Петроград...»

Это произошло 18 февраля. Четыре дня спустя в газетах появилось знаменитое ленинское обращение «Социалистическое отечество в опасности!». Обращение распространялось и отдельными листовками... И случилось то, что могло случиться только в революционное время, когда, по справедливому замечанию Бонч-Бруевича, «действительность и логика вещей делают огромные, совершенно неожиданные зигзаги, казалось бы ничем не предусмотренные».

Ленинское воззвание распространяли везде и всюду. «Мы послали его также и через Семьдесят пятую комнату в арестное отделение Смольного, сидевшим там в заключении по различным делам... — вспоминал позже Бонч-Бруевич. — Я в это время был до невероятности перегружен мобилизацией вооруженных сил Петрограда и должен был временно прекратить ведение всех текущих дел, связанных с деятельностью Семьдесят пятой комнаты... Когда я как-то зашел из соседней комнаты, где был главный пункт мобилизации войск, к себе в Семьдесят пятую, то мне сказали, что вот снизу из арестного помещения прислали письмо на имя Владимира Ильича. Я взглянул [на конверт] и сразу догадался, от кого...

Так как конверт был запечатан, то я сейчас же понес его к Владимиру Ильичу, желая передать ему лично это послание. Владимир Ильич занимался в своем кабинете... Я сказал ему, что вот это письмо, по всей вероятности, от тех, кто покушался на него. Владимир Ильич быстро разорвал конверт, и я увидел, что письмо написано на обратной стороне прокламации «Социалистическое отечество в опасности!».

Владимир Ильич быстро пробежал письмо и сказал:

— Вот и прекрасно.

И сейчас же сделал надпись: «Дело прекратить. Освободить, послать на фронт». Затем он передал мне эту бумагу и сейчас же перешел к разговору о том, как идет мобилизация, какие заводы выдвинули свои части, кто еще пришел, — одним словом, все о текущих делах, совершенно не сказавши больше ни одного слова о деле, так близко касавшемся его самого».

Письмо арестованных в архивах обнаружить не удалось. По свидетельству Бонч-Бруевича, участники покушения просили направить их на фронт, по указанию правительства.

В. Д. Бонч-Бруевич:

«...Все эти лица, офицеры, были немедленно мобилизованы и отправлены с первым бронепоездом на фронт...

Так неожиданно закончилось это дело, и мое заключение о том, что всю эту группу надо расстрелять, было аннулировано лично Владимиром Ильичем».

Из воспоминания Александра Григорьевича Шлихтера следует, что он со своей стороны еще в конце января обращался к Владимиру Ильичу с просьбой о помиловании Мартьянова и Ушакова.

«...Как живо и отчетливо встает в памяти эта моя беседа с Ильичем! Как всегда, спокойно, внимательно и деловито слушал Ильич мой рассказ... Как всегда, прищурен один глаз, а другой молча выспрашивает у тебя самого, что *ты лично* думаешь по данному вопросу? Но, когда я сообщил о желании арестованных получить возможность осознать впоследствии Октябрьскую революцию, Ильич сделался еще внимательнее и наконец спросил:

— А как же вы думаете?

Я высказал уверенность в безусловной искренности арестованных и сказал, что, по-моему, следует дать им эту возможность осознания своей страшной вины перед Революцией.

— Да, да!.. — оживленно поддержал меня Ильич,— пускай поживут молодые юнцы, осмотрятся, поучатся и подумают. Подите к товарищу Бонч-Бруевичу и скажите, что я не возражаю против освобождения арестованных».

Решение об освобождении, состоявшееся в феврале, было, по-видимому, не единоличным актом Владимира Ильича. В архиве сохранились два документа, к со-

жалению, без даты. Оба написаны рукой Бонч-Бруевича и скреплены указанными ниже подписями:

Постановление

Освобожденные* из-под ареста Мих. Некрасов... Ал-р Зинкевич, и Николай Мартьянов, и Макс Волошин(ов), и Герман Ушаков.

Все под подписки о явке, если кто потребуется к следствию и суду.

Вл. Бонч-Бруевич
А. Мартынов
П. Воронин
К. Гонсюк.

Подписка

Сим обязуемся явиться на следствие по требованию комиссара юстиции или его агентов.

Ушакова берем на общие поруки.

М. Некрасов
А. Зинкевич
Н. Мартьянов
Г. Ушаков

«...Освободить, послать на фронт»... Что руководило при этом Владимиром Ильичем?

Вряд ли кто возьмет на себя смелость ответить категорически. Можно лишь строить предположения.

Решение Владимира Ильича никоим образом не означало оправдания террористов. Нет! Это был лишь очередной акт милосердия и великодушия пролетарской революции.

Известно, что борьба с контрреволюцией началась у нас с... «честных слов», — так в свое время метко заметил Михаил Кольцов. Под «честное слово офицера и дворянина» не выступать против Советской власти отпустили генерала Краснова. Отпустили и многих других подобных. «„Победивший пролетариат не знает мести своим врагам". Эта истина казалась в то время многим и многим из нас не только целесообразной, но и непререкаемой вообще», — свидетельствовал старый революционер, большевик Александр Шлихтер. Но он же писал, что это великодушие не всегда оправдывалось: «Когда впоследствии мы заплатили отпущенно-

* Так в тексте.

му нами генералу Краснову тысячами дорогих пролетарских жизней, — мы научились в должной мере осознавать предметные уроки боевого лиризма, даваемые нам контрреволюцией».

...Бронепоезд, на который назначили капитана Зинкевича, доктора Некрасова и других отпущенных участников первоянварского покушения, действовал против немцев на Псковском направлении. Экипаж бронепоезда состоял из путиловских рабочих и балтийских матросов. Кстати, в том экипаже был и комиссар Семьдесят пятой Григорий Самодед...

Когда бои окончились и был подписан Брестский мир, бронепоезд возвратился в Петроград. Дальше пути «охотников» с Забалканского разошлись. Зинкевич бежал к Колчаку и воевал против Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Макс Волошинов был офицером деникинской армии. Служили, хотя и недолго, в белой армии Михаил Некрасов и Нина Колюбакина. Николай Мартьянов воевал в рядах белогвардейцев в Сибири, затем эмигрировал и издавал за границей грязный листок, полный небылиц и измышлений о Республике Советов.

Герман Ушаков уехал из Петрограда на родину, в Сибирь. Там его настигла колчаковская армия. Его мобилизовали. Два месяца спустя Ушаков попал под следствие. Колчаковцы обвинили его в... большевизме. Ушаков сдался в плен Красной Армии, служил в ее рядах. Затем учился в Москве, сотрудничал в газетах и журналах.

70

В какой мере подтвердилось обвинение, предъявленное поручику Штыреву?

Чем закончилось расследование по делу Доблера?

Были ли изобличены Некрасов-Голгофский, Федот Онипко, Григорий Семенов?

Что сталось с теми, кто был арестован в связи с деятельностью «ударников»?

Что произошло с Иваном Чугунихиным 10 марта 1918 года?

...Поручик Николай Штырев был первым лицом, арестованным после выстрелов на Фонтанке. Первым, кому Климент Ефремович Ворошилов сказал: «Вы причастны». Сказал тогда, когда никто другой еще не был заподозрен. Когда ни одним ключом, ни одной нитью для начала следствия чекисты и комиссары Семьдесят пятой еще не располагали.

Да, Штырев был арестован в связи с покушением на Владимира Ильича Ленина. Чекисты установили, что Штырев был агентом французской разведки. По ее заданиям он вел слежку за Лениным. Та же разведка давала деньги на содержание боевых террористических групп, для организации покушения на Владимира Ильича Ленина. Эти деньги шли к Онипко и к «охотникам» с Забалканского. Таким образом, один хозяин нанимал разных людей для одного и того же дела. «Идейный эсер» Онипко, сын царского генерала корниловец Зинкевич, террорист Ушаков, запутавшийся в долгах поручик Штырев и прочие и прочие — все пригодились иностранным господам.

От Штырева пошла нить к Орлу. Сам Штырев оказался человеком, знакомым Осьминину: визитная карточка Штырева находилась в делах Союза георгиевских кавалеров...

23 февраля 1918 года следственной комиссии Революционного трибунала дал показания бывший помощник начальника центрального контрразведывательного отдела Генерального штаба Петр Кавтарадзе. Он сообщил, что в конце августа или в начале сентября 1917 года к нему в разведывательное отделение явился с предложением своих услуг инженер Борис Альфредович Доблер. Кавтарадзе направил Доблера в контрразведку Петроградского военного округа. Вскоре по приказу начальства Кавтарадзе и Доблер отправились в Финляндию. Там проходило первое испытание нового секретного сотрудника... «Официально он значился по ремонту автомобилей контрразведки...»

Арест Доблера имел то значение, что в момент напряженнейшей борьбы в Петрограде чекисты во главе с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским — он лично вел «Дело Доблера и К°» — вывели из строя шпиона, практиковавшего в Лондоне, служившего в Петрограде одновременно нескольким иностранным мис-

сиям и контрразведке Керенского. Шпиона, который пытался пролезть в Смольный.

Не менее важно было и то, что благодаря бумагам, изъятым у Доблера, раскрылись тайны «Военной лиги». Ближайшим результатом этого был арест князя Шаховского — одного из финансовых тузов, которые не жалели миллионов на содержание заговорщиков и террористов.

Благодаря бумагам Доблера чекисты смогли составить представление о замыслах и масштабах деятельности одной из крупных антисоветских организаций. Когда 3 января на военном совете у Якова Михайловича Свердлова решалось, какие силы нужны для охраны Петрограда в день созыва Учредительного собрания, в расчет принималось и возможное выступление остатков «Военной лиги». Правда, 5 января эта организация, по-видимому, не успела проявить себя. Но она готовилась и, как выяснилось позже, перенесла свои действия в провинцию и там участвовала в ряде антисоветских выступлений.

Корнет Покровский, левый эсер, авантюрист, рекомендовавший Доблера для работы в Смольном, был освобожден, но к службе в советских учреждениях больше не допускался.

Елизавета Шавина в апреле 1918 года была осуждена условно. Шавина-гимназистка, по малолетству, к суду не привлекалась.

Почти все офицеры штаба Синебрюхова были арестованы еще в январе. Сам Синебрюхов, скрывшийся при ликвидации его штаба, предстал перед следственной комиссией Революционного трибунала четыре месяца спустя. Он, как и все другие «ударники», привлеченные к ответственности, был наказан в соответствии с законом.

Некрасов-Голгофский скрывался долго. Но и ему пришлось держать ответ перед советским судом.

Ответ держал и Григорий Семенов.

В середине января 1918 года для Федота Онипко в Петрограде «все было кончено»...

А дальше?

«...Я выехал в Москву, имея от Чайковского явочные адреса... Мне предложили поехать в Архангельск

для подготовки выступления на Севере. Это предложение я принял, но не успел собраться в дорогу, как был арестован ВЧК. Однако арестовали меня как Алексеева — фиктивный паспорт на это имя я получил от Чайковского. За недоказанностью обвинений я, «Алексеев», был освобожден.

В дни ликвидации левоэсеровского мятежа в Москве было много арестов. Все явки нарушились. С паспортом на имя Алексеева я вернулся в Петроград. Приютил меня давний знакомый, морской офицер, у которого я жил и раньше, — на Измайловском проспекте. Он устроил меня слесарем по ремонту казарм. Вскоре как Алексеев я был призван в армию. Служил в Лодейном Поле, занимался ковкой лошадей. Весной 1920 года переехал в Ставрополье... В Благодаринском уезде я получил должность заведующего школьным отделением. Я много ездил, и это дало мне возможность наладить связи с бывшими думцами и бывшими членами Учредительного собрания, вместе с ними влиять на повстанческое движение, имевшее тогда место в губернии.

В станице Серафимовской в то время оперировала группа Конаря, насчитывавшая до 800 человек. Она действовала против представителей местной власти, нападая и убивая. Занималась также экспроприациями. Я был связан с этой группой.

Весной 1921 года ЧК арестовала меня и выслала в Иваново-Вознесенскую губернию. В следующем году в Москве начался процесс партии правых эсеров. Из газет я узнал, что моя фамилия на этом процессе упоминается часто... Я приобрел паспорт на имя Чернова и уехал в Макарьевский уезд той же губернии. Нашел убежище на лесозаготовках... Уезжать оттуда пришлось неожиданным образом. Весной 1923 года на лесоучасток, где я работал, приехал для проверки кадров представитель из губернии, который знал меня под моей настоящей фамилией. Встретиться с ним как «Чернов» я не мог. Добрался до Москвы, на Сухаревке купил новый паспорт и стал Поляковым...

В 1928 году я работал в Сельхозсоюзе. Однажды, будучи в командировке, я был опознан случайно встретившимся знакомым. Пришлось снова бежать...

В 1929 году обострилась борьба в деревне. На Северном Кавказе начались кулацкие восстания. Мы ждали от этого многого... Но наши надежды не оправдались...»

71

7 марта 1918 года, когда петроградские газеты сообщили о раскрытии заговора с участием Орла и Ланского, Иван Чугунихин уже был сотрудником ВЧК. Понятно, почему имя его в том сообщении названо не было. Чугунихин оставался в строю, в бою; легализация повредила бы его новой работе.

10 марта 1918 года Иван Чугунихин выполнял очередное задание Дзержинского... Два дня спустя в газетах рассказывалось о том, как чекист Иван Чугунихин отправился для ареста шайки преступных элементов, как по дороге его встретили несколько «темных личностей», которые заманили его в ловушку и нанесли несколько ран кинжалом в лицо. «Положение Чугунихина безнадежное. ЧК приняла меры к розыску виновных, на след которых уже удалось напасть». Вскоре «Известия» сообщили, что за «организацию убийства члена ВЧК т. Чугунихина» по постановлению названной комиссии расстреляны трое замешанных в этом убийстве. Одна из газет, правда не имевшая информации ни из Смольного, ни из ВЧК, следующим образом описывала гибель Чугунихина.

Чекисту поручили расследовать сигналы о том, что группа белогвардейских офицеров занимается скупкой и продажей оружия для снабжения антисоветских организаций. Чугунихин должен был задержать этих офицеров по заранее намеченному плану. В частности, предусматривалась встреча Чугунихина с неизвестным офицером в одном из кафе на Садовой улице. Разведчик поехал туда еще с несколькими чекистами, принимавшими участие в этой операции. Встреча состоялась. После этого все отправились к дому № 22 по Каменноостровскому проспекту. Чугунихин и неизвестный офицер вошли в подъезд, а другие чекисты остались на улице, в автомобиле, ожидая, когда их позовут. Минут через десять неизвестный офицер появился на улице, сказав, что идет за извозчиком:

«Это нужно для дела». Прошло еще с полчаса. Ни офицера, ни извозчика, ни Чугунихина... В квартире № 16, совершенно пустой, чекисты увидели лежащего на полу человека с окровавленным лицом. Они окликнули его. Он не отозвался... Газета заключала: «Это был убитый Чугунихин».

Что же произошло в действительности?

...Передо мной письма Устиньи Васильевны Чугунихиной, давнего друга, жены чекиста. Многое выпало из памяти восьмидесятилетней Устиньи Васильевны. Да и служба у ее мужа была такая, что не обо всем он мог ей рассказать. Но помнит она, как в начале марта 1918 года Иван после нескольких дней отсутствия пришел домой со сбритыми усами, в форме офицера старой армии, без погон.

— Что это? — недоуменно спросила Устинья Васильевна.

— Так нужно по службе...

Позже она узнала, что Иван уходил на чекистскую операцию. Он должен был с кем-то встретиться как покупатель оружия. Но случилась беда.

«...В рукопашной схватке у него отняли один из двух револьверов. Он успел сделать выстрел. Другим револьвером, уже будучи израненным, Иван отстреливался. В этой схватке он получил несколько тяжелых пулевых ранений; лицо его было избито рукояткой нагана. Одна из пуль попала ниже височной кости. Другая прошла навылет через обе челюсти. Было ранение и в живот. Позже он, шутя, рассказывал, что, по мнению врачей, рана в живот оказалась не смертельной потому, что накануне Иван несколько дней работал голодным.

Иван защищался до последней возможности, ожидая прибытия помощи — вооруженного отряда чекистов». Но отряд был кем-то послан по ложному следу и прибыл с опозданием.

Иван Чугунихин лечился в Петрограде, затем был перевезен в Москву. Он долго был в тяжелом состоянии. Говорить не мог — простреленные челюсти были неподвижны.

В памяти Устиньи Васильевны сохранилось и такое:

«Газета, в которой было написано о гибели Ивана Чугунихина, долго хранилась в нашей семье, и сам

«погибший» по выздоровлении с улыбкой читал ее нам вслух. Он действительно чудом выжил. Наверное, благодаря крепкому его здоровью и вниманию и помощи Феликса Эдмундовича Дзержинского. Он и по выздоровлении мужа был очень внимательным и к нему и к нашей семье».

Иван Никитович Чугунихин еще ряд лет работал в органах ВЧК, затем в оборонной промышленности, умер в 1942 году. Он был награжден орденом Красного Знамени и знаком «Почетный чекист».

По-разному сложилась судьба других товарищей из Семьдесят пятой.

Александр Алексеевич Александров, как и Чугунихин, тоже перешел на работу в ВЧК. Он был следователем в Москве, возглавлял губернскую ЧК в Ярославле, после этого еще ряд лет состоял в армии Дзержинского — на фронтах гражданской войны и в тылу. Учился, а в начале тридцатых годов занимал ответственные должности в бумажной промышленности.

Григорий Иванович Самодед, как уже говорилось, в конце февраля 1918 года отправился под Псков, в составе добровольцев-путиловцев, двинувших против немцев бронепоезд. Осенью Самодед снова на фронте — военный следователь революционного трибунала армии, политкомиссар бригады. Он погиб в июле 1919 года, идя впереди атакующих...

А Михаил Цыганков? С ним мы еще встретимся — в следующей главе.

72

По вечерам, к тому часу, когда из залов Музея Революции в Москве уходил последний посетитель, а за ним хранители реликвий, а за ними комендант, — ровно к тому часу сюда являлся молчаливый старик с реденькой бородкой, худой, сгорбленный, покашливающий. Вместе с комендантом старик обходил двери, удостоверялся, на месте ли замки и сургучные печати, а потом кланялся начальнику:

— Будьте здоровеньки...

А когда старик оставался один, он горбился мень-

ше и покашливал только тогда, когда был ветер и в самом деле давала себя знать старая одышка.

К ночи старик забирался в сторожку, зажигал там огонь и читал. Он читал много. Про революцию.

— Вы Онипко Федот Михайлович?

— Да.

— Вы же — Сергеев, Алексеев, Чернов, Поляков?

— За годы конспирации мне приходилось иметь разные паспорта.

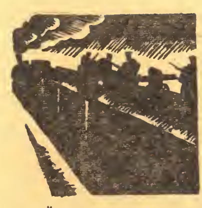
— Что заставило вас, человека с дипломом Сорбонны, работать кочегаром, ночным сторожем?

— В последние годы у меня наступило полное расстройство нервной системы. Врачи посоветовали заняться физическим трудом.

— Ясно... Впрочем, к этому мы еще вернемся... А сейчас ответьте: где вы были и что делали 1 января 1918 года?

Глава четвертая

Поезд с Цветочной

I

По Невскому проспекту, минуя вьюжные замети, от дома к дому, от одной афишной тумбы к другой торопливо шагал рослый мальчишка в огромных валенках, солдатской шинели и высокой папахе. В его озябших руках были кипы белых листков и ведерце с клейстером. Мальчишка проводил кистью по заиндевелым листкам — старым военным приказам, поблекшим афишам, и поверх ложились свежеотпечатанные листки:

«Социалистическое отечество в опасности!»

Еще с конца 1917 года солдаты русской и германской армий ждали вестей из Бреста. Там шли мирные переговоры. Пушки молчали. Но в полдень 18 февраля 1918 года с немецких орудий вдруг сняли чехлы. Вместо дипломатов опять заговорили пушки. Германское командование, нарушив перемирие, открыло наступление по всему фронту от Балтийского до Черного моря. В Прибалтике немецкие войска в два дня заняли Двинск и Режицу, а 24 февраля вошли в Псков.

Той же ночью над Петроградом разнеслись тревожные гудки заводов. Утром вышли газеты с призывами:

«Рабочие! Красногвардейцы! Солдаты!

Петроград в опасности! Рабочие кварталы в опасности!

Все на защиту отечества! К оружию!»

В серой мгле рассвета перед Смольным выстроились вооруженные колонны путиловцев и рабочих «Вулкана», балтийцев и ижорцев. Многие пришли с женами и детьми. От Смольного колонны двинулись к вокзалам. Во главе шли члены ВЦИК... «На фронт! На фронт! Наш лозунг: „Победа или смерть!"»

2

С дней Октября хозяином Невского проспекта стал человек в серой шинели и черном бушлате, в поношенном пальто и кожаной куртке. Он приходил или приезжал сюда в битком набитом трамвае, торопился на работу, спешил в комиссариаты, становился в очереди за хлебом... Старый великосветский, генеральский, сановный Невский проспект уже забывался. И вдруг, словно из небытия, на заснеженные плиты тротуаров вновь высыпали разодетые дамы и гвардейские офицеры. Опять пожаловали их превосходительства с красными лампасами и красными лицами. Снова явились, уверенно вышагивая вдоль проспекта, мудрейшие государственные умы, удаленные от дел революцией и с тех пор занимавшиеся политикой в дамских будуарах под охраной переодетых юнкеров. Невский опять запестрел крестами, кантами, медными пуговицами... И захихикала, зашушукала, потирая ладони, вся подбодрившаяся буржуазно-черносотенная знать:

— Через три дня немцы будут здесь!

— Передают, что теперь их условия мира — непременный созыв Учредительного собрания...

— Оккупация столицы — это, прежде всего, конец большевикам!

Иногда, словно опомнившись, кто-нибудь все же вставлял:

— Но придут чужеземцы?

И на этот счет был ответ:

— Ну и слава богу! Хоть они наведут порядок...

По-своему ликовали и в эсеро-меньшевистских кругах.

Еще недавно черновы и церетели были «оборонцами». При Керенском они звали русских солдат «оборонять отечество — до полной победы над врагом и общего дела союзников». После Октября, когда начались брестские переговоры, правые эсеры и меньшевики, подчеркивая свой «патриотизм», усердно кляли большевиков за «сговор с неприятелем» — так изображалась брестская дипломатическая битва, которую вели посланцы Ленина, добиваясь мира во имя сохранения и упрочения только что народившейся Республики Советов, во имя будущего социалистической России... Теперь немецкие дивизии наступали на Петроград. И сразу обнаружилось, кто патриот. «Отечество в опасности!» — провозгласил Ленин, и на фронт двинулись революционные отряды. А вчерашние «оборонцы» отсиживались, выжидая: их лидеры, уже многократно опозорившие себя предательством, снова тайно сходились в политических гостиных, сговариваясь, как воспользоваться германским нашествием для новых атак против большевиков; как пробиться к власти на штыках немецких оберстов и лейтенантов, если их каски засверкают даже на Невском проспекте.

...Старый и новый Невский были непримиримы! И шумели поединки.

Юные газетчики, сыны рабочих окраин, выкрикивали:

— «Отечество защитим!» Читайте «Правду»!

— «Красная газета», «Красная газета!» Не любит попа и кадета! Последние сообщения... Революционные войска выдвигаются к фронту.

Но на Невском появились и продавцы-добровольцы. Из числа саботажников-чиновников. И приват-доцентов. И гостинодворцев. И отставных офицеров. И дам из бывшего «Союза трудовой интеллигенции»:

— Немцы продолжают наступление! Читайте «Наш век»!

Подходили красногвардейские патрули и не совсем деликатно требовали:

— А ну, очистить панель!

3

С началом немецкого наступления внутренний фронт в столице обозначился не только на проспектах и площадях.

С рассвета и до полуночи в Семьдесят пятой комнате Смольного слышался гудящий говор... Парень лет пятнадцати, худой, длиннорукий, в замасленном картузе, ерзая на стуле, волнуясь, не договоривая, рассказывал о том, что он «самолично видел»... Вчера вечером к подъезду дома, в котором он живет, подъехал автомобиль, и какие-то военные сняли с грузовика и пронесли в подъезд тяжелые ящики. «Наверно, пулеметы»...

Комиссар Михаил Цыганков выслушал парня, записал адрес и сказал, что сейчас же направит кого следует.

В углу, за столом, сколоченным из досок, сидел другой комиссар, слушал худенькую старушку, которая тоже пришла поведать о том, что взбудоражило ее.

Она стояла в очереди за хлебом. Там говорили, будто в Питере муки осталось на два дня. А потом — хоть камни грызи: подвоза нет. А еще говорили, будто Ленин со своими помощниками собирается бежать в Москву. А какая-то барыня объясняла: Ленин потому собирается бежать, что тайно заключил с Вильгельмом договор — очистить столицу в надлежащий срок. За это Ленину обещали миллионы.

В Семьдесят пятой комнате выслушивали всех и всё, ибо по опыту знали: в самых невероятных слухах, в ворохе самых немыслимых небылиц вдруг обнаруживается такое, что впоследствии приобретает важность чрезвычайную.

Зазвонил телефон. Докладывал красногвардеец Павел Микалюнас с завода «Бр. Эквалль». Товарищ Павла по заводу, рабочий Кудрявцев, ездил в деревню под Лигово покупать картошку. Там он узнал, что у многих хозяев в погребах попрятаны пулеметы. Ко всем приезжающим из Питера присматриваются, похоже, что кого-то ждут...

В Семьдесят пятую то и дело вбегали курьеры — юные коммунары, присланные в помощь Смольному

из Союза Социалистической Молодежи. Передавали срочные телеграммы, письма, пакеты.

Комитет Латышского района Петроградской организации РСДРП(б) информировал, что, по полученным сведениям, Эрнст Барон, служащий Народного комиссариата продовольствия, — давний агент германской разведки. Надо немедленно арестовать его. Улики налицо.

Разведчики Семьдесят пятой комнаты, по-прежнему действовавшие по всему Петрограду, докладывали: на Васильевском острове, в квартире полковника Фролова, собираются подозрительные личности — похоже, что это белогвардейские офицеры... В Пажеском корпусе полно офицеров с фронта, там горы оружия... А на Ивановской улице, в доме № 13, явочная квартира какого-то капитана... На Александровском рынке торгуют винтовками, словно леденцами.

Обо всех донесениях дежурные немедленно сообщали Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу. Тут же принимались решения... «Предписывается комиссару товарищу Пискунову отправиться на Васильевский остров, 22-я линия, произвести расследование на основании заявления на полковника Фролова... В случае надобности арестовать полковника и произвести обыск в квартире». Комиссару М. Д. Цыганкову — «руководить действиями при обыске и занятии Пажеского корпуса... Оружие отобрать, находящихся в корпусе [офицеров] переписать и ждать дальнейших распоряжений по телефону». Комиссарам Александрову и Олехно срочно выехать на Ивановскую, 13, «по результатам обыска произвести арест; арестованных доставить в Смольный институт, комната № 75»... Комитету латышских стрелков при Смольном — «завтра, 27 февраля, к 12 часам выслать к Александровскому рынку отряд в 100 человек, перекрыть все дороги... Произвести облаву, оружие изъять... Социалистическому отряду из Петропавловской крепости, Особому революционному отряду с Миллионной, 30, — действовать совместно с латышскими стрелками»...

Пакеты, пакеты... Секретная информация от исполнительного комитета Николаевской железной дороги... В последние дни поступают анонимные письма с угрозой: если Смольному будут даны поезда для «бегства Совнаркома», то Николаевский вокзал «взле-

тит в воздух»... И по этому донесению принимаются меры.

Над Петроградом неистовый февральский ветер. По окнам Смольного шуршат мелкие льдистые дробинки. Ночь.

4

21 февраля Совет Народных Комиссаров постановил: неприятельских агентов, громил, контрреволюционных агитаторов, шпионов, спекулянтов расстреливать на месте преступления. Назавтра последовало объявление ВЧК:

«...До сих пор Комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа, но в данный момент... Всероссийская Чрезвычайная комиссия, основываясь на постановлении Совета Народных Комиссаров, не видит других мер борьбы с контрреволюционерами... кроме беспощадного уничтожения на месте преступления...»

Комитет революционной обороны Петрограда, образованный в те же дни, предписал: все государственные и общественные здания взять под охрану; на улицы направить красногвардейские патрули; предотвращать всякие сборища и антисоветские выступления; всем частным лицам немедленно сдать оружие. Задержанные с оружием подвергаются расстрелу! Все нападающие на революционную Россию подлежат расстрелу!

В конце февраля ВЧК, комиссары Семьдесят пятой, а также исполкомы районных Советов провели массовые ночные обыски в буржуазных домах и подозрительных учреждениях. Чекисты и комиссары извлекли много оружия и захватили важные документы.

Разведывательные данные, добытые в те дни, наряду с материалами следствия января, ясно указывали на то, что антисоветское подполье продолжает готовить новые террористические акты против Ленина, деятелей большевистской партии и Советского правительства...

Еще ранее, до немецкого наступления, в руководящих советских кругах обсуждался вопрос о целесообразности перенесения советской столицы из Петрограда в Москву. Это диктовалось соображениями полити-

ческой и государственной стратегии. Обстановка, сложившаяся к концу февраля, ускорила это решение. Очевидно, именно в те дни Ленин написал проект постановления:

«1) Выбрать местом нахождения Москву.

2) Эвакуировать каждому ведомству только минимальное количество руководителей центрального административного аппарата, не более 2—3 десятков человек (плюс семьи).

3) Во что бы то ни стало и немедленно вывезти Государственный банк, золото и Экспедицию заготовления государственных бумаг».

Ночью 26 февраля ленинский проект с незначительными изменениями был утвержден на закрытом заседании Совнаркома.

5

Распоряжение Комитета революционной обороны Петрограда:

«Ввиду чрезвычайного времени необходимо усилить охрану железных дорог и в особенности ж.-д. мостов. Охрана Николаевской имеет величайшую важность.

Совету железнодорожных депутатов Николаевского узла предлагается немедленно организовать Красную гвардию для охраны путей Николаевской дороги. Красногвардейцы будут вооружены для этой цели немедленно».

Этот приказ последовал в первые же часы деятельности Комитета революционной обороны Петрограда. Ночью 21 февраля на главный столичный вокзал из Смольного возвратился комиссар и член исполнительного комитета дороги Петр Лебит. Он прошел на второй этаж, где заседал исполком. Комиссар рассказал о приказах, полученных в Смольном, и предложил план действий.

Дорожный комитет рабочих депутатов управлял дорогой, исполнял функции профсоюзные, а с недавних пор — и центрального военно-революционного комитета дороги. Конторщик и слесарь, токарь и присяжный поверенный, стрелочник и вагонный мастер,

смазчик и весовщик — люди, революцией открытые и ею взращенные, — вот кто входил в этот комитет.

Петр Григорьевич Лебит, партиец с баррикадных дней первой русской революции, встретил 1917 год в Петрограде рабочим завода «Айваз». На Николаевский вокзал он впервые прибыл еще 29 октября — с напутствием Свердлова, с мандатом Петроградского военно-революционного комитета: «Чрезвычайный комиссар Николаевской дороги и вокзала...»

Председателем исполкома дороги был Павел Осипович Осипов, в прошлом конторщик.

Николай Иванович Калюкин, слесарь, пришел в депо Петроград-Московская в начале войны. Приняли его холодно: среди мастеровых было много вахновцев...

Когда-то давно поступил в депо столяр из деревни Вахново, что на Смоленщине. За ним — другой, третий. Так и собрались — сваты, кумовья, земляки. В Питере они и спустя много лет отличались от прочего мастерового люда. Имели на родине свои дома, свою землицу и скотину. Словом, полурабочие, полукрестьяне, да с особой закваской: «Мое!» Вахновцы (это имя стало нарицательным, ибо из-под Костромы или из-под Твери нередко приходили такие же) держались подальше от политики, крепко дорожили своей копейкой, припрятывали ее на черный день и терпеть не могли «фабричных»: по понятиям вахновцев, те «подкапывались» под их землицу, под их дома и копейки.

А Николай Калюкин уже кое-что смыслил в политике, не раз читал большевистские прокламации. Был знаком и с теми, кто приносил их в депо. Скоро и сам брал такие листки для своих товарищей. Вахновцев Калюкин обходил. К февралю семнадцатого года Николай уже твердо определил свой маршрут — с большевиками. И в тот день, когда поднялся рабочий Питер, Николай первым крикнул слесарям, молотобойцам, кузнецам:

— Ребята, баста! На улицу!

С красным знаменем, с боевыми песнями вышли на Лиговку.

— Вон ты какой! — поеживаясь, сказали вахновцы.

И запомнили: Калюкин — большевик.

В июльские дни в ту сторону, где за верстаком работал Калюкин, летели болты и гайки. Но запугать

его не удалось. В сентябре, когда разгорелся корниловский мятеж, большевик-слесарь первым из деповцев взял винтовку. В октябре он шел во главе отряда красногвардейцев на штурм Зимнего. По мандату исполкома дороги твердой рукой вводил рабочий контроль. Где надо было действовать по-революционному, силой, направляли Николая Калюкина.

Сродни ему были и другие члены исполкома — токарь-партиец Николай Саарман, рабочие-движенцы Александр Фалькевич, Александр Костров, бывший присяжный поверенный большевик Павел Вомпе...

...На заседании исполкома дороги говорили Павел Осипов и Николай Калюкин.

Постановили: первое — воссоздать чрезвычайное революционное бюро и сформировать чрезвычайные революционные силы для охраны дороги, вокзалов, путей, мостов. Охрану Николаевского вокзала возложить на членов исполкома Петра Лебита и Николая Калюкина; второе — «для борьбы с наступательным движением германцев по Николаевской железной дороге» и с дезорганизованными элементами, покидающими фронт, двинуть в район Бологое—Полоцк партизанские летучие отряды. Их задача — уводить подвижной состав, взрывать все, чем может воспользоваться враг, поддерживать на линиях, ведущих к Петрограду, железный революционный порядок.

Тут же выдали мандаты. Один из них — Николаю Калюкину:

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
РАБОЧИХ, МАСТЕРОВЫХ
И СЛУЖАЩИХ
НИКОЛАЕВСКОЙ Ж. Д.
21 февраля 1918 года
№ 678
Петроград

Удостоверение

Дано сие члену Исполнительного Комитета тов. Калюкину в том, что он по постановлению Комитета в заседании от 21 февраля избран членом Чрезвычайного революционного бюро по охране Николаевской железной дороги, которому даны самые широкие полномочия в отношении установления порядка и охраны на дороге вплоть до применения оружия.

Исполнительный Комитет просит все районные Советы рабочих и солдатских депутатов и местные организации в потребных случаях оказывать тов. Калюкину всякое содействие.

Председатель Исполнительного Комитета
П. Осипов.
Секретарь — А. Иванов.

Павел Вомпе получил предписание отправиться на линию Полоцк—Бологое для образования партизанского отряда исполнительного комитета...

К утру Осипов и другие члены исполкома были уже на линии:

«Кому дорог Петроград с его пролетарским населением, должен сейчас же идти на Николаевский вокзал. Там вооружат...»

Вновь, как в Октябрьские дни, в дорожные комитеты потянулись машинисты и смазчики, слесари и телеграфисты... Через два-три дня чрезвычайное революционное бюро по охране дороги уже располагало несколькими красногвардейскими отрядами.

В подчинение бюро перешли и отряды, сформированные еще в Октябре. Чрезвычайному бюро была подчинена и железнодорожная милиция, впрочем, тогда еще малочисленная. На главном столичном вокзале было сформировано несколько красногвардейских дружин. Одну из них возглавил старый путеец большевик Иван Иванович Отто.

6

Проснувшись утром 27 февраля, Петроград увидел на стенах многих домов отпечатанные на пишущих машинках прокламации: «Россия продана немцам!»

На Невском и Владимирском проспектах, на Миллионной и Лиговке появилось еще больше, чем прежде, продавцов буржуазных газет. Они обращались к «своим», из «интеллигентных»:

— Новое предательство Смольного!.. России больше нет! Россия кончилась... Читайте «Наш век», здесь все написано...

Вместе с газетой продавцы-добровольцы вручали листки:

«Германские генералы предлагают петербургскому населению запастись продуктами на десять дней...»

И шепотом:

— Через десять дней...

На первый взгляд противоречие: «Россия продана немцам» — и из того же лагеря: «Немцы, слава богу, скоро будут в Петрограде».

В чем же дело?

С той поры как в Бресте начались мирные переговоры, в политической жизни России не было ни одного сколько-нибудь значительного события, которое в той или иной мере не окрашивалось бы огнями, искрами и дымами Бреста — следствием столкновений классов, партий, групп и отдельных личностей из-за проблем, которые решались дипломатами в древней Брестской крепости.

Переговоры с Германией с самого начала были трудными. Советская Россия стремилась подписать равноправный мир, мир без аннексий и контрибуций. Германский империализм преследовал откровенно грабительские цели. Немецкие дипломаты в Бресте потребовали, чтобы Россия согласилась признать территориальные захваты, уже произведенные германской армией, и сверх того — очистить ряд областей Литвы и Латвии, всю Эстонию, часть земель Белоруссии, предоставить Германии свободу действий на Украине, наконец, выплатить колоссальную контрибуцию.

В русском языке нет, кажется, слов более суровых и беспощадных, чем те, которые употреблял В. И. Ленин, чтобы дать оценку германским требованиям. Он называл их зверскими, угнетательскими, похабными; он говорил, что это мир архитяжкий, позорный.

Но при всем этом Ленин предлагал этот мир принять.

Советское правительство стояло тогда перед выбором: либо мир и тогда — передышка, которая позволит укрепиться, отстоять завоевания Октября, углубить социалистические преобразования, сохранить отечество социализма; либо схватка с могущественным врагом при отсутствии у молодой Республики боеспособной армии (старая — голодная, раздетая, безоружная, морально истомленная — расходилась по домам, а новая еще только зарождалась); схватка в условиях наиневыгоднейших и тогда — наверняка гибель всего того, что добыто ценой борьбы и тяжелых жертв трудового народа России, гибель Республики Советов.

Положение в стране и в партии осложнялось тем, что среди членов Центрального Комитета не было единогласия по вопросам мира. Владимир Ильич Ленин много раз ставил вопрос в ЦК о немедленном принятии германских условий, но на первых порах

оставался в меньшинстве. Против ленинского курса выступили Троцкий и группа «левых коммунистов», возглавляемых Бухариным. «Левые» требовали ведения «революционной войны» с Германией, а Троцкий, практически стоя на тех же позициях, что и «левые», выдвинул авантюристический лозунг: «Ни войны, ни мира». Троцкий усугубил тяжесть создавшегося положения, когда, возглавляя советскую делегацию в Брест-Литовске, нарушил указание В. И. Ленина и заявил, что Россия мира не подписывает. Это заявление привело к срыву мирных переговоров.

Германское наступление, начатое 18 февраля, имело целью силой продиктовать Советской России ультиматум.

В ночь с 18 на 19 февраля Совет Народных Комиссаров направил в Берлин радиограмму с резким протестом против нарушения перемирия, одновременно с вынужденным согласием подписать брестские условия мира. Немцы ответили не сразу. Только утром 23 февраля дипкурьер привез в Смольный новый германский ультиматум. Он оказался еще более тяжким. Но и теперь Ленин настоял: подписывать! Ленин верил, что Брестский договор будет недолговечным (так и оказалось), что передышка означает путь к победе (так и случилось). В ночь с 24 на 25 февраля в Брест для подписания мирного договора выехали Г. В. Чичерин, Г. И. Петровский, Л. М. Карахан и другие советские делегаты.

Все эти месяцы, с ноября семнадцатого года, пока шли мирные переговоры, из антисоветского лагеря на Ленина, на правительство народных комиссаров, на большевиков сыпался град проклятий. Сначала за то, что мирные переговоры были начаты без согласия правительства союзных России стран (они отказались участвовать в этих переговорах), потом за то, что Ленин стал требовать принятия даже тяжкого, даже «зверского» мира.

Сами готовые открыть ворота Петрограда даже войскам германского кайзера, лишь бы они шли свергать Советскую власть, буржуазные лидеры наперебой, один другого громче, один другого заковыристее, с каждым днем все оглушительнее, лицемернее и наглее кричали на митингах и в газетах: «Большевики — шпионы Вильгельма», «У Ленина тайный сговор с

германскими генералами», «Большевики по дешевке распродают Россию...».

Кадетским газетам вторили меньшевистские и эсеровские. Те уверяли, что большевики «изменили социалистическим идеалам» и «стали приверженцами германского империализма»; что «переговоры в Бресте — это комедия с заранее распределенными ролями»; что «перемирие с германскими генералами есть малодушный отказ от первоначальных замыслов великой революции».

После отъезда Чичерина в Брест антисоветская печать окончательно потеряла всякое самообладание, и то, что она теперь писала, в разных вариациях повторяли настенные афишки, появившиеся в Петрограде утром 27 февраля.

Наемные плакальщики навзрыд оплакивали «жалкую сиротину Россию», которую «выгнали за дверь на сквозняк и стужу», и вот, «распластанная, лежит она, кроткая, беззащитная, полуживая, глядя в небо оплеванными глазами»...

7

Два Невских проспекта — старый и новый — сошлись 27 февраля вплотную, лицом к лицу, и схватились круто, жестко.

Во всю ширину проспекта алели полотнища: «Петроград защитим!», «Отечество защитим!». Под транспарантами, как под арками, проходили колонны красногвардейцев, спешивших к вокзалам, на фронт.

Обгоняя колонны, за город мчались грузовики — рабочие и работницы отправлялись рыть окопы, строить проволочные заграждения...

И в те же часы по очередям, по лавкам, трамваям, конторам, а за пределами Невского — по заводам и солдатским казармам шныряли переодетые белогвардейские офицеры, «христианские миссионеры» с американскими или английскими паспортами, саботажники всех званий. И к прежним невероятным слухам прибавлялись новые. О том, что Ленин, мол, получил от Вильгельма тридцать миллионов марок за подпись, которую Чичерин поставит в Бресте... О том, что особая цена установлена за очищение Петрограда...

о том, что Ленина якобы уже видели на Волге, в Симбирске.

В полдень 27 февраля на Знаменской площади, перед памятником Александру III, появились кадетские и эсеровские агитаторы. Они выкрикивали: «Большевики — шпионы!», «Ленин должен уйти!», «Да здравствует Учредительное собрание!». Звучали призывы немедленно начать формирование «отрядов общественного спасения», чтобы «избавиться от чекистов, красногвардейцев и дипломатов, продающих Россию». Ораторы были особого сорта. Одетые в солдатские шинели, они тем не менее мало походили на фронтовиков. Речи их были то ядрено-мужицкие, то цветисто-«революционные», то смиренно-робкие. Но угадывалось: говорит не солдат-крестьянин, не рабочий-агитатор, не тихий обыватель. Скорее всего — переодетый белогвардейский офицер или пастырь, состоящий на тайной службе в американском посольстве. Все, что составляло злобу дня — и мир с Германией, и положение в Петрограде, и возможный переезд правительства, — все перемешивалось в словесной толчее.

Никто из ораторов, разумеется, не знал о решении Совнаркома, принятом накануне ночью. Но о том, что правительство, по-видимому, будет переезжать, Петроград говорил уже больше недели. Это носилось в воздухе. Угадывались и причины возможного переезда — правительство не может оставаться в городе, к стенам которого приближаются вражеские армии, а внутри снова зреют антисоветские мятежи. Но тот, кто находился по другую сторону баррикад, кто стремился создать ловушку для Советского правительства, тот намеренно плел ложь, науськивал: «Петроград продан немцам...», «Ленину что: сам сбежит, а рабочим — беда...».

Антисоветские сборища на Знаменской площади были продуманным шагом контрреволюционного подполья.

В разгар речей на площади со стороны Невского проспекта показалась огромная толпа солдат и матросов. Она держала путь к Николаевскому вокзалу. Все несли в руках или за плечами узлы, мешки, сундучки, чемоданы. Все были вооружены: кто карабином, винтовкой, пистолетом, кто вдобавок и бомбой, гранатой, торчащей из-за пазухи или из-под

ремня. В толпе было и немало пьяных, исторгавших ругань.

Россия знала беззаветную доблесть и рыцарскую красу матроса и солдата революции. Но среди тех, кто подходил сейчас к Знаменской площади, были типы, которые даже по одежде имели мало схожего с бойцами революционной армии и флота. Бескозырка и кавалерийские сапоги, шинель или бушлат, а под ним — визитка с круглыми фалдами, и жилет, и дорогая сорочка с запонками из магазина Фаберже... Все это было «добыто» по пути из полков, казарм, экипажей...

Идут к вокзалу рассыпным строем
Герой за героем:
Солдаты, солдаты, солдаты!
Спросил одного я: «Куда ты?»
«Куда ж, — говорит, — известно:
Чай каждому дома быть лестно».
Узлы и слева и справа.
«А немецкая как же расправа?»
Ухмыльнулся герой: «Это нас не касается,
Немец... ён не кусается».

Дед Софрон
(Демьян Бедный. Петроград. 28 февраля 1918 г.)

8

Беда не ходит в одиночку. Четвертый год бушевала война. Истерзанные ее лишениями, безмерно уставшие, «всё, что мыслимо, испытавшие», солдаты, прошедшие через это, давно говорили: «Мы захлебнулись в крови: воевать дальше не можем». Это была горькая правда. Но — не вся. Раньше война велась за чужие Дарданеллы для «батюшки-царя», потом — за Дарданеллы для Милюкова и Терещенко. Теперь родилась новая Россия. Она делала все, чтобы вырваться из пучины войны. Она звала к всеобщим мирным переговорам. Но на рабоче-крестьянскую Россию напал внешний враг. Кому, как не солдатам России, было защищать теперь действительно свое Отечество? В этом состояла новая правда. Однако ее понимали немногие. И солдаты продолжали массами покидать фронт, торопились к своим семьям и хатам, торопились и за тем, чтобы скорее разделить помещичью землю...

Вместе с демобилизацией старой армии шло создание новой — добровольческой, социалистической, рабоче-крестьянской. Но ее полков было еще ничтожно мало. На формирование новой армии требовалось время.

Старую, бегущую армию В. И. Ленин называл больной частью государственного организма. Но верил — этот организм в целом здоров: он преодолеет болезнь. Будет у Советской России армия, перед которой не устоит никакая другая. Первые ее отряды уже геройски сражались под Петроградом. А пока...

С фронта в Прибалтике, с кораблей и морских баз Финляндии на Петроград обрушился поистине неудержимый людской обвал. На прифронтовых станциях каждый поезд, любой порожний вагон, пассажирский и товарный, брался с бою. Звенели разлетающиеся вдребезги стекла, скрипели и стонали срываемые с петель двери... «Домой! На Питер! На Москву! На Кавказ! За Урал!» Добравшись до Петрограда, солдаты в столице действовали еще напористей. Винтовки наперевес, револьверы на взводе: «В Москву! В Вологду! В Кострому! В Тифлис!»... Николаевский, Варшавский, Царскосельский, Балтийский, Финляндский вокзалы столицы оказались под непрерывной атакой солдат и матросов, уходивших из-под Пскова, Нарвы, из Гельсингфорса. Одни бродили по путям, сами отыскивали поезда, захватывали их, требовали отправки в тыл вне всякой очереди. Другие валялись на полу, на скамейках, в грязных, заплеванных пассажирских залах и ждали своей очереди.

Среди фронтовиков, покидавших полки и корабли, были не только солдаты, честно, до дна испившие чашу войны. Был и деклассированный элемент, всяческая накипь. Эти усвоили только одну сторону войны — власть силы. Ими предводительствовали белогвардейские офицеры и анархистские вожаки. Они тянулись в Петроград, в Москву, чтобы «пограбить буржуев», почистить казну, взять то, что плохо лежит.

Приказы по армии и флоту требовали: каждый, кто оставляет полк или корабль, обязан сдать оружие. Оно необходимо Красной Армии. Всякий задержанный с оружием «объявляется контрреволюционером и мародером», с того спрос по законам военного времени! Особо строго применялся этот приказ к анархи-

ствующим солдатам и матросам — опасному взрывчатому материалу, которым мог воспользоваться враг...

...Толпа, надвигавшаяся с Невского, шла за тем же: силой пробиться в вокзал, захватить вагоны, атаковать поезда, заодно пограбить товарные эшелоны — взять муку и консервы, крупу и спирт.

Когда на Знаменской площади начались летучие митинги, с вокзала позвонили в Смольный. Там решили:

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ
РАБ. И СОЛД. ДЕПУТАТОВ
КОМИТЕТ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ОБОРОНЫ ПЕТРОГРАДА

Смольный институт
№ 355

ПРИКАЗ

БОЕВОЙ ДРУЖИНЕ...

27 февраля 1918 г.

Комитет революционной обороны г. Петрограда приказывает Вам немедленно по получении сего послать отряд в 150 человек для разгона митингов, имеющих место на Знаменской площади (угол Невского и Лиговки). Об исполнении сообщить по телефону 62.

Комиссар Семьдесят пятой помчался на Кирочную, где помещалась дружина. На Знаменскую площадь отправились латышские стрелки.

Когда с Невского показалась вооруженная толпа, сигнал боевой тревоги прозвучал и в здании Николаевского вокзала. Калюкин приказал красногвардейцам: «В ружье!» Несколько минут — и все входы были перекрыты.

Дружинники и латышские стрелки приехали на грузовиках. «А ну, расходись!..» «По домам, господа буржуи!»... Не помогло... «Ложись! Бросаю гранату...» И с грузовиков полетели... консервные банки. В ответ истерические крики: «Варвары, насильники!» Кое-кто, пригибаясь и оглядываясь, побежал к ближайшим подворотням. Другие замерли в ожидании взрыва. Наконец какой-то военный разглядел: «Да это ж консервная банка!»... И опять осмелели ораторы. Теперь они надеялись поднять фронтовиков, подошедших к вокзалу. Кричали, указывая на окна исполкома дороги, выходившие на Гончарную: «Вот кто Смольному служит! Вот кто фронтовикам не дает поездов!»

Исполнительный комитет, расположенный в здании вокзала, вспоминал впоследствии Павел Осипов, де-

сятки раз подвергался открытому штурму белогвардейцев со стороны Знаменской площади, Лиговки, Гончарной. Не раз в окна комитета залетали пули, посылаемые контрреволюционерами... В то же время подымались ораторы, призывавшие к свержению Советской власти... Что в таких случаях оставалось делать? Консервные банки уже не помогали... Иного выхода не было... Вдруг вздрагивал воздух, и эти ораторы, не успев излить в толпу всю гнусную ложь, падали мертвыми...

Исполнительный комитет имел в своем распоряжении четыре броневика. С замороженными радиаторами подобрали их железнодорожники на Лиговке и Загородном проспекте. Отремонтировали, водворили в гараж — на всякий случай...

Броневики появились на Знаменской в самый напряженный момент. По команде Калюкина они открыли огонь из пулеметов. Правда, вверх, в воздух. Но и это подействовало. Толпа рассеялась...

Лишь полтора-два десятка пьяных матросов, присоединившись к ораторам, стреляли в окна комитета. Остальные выжидали или разбрелись... Вновь появились полчаса спустя, когда броневики стали курсировать вокруг памятника царю. Но теперь подходили небольшими группами.

— Ребята, сдавай оружие! — требовал Николай Калюкин. Он являлся перед фронтовиками в лихо заломленной папахе, железнодорожной шинели с красной повязкой на рукаве, с саблей, висевшей на поясном ремне, с наганом, поднятым над головой. — Ни один вооруженный в вокзал не войдет!

Но легко сказать — не войдет! Перед подъездами вокзала разгорались рукопашные схватки. «...У другого черта так и не оторвешь руки от винтовки, — рассказывал Николай Калюкин. — Сроднился с ней, бедняга; ближе, верней все эти годы никого не было». Солдаты, матросы говорили и такое: «Винтовка еще понадобится в деревне». — «Зачем?» — спрашивал Калюкин. «Будем землю брать». — «Да у кого отбирать-то, коль она теперь и так ваша?» Третьи не договаривали, почему хотят сохранить оружие, только твердили: «Не дам, и баста!» И продолжали напирать. «Но у входов в вокзал — Лебит, Осипов, Смирнов, Прохоров, Колька Стуков, Костров... Красногвардейцы стоят

твердо, охрипло рвут глотку на ползущую серую массу. И как ни трудно — отбирают оружие».

Только обезоруженными, солдаты и матросы получали доступ в вокзал.

(Через день комиссары Семьдесят пятой комнаты Смольного Игнатьев и Мартынов, посланные В. Д. Бонч-Бруевичем, привезли с Николаевского вокзала в Петропавловскую крепость около тысячи винтовок и карабинов.)

...День 27 февраля оказался тревожным не только из-за событий на Знаменской площади. Не прошло и часа, как Калюкину вновь пришлось поднимать свой отряд. Из Царского Села на Петроград двинулись солдаты-дезертиры 4-го стрелкового полка. Они уже достигли Сортировочной и Воздухоплавательной платформ. И опять разгорелись схватки.

9

В третьем часу ночи на 28 февраля председателя исполкома дороги Павла Осипова вызвали к народному комиссару путей сообщения В. И. Невскому.

Исполкомовский «бенц» остановился перед старинным дворцом на Фонтанке.

Владимир Иванович Невский, худой, усталый, озабоченный, сидел в бывшем кабинете министра — огромной, неуютной комнате с высоким потолком, за неуклюже громадным столом, на дубовом стуле с высоченной спинкой, под саженной, без огней, люстрой.

По тому, как выглядел народный комиссар, угадывалось, что он тоже, как и Осипов, еще не ложился и тоже, наверно, вторые или третьи сутки был на ногах.

Нарком Невский сообщил, что получено срочное распоряжение Совета Народных Комиссаров — подготовить три состава классных пассажирских вагонов. Поезда сосредоточить в укромных местах. Так, чтобы не вызвать подозрений даже у железнодорожных служащих. Нарком пояснил, что правительство переезжает в Москву. Но пока это должно держаться в секрете. Для подготовки поездов привлечь самых надежных людей.

Осипов предложил в государственную эту тайну, кроме Петра Лебита, комиссара дороги и вокзала, посвятить только двух членов исполкома — Николая Калюкина и Николая Саармана. Этих людей нарком знал, выбор одобрил.

10

Утром 28 февраля в разных местах Петрограда опять были сходки у церквей, перед рынками, в глухих переулках. Но, наученные вчерашним, зачинщики поспешно расходились, как только показывались красногвардейцы. Невский проспект заметно приуныл. Ни трудовой Питер, ни даже пьяные матросы не пошли за ораторами со Знаменской.

Но контрреволюция не сложила оружия. Тысячи буржуазных домов, загородных дач, всякие темные углы Петрограда, трактиры и ночлежные дома стали полем незримой битвы... Что-то недоброе опять затевалось против Смольного.

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ
РАБ. И СОЛД. ДЕПУТАТОВ
КОМИТЕТ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ОБОРОНЫ
г. Петроград
Смольный институт

Срочно и секретно
27 февраля 1918 г.

В КОМИТЕТ БОРЬБЫ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

По сведениям, поступившим в Штаб революционной обороны от товарища, заслуживающего полнейшего доверия, стало известно, что в ближайшие дни группой «Буревестника»...* готовится внезапное нападение на Смольный.

Комитет предписывает принять соответствующие меры...

Такое же распоряжение последовало коменданту Смольного — предупредить возможное нападение анархистов. Были усилены караулы и внутри здания, в частности у кабинета В. И. Ленина, комнат Комитета революционной обороны и у Семьдесят пятой.

* Имелась в виду боевая группа анархистов, сторонников газеты «Буревестник», выходившей в Петрограде. Газета выступала против всякой государственной власти, призывала к свержению Советского правительства.

II

Еще 23 февраля американская и японская дипломатические миссии заявили, что они покидают Петроград и намереваются расположиться в Вологде. Английское, французское, бельгийское, итальянское и другие посольства объявили о своем решении выехать за границу. Они обратились в Народный комиссариат иностранных дел с просьбой предоставить им специальные поезда со спальными и багажными вагонами, вагонами-ресторанами и платформами для автомашин.

Отъезд посольств за границу был намеренной политической демонстрацией, очередным шагом в дипломатической игре, которую вела Антанта. Отъезд означал: нынешнее правительство России не признаем, а потому удаляемся. Это была реакция на брестские переговоры: антантовские дипломаты каждый раз выступали с угрозами, когда в Бресте намечалось сближение; они обещали дружбу и помощь, когда в Бресте возникали осложнения. Через день после отъезда Чичерина в Брест антантовские дипломаты решили хлопнуть дверью. Правда, публично они объяснили свой отъезд невозможностью оставаться под германской угрозой. Но зачем же за границу? — спрашивали их. Россия велика, места в ней достаточно... Ответ был один: только за границу!

Просьбу удовлетворили. Вечером 28 февраля дипломаты выехали с Финляндского вокзала *. Им предоставили и спальные вагоны, и вагоны-рестораны, и багажные, и платформы. Дали даже охрану из красногвардейцев. Но в тот же вечер по Петрограду поползли слухи: «Слыхали? Дипломаты дали ходу... И как? В теплушках — лишь бы скорее из Петрограда!» Сеятели лжи находили даже объяснение: мол, представители иностранных держав не верят ни в способность, ни в желание большевиков защищать Петроград.

В накаленной обстановке тех дней и такие слухи немедленно возымели действие.

В Петрограде давно было голодно. По утрам у хлебных лавок выстраивались длинные очереди. Стояли

* Во второй половине марта, когда антибрестские демонстрации утратили всякий смысл, союзные дипломатические миссии возвратились в Россию и поселились в Вологде.

часами и уносили домой хлеб с мякиной, со жмыхом. Уже ели конину. В городе не было топлива. Голод и холод заставляли питерских рабочих отправлять свои семьи в деревню. Уже давно шла эвакуация петроградской промышленности, чтобы облегчить продовольственное положение столицы, уменьшить подвоз сырья и топлива, — это при расстроенном транспорте было особенно важно

Эвакуация заметно усилилась с началом немецкого наступления. 27 февраля 1918 года Совнарком учредил Чрезвычайную комиссию по разгрузке Петрограда, чтобы осуществлять эвакуацию организованно, в соответствии с возможностями железнодорожного транспорта.

Революция, неспокойная жизнь в столице заставили подняться с места буржуазный мир. Он двинулся на Украину, за Вологду, в Сибирь: отсидеться, а там авось и все переменится. По российским дорогам суетно метался и спекулянт-мешочник, и всякий другой люд, причастный к черному рынку. Перед билетными кассами уже и без того стояли длинные очереди. Теперь разом все обострилось, очереди троекратно выросли. Растерялись и многие трудовые семьи. И рядом с демобилизованным солдатом и матросом на питерских вокзалах появились старики и женщины, дети и больные, нетерпеливо ожидавшие своей очереди, чтобы купить билеты до Москвы, Саратова, Вятки, Вологды...

Комитет революционной обороны Петрограда немедленно реагировал на новую опасность, возникшую в столице. Были приняты меры, чтобы не допустить дальнейшей дезорганизации железнодорожного транспорта. Состоялось решение: с 28 февраля продажу билетов производить только по пропускам, выдаваемым комиссией, учрежденной Петроградским Советом. Выезд из столицы разрешить в первую очередь пролетарским семьям — женщинам с детьми, старикам, больным. Было решено регулировать отныне не только выезд, но и въезд в Петроград. Для контроля создавались вооруженные и решительно действующие команды. 2 марта последовало новое распоряжение: вследствие перегрузки Николаевской железной дороги выдачу разрешения на выезд частных лиц по этой дороге временно прекратить — до особого оповещения.

Новые крутые меры применялись к солдатам и матросам, бесчинствовавшим на вокзалах. Комитет революционной обороны издал приказ:

«...Всем начальникам вооруженных отрядов, а также комиссарам и начальникам станций, в чьем распоряжении имеется вооруженная сила, останавливать и обезоруживать бегущих... Не желающих вступать в ряды Красной Армии направлять, обязательно минуя Петроград, к ближайшим воинским начальникам для дальнейшего направления по губерниям. Неповинующихся, не сдающих оружие или угрожающих применить вооруженную силу — расстреливать на месте без суда».

В Смольном понимали: то, что в городе растет паника, вызвано главным образом вражеской агитацией, и прежде всего слухами о том, что «Петроград продан немцам», что правительство «очищает город в надлежащий срок», а потому оно и само бежит, и дипломаты бегут, и все бегут.

Утром 1 марта петроградская «Красная газета» вышла с оповещением, напечатанным на самом видном месте:

Центральный Исполнительный Комитет Советов раб., солд. и кр. депутатов заявляет:

1) Все слухи об эвакуации из Петрограда Совета Народных Комиссаров и ЦИК совершенно ложны. Совет Народных Комиссаров и ЦИК остаются в Петрограде и подготовляют самую энергичную оборону Петрограда.

2) Вопрос об эвакуации мог быть поставлен лишь в последнюю минуту в том случае, если бы Петрограду угрожала самая непосредственная опасность — чего в настоящий момент не существует.

«Не верьте провокационным слухам!» — писала в тот же день «Красная газета».

Заявление ВЦИК было вынужденной мерой, рассчитанной прежде всего на то, чтобы успокоить питерцев. Но означало ли это отмену решения Совнаркома от 26 февраля? Нет. ВЦИК указал лишь на то, что правительство не намеревается покинуть Петроград сейчас, немедленно, когда судьба города еще не ясна. Правительство остается в Петрограде и будет, как прежде, делить со всеми питерцами невзгоды вражеской осады. Будет, опираясь на все революционные

силы, защищать город Октября. «Лишь в том случае, если бы врагу удалось разбить стоящие на его пути революционные отряды и появиться у самых врат столицы, лишь в этом случае, — разъясняла «Красная газета», — может встать вопрос о переезде членов правительства в другой город для организации дальнейшей борьбы с врагом».

Да, Центральный Комитет большевистской партии, ВЦИК, Совнарком оставались в Петрограде, продолжали напряженно и действенно работать, руководя обороной столицы, всей Республики. Ленин, члены ЦК, народные комиссары, как прежде, выступали на заводах и в полках, заседали в Смольном, принимали ходоков из деревни, рабочих и солдат, решали неотложные дела по формированию новой армии, руководили ее операциями на фронтах, расставляли новые силы для отражения атак внутренней контрреволюции, продолжали дипломатическую битву, чтобы вывести Россию из войны,— заключить мир с Германией, нейтрализовать антантовскую дипломатию, готовили экстренный съезд партии для выработки решений по вопросам войны и мира.

Вместе с тем правительство не могло, не имело права проявлять беспечность, не заботиться о том, где ему находиться завтра, если обстановка в Петрограде круто изменится. Вот почему наряду с гласными заявлениями и мерами проводились и негласные:

1 марта 1918 года Секретно

Чрезвычайной комиссии
по разгрузке Петрограда

Комитет революционной обороны Петрограда предлагает Вам в первую очередь разгрузить Петроград от демобилизованных солдат... и других групп, вносящих только смуту.

Из учреждений надлежит эвакуировать Экспедицию заготовления государственных бумаг, Государственный банк, золото и другие ценности, несколько ротационных машин и аналогичные учреждения. Остальное эвакуировать только в том случае, если это позволит состояние подвижного состава.

12

В пятницу 1 марта, около восьми часов вечера, в Смольный пришла телеграмма из Бреста: Вышлите нам поезд в Торошино (около Пскова) с достаточной

охраной...» Внизу стояла подпись секретаря советской мирной делегации Л. М. Карахана. «Вышлите поезд» — и ни слова о том, как идут переговоры с немцами, ни слова о том, готово ли германское правительство подписать мир. В Смольном поняли телеграмму Л. М. Карахана так, что переговоры прерваны и надо ждать нового, еще более решительного наступления на Петроград и по всему фронту.

Утром 2 марта «Правда» вышла с аншлагом через всю первую страницу:

Наша мирная делегация возвращается в Петроград. Вопрос о войне и мире решен: война. Война буржуазно-помещичьей империи против рабоче-крестьянской республики... Рабочие, солдаты, крестьяне! Только через наши трупы враг войдет в Петроград!

Ошибка обнаружилась вечером 2 марта. Но сотни тысяч экземпляров «Правды» уже разошлись по Петрограду... Оказалось, что советская делегация отправляла из Бреста не одну, а две телеграммы. Первая была о том, что мирный договор будет подписан 3 марта. Однако эту телеграмму, шифрованную, задержал немецкий штаб.

Лишь во второй половине дня 4 марта, с выходом вечерних газет, Петроград узнал, что мир с Германией подписан. Но грозная весть, распространенная «Правдой», привела в движение не только тех, кто был готов взяться за оружие, чтобы пополнить ряды защитников Петрограда, но и тех, кто еще раньше был охвачен паникой. Тысячи питерцев ринулись на Невский, к Пассажу, где помещалась комиссия по выдаче разрешений на выезд из Петрограда...

3 марта газеты вышли с объявлением: «Выдача разрешений на выезд из Петрограда возобновляется с воскресенья 3 марта; пропуска для женщин и детей получать у Пассажа в кафе «Квисисана» (Невский, 46)».

Трудно сказать, чем было вызвано это объявление. Возможно, решение состоялось в тот момент, когда в Смольном пришли к выводу: мира нет, война! Значит, надо форсировать разгрузку Питера.

Длиннейшие очереди перед Пассажем выросли уже 3 марта. Все больны! У всех дети! Только бы из Пите-

ра!.. Назавтра сюда пришлось вызвать конный наряд милиции. Очередь растянулась от Пассажа до угла Садовой, вдоль Садовой до нынешней улицы Ракова, огибала здание Филармонии и выходила на Невский.

В очереди появились шептуны: «На что надеетесь? Кто вам даст столько поездов? Для комиссаров не хватает. Уходите кто как может...»

Из Петрограда потянулись санные обозы. Тысячи людей покидали город пешком. Другие бросились к вокзалам и стали силой врываться в билетные кассы, третьи — прямо к поездам.

На Николаевском вокзале вновь началось вавилонское столпотворение...

Железный порядок, созданный после 27 февраля огромными усилиями Павла Вомпе, Николая Калюкина и его товарищей, опять зашатался. Осмелели вооруженные анархиствующие беглецы... На Знаменскую площадь снова пришлось вызвать броневики.

13

«Николай Петрович!

Посылаю вам список, если Вас это удовлетворяет, то я... приступлю к приготовлению ящиков. Прошу сообщить по телефону.

Уважающая Вас
Сергеева.

3 марта 1918 г.»

Ниже список из 68 фамилий: В. И. Ленин, В. Д. Бонч-Бруевич, народные комиссары, секретарь Совнаркома Н. П. Горбунов (он и есть Николай Петрович, которому адресована записка Ю. П. Сергеевой *),

* Ю. П. Сергеева, дочь уральского железнодорожника, совсем юной вступила в революционное движение и уже с шестнадцати лет познала и аресты и политическую ссылку. Во время войны вела подпольную работу в городе Николаеве. С начала 1917 года Ю. П. Сергеева работала в Петрограде — в агитпункте Таврического дворца и Смольного. В дни Октября была красногвардейцем и большевистским агитатором. С ноября семнадцатого — сотрудник секретариата Совнаркома. В дальнейшем — на фронтах гражданской войны и на ответственных хозяйственных должностях.

далее — фамилии других сотрудников секретариата Совнаркома: М. Н. Скрыпник, А. П. Кизас, Е. К. Кокшарова и другие.

В той же архивной папке, принадлежавшей когда-то Н. П. Горбунову, сохранился и другой документ, тоже с датой 3 марта 1918 года:

Список лиц и отделов, подлежащих эвакуации

Отделы	Число лиц (. . .)	Члены семьи	К-во пудов клади
1. В. И. Ленин		2	20
2. В. Д. Бонч-Бруевич . .		4	30
3. Н. П. Горбунов		—	10
4. Сталин		—	10
5. Секретарь Сталина. . .		—	10
6.			
7. Ю. П. Сергеева		1	20
8. А. П. Кизас		—	5
9. Е. К. Кокшарова		1	20
. . . .			

Экспедиция и информация	— (Две фамилии) — На Ваше усмотрение, на мой взгляд, лишние.	
Бюро переписки	— предлагаю взять двух лиц.	
Бюро печати	— 12 чел., из них 5 чел. семейных.	
Бюро вырезок	— считаю излишним (папки будут взяты).	
Столовая	— вещей нет, белья нет, считаю нужным взять два лица, верных нам.	
Приемная	— секретарь Утевский, солдат Алексей Федоров.	
Мальчики	— Михаил Васильев.	
Матросы и караул	— на Ваше усмотрение, желательно латыши.	
Воронцов	2	30
Белье постельное и личное		
Следует взять все столовые и полевые телефоны		10 пуд.
пудов 600		

Приведенные документы — очевидно, первый рабочий план переезда Совнаркома, первый набросок, подготовленный секретариатом СНК.

О многом говорят эти деловые будничные бумаги.

Глава правительства великого государства, человек необыкновеннейший, Владимир Ильич Ленин собирается переезжать в новую столицу, и его сотрудники знают: главный личный багаж Ильича («кладь») —

его рукописи. Других вещей почти нет. Больше 20 пудов (вместе с рукописями) не наберется. На всю семью в три человека! (Вместе с Владимиром Ильичем переезжали Н. К. Крупская и сестра Мария Ильинична.) Столько же ручной клади, но на семью из двух человек предусматривается для сотрудниц секретариата Юлии Сергеевой и Елизаветы Кокшаровой.

Набрасывая проект постановления об эвакуации правительства (еще 26 февраля), В. И. Ленин подчеркивал: в Москву брать не всех питерских работников центрального аппарата, а только минимальное число («не более 2—3 десятков человек» по каждому ведомству «плюс семьи»). Это — чтобы облегчить самый переезд, чтобы дешевле обошлось государству (служащим правительственных учреждений, как и рабочим эвакуируемых заводов, выплачивались подъемные). Имелось, очевидно, в виду и то, что Москва не беднее, чем Питер, работниками. Найдутся на месте.

Из аппарата Совнаркома в Москву брали тоже не всех. Только зарекомендовавших себя. Это в равной мере относилось к большим и малым работникам. В списке не забыт ни солдат, стоящий на посту в приемной главы правительства, ни бойкий и старательный Миша Васильев — мальчик-курьер. В одном списке с главой правительства — Егор Воронцов, красногвардеец Трубочного завода, комиссар Семьдесят пятой комнаты, выполнявший поручения В. И. Ленина.

В Москве для Совнаркома еще не было подготовленных помещений. Кремль за годы войны и революции превратился в большую военную казарму: там стояли и кавалеристы, и артиллеристы, и пехота. Кремль еще надо было готовить, чтобы он стал резиденцией правительства. А пока — как на биваке. Поэтому везли из Петрограда все — и полевые, и «столовые» (настольные) телефоны, и сейфы, и пишущие машинки, и даже писчую бумагу.

14

В Бресте ни восторженных речей, ни рукопожатий не было...

3 марта в 2 часа 30 минут дня участники конференции собрались в последний раз. Они должны

были подписать официальные тексты соглашений. Быстрой мелкой вязью расписался Георгий Чичерин, размашисто — Григорий Петровский... Потом немцы, австро-венгры, болгары, турки.

— Желает ли кто высказаться? — спросил председатель заключительного заседания посланник фон Мерей.

Никто не отозвался. В 17 часов 52 минуты Брест-Литовская мирная конференция закрылась.

За несколько часов до этого, на утреннем заседании, советская делегация огласила заявление своего правительства: Брестский договор — не «мир соглашения», а ультиматум, продиктованный с оружием в руках; это — «мир, который, стиснув зубы, вынуждена принять революционная Россия».

Немецкие дипломаты сделали вид, что они удивлены резким тоном заявления; в это время они «надеялись услышать только мирные и спокойные речи». Но разве могли быть спокойные речи? Брестские соглашения накладывали на Советскую Россию тяжелую дань. Германское командование даже в день подписания мира продолжало выдвигать свои войска (под Петроградом и на Украине) на новые ключевые позиции, захват которых мог иметь только одну цель: подготовку нового наступления на Советскую Россию. Об этом без обиняков говорили в Бресте советские делегаты. Положение не улучшилось и в последующие дни. Договор, хотя и был подписан, еще подлежал ратификации, и немецкое командование торопилось занять, особенно под Петроградом, наиболее выгодные рубежи. «Нет тени сомнения для меня, что немцы подготавливаются за Нарвой... Под Псковом немцы собирают свою регулярную армию, свои железные дороги, чтобы следующим прыжком захватить Петроград», — говорил Ленин 7 марта 1918 года.

На то, что опасность не снята, указывали и военные специалисты.

Начальник штаба Высшего военного совета Республики Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, в прошлом генерал русской армии (брат управляющего делами Совета Народных Комиссаров), три раза в неделю делал личные доклады Ленину. Утром 4 марта в обычное время М. Д. Бонч-Бруевич приехал в Смольный. Доклад, представленный В. И. Ленину, охватывал ши-

рокий круг вопросов: и положение на фронтах, и ход боевого развертывания Красной Армии, и разведывательные сведения о противнике. М. Д. Бонч-Бруевич обратил внимание на обстановку, складывающуюся в районе Финского залива. Донесения разведки, полученные в последние дни, появление немецкого флота в ближайших водах Балтики — об этом уже сообщали газеты — заставляли прийти к выводу, что немцы готовят высадку морского десанта в Финляндии. Лед в вершине Финского залива пока непроходим, но весна не за горами. С высадкой десанта Петроград будет практически окружен.

Бонч-Бруевич высказал мнение, что правительство, находящееся в Петрограде, является как бы магнитом для немцев. Они отлично знают, что столица защищена только с запада и с юга. С севера Петроград беззащитен, и высади немцы десант в Финляндии...

Ленин слушал спокойно, сосредоточенно. Когда Бонч-Бруевич кончил, Владимир Ильич окинул его испытующим взглядом:

— Где же, по вашему мнению, должно находиться правительство?

— В Москве, Владимир Ильич.

Ленин задумался, встал из-за стола и принялся ходить по кабинету.

— Дайте мне об этом письменный рапорт, — сказал Ленин.

Бонч-Бруевич сел за стол Владимира Ильича и написал:

ДОКЛАД

Германцы занимают Псков и, вероятно, в ближайшее время утвердятся в Нарве. При такой близости неприятеля считаю необходимым доложить, что правительству надлежит теперь же уехать из Петрограда, например в Москву.

Отъезд правительства в данную минуту вытекает из обстановки; отъезд под угрозой германцев будет носить характер бегства и потому нежелателен.

Член Высшего Военного Совета
М. Бонч-Бруевич.

4 марта 1918 г.
г. Петроград

...Доклад М. Д. Бонч-Бруевича укреплял В. И. Ленина во мнении, что и после подписания Брестского

договора военная обстановка по-прежнему неблагоприятна для Петрограда. И Владимир Ильич тут же написал на рапорте резолюцию, подтвердив решение ехать.

15

После совещания у В. И. Невского 27 февраля председатель исполкома Николаевской дороги Осипов и комиссар дороги Лебит сумели в течение двух дней выполнить приказ. Один состав классных вагонов был сформирован в Москве. Подойдя с юга, этот поезд еще до Николаевского вокзала свернул влево на Портовую ветку. Другой состав железнодорожники «накопили» на станции Обухово — тогда она находилась за чертой города и вокруг были леса. Этот состав тоже скрытно, ночью, подали к Морскому порту. Третий взяли «взаймы» у Северо-Западной дороги и тоже погнали на Портовую ветку. В то время Торговая гавань бездействовала, — порт был давно блокирован. Требованиям скрытности и безопасности Портовая ветка, пожалуй, удовлетворяла. Но подъезды к ней со стороны Смольного были затруднены. Взвесив все это, железнодорожники решили сосредоточить все три состава на Бычьей платформе.

Эта платформа находилась в районе пересечения Забалканского проспекта и Обводного канала. Туда подходили тыловые пути со станции Варшавская. В годы войны и революции это место было совершенно глухое. Кому могло прийти в голову, что на бывшем скотопригонном дворе сосредоточивают правительственные поезда!

...Ночью 4 марта Петр Лебит и Павел Осипов были вызваны на Фонтанку к наркому Невскому.

Владимир Иванович сидел за столом, заваленным бумагами и железнодорожными справочниками. Тут же стояли недопитый стакан чаю и солдатский котелок, прикрытый газетой.

— Первый поезд прошу подготовить к отправке в ночь с шестого на седьмое марта, — сказал В. И. Невский. — В Москву уезжает Народный комиссариат путей сообщения. Время отхода прошу сохранять в тайне...

«Сохранять в тайне...» Но это было уже невозможно.

Вечером 4 марта и утром 5-го советские газеты опубликовали извещение Совета Народных Комиссаров: договор, подписанный в Бресте, подлежит ратификации, т. е. окончательному утверждению, и это зависит от Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Согласно решению ВЦИК, съезд собирается в Москве 12 марта... Не в Петрограде, где происходили все предыдущие съезды, а в Москве!..

4 марта в народных комиссариатах путей сообщения, почт и телеграфов, внутренних дел и других был объявлен приказ: «в силу государственных соображений» наркоматы переезжают в Москву. Объявлялись списки служащих, подлежащих эвакуации. Понятно, что все это тоже было сразу замечено, — сначала стало известно газетным репортерам, а назавтра — всему Петрограду. Буржуазные и эсеровские газеты запестрели сообщениями с вокзалов: на Николаевском вокзале опять стычки с демобилизованными; на Варшавском — тоже; циркулируют слухи, что ко дню переезда правительства железнодорожные служащие готовят забастовку... В тех же газетах появились и сообщения «из Смольного»: окончательно решено — правительство едет в Москву. «Впрочем, вопрос о безопасности Москвы в военном отношении также близок к постановке на очередь»... «Едут»... Оппозиционная печать подавала эти сообщения как сенсацию номер один.

Для контрреволюционного подполья она стала сигналом: действовать!

5 марта с Центрального столичного телеграфа в ряд крупных городов страны ушла телеграмма: «Власть Совета Народных Комиссаров свергнута, издан закон о возвращении земель...» В самом Петрограде на улицах появилось воззвание, якобы исходящее от Петроградского Совета: «Правительство уезжает, Петроград объявляется вольным городом...»

Исполком Петроградского Совета приказал все фальшивки-воззвания срывать, а лиц, расклеивающих афишки, задерживать и судить по законам революции.

«Красная газета» вышла с передовой: «Рано пташечки запели»... Напрасно буржуазия радуется, напрасно надеется, что с отъездом правительства Петроградом снова будет править городская дума и снова вернется буржуазный рай... Успокойтесь, господа! Большевики никуда не уходят. Большевики — вся рабочая и крестьянская Россия. Все остается, как было, — повсюду власть рабочих и крестьян!

17

Поздно вечером 6 марта Павел Осипов позвонил в депо: подать паровоз на станцию Петроград-Пассажирская. Прошло минут пятнадцать. Осипов позвонил снова. Но теперь никто не отозвался. Председатель исполкома вызвал пятерых красногвардейцев и послал их узнать, в чем дело. Но и красногвардейцы словно в воду канули.

И опять звонок в депо: «Паровозы вышли?» Оказалось, нет — машинисты митингуют... «В такую пору? И по какой причине?»...

Осипов сам помчался в депо.

— Паровозов не дадим! — услышал он.

— На каком основании?

— Не дадим, и всё!

Другие объяснили: не будут они помогать бегству народных комиссаров. Осипов понял: верховодят вахновцы, а подняли их эсеровские подстрекатели.

Председатель исполкома взобрался на паровозную площадку. Говорил недолго, но горячо. Вахновцы сникли. Дело кончилось тем, что паровоз все же подали.

В двенадцать часов ночи первый правительственный поезд — Народного комиссариата путей сообщения — ушел в Москву.

18

Самые терпеливые еще стояли на Невском у Пассажа. До вечера 6 марта пропуска там выдавали. С перерывами, с проволочками, но давали. Вечером объявили:

— Больше, граждане, не стойте. Все пассажирские поезда отменены. В ходу только правительственные и воинские.

Те из питерцев, что уже сидели на вокзалах с пропусками, тоже были оповещены: расходитесь, граждане...

В чем же было дело?

Несмотря на мир, немецкое наступление все еще продолжалось (оно остановилось только 9—10 марта). Кроме того, Брестские соглашения ещё подлежали ратификации. Пойдет ли на это германский рейхстаг, уверенности не было. В Германии в любую минуту могли взять верх экстремистские силы, выступавшие против любых соглашений с Советами. Следовало считаться и с тем, что внутри советского руководства тоже не было единства — продолжалась оппозиция к Бресту со стороны Троцкого и «левых коммунистов». Надо было считаться и с тем, что во ВЦИК и на предстоящем съезде Советов против ратификации Брестских соглашений выступят и левые эсеры и меньшевики. Если ратификация будет сорвана, то Петроград окажется под еще более сильным натиском врага. Вот почему было решено: время, остающееся до ратификации, всемерно использовать, форсировать разгрузку Питера. Совнарком постановил эвакуировать людей только организованно, с заводом или учреждением. Именно по этой причине в ночь с 6 на 7 марта все обычные, по расписанию, поезда были отменены. Вошел в действие новый график. Предусматривалось отправлять из Петрограда не менее двадцати товарных и пассажирских поездов в сутки. В этом числе — восемнадцать-девятнадцать составов для воинских перевозок и эвакуации заводов и фабрик и одиндва поезда в сутки для переезда правительственных учреждений.

Двадцать эшелонов в сутки... Большинство — с Николаевского вокзала. Железнодорожники теперь работали до изнеможения.

Для связи Смольного с вокзалами и наркоматами, для быстрой доставки приказов был сформирован особый отряд мотоциклистов.

Приказания следовали одно за другим... Комиссару Николаевского вокзала «в интересах защиты революции незамедлительно выполнять все требования

в перевозках Бюро оборонительных сооружений...». Вне всякой очереди предоставить вагоны для автомобильно-броневой части ВЦИК и Совнаркома... «Обеспечить самый срочный выезд в Москву секретаря «Известий», который направляется для организации выпуска газеты в новой столице... Комиссар Семьдесят пятой А. Александров направляется в Москву с особым поручением Совнаркома. Предоставить право свободного и внеочередного проезда в Москву.

Петр Лебит нес это все на своих плечах.

19

Поздним февральским вечером к Петрограду подходил пассажирский поезд из Москвы. Битком набитый вагон. Мешочники, солдаты, служащие комиссариатов и комитетов, армейские и флотские начальники. Пахло пóтом, прелью портянок, сыростью сапог и шинелей. У окна сидела молодая женщина с дешевой меховой муфточкой. Рядом — молодой человек в студенческой шинели и фуражке с синим околышем. Оба то дремали, опустив голову на грудь, то незаметно переглядывались: не чекист ли перед ними, не комиссар ли Семьдесят пятой?

...Не раз бывало в истории: громкая фраза — черное дело; левая фраза — «правое» дело...

Когда стало известно, что Чичерин едет в Брест, руководство партии правых эсеров нелегально распространило воззвание, обвиняя большевиков в сговоре с немецкими империалистами, а заодно и в измене международному пролетариату. Дальше: «Никакого Бреста!» Все вперед на мировой империализм! Большевики не могут и не хотят, а мы хотим и сможем!

Внешне это выглядело куда как «революционно», но под видом борьбы с мировым империализмом, под предлогом того, чтобы «разом прыгнуть», правые эсеры толкали Советскую власть на опасный ход. Новые лозунги правых эсеров имели старую подоплеку — сокрушить Советы.

В дни Бреста единый блок против Советов фактически образовали и правые, и левые «социалисты-революционеры».

Когда немецкие войска двинулись на Петроград, когда лучшие сыны пролетариата отправились под Псков и Нарву, кровью и мужеством преграждая путь врагу, левые эсеры выступили с призывами «Долой государственную войну!», «Да здравствует партизанское восстание в тылу немецких войск!». «Даже если бы государственная власть признала необходимым подписание сепаратного мира, — говорилось в левоэсеровском воззвании тех дней, — для Революции это государственное решение не обязательно. Ибо там, где государственный расчет становится на пути революционной борьбы, там, где он пересекает ее, — мы обязаны обойти препятствие и идти вперед как партия, как отряд интернационала, не скованный условностями государственных границ, государственных расчетов... Брошен жребий — восстание против зарубежной контрреволюции!»

Громкая фраза, а на деле — неверие в революционную мощь рабочих и крестьян; громкий клич к «восстанию», а на деле политическая растерянность, отчаяние, надрыв, удар в спину тем, кто действительно борется с врагом, отстаивает отечество социализма, сообразуясь с обстановкой, трезво, мужественно, геройски, с политическим предвидением и реализмом. Вот что означали левоэсеровские призывы.

К концу февраля 1918 года правые и левые эсеры еще находились на разной ступени предательства. Левые эсеры подняли открытый вооруженный мятеж против Советской власти позднее, в июле. Правые «социалисты-революционеры», как видел читатель, стали использовать весь свой диверсионный арсенал, в том числе тайные заговоры и индивидуальный террор, еще с октябрьских дней. Теперь «виднейшие» из правоэсеровской партии стали готовить новое покушение на Советскую власть.

Чернов, Гоц, Семенов создали террористическую группу, в которую вошли курсистка Лидия Коноплева, студент-эсер Петр Ефимов, подпоручик Михаил Тисленко и другие. План, одобренный ЦК эсеров (руководство этой партии переехало в Москву еще ранее), предусматривал устроить крушение поезда Совнаркома. Для этого — взорвать Американский железнодорожный мост через Обводный канал.

На Коноплеву и Ефимова были возложены задачи разведки. Поручику Тисленко, которому до этого удалось пробраться на службу в один из штабов Красной Армии, приказали достать динамит...

...28 февраля Коноплева и Ефимов возвращались в Петроград после встречи с «виднейшими» в Москве.

Поезд пришел на Николаевский вокзал около полуночи. Выходя из вагона, Ефимов и Коноплева сделали вид, что незнакомы друг с другом. С платформы ушли, держа меж собою значительный интервал...

20

6 марта в Таврическом дворце открылся Седьмой Экстренный съезд партии. Главный вопрос — о войне и мире.

В стране разруха, нищета, безработица. Боеспособной армии нет. Нет и экономически крепкого тыла. Трудовой народ России безмерно устал от войны. А Германия вооружена до зубов. На «ура» германского хищника не возьмешь. Война сильнее, чем проповеди, чем десять тысяч рассуждений. Брестский мир дает передышку — значит, надо ее брать. Брестский мир, хотя он и тягчайший, и похабный, унизительный, надо ратифицировать, добиваться этого на предстоящем съезде Советов... Так говорит Владимир Ильич Ленин. Он оперирует доводами политика, расчетами экономиста, фактами историка, наблюдениями психолога. Он обрушивается на своих оппонентов с гневом и сарказмом. Он говорит с ответственностью государственного деятеля, который взвесил все «за» и «против» и пришел к выводу — «за», только «за»!

Ленин обнажает всю ошибочность утверждений «левых коммунистов» и Троцкого, уверяющих, что сейчас «немец наступать не сможет», — германские генералы побоятся вызвать в своем тылу восстание рабочих в защиту русской революции. Шаткое «основание»! Германская, европейская революция, к сожалению, запаздывает. Это факт, от которого не уйти. Германия хорошо доказала, что она может наступать: в несколько дней завладела огромной территорией и миллионными богатствами России. Надо видеть мир таким, какой он есть. Нельзя подменять ответствен-

нейшие решения эфемерными, а на деле авантюристическими, гибельными для Республики планами.

Владимир Ильич выступает на съезде восемнадцать раз. Он вновь и вновь призывает не хорохориться, не становиться в позу шляхтича, который, умирая со шпагой в руке, говорит: «Мир — это позор, война — это честь»... Надо брать Брестский мир, чтобы спасти отечество социализма, чтобы укрепиться, вылечить в тылу больную армию, подготовиться к новым боям, если на Советскую Россию нападет внешний враг.

Тем, кто говорит, что передышка может оказаться слишком кратковременной, а потому неэффективной, Ленин отвечает: даже в этом случае надо брать мир. Ленин напоминает о положении Петрограда, об угрозе, которая по-прежнему подстерегает великий город и его население. «Надо уметь не фанфаронить, — говорит Владимир Ильич, — а брать даже один день передышки, ибо даже одним днем можно воспользоваться для эвакуации Питера, взятие которого будет стоить неслыханных мучений для сотен тысяч наших пролетариев. Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью подписать в двадцать раз, в сто раз более унизительный договор, чтобы получить хоть несколько дней для эвакуации Питера, ибо я облегчаю этим мучения рабочих, которые иначе могут подпасть под иго немцев; я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха и прочее, которые нам нужны, потому что я — оборонец, потому что я стою за подготовку армии — пусть в самом отдаленном тылу, где лечат сейчас теперешнюю демобилизованную больную армию».

Большинством голосов съезд принимает решение, предложенное В. И. Лениным: признать необходимым утвердить подписанный советской делегацией мирный договор с Германией.

21

О том, что эсеры хотят взорвать поезд, в котором едет Ленин, чекисты узнали от людей надежных. Тотчас к Владимиру Ильичу отправился В. Д. Бонч-Бруевич.

— И что же, мы все-таки поедем? — спросил Ленин, выслушав доклад.

— Конечно...

— Гарантируете вы нам благополучный проезд?

— Предполагаю, что проедем спокойно... Предпринята целая система мер. Думаю, что террористические замыслы эсеров будут полностью парализованы.

Бонч-Бруевич рассказал Владимиру Ильичу, что именно предпринято и что будет сделано. Ленин все это одобрил.

«Получив эту окончательную санкцию, — вспоминал впоследствии Бонч-Бруевич, — я тотчас же нажал на все пружины Семьдесят пятой комнаты и всю энергию направил в одном главнейшем направлении...»

На южной окраине Петрограда, за Московскими триумфальными воротами, влево от них, среди лабиринта глухих улиц — железнодорожная платформа Цветочная площадка. Она имела выход на главную магистраль, ведущую к Москве, притом — минуя столичные вокзалы. И еще одно обстоятельство делало Цветочную площадку удобной для сосредоточения и негласной отправки отсюда главного поезда Совнаркома. Бычья платформа, где уже стояли три состава пассажирских вагонов, находилась невдалеке. В день отъезда Ленина и народных комиссаров можно было быстро подать на Цветочную один из составов, принять там пассажиров, багаж и скрытно отправить на Москву.

Мысль о Цветочной площадке подал «один совершенно верный, преданный революции товарищ-коммунист, бывший в то время одним из комиссаров Николаевской железной дороги», — вспоминал Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. Но фамилию этого комиссара он запамятовал (Бонч-Бруевич писал и об этом). Судя по архивным документам, этим комиссаром, вероятно, был Петр Григорьевич Лебит. Он держал в своих руках все тайные нити, касавшиеся путейской, технической стороны дела, и обеспечивал как скрытность операции, так и своевременность ее исполнения.

Примерно за неделю до отъезда Совнаркома Бонч-Бруевич поехал на Цветочную, чтобы самому осмотреть платформу и местность вокруг. С Владимиром

Дмитриевичем поехал его бессменный адъютант Михаил Цыганков.

Место понравилось: окраинное, среди глухих улиц, где преимущественно живет работящий питерский народ. И вместе с тем подъезд хороший: рукой подать от Забалканского проспекта и шоссе.

Возвращаясь в Смольный, Бонч-Бруевич сказал Цыганкову:

— Надо поручить нескольким нашим товарищам, чтобы они наведывались сюда. Всю местность осветить... Понятно?

— Ясно, Владимир Дмитриевич!

Вскоре Бонч-Бруевич вместе с Горбуновым и комендантом Смольного Мальковым определил состав охраны поезда и охраны правительства после размещения его в Московском Кремле. Тогда же был уточнен список служащих, подлежащих эвакуации. Обсуждали каждую кандидатуру. Но пока никому не объявляли, кто едет, кто остается. Это — в целях безопасности, чтобы информацией располагал возможно меньший круг людей.

22

Когда создавался комитет Семьдесят пятой, в нем насчитывалось более ста пятидесяти человек. К началу марта 1918 года осталось немного. Одни разъехались по стране, — дела позвали; другие перешли на работу в ВЧК, третьи получили назначения на различные должности в Смольном, в Петрограде. И вот документ на тех, кому предстояло собираться в Москву:

«СПИСОК КОМИССАРОВ 75-й КОМНАТЫ

1. Цыганков
2. Мартынов
3. Пискунов
4. Моторин
5. Воронин
6. Матулевич
7. Квятковский
8. Артемьев
9. Игнатов
10. Сухов
11. Юргенсон
12. Ганьсюк
13. Мельников
14. Соловьев»

С отъездом этой группы комитет Семьдесят пятой упразднялся. Дело борьбы с контрреволюцией отныне сосредоточивалось в одних руках — ВЧК.

...Комиссар Василий Квятковский значился в списке уезжающих в Москву. Но в день переезда Совнаркома Квятковскому пришлось выехать совсем в другую сторону... 7 марта в Гатчине был арестован великий князь Михаил Романов и члены его свиты. 9 марта Совет Народных Комиссаров постановил отправить Романова в Пермскую губернию под надзор местного Совета. Назавтра Квятковскому вручили предписание: принять на себя обязанность комиссара конвоя и вместе с латышскими стрелками препроводить до Перми знатных особ низвергнутого дома Романовых. Из Перми Квятковский возвратился в Петроград и стал работать на ответственных должностях в Красной Армии.

...Едут ли — не едут, а пока, в последние дни пребывания в Питере, комиссары Семьдесят пятой, проинструктированные Бонч-Бруевичем, ходили-блуждали вокруг Цветочной площадки, обеспечивая одну из самых конспиративных операций, зорко наблюдая за тем, «что там делается, не появляются ли в этом районе лица, не проживающие здесь постоянно», не заинтересовался ли кто прибытием вагонов на Цветочную. Ходили комиссары небритые, оборванные, ни дать ни взять — безработные.

После каждого очередного обхода «безработные» являлись к Бонч-Бруевичу и докладывали, что видели и слышали. А он, чтобы исключить какое-либо случайное подслушивание — кем бы то ни было! — стал принимать «безработных» даже не в Семьдесят пятой, а в других местах.

8 марта всем начали выдавать жалованье за февраль. Комиссарам Моторину, Квятковскому — по 250 рублей... Председателю Совета Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ленину — 500 рублей. Всем дополнительно — подъемные; В. И. Ленину — 200 рублей, «на общих основаниях».

Но в Смольном не только упаковывали ящики. В адрес Совета Народных Комиссаров, в адрес В. И. Ленина шли и шли телеграммы и письма. Их нужно было готовить для доклада Владимиру Ильичу.

Вся революционная Россия была с Лениным... В таежном далеком Ишиме собрался первый уездный съезд Советов. Только сейчас там установилась проле-

тарская власть, и сибиряки докладывали Ильичу: «Доводим до Вашего сведения — власть в руках Совдепов. Наш уголок Сибири присоединяется к общей семье Советской социалистической республики». Горячий привет донес телеграф из Тамбовской губернии. И заверение: «Верьте, дорогие товарищи, что не допустим контрреволюционной гидре капиталистов справлять кровавую тризну по Советской власти. Во всякое время с оружием в руках готовы по Вашему зову выступить в защиту социализма»... Телеграммы из Смоленска, Евпатории, с Алтая — полное одобрение политики Совнаркома!

6—8 марта Владимир Ильич большую часть времени проводил в Таврическом, на съезде партии. Но в часы перерывов, рано утром или поздно вечером, он приходил в свой кабинет, читал приготовленные для него бумаги, выслушивал устные доклады, принимал наркомов...

Поздно ночью Ленин оставался один, но продолжал работать, готовя документы к заседаниям съезда, для печати, для очередных заседаний Совнаркома.

23

В 12 часов 20 минут ночи с 8 на 9 марта, закрыв последнее заседание партийного съезда, Яков Михайлович Свердлов попрощался с Владимиром Ильичем, с членами ЦК и вскоре покинул Таврический дворец.

Свердлов должен был торопиться в Москву. На 12 марта там назначался IV Всероссийский съезд Советов. За ним последнее слово: утвердить или отвергнуть Брест. В Таврическом большевистский партийный съезд сказал «да!». А как будет в Москве, на съезде Советов? Там кроме делегатов-большевиков будут и левые эсеры, и меньшевики. Их позиция ясна... Не исключено, что и фразеры, шумевшие в Таврическом, тоже захотят снова «обнажить шпаги». Надо приехать в Москву пораньше, подготовить съезд так, чтобы линия, намеченная в Таврическом, победила и в Москве.

...Накануне, исполняя задуманный план, Бонч-Бруевич позвонил в секретариат ВЦИК и попросил доставить ему полный список членов Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Полный! И обязательно по фракциям: большевики, левые эсеры, меньшевики... Список оказался большим — триста шесть фамилий. Владимир Дмитриевич против каждой фамилии проставил какие-то цифры.

Ночью 8 марта на Николаевский вокзал подали два пассажирских поезда. Один — из синих царских вагонов, второй — из обычных. О назначении этих поездов на вокзале говорилось открыто. Даже красногвардейцы, дежурившие при входе на платформы, на этот раз оказались словоохотливыми. Спрашивали их вокзальные старожилы-солдаты, дожидавшиеся эшелонов: «Это кто ж в царских поедет?» Красногвардейцы отвечали: «Высшая рабоче-крестьянская власть, члены ВЦИК». Услышав такое, смирялись даже самые напористые. А потом на вокзале появились члены ВЦИК — рабочие в картузах, крестьяне в овчинных полушубках и зипунах, в яловых сапогах или валенках. Прибыли и левоэсеровские и меньшевистские лидеры. Те выделялись и одеждой, и всем своим видом — большей частью длинноволосые, в черных широкополых шляпах.

Члены ВЦИК всех фракций имели на руках пропуска; в каждом был проставлен номер вагона и номер места.

Когда посадка окончилась, выяснилось, что в каждом вагоне сидят представители всех фракций: и большевики, и левые эсеры, и меньшевики. Притом в первом вагоне — преимущественно лидеры оппозиционных партий.

Вот, оказывается, для чего В. Д. Бонч-Бруевич «колдовал» над списком членов ВЦИК! Теперь Бонч-Бруевич был уверен, что правоэсеровские террористы не станут взрывать поезд, в котором вперемешку с большевиками едут представители партий, находящихся в оппозиции к большевистской Советской власти!

Второй поезд был предназначен для служащих различных наркоматов и других правительственных учреждений. Бонч-Бруевич приказал отправить оба поезда с интервалом в двадцать минут. И это тоже имело свое значение.

Перед отходом первого поезда к Николаевскому вокзалу подъехал крытый автомобиль. Вышел матрос, потом комиссар Михаил Цыганков, за ним Бонч-Бруевич, последним — Яков Михайлович Свердлов. Толпившиеся перед вокзалом военные и гражданские, люди случайные и неслучайные, узнавали:

— Свердлов!

— Стало быть, ВЦИК в полном составе едет...

В сопровождении охраны Свердлов и Бонч-Бруевич миновали красногвардейскую заставу, прошли в вокзал, потом на платформу. Свердлов был узнан и здесь. Вдвоем поднялись в первый вагон первого поезда. Поздоровались с депутатами. Поинтересовались, как устроились. Потом прошли во второй, третий вагоны, до конца поезда. Все вагоны светились огнями. Еще бы — царские! Впрочем, самый последний вагон почему-то оказался неосвещенным. Багажный? Свердлов и Бонч-Бруевич зашли и в этот вагон. Но, не задерживаясь, вышли. Только с обратной стороны. Там, где было совсем темно. И на платформе не было ни единого огня!

Заранее намеченной дорогой Бонч-Бруевич провел Якова Михайловича Свердлова во второй поезд. На всякий случай, для безопасности...

Распрощались...

С интервалом в двадцать минут оба поезда ушли в Москву. В исполкоме дороги с каждой крупной станции получали донесения: «Следуют по расписанию». Тут же звонили в Смольный к Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу: «Идут по расписанию».

24

...В Смольном пожар... Горит Семьдесят пятая комната... В гостинице «Монрепо», выбежав из своего номера, скончался на лестнице, судя по найденным документам, председатель Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Дзержинский. Смерть произошла из-за того, что по ошибке вместо морфия Дзержинский принял какой-то другой порошок. Яд был сильнодействующим, и смерть наступила через десять минут... Демобилизованные солдаты задержали на станции Любань эшелон со служащими и ценностями правительственных учреждений, следовавший в

Москву. Служащие высажены, ценности разграблены... Бегство... Петроград пустеет... Тысячи несчастных и наивных все еще стоят у Пассажа, ожидая, когда откроются заветные двери. Тысячи и тысячи, как и в предыдущие дни, уходят пешком, едут на перекладных, бегут без оглядки... С Николаевского вокзала в бывших царских поездах удаляются высшие советские депутаты, министры и министерства, большевистские редакторы и цекисты профсоюзов. Новая власть спешит в новую столицу. Но можно с уверенностью сказать, что на новом месте питерская власть не будет спать на розах. В Москве нет чиновников, нет интеллигенции, готовой служить большевикам. Москва — самый буржуазный город России. Там трудно будет творить ленинские декреты. Всякий, кто знает Москву, с трудом представит себе Иверскую и канцелярии советских комиссаров, московское купечество, насквозь пропитанное истинно русским духом, и интернациональный большевизм, древний Кремль и красный флаг...

Все это — из газет, выходивших в те дни в Петрограде, из газет буржуазных, «беспартийных» и даже «социалистических». Ложь, клевета — сладостное успокоительное для гостинодворцев, лежавших в холодном поту, для бывших статских советников с супругами и вместе с тем — дурманящее, возбуждающее впрыскивание для гвардейских поручиков, правоэсеровских ротмистров, анархиствующих деклассированных солдат:

— Действуйте!

В Смольном и в других правительственных зданиях появились подозрительные личности, старавшиеся под разными предлогами выпытать, когда поедет Совнарком, Ленин. Одна из сотрудниц Смольного стала настойчиво хлопотать, чтобы вместе с ней в правительственном поезде мог уехать в Москву ее родственник. Бонч-Бруевич заинтересовался, кто же этот родственник.

— Он репортер...

— Ах, репортер...

Владимир Дмитриевич распорядился, чтобы разведчики Семьдесят пятой точнее узнали, кто он. Оказалось — эсер! Бонч-Бруевич приказал: чтобы ноги этого репортера не было в Смольном!

Тем временем на вокзалах продолжалась кутерьма. К председателю исполкома Осипову явились четверо. На лицах — что-то недоброе, вызывающее:

— Мы пришли, чтобы получить от вас хотя бы десяток тысяч рублей...

В другое время Осипов принял бы это за шутку. Но сейчас было не до этого. Строго спросил, в чем дело. Пришедшие назвали себя делегатами от стрелочников станции Петроград-Пассажирская. Им, оказывается, «точно известно, что исполком получил от Смольного 18 миллионов рублей — из тех, которые немцы дали Ленину за продажу Питера». И вот ультиматум: будет всякое содействие при эвакуации Смольного, если исполком поделится полученными деньгами, или поезда будут «свалены», если исполком денег не даст.

Осипов позвонил Калюкину. Всех четверых задержали. В тот же день на станции Петроград-Пассажирская состоялся митинг. Всем собравшимся показали «делегатов-стрелочников». Тут же на людях допросили: от кого пришли, кто научил. Признались: чиновники, которые при царе служили, подослали. Всем четверым указали дорогу за дверь и приказали, чтобы никогда больше их среди железнодорожников не видели.

9 марта на Николаевском вокзале вновь произошли стычки с анархистами и демобилизованными, не желавшими сдавать оружие и соблюдать порядок.

В тот же день на Николаевском вокзале появилось объявление исполкома дороги — предупреждение тем, кто оказывал сопротивление красногвардейцам:

«Все такие попытки... будут и впредь пресекаться самым решительным образом — преданием революционному суду и силой оружия. Пусть помнят все чинящие препятствия, что этим они приносят пользу нашему жестокому врагу, а потому со стороны честной революционной демократии они не встретят никакой защиты».

В сумятице, в схватках на Знаменской площади и на вокзале демобилизованным солдатам и матросам все же нередко удавалось проникнуть к эшелонам, сохранив при этом оружие. Они врывались к комиссару вокзала, в исполком, к дежурному по станции, требуя немедленной отправки впереди других поездов, даже правительственных.

— Нельзя так, товарищи, — пробовал увещевать Осипов. — Надо вывозить прежде всего заводы, ценности, эвакуировать рабочие семьи — детей, женщин; поезда нужны для рабоче-крестьянского правительства.

Но слова не доходили. Особенно, если среди ворвавшихся оказывались анархистские заводилы. Те были вооружены до зубов: револьверы, гранаты, бомбы, привязанные к поясу веревками или проволокой, шашки, кортики, палаши... Те угрожали, кричали, перебивая друг друга. Выхватывали револьверы, приставляли к груди Осипова, прижимали к вискам, до боли... Захлебываясь, глотая слюну, замахивались гранатой.

— Не отправишь, тут же и останешься! Кишки по проводам развесим...

Павел Осипов, осунувшийся, бледный, но предельно собранный, отвечал:

— Хорошо, вы мои кишки по проводам развесите... А дальше что? От этого все равно раньше времени не уедете. Вам меня надо убить или уехать? Придет черед — отправим.

Презрение к угрозам, иной раз ответная крепкая ругань, но больше всего железное самообладание человека, у которого не могло быть страха уже по одному тому, что он без сна находился на ногах пятые сутки; в висках стучало от переутомления, от непрерывных звонков, а в мозгу гвоздем сидела единственная мысль: «Все во имя революции!» — только это спасало. И отступали даже самые возбужденные.

Был однажды и такой случай, показавший, кто больше всего заинтересован в сумятице и кутерьме.

На одном из путей вокзала стоял уже готовый к отправлению эшелон с демобилизованными. Почти в самый момент отправки люди Николая Калюкина проведали, что в поезде — переодетые юнкера. Едут на юг к Каледину и Корнилову. Под шумок проскочили! Комиссар Лебит приказал эшелон задержать. Юнкера были разоружены и арестованы.

Случай этот заставил многих матросов и солдат по-иному взглянуть на вещи, понять, к чему ведет та каша, которую они заварили. И находились матросы, которые помогали Лебиту и Калюкину наводить порядок, устраивать «фильтровки».

Не всегда, однако, такая «фильтровка» оказывалась успешной. В частности, 10 марта, в день отправки поезда Совнаркома, она была явно не на высоте...

25

9 марта Бонч-Бруевич приказал подать на Николаевский вокзал два пассажирских состава — совнаркомовских. Срок отправления — завтра в 9 часов 45 минут вечера. Поедут работники ряда комиссариатов, будет погружено имущество Управления делами Совнаркома. В этих же поездах отправятся бойцы 1-го коммунистического отряда латышских стрелков (охрана Смольного—Кремля)... В Смольном и по городу в тот же день распространились слухи со ссылкой на достоверные источники, что отъезд высших руководителей большевистской партии и правительства уже определенно назначен. На Николаевском вокзале уже готовят поезда... Такие же сообщения появились и в некоторых газетах. Петроградская печать опубликовала интервью с «видным членом Совета Народных Комиссаров» (фамилия не называлась). Судя по содержанию этого интервью, можно предположить, что в несоветских газетах оно появилось не без старания отдела печати Совнаркома (официальные сообщения были обязательны для всех газет).

«Видному члену» Советского правительства был задан вопрос:

— Еще недавно ВЦИК официально заявлял, что Совнарком уедет из Петрограда только в том случае, если Петрограду будет угрожать непосредственная опасность. Теперь такой опасности нет. И все же правительство переезжает. Чем это объяснить?

Последовал ответ:

— Заявление ВЦИК было сделано в тот момент, когда немецкие войска наступали на Петроград. Советское правительство считало необходимым оставаться в Петрограде, чтобы организовать решительное сопротивление врагу. Теперь подписан мир. Но если германские войска даже будут соблюдать Брестские соглашения и остановятся на демаркационной линии, столица Республики все равно не может находиться на ее окраине.

В руководящих сферах Советской власти, говорилось далее в сообщении, указывают на то, что оставление Петрограда правительством в момент ожесточенных сражений с внешним врагом исключалось, ибо в то время это могло бы быть истолковано как капитуляция сил революции перед империализмом, как признание слабости Советской власти. Теперь, по мнению руководящих сфер, Советская власть настолько утвердилась, что ей не грозит никакая опасность, если даже центральные учреждения будут перенесены в Москву.

Это был ответ злопыхателям и демагогам, на все лады болтавшим в антисоветских газетах о «трусливой непоследовательности правителей Смольного».

10—12 марта подробные разъяснения — для трудового Питера — сделали «Правда» и «Известия». В передовой статье «Москва — столица» «Правда» писала о том, что войска немецкого империализма все еще стоят на расстоянии трех переходов от Петрограда. Правительство, если оно останется в Петрограде, попрежнему будет во власти любого нового германского ультиматума, который может последовать в любой момент. Уезжая из Петрограда, правительство защищает и позицию революционной власти — оно покидает сферу, слишком подверженную немецкой военной угрозе, и одновременно тем самым защищает Петроград, который в значительной степени перестает быть мишенью немецкого удара. Перенесение столицы в Москву покажет, что Советская власть одинаково прочна по всей стране. «Известия» и другие газеты указывали на то, что Москва — географически, пространственно, физически лучше связана со страной. Известна доблестная революционность московского пролетариата. Он гостеприимно примет свое родное рабоче-крестьянское правительство. В Петрограде Советская власть также незыблема. Питер по-прежнему будет оплотом революции, тесно связанным со всей страной.

26

Во второй половине дня 9 марта товарищи, отъезжавшие с правительственными поездами, стали получать специальные пропуска-удостоверения. Бойцам

охраны выдавались документы, в которых удостоверялось, что «предъявитель сего должен ехать в поезде, в котором едет 1-й Коммунистический отряд латышей. Поезд отходит от Николаевского вокзала в 9 часов 45 минут вечера. Разрешить посадку людей и погрузку багажа».

Товарищи, отправлявшиеся с Цветочной, получали в запечатанных конвертах оповещения:

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ
КРЕСТЬЯНСКОГО
И РАБОЧЕГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ РОССИИ

Петроград
9 марта 1918 года

Секретно

Товарищу . . . . . .

1) Отъезд в Москву состоится 10 марта с. г., в воскресенье, ровно в 10 часов вечера, с Цветочной площадки.

2) Цветочная площадка помещается за Московскими воротами (Московская застава). Через один квартал за воротами надо свернуть по Заставской улице налево и доехать до забора, ограждающего полотно, повернуть направо. Здесь близко от поворота находится платформа Цветочная площадка, у которой стоит поезд.

3) Грузить багаж начнут с 10 часов утра. Для перевозки багажа, если нет своих перевозочных средств, надо звонить по телефону 1-19, чтобы вызвать грузовой автомобиль.

4) К отходу поезда стараться по возможности доставиться на вокзал своими средствами, в крайнем случае заблаговременно по телефону 1-19 просить выслать легковой автомобиль.

5) Вещи должны быть к приезду грузового автомобиля совершенно упакованы, завязаны, чтобы ни минуты не задерживать автомобиль, на каждой вещи должна быть сделана надпись фамилии владельца, так как квитанция на багаж выдаваться не будет.

6) Поезд отойдет ровно в 10 часов вечера, почему прошу приезжать на вокзал заблаговременно, — не опаздывать.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
Влад. Бонч-Бруевич.

Первоначально предполагалось, что комендантом поезда поедет Павел Мальков — комендант Смольного. Ему были даны указания, каким будет состав охраны поезда и когда он должен прибыть на Цветочную.

Мальков стал готовиться к отъезду. Но не прошло и часа, как коменданта Смольного вызвал к себе Урицкий.

С отъездом ЦК партии и Совнаркома управление Петроградом возлагалось на Совет Комиссаров Петро-

градской Трудовой Коммуны. Охрана общественного порядка — на комиссариат внутренних дел Петрокоммуны и на петроградскую Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией (ее формирование началось 8 марта, Всероссийская ЧК уехала в Москву 9 марта). Урицкому, оставшемуся в Петрограде, было поручено возглавить работу по организации новой системы охраны города.

Мальков застал Урицкого в тот момент, когда тот, встревоженный, читал какую-то бумагу.

— Получены сведения, что в двух стрелковых полках гарнизона затевается скверная история, — сказал Урицкий. — Пробрались туда корниловские офицеры, кое-кого обработали... Необходимо немедленно принять меры.

И Мальков был временно оставлен в Петрограде, чтобы участвовать в ликвидации «скверной истории», чтобы помочь наладить охрану Смольного.

27

В ночь на 10 марта, последнюю ночь пребывания В. И. Ленина в Смольном, командир латышских стрелков Берзинь не спал ни минуты. Рослый, большеногий, в длинной офицерской шинели и высокой папахе, с маузером в деревянной кобуре на ремешке, перекинутом через плечо, он вышагивал от караульного к караульному, напоминал: «Глядите, товарищи, в оба! За Невой в двух полках что-то затевается... Может, этой ночью контра решила прощупать нас. Мол, сидим на чемоданах, и взять нас пустяковое дело...»

Допоздна светились огни на третьем этаже в кабинете Ленина. Потом огонек зажегся в знакомых окнах ленинского жилья на втором этаже. И в эту ночь, перед отъездом, Ленин работал как обычно.

Берзинь вышел за ограду Смольного. Ночь над Лафонской площадью была тихая, мглистая. И ветер уже не такой, как в феврале, а мартовский подобревший бродяга, вестник уже приближающейся весны... И вдруг небо вдали посветлело, облака снизу порозовели, занялось огромное зарево. Берзинь забеспокоился. Пожар? Где? Заторопился в Смольный. Оттуда ста-

ли звонить в районные совдепы. «Где пожар? Что горит?» Оказалось — на Обводном канале горели дома и склады... Кому-то понадобилось и это в ту ночь!

И снова Берзинь пошел к часовым. От поста к посту: «Глядите, товарищи, в оба!»

Утром Павел Мальков получил предписание:

КОМЕНДАНТУ СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Объявляю Вам и предлагаю немедленно объявить всем караулам, что сегодня, 10 марта, к 3 часам дня к Смольному институту придут наши броневики, почему предписывается не принимать эти броневики за белогвардейские и германские и не производить по ним стрельбы.

Секретарь Комитета революционной обороны Петрограда
С. Гусев.

С первых дней революции броневики на улицах Петрограда были совсем не редкостью. Нетрудно представить, какая обстановка была в Петрограде утром 10 марта, если о подходе броневиков к Смольному понадобилось особо предупреждать коменданта!

В предписании С. Гусева нет прямых указаний, для чего шли броневики. Но вспомним, что в это самое время в двух стрелковых полках было опасное брожение, что в самом Смольном в эти часы происходила «смена власти» и смена охраны, что вражеские лазутчики рыскали по Петрограду, выведывая, откуда и когда поедет Ленин. Вспомним: было точно известно, что правые эсеры готовят взрыв поезда предсовнаркома... Поэтому и принимались дополнительные меры к охране Ленина, Смольного.

10 марта на вокзалах продолжались налеты демобилизованных. Двести вооруженных бойцов с четырьмя пулеметами были вызваны в помощь красногвардейцам Николаевского вокзала — «для разоружения трехсот матросов»; сто бойцов при шести пулеметах были вызваны на Варшавский.

Вечером 10 марта с Николаевского вокзала на Москву ушел эшелон демобилизованных. Почти все они оказались с оружием. Эшелон «выталкивали» в спешке. Мало кто заметил, что с тем эшелоном уехал высоченного роста блондин — не то матрос, не то солдат, — с залихватски подкрученными усами, в перешитой

шинели с красными кантами на воротнике и обшлагах, в шевровых штиблетах с коричневыми крагами-бутылками, с золотыми кольцами почти на всех пальцах, с наганом-самовзводом, спрятанным в кармане.

Утром 10 марта правительственные «Известия» вышли с объявлением на первой странице:

Вследствие многочисленных обращений настоящим объявляется, что Совет Народных Комиссаров предполагает выехать в Москву в понедельник, 11 марта, вечером.

Только те немногие, которые в запечатанных конвертах получили секретные пропуска на поезд с Цветочной, знали, почему газета напечатала неправду: она предназначалась для тех, кто рыскал по Петрограду в поисках поезда Ленина.

А к Цветочной тем временем подъезжали автомобили с багажом. Шоферы были подобраны надежные, и они исполняли приказ в точности — прежде чем ехать к Цветочной, колесили по всему городу. А в районе разгрузки комиссары Семьдесят пятой всем любопытствующим отвечали: «На фронт под Псков уезжают доктора, вот и грузят их имущество».

В те же часы исполнялись и другие пункты плана Бонч-Бруевича. Из Смольного к Цветочной прибывали латышские стрелки и незаметно, без формальностей, сменяли караул петропавловцев, поставленный ранее. Всем этим с утра 10-го командовал Михаил Цыганков.

Два свидетельства очевидцев.

Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича:

«Погрузка багажа... окончилась к 6 часам вечера. Когда совершенно смерклось, мы стали подвозить народных комиссаров и их семьи, а также и тех, кто должен был ехать по особому списку...

Автомобиль за автомобилем подкатывали к стоящему в темноте поезду. Здесь приехавших встречали товарищи из Семьдесят пятой комнаты и немедленно рассаживали их по уже намеченным местам.

Часам к семи мною был отправлен отборный смольнинский отряд наших товарищей-латышей с пулемета-

ми, которые, погрузившись в несколько минут, заняли посты и приняли охрану поезда.

В 8 часов вечера прибыла бригада железнодорожных рабочих и самым тщательным образом осмотрела весь поезд во всех отношениях. Невидимая рука нашего комиссара, товарища-коммуниста, фамилию которого я, к сожалению, запамятовал, действовала всюду, действовала верно и четко.

В 8 часов 30 минут товарищи из Семьдесят пятой комнаты Смольного вместе с некоторыми железнодорожными рабочими осмотрели путь от Цветочной площадки до главных путей Николаевской железной дороги...»

Павла Осиповича Осипова:

«В самом городе было уже очень тревожное настроение... Для того чтобы помешать переезду [Ленина], была произведена попытка взорвать железнодорожный Американский мост, но нашей охраной были своевременно обнаружены на мосту взрывчатые вещества...»

Нет точных указаний на то, что этот динамит был приготовлен террористом Тисленко. Но точно известно, что Американский мост мог взлететь на воздух, если бы не бдительность людей из отрядов, которыми командовал Николай Калюкин.

(В 1922 году, когда на судебном процессе партии правых эсеров были восстановлены все подробности февральско-мартовского заговора 1918 года, в показаниях обвиняемых и в выводах государственного обвинения отмечалось, что покушение не удалось «по не зависящим от воли обвиняемых обстоятельствам», потому что у заговорщиков не оказалось достаточно «технических средств» и потому что «поезд Совнаркома вышел ранее назначенного срока» — не 11 марта, как было объявлено в «Известиях».)

28

В 9 часов 30 минут вечера черный лимузин миновал ворота Смольного и, разбрасывая снежную пыль, врезался в темноту Лафонской площади. Смольный, оставшийся позади, был залит огнями. Они светились во всех окнах, на всех этажах, даже там, где обычно

в эту пору огней уже не бывало. Люди, выехавшие из Смольного, словно сговорившись, оглянулись. Сквозь стекла автомобиля еще долго виделись уходящие огни. Потом огни скрылись, и осталось только оранжевое зарево.

Сторонний наблюдатель, приблизившись сейчас к Смольному и встретив столько огней в окнах, наверняка заключил бы, что там, за окнами, идет обычная жизнь. И понятно — сказано же в газетах: Совнарком уезжает завтра. Но, пожалуй, именно для таких «сторонних» и было зажжено сейчас столько электрических ламп.

В автомобиле ехали В. И. Ленин, Н. К. Крупская, М. И. Ульянова, В. Д. Бонч-Бруевич.

С разной мерой ноши, возложенной на них историей, вошли они четыре с половиной месяца назад в Смольный. Разная мера ответственности лежала на их плечах. Но для всех месяцы, прожитые в Смольном, были неповторимо и безмерно значительными: страна за эти месяцы открыла новый счет времени.

Автомобиль уже бежал по безлюдной Шпалерной, до края наполненной синей мглой ночи.

«— Заканчивается петроградский период деятельности нашей центральной власти. Что-то скажет нам московский? — тихо произнес Владимир Ильич...

Все молчали. Чувствовалось общее понимание важности момента. Столица государства, через двести лет, вновь переносилась в Москву».

Так запомнился этот разговор Бонч-Бруевичу.

Владимир Ильич спросил, все ли удалось подготовить, как было намечено. Все... На Николаевском вокзале заканчивается погрузка двух поездов. Внешним видом они ничем не отличаются от того, который пойдет с Цветочной. «Так лучше, безопасней», — пояснил Бонч-Бруевич.

На Литейном проспекте тоже не было огней и ни единого звука. Только гудел мотор лимузина и светились длинные яркие снопы, вырывающиеся из зеркальных глазниц машины.

Ленин откинулся на спинку сиденья и теплыми пальцами коснулся век. Спутники тихо переговаривались. Владимир Ильич над чем-то задумался... Он отвечал, когда его спрашивали, иногда включался в разговор, но видно было — его занимает что-то другое.

(Несколько часов спустя, то, о чем думал Ильич, легло из-под его пера на бумагу.)

Черный лимузин пересек Невский, проехал по Загородному проспекту, повернул на Забалканский, миновал арку Московских триумфальных ворот и вылетел на заснеженное Московское шоссе.

Вот и Заставская улица. Поворот налево. Фары погасли. Стало совсем темно... Сейчас должны появиться товарищи из Семьдесят пятой — встретить, показать дорогу, охранять... Так и есть! Вот они появились одновременно с обеих сторон дороги, перекрыли ее, подняв высоко над головами винтовки. Машина остановилась. Комиссары вскочили на подножки, осветили электрическими фонариками лица пассажиров, узнали Владимира Ильича и велели шоферу ехать дальше.

У забора повернули направо. Впереди показалось железнодорожное полотно.

Машина остановилась. Из темноты вырос Михаил Цыганков, исполнявший обязанности коменданта поезда. Он был в ладно пригнанной шинели, в наплечных ремнях и выглядел сейчас особенно молодцевато.

— Все готово, — доложил Цыганков.

Из машины вышел Бонч-Бруевич, потом Владимир Ильич; оба помогли женщинам, и все направились к платформе. Впереди, освещая путь фонариками, шли Михаил Цыганков и его товарищи по Семьдесят пятой.

(В воспоминаниях Бонч-Бруевича нет указаний на то, что автомобиль Ленина кем-либо сопровождался по пути из Смольного к Цветочной площадке. Но, учитывая тогдашнюю обстановку в Петрограде, представляется сомнительным, чтобы Ленину было разрешено без охраны отправиться в такой путь. Можно предположить, что броневики, вызванные к Смольному утром, вечером курсировали по маршруту следования машин наркомов и Ленина к Цветочной.)

...Перед площадками, при входе в вагоны, стояли проводники в синей суконной форме. В руках проводников были керосиновые фонари с зелеными, красными и желтыми стеклами. Внутри вагонов кое-где мигали свечи. То же — в салон-вагоне, отведенном для Владимира Ильича.

Бонч-Бруевич, прибыв на Цветочную площадку, принял рапорт командира латышских стрелков Берзиня. Тот тоже доложил, что у него все готово. На тендере паровоза поставлен караул с пулеметами. В тамбурах вагонов — стрелки и пулеметчики. В последнем вагоне — резерв.

А как дела у железнодорожников? Исполком Николаевской дороги поручил Николаю Матвеевичу Саарману, старому большевику, руководить поездной бригадой и сопровождать поезд В. И. Ленина до Москвы. Николай Саарман сообщил, что паровоз стоит под парами, вся поездная прислуга на месте. Можно ехать. Бонч-Бруевич все же счел нужным самому пройти по составу. Отправился в сопровождении Цыганкова и Саармана. Убедился — все сделано, как предписывалось.

— Узнайте, пожалуйста, что слышно на Николаевском.

Николай Саарман зашел в будку железнодорожного поста, позвонил на вокзал. Оттуда ответили: первый поезд отошел в 21.45.

— Мы должны пойти вслед, — сказал Бонч-Бруевич. — За нами отправится второй с Николаевского.

Поезд Ленина значился у железнодорожников под номером 4001.

Ровно в 22.00 Николай Саарман вновь позвонил на вокзал.

— Я сорок ноль один. Запрашиваю отправление...

Получив ответ, Саарман побежал к паровозу, поднялся к машинисту, и поезд без гудка, без огней плавно отошел от платформы.

29

— Что ж, так и будем сидеть во тьме? — спросил Владимир Ильич, когда в вагон вошел Бонч-Бруевич.

— Нам бы только выйти на главные пути... А вообще-то у нас электричество есть, — ответил Бонч-Бруевич и тут же зажег лампочку на столике, за которым сидел Ленин.

— Вот это хорошо! — воскликнул Владимир Ильич. — Можно будет почитать.

Бонч-Бруевич задернул занавеси на окнах.

Когда поезд вышел на главные пути, у Владимира Ильича, вспоминал Бонч-Бруевич, собрались товарищи и все принялись пить чай. «Весело шла наша беседа, — продолжал Бонч-Бруевич, — Владимир Ильич шутил, смеялся и, видимо, был доволен строгой, чисто военной организацией, дисциплиной латышского отряда, начальник которого как из-под земли вырастал после каждой станции с рапортом, что поезд прошел такую-то станцию и что на станции и в поезде все благополучно. Караулы сменялись, как полагается, через каждые два часа. Все делалось отчетливо, по-военному.

Владимир Ильич утомился и решил идти спать в отдельное купе, ему приготовленное».

Спать?..

То, о чем Ленин думал еще в автомобиле, когда машина бежала навстречу ночи и ее тревожному безмолвию, то, что пришло тогда на память, легло сейчас в правом верхнем углу небольшого листка бумаги:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная,
Матушка-Русь!

Ленин, почти не останавливаясь, стал писать дальше. Вероятно, он уже все продумал, и рука шла размашисто. Ленин писал, склонившись над маленьким столиком, освещаемым лампочкой под абажуром. Стучали колеса, за окном свистел ветер, иногда слышались гудки паровоза.

Мысль Ленина была о России, ее минувшем, настоящем, будущем. Не той России, которую лицемерно хоронили наемные плакальщики. О России борющейся, творящей, совершавшей в те дни один из самых великих, самых трудных поворотов истории — «от войны к миру»; «из бездны страданий, мучений, голода, одичания к светлому будущему коммунистического общества, всеобщего благосостояния и прочного мира»... Ленин писал о всемирно-освободительном значении подвига революционной России. В несколько дней она разрушила одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. В несколько недель она свергла буржуазию. Большевизм в

несколько месяцев прошел победным триумфальным шествием из конца в конец громадной страны и начал широко задуманную систему социалистических преобразований. Новая Россия пробудила веру в свои силы и зажгла огонь энтузиазма в сердцах миллионов рабочих всех континентов, бросила вызов империалистическим хищникам всех стран; подняла знамя мира и социализма над всей планетой. Ленин писал о сложностях обстановки тех дней и употреблял самые беспощадные эпитеты, чтобы охарактеризовать тяжесть Брестского мира, но показывал не только неизбежность и вынужденность уступок, но и ту перспективу, которая открывалась для страны, вырывающейся из пучины войны.

В ночной тиши вагонного купе Ленин вновь спорил с теми, у кого на крутых поворотах истории «кружилась голова», кем «овладевало отчаяние», кто искал спасения... «под сенью красивой увлекательной фразы...». Он призывал беречься от самообманов, необоснованных восторгов, не хорохориться и вместе с тем не предаваться унынию, расслабляющей тоске; он звал к борьбе, к труду, к творчеству. Он указывал на то прекрасное и великое, что есть в уже пройденном, уже созданном, и развертывал картину будущего. Он говорил: страна наша гигантски богата — и природными богатствами и запасами человеческих сил; великий размах дала народному творчеству великая революция! У Российской Советской Социалистической Республики есть все для того, чтобы наша великая Русь навсегда перестала быть убогой и бессильной, чтобы она бесповоротно стала и могучей и обильной! И Русь станет такой!..

Страна еще лежала в руинах войны, разруха проникла во все поры хозяйственного организма, старое с треском и шумом надламывалось, рушилось; новое нарождалось в муках; Россия еще только вступала на дорогу мира — да и он еще был непрочным, — а Ленин уже видел, верил: новая Россия будет действительно могучей и обильной.

Но тогда же он говорил — это не придет само. Нужно отбросить всякую фразу и, стиснув зубы, собрав все свои силы, напрягая каждый нерв и каждый мускул, «собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать не по-

кладая рук над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил...». Только тогда придет и могущество и обилие!

Поезд мчался все вперед, разрывая светом прожекторов синюю мглу, разрывая тишину грохотом колес. Во всех вагонах уже давно спали — наркомы, курьеры, секретари, машинистки... Бодрствовали только часовые на паровозном тендере — на леденящем, прожигающем насквозь ветру — и часовые в тамбурах вагонов. И работал Ленин. Один в ночной тиши...

Статья, которую Владимир Ильич Ленин написал по дороге в Москву, называлась «Главная задача наших дней». Это одно из самых поэтических созданий Ленина-публициста. Оно писалось одним дыханием. Разом схваченное в самых крайних точках предмета, оно потребовало концентрированной оценки — и не только умом государственного деятеля, но и сердцем поэта. Может, именно поэтому Ленину пришли на память некрасовские строки, так отвечавшие настроенности Ильича, духу и биению пульса жизни, тому, что виделось в последние недели в Питере и вокруг.

Под статьей Ленин поставил дату: «11 марта 1918 года». Он закончил ее писать, видимо, утром. Ленин подводил итог «питерскому периоду» деятельности Советской власти, в муках и подвигах завоевавшей мир, на пороге «московского периода», когда, став на дорогу мира, Советская Россия отправлялась в новый гигантский поход.

30

А ночь продолжалась.

На одной из станций Бонч-Бруевич получил секретную депешу о том, что после отправки первого поезда с Николаевского вокзала там с товарных путей проскочил эшелон теплушек, весь заполненный вооруженными матросами, он идет впереди «4001-го», и в том эшелоне неспокойно. К тому же он поотстал и задерживает правительственные поезда. Бонч-Бруевич приказал задержать эшелон, поставив его на запасные

пути ближайшей станции, а совнаркомовские пропустить вперед.

К утру «4001-й», окутанный паром, подошел к Малой Вишере...

Эшелон с демобилизованными уже более получаса стоял на запасных путях. Над теплушками клубились дымки от «буржуек», валил пар из полуоткрытых дверей. Перед эшелоном стояли люди — кто в матросских бушлатах, шинелях, кто в узких венгерках, перехваченных у талии ремнями, а кто в пальто с бархатными воротниками. Почти у каждого на поясе — по нескольку ручных гранат, за плечами винтовки и карабины. Большая группа вооруженных стояла на перроне, возбужденно толкуя о том, почему задерживают поезд.

Еще раньше, как только матросы узнали, что их ставят на запасные пути, человек десять—двенадцать с предводителем — высоченного роста блондином в перешитой шинели и шевровых штиблетах с кожаными крагами — ворвались к дежурному по станции и подняли шум: «Всех перестреляем, если подадите паровозы для комиссарских поездов».

Комиссар станции Малая Вишера Василий Васильевич Яковлев уже около четырех часов утра был извещен, что «матросы угрожают задержать правительственные поезда и учинить расправу». Яковлев успел вызвать из депо вооруженных рабочих (там был небольшой отряд Красной гвардии), снять с постов и собрать на вокзал дежуривших по линии милиционеров, приказал вооружиться рабочим при багажной кассе. Начальнику станции сказал: дать телеграмму коменданту поезда «4001», чтобы тот знал об опасности. Сам незаметно в тени вагонов пошел вдоль эшелона...

Яковлев был человеком опытным. Солдат-фронтовик, в дни Октября вызванный в Смольный, он прошел там комиссарскую школу. Из Смольного его послали на железную дорогу — укреплять революцию. Впоследствии Яковлев во всех подробностях рассказал обо всем, что случилось в то памятное утро.

Матросы, стоявшие у теплушек, заметили его, но кто он, не знали. Строго допросили:

— А тебе чего здесь надо?

— Осматриваю буксы, не видишь?! — И двинулся дальше, делая вид, что щупает буксы — не перегрелись ли? Но слух его был обострен. Яковлев, прежде чем действовать, решил в точности узнать, что делается.

Голоса в теплушках:

— Надо посмотреть, кто там едет. Мы их прощупаем.

— Мы первые приехали, нам первым и паровоз!

— Наверняка везут коньяк и спирт...

— Тут главное гранатой действовать...

— Золотишко тоже, наверное, везут...

— Золотишко, коньяк... Дальше носа не видишь! Россию продали — вот в чем суть!

Гам, ругань, толчея...

Многие признаки указывали на то, что среди эшелонных — народ разношерстный. Одни спешат домой, другие — мародеры, у третьих, которые верховодят, — обдуманный план. Не исключено, что в этот вооруженный муравейник затесались (из-за нарушенного механизма «фильтровки») белогвардейские и эсеровские боевики-террористы, посланные заговорщиками из Петрограда. Да и вообще непонятно, почему отправили эшелон между совнаркомовскими поездами. Яковлев не знал всех подробностей питерской обстановки, но чутьем угадывал — беда. Возвращаясь к вокзалу, он подсчитывал, какими силами располагает — два-три десятка вооруженных людей! — и решал, как действовать... С эшелонными самим не справиться. Значит, надо всячески тянуть до подхода «4001-го», а там — латышские стрелки.

К моменту подхода ленинского поезда на платформе собралось еще больше матросов и солдат. Другие толпились на вокзале. Как только «4001-й» прошел входные стрелки, предводитель эшелонных махнул рукой и крикнул:

— Шли!

Это был, очевидно, сигнал. Матросы и солдаты, стоявшие на платформе, мигом разделились на две группы, человек по сорок, и стали в начале и в конце перрона. С приближением поезда принялись вставлять запалы в ручные гранаты. Другие побежали к товарному эшелону, чтобы вызвать подкрепление.

Вооруженные железнодорожники, вызванные Яковлевым, сосредоточились у вокзала. Яковлев приказал

им оставаться на месте. Сам побежал к поезду, который уже тормозил:

— Срочно позовите коменданта...

Солдат из латышских стрелков юркнул в глубину вагона. Тотчас появился Бонч-Бруевич. Предупрежденный телеграммой, он давно уже не спал. Рядом выросли Берзинь и Цыганков.

Яковлев доложил о случившемся. В ответ он услышал слова Бонч-Бруевича, которые хорошо запомнились:

— Нам можно тридцать раз умереть, а Совет Народных Комиссаров обязаны защитить!

Яковлев, все еще возбужденный, спросил, не вызвать ли из вагона товарища Ленина — может, он успокоит матросов. Бонч-Бруевич ответил, что Владимир Ильич только что уснул. «Будить не буду. Сами пойдем, попробуем...»

Между тем в голове поезда затрещали пулеметы. Это — с тендера. Видимо, эшелонные пытались захватить паровоз. Берзинь выхватил из кобуры маузер и дважды выстрелил вверх. Тотчас отозвались пулеметы с крыш совнаркомовского поезда — пулеметные очереди и красноватые вспышки возникли в середине и в хвосте состава. Но и отсюда стрельба велась тоже вверх, только для острастки.

(Латышские стрелки, охранявшие поезд, были подняты по тревоге еще на подходе к Малой Вишере. Тогда же они втащили пулеметы на крыши вагонов.)

План действий созрел мгновенно. Одна группа стрелков с двумя пулеметами побежала к вокзалу на помощь железнодорожникам; другая с несколькими пулеметами высадилась на перрон и с ходу стала очищать его от матросов, явно растерявшихся под пулеметным огнем и при виде латышских стрелков, рассыпавшихся по платформе. Никто из них, видимо, не ожидал столь решительных действий. Они стали разбегаться: кто падая в сугробы, кто к своему эшелону.

Между тем обнаружилось: другие матросы пытаются прорваться в вагоны совнаркомовского поезда, действуя с тыловой стороны, — лезут на ступеньки площадок; караульные отбиваются прикладами.

Бонч-Бруевич, Берзинь и Цыганков перешли на

другую сторону поезда. Туда же направили главные силы латышских стрелков с пулеметами. В несколько минут все ступеньки вагонов были очищены. Теперь оставалось последнее — разоружить эшелонных. Берзинь двинул своих стрелков к товарному поезду. Метрах в ста от него расположил отряд цепью, на снегу...

Эшелонные с тревогой выглядывали из дверей теплушек, ожидая, что будет; другие стали прятаться под вагонами, третьи небольшими группками выстроились на путях, перед поездом... Блондина-вожака здесь уже не было; очевидно, понял, что дело проиграно.

— Сдать всем оружие! — стоя во весь рост, громко, чтобы все слышали, сказал Бонч-Бруевич. — Не сдадите добровольно, прикажу стрелять!

Двери ближайших вагонов мгновенно закрылись. В других вагонах началось движение, потом оттуда показались стволы винтовок и карабинов. Матросы застыли на путях.

Бонч-Бруевич, однако, команды стрелять не подал. Да это и не входило в его намерения.

— Вы должны меня знать, — сказал он. — Я Бонч-Бруевич... Сзади за нашим поездом следует полк латышских стрелков и два эскадрона кавалерии. Если оружие не сдадите, все вы будете арестованы и преданы суду Революционного трибунала.

И полк и эскадрон были придуманы. Но и эта угроза не подействовала. Тогда Бонч-Бруевич повернулся к Берзиню и сказал:

— Именем рабоче-крестьянского правительства приказываю разоружить анархистов!

О том, что произошло дальше, рассказывал в своих воспоминаниях латышский стрелок А. П. Жилинский.

...Берзинь выдвинулся вперед, по-военному скомандовал:

— По вагонам! Даю десять минут!

— Насилие! К чертовой матери... В гранаты их, братва!

Берзинь сохранил спокойствие. Он вынул из шинели часы, посмотрел, крикнул:

— Осталось шесть минут. Граждане, поторапливайтесь!

Оттуда вновь:

— Не дрейфь, не посмеют латыши колоть штыками.

— Осталось четыре минуты...

— Готовьсь! — скомандовал решительно Берзинь.

«Пулеметчики мгновенно прижались к земле, широко разбросав ноги, крепко стиснув рукоятки, медленно стали разворачивать тупые рыла пулеметов в сторону разрозненных групп вооруженных людей. Это решило все. Вооруженный сброд, словно завороженный, медленно передвигая отяжелевшие внезапно ноги, с яростными возгласами и руганью стал разбредаться, сопровождаемый со всех сторон насмешками латышских стрелков. Толпа все быстрее пятилась к своим вагонам. Когда пути были очищены, Берзинь подал новую команду: „Закрыть вагоны!"»

Михаил Цыганков, все время находившийся при Бонч-Бруевиче, бросился к теплушкам. Стучал рукоятью револьвера по вагонным дверям. Те открывались. Цыганков быстро влезал вовнутрь и оттуда рапортовал:

— Здесь все вооруженные...

Подходили стрелки и повторяли приказ: «Сдать оружие!» Перед вагонами вырастали груды винтовок, гранат, патронов. Их убирали железнодорожники и относили в последний вагон поезда.

Все матросы были разоружены. По их просьбе Бонч-Бруевич разрешил оставить на весь эшелон две винтовки и шесть патронов — по три на каждую винтовку.

31

Около восьми часов вечера «4001-й» пришел в Москву. Поезд приняли на первую платформу Николаевского (ныне Ленинградского) вокзала. В. И. Ленина и его спутников ожидали автомобили, присланные Московским Советом по условной телеграмме Бонч-Бруевича. Никакой официальной встречи не было, ибо никто не знал, когда придет поезд. Владимир Ильич прошел в вокзальный двор, сел в автомобиль и отправился в гостиницу «Националь». Ленин провел весь вечер в кругу московских товарищей, старых партий-

цев. Говорили о новой столице, о предстоящем съезде Советов, о неотложных делах правительства.

Тем временем Михаил Цыганков, исполняя распоряжение В. Д. Бонч-Бруевича, расставил у комнат Владимира Ильича караулы — своих товарищей по Семьдесят пятой. В тот же вечер в редакции «Известий» получили ленинскую статью «Главная задача наших дней». Статью немедленно сдали в набор. Утром следующего дня она появилась в газете.

Утро было солнечное, совсем непохожее на еще холодные утра, которые стояли в Петрограде... Таял снег. На Москве-реке всплывали льдины.

Владимир Ильич отправился осматривать город. Он давно не был в Москве, и он улавливал перемены, происшедшие с той поры.

Революция, пройдя через белокаменную Москву, оставила и здесь свои отметины: одно разворошила, другое начала создавать заново. Теперь ожидались еще более заметные перемены: на новое житье устраивались ведомства и наркоматы масштаба всероссийского. Москва становилась столицей Советского государства.

Около двенадцати часов дня Владимир Ильич в сопровождении Якова Михайловича Свердлова, Надежды Константиновны Крупской и Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича поехал в Кремль. У Троицких ворот стояли часовые из караула воинских частей, которые были расквартированы в Кремле после штурма его в дни октябрьских боев 1917 года.

Начальник караула остановил машину.

— Кто едет? — спросил он. (В то время портреты Ленина еще были мало распространены.)

— Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин, — громко сказал Бонч-Бруевич и показал пропуска.

Начальник караула сделал два шага назад, отдал честь. То же сделали часовые. Владимир Ильич приветливо улыбнулся, взял «под козырек».

Автомобиль въехал в Кремль. Там еще виднелись следы октябрьских боев — шрамы и выбоины на стенах и башнях. Во дворах по углам валялись развороченные повозки, фуры, брошенные пушки. Машина остановилась у здания, где когда-то помещалась

Судебная палата и Межевое присутствие. Владимир Ильич и его спутники вошли в подъезд...

...В этом здании разместились Совет Народных Комиссаров и ВЦИК. В тот же день сюда вошли комиссары Семьдесят пятой. Михаил Цыганков, назначенный комендантом резиденции правительства, принялся осматривать чердаки, подвалы, налаживать охрану.

Во второй половине дня Бонч-Бруевич направил записку народному комиссару почт и телеграфов Вадиму Николаевичу Подбельскому — немедленно распорядиться об установке в Кремле, в здании Совнаркома, телефонных и телеграфных аппаратов — «для переговоров с местными и иногородними станциями».

Тут же были вызваны связисты, которые начали прокладку линий.

В тот же день было передано по радио за границу и по телеграфу для совдепов Республики:

ПАРИЖ. ЛОНДОН. СОФИЯ. БЕРЛИН. НЬЮ-ЙОРК. ВЕНА. РИМ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ХРИСТИАНИЯ. СТОКГОЛЬМ. ГЕЛЬСИНГФОРС. КОПЕНГАГЕН. АМСТЕРДАМ. ЖЕНЕВА. ЦЮРИХ. ТОКИО. ПЕКИН. МАДРИД. ЛИССАБОН. БРЮССЕЛЬ. БЕЛГРАД. ВСЕМ СОВДЕПАМ. ВСЕМ. ВСЕМ. ВСЕМ.

Правительство Федеративиой Советской Республики — Совет Народных Комиссаров и высший оргаи власти в страие — Центральиый Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов прибыли в Москву.

Адрес для сиошеиий: «Москва, Кремль...»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мих. Сонкин
(Сонкин Моисей Евелевич)

«ВЫСТРЕЛ НА ФОНТАНКЕ»

Редактор Э. А. Ремизова
Художник В. Н. Шульга
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор З. М. Колесова
Корректор Э. Г. Поварская

Сдано в набор 3/VII 1972 г. Подписано к печати 21/XI 1972 г. М-52015. Формат 84×108[1]/[32] Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 22,99. Тираж 100 000 экз. Заказ № 812. Цена 87 коп.

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, Фонтанка, 57

1-40
90152
ЛЕНКНИГА
190029
8/75
40

МИХ. СОНКИН
ВЫСТРЕЛ НА ФОНТАНКЕ